

А. Бондаренко

ДЕНИС ДАВЫДОВ

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1589

(1389)

Александр Бондаренко

ДЕНИС ДАВЫДОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2012

УДК (47)“1812”
ББК 63.3(2)521.1-686
Б 81

ISBN 978-5-235-03539-3

© Бондаренко А. Ю., 2012
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2012

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА КНИГИ

*Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!*

Д. В. Давыдов. Песня

*Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде*, но
наскоком...*

Д. В. Давыдов. Ответ

В двух этих кратких эпиграфах в полной мере отражено жизненное кредо генерал-лейтенанта Дениса Васильевича Давыдова, вошедшего в отечественную историю и русскую литературу под именем «поэта-партизана».

«Большое видится на расстоянии», — справедливо сказал другой поэт**. Но только на расстоянии «большое» представляется уже неким единым целым, этаким лишенным деталей монолитом. Мы помним про Отечественную войну, но мало кто сейчас, на расстоянии двухсот лет, назовет имена хотя бы десятерых ее героев. Конечно, вспомнят светлейшего князя Кутузова-Смоленского, весьма популярного в свое время князя Багратиона, несколько менее уверенно назовут Барклай де Толли — то есть главнокомандующих действующими армиями. Возможно, но с гораздо меньшей вероятностью, припомнят генерала от артиллерии Ермолова, генералов от кавалерии Раевского и графа Платова и, может, еще двух-трех человек, также в высоких чинах... В общем — «вождей армии», которые пока еще остаются «видны» нам через толщу прошедших лет.

Однако многие вспомнят еще и Дениса Васильевича Давыдова, который не только не был военачальником, но даже генеральские эполеты получил лишь в 1814 году, пройдя почти всю Отечественную войну в чине гусарского подполковника. Для тех же, кто о Давыдове не знает, поясним: «Его благословил великий Суворов; благословение это ринуло его в боевые

* П и н д — горный хребет в Греции, обитель муз.

** Сергей Есенин. Письмо к женщине.

случайности на полное тридцатилетие; но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности»¹.

Так писал о себе Денис Васильевич Давыдов, один из самых блистательных людей самого блистательного и романтического периода нашей отечественной истории — один из ярких символов той эпохи, что была названа Александром Сергеевичем Пушкиным временем «славы и восторга».

Впрочем, двухсотлетнее расстояние не только «стирает» из памяти личности и события, но и искажает наше понимание прошлого... Недавно я бродил по Военной галерее Зимнего дворца, раскланиваясь с молчаливыми своими знакомцами, и надо же было случиться, что в тот момент, когда я стоял рядом с Денисом Васильевичем, изображенным художником Джорджем Доу, удивляясь случайному сочетанию размещенных здесь один под другим портретов: легендарный гусар Яков Петрович Кульнев — друг Дениса, Федор Петрович Уваров — шеф Кавалергардского полка, где Денис начинал службу, сам Давыдов и, наконец, князь Петр Иванович Багратион — его любимый командир и кумир, сюда подошла экскурсовод, ведущая группу ребятишек, чуть ли не первоклашек.

— А вот Денис Давыдов — знаменитый партизан! Как видите, здесь представлены все слои общества, — уверенно изрекла молодая дама и принялась рассказывать о народной войне и крестьянских партизанских отрядах.

Очевидно, экскурсовод сама не понимала, что она говорит — а ведь ее слушали дети, и что-то непременно оставалось у них в головах и сердцах от посещения этого самого прекрасного музея в мире! Неужели сегодня, когда кажется, что нашему изучению истории не мешают ни симпатии и антипатии государей к отдельным личностям, ни вульгарная идеология, ни пресловутый «классовый подход», мы сведем все свое прошлое к неким схемам, идеально подходящим к прокрустову ложу Единого государственного экзамена? И тогда от блистательного генерала Дениса Давыдова — самозабвенного патриота, лихого и отважного гусара-рубаки, прекрасного поэта, глубокого военного теоретика, увлекательного мемуариста, друга Пушкина, князя Вяземского и графа Федора Толстого, арзамасского «Армянина» — останется одна лишь лубочная картинка бородатого мужичка в армяке, с образом Николая Чудотворца на груди. В позапрошлом веке такие лубки украшали избы многих наших безграмотных соотечественников, никог-

да не слыжавших, а если бы и услыжавших, то не имевших возможности понять дивные давыдовские строки:

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай! —

однако любивших Дениса Давыдова, как истинного народного героя, толком ничего о нем не зная. Кажется, подобное восприятие прошлого возвращается к нам сегодня...

Впрочем, не будем столь уж строги к своему времени — в нашей стране все циклично и повторяется с завидным (или пугающим) постоянством, ибо в качестве своеобразного нашего девиза давно уже взяты слова из известного гимна: «...мы разрушим до основанья, а затем...» А зачем?!

Вот что писалось в предисловии к изданной в 1933 году книге «Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений» (оставляем правописание подлинника): «Легенда об отечественной войне, как войне национально-освободительной, давно уже разоблачена марксистско-ленинской исторической наукой. Давно потускнел романтический ореол, прикрывающий “полководцев”, занесенных в “анналы” русских военных побед 1812 года... На полях сражения 1812 года русская армия еще раз показала всю свою слабость и отсталость. Не было в истории войны сражения, в котором дело обошлось бы без непростительных промахов командования...»²

Если бы я не знал наверняка, так решил бы, что Отечественную войну Россия с треском проиграла передовой Великой армии Наполеона!

Не удивительно, что книгу эту — кстати, очень хорошо составленную из стихов и прозы Давыдова, а также стихов, ему посвященных, — предваряет портрет, сопровождаемый такими проникновенными словами:

«Красавец гусар, огромного роста, в нарядном ментике, отороченном мехом, с пуговицами в несколько рядов, с шнурами и петлицами, — изображен на одной из картин Кипренского»³. Петлиц там, правда, нет; в гусары людей «огромного роста» не брали — Впрочем, даже судя по соотношению роста и картинно выставленной вперед сабли образца 1798—1802 годов, на которую гусар опирается левой рукой, рост его совсем не так велик... Но только изображен на портрете лейб-гусар Евграф Владимирович Давыдов, двоюродный брат Дениса Васильевича, а не он сам, как утверждает автор предисловия.

К сожалению, «разрушенное до основанья» восстанавливать совсем непросто. Когда в канун начала Великой Отечест-

венной войны в Советском Союзе вспомнили про русский патриотизм, заговорив о «великих предках», разговор поначалу получался достаточно бестолковый. Вот строки из книги «Денис Давыдов партизан 1812 г.», изданной в 1942 году: «Поступив в кавалергарды, Давыдов описывал в своих стихотворениях удалую гусарскую жизнь и написал ряд сатир и эпиграмм. Некоторые из них носили оппозиционный политический характер... Во время пребывания в Звенигородке Давыдов продолжал писать стихотворения, посвященные полковой жизни»⁴. Прочитав же о том, что «сношения отряда с крестьянами были тесными и постоянными...»⁵, — вообще закрываешь книжку.

Хоть и призвал товарищ Сталин на параде 7 ноября 1941 года: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков», — подобные писания не вдохновляют. А ведь явный интерес представлял тогда давыдовский опыт для наших советских партизан! «Летучие» отряды русской армии вполне сопоставимы с действовавшими за линией фронта оперативными группами НКВД.

Сегодня мы вновь возвращаемся к тому же — к «переосмыслению» и забвению отечественной истории. Достаточно посмотреть, какой «литературой» завалены книжные прилавки — мол, и то у нас было не так, и это не этак, и мы вообще перед всем миром виноваты, и перед всеми каяться должны... Хотя на самом деле все это — «политические игры», весьма далекие от подлинной исторической науки. Недаром же никто, кроме нас, россиян, подобным самоуничижением не занимается. Да и нам пора с этой практикой покончить, у нас для этого все возможности есть!

Автор адресует свою книгу читателю, что называется, подготовленному, знакомому как с отечественной историей, так и, конкретно, с биографией и творчеством Дениса Васильевича. Жизнь Давыдова описана достаточно подробно, во многих книгах, — в том числе в художественной литературе, так что ничего принципиально нового о нем уже не расскажешь, каких-то «утаенных» страниц биографии не раскроешь — все вроде бы как на ладони. Между тем некоторые моменты его жизнеописания необходимо осмыслить и прояснить — не только потому, что имя генерала окружено немалым количеством легенд и пристрастных суждений, но в большей степени по той причине, что он, как мы сказали, — один из символов прекрасной и безвозвратно ушедшей эпохи расцвета Российского государства и общества, расцвета отечественной культуры, то есть времени блистательных побед, небывалых свершений в различных областях человеческой жизни и огромных, но

несбывшихся надежд, нереализованных планов. Ключ к пониманию произошедшего скорее можно найти не в «казенных бумагах» и официальных отчетах, а в судьбах и личных документах людей, определявших ту самую эпоху. Именно критическое осмысление и творческое использование опыта прошлого, а не механический перенос на нашу почву иноземной культуры и бездумно-упрямое насаждение чуждых традиций, обеспечат то самое духовное возрождение России, без которого немислимо дальнейшее самостоятельное и независимое существование нашего государства.

Поэтому серия «Жизнь замечательных людей» вновь обращается к судьбе и личности поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова. Он ведь не только писал в своих прекрасных стихах «За тебя на черта рад, наша матушка Россия» — как бы посылая в бой своего лирического героя, но и всей своей жизнью представил пример доблестного многолетнего служения Отечеству на поле брани.

«Повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика»⁶, — без ложной скромности писал о себе наш герой.

И еще, опять-таки совершенно справедливо, он заявил о себе так:

«Не шутя, хотя и непристойно о себе говорить, я принадлежу к числу самых поэтических лиц Русской армии не как поэт, но как воин; многие обстоятельства моей жизни дают мне на это полное право...»⁷

Так обратимся же к этим удивительным «обстоятельствам»!

Глава первая

«КРЕСТОМ СУВОРОВСКИЯ ДЛАНИ...» 1784—1801

*Славы звучной и прекрасной
Два венка ты заслужил!
Знать, Суворов не напрасно
Грудь твою перекрестил;
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати
Горд и радостен, и смел.*

Николай Языков.
Д. В. Давыдову

Лучше всего, с чем вряд ли кто поспорит, написал о себе сам Денис Васильевич, оставив нам приятную возможность всего лишь комментировать и при необходимости немного дополнять предложенный им текст. Рассказы его легки, ироничны, притом весьма подробны и содержательны:

«Денис Васильевич Давыдов родился в Москве 1784 года июля 16-го дня, в год смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Денисы обратили на себя внимание земляков своих Бог знает за какие услуги на словесном поприще!»¹

Как понимает уважаемый читатель, нам остается лишь напомнить о том, кто таков «Денис Дидерот», — и следовать далее.

Так вот, на самом деле «Дидерот» именовался *Diderot*, что по-русски принято читать как Дидро, и был знаменитым французским философом и просветителем... Из сказанного не следует делать скороспелых выводов, что отец Дениса — командир Полтавского легкоконного полка — был горячим поклонником энциклопедистов. Скорее всего, посреди своей суетной походно-бивачной жизни он про таковых вообще не слыхивал и не знал, что государыня Екатерина II не только переписывалась с Дени Дидро и купила его обширную библиотеку, но даже смогла убедить философа предпринять в 1773 году трудное по тем временам путешествие в Петербург.

Хотя при чем тут Дидерот, ежели отец Дениса Давыдова прозывался Василием Денисовичем? Ну да, с Дидро так сов-

пало, и наш герой приплел его в свою биографию для красного словца... Он вообще любил «приплетать» — по гусарскому обыкновению и собственному своему чувству юмора, весьма развитому. Раскройшь, к примеру, его стихотворение «Графу П. А. Строганову», имеющее поясняющий подзаголовок «За чекмень, подаренный им мне во время войны 1810 года в Турции», и придешь к однозначному выводу, что автор — прямой потомок легендарного монгольского завоевателя Чингисхана, то есть «чингизид», представитель высшей монголо-татарской аристократии:

Блаженной памяти мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник с аршинными усами,
На ухарском коне, как вихрь перед громами,
В блестящем панцире влетал во вражий стан
И мощно рассекал татарскую рукою
Все, что противилось могущему герою.
Почтенный прашур мой, такой же грубиян,
Как дедушка его, нахальный Чингисхан,
В чекмене легоньком, среди мечей разящих,
Ордами управлял в полях, войной гремящих.
Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю;
Как прашур мой Батый готов на бранну прю...²

Читаешь — аж дух захватывает! Похоже, что этот стих впоследствии вдохновил Пушкина на создание знаменитой «Моей родословной» — не менее легкого, но еще более озорного стихотворения, так как в нем аристократ Пушкин, рассказывая о судьбах своих предков, некогда действительно стоявших близ престола, откровенно издевался над новым «служилым» дворянством — государственными чиновниками, извечной российской заразой, скромно именуя себя «русский мещанин» и повторяя это в конце каждой строфы. Для создания «Моей родословной» у Александра Сергеевича были известные объективные причины, а все же пример, очевидно, давыдовский. Есть нечто созвучное!

Но если Пушкин все описал именно так, как оно было, то род Давыдовых по своему происхождению был все же менее знатным, нежели представил в стихах «свою родословную» наш лихой поэт.

Давыдов на самом деле «происходил из старого дворянского рода, который ведет свое начало от знатного мурзы Минчака, сына мурзы Косая, в первых годах XV века выехавшего из Большой Орды на службу к великому князю Василию Дмитриевичу и принявшего крещение с именем Симеона Косаевича. Сын Минчака, Давыд Семенов [сын] Минчаков, положил начало роду Давыдовых, которые долгое время именовались

Давыдовыми-Минчаковыми»³. Добавим к вящему удовлетворению самолюбия Дениса Васильевича, что мурза Минчак считается «за одного из сыновей первого касимовского царя Тангрикула Кайсыма... Род от него был в почете и ничем не разнится от других родов монгольского происхождения, хотя и не титулуясь князьями, как другие»⁴.

Вполне возможно, что русскими князьями предки Дениса не стали лишь по той прозаической причине, что мурза Минчак приехал на Русь зимой. Ведь, как остроумно объяснил императору Павлу Петровичу его генерал-адъютант Федор Васильевич Ростопчин, будущий московский главнокомандующий и официальный «виновник» пожара Москвы, «когда татарский вельможа в первый раз являлся ко двору, то ему зимой жаловали шубу, а летом — княжеское достоинство». Поэтому, со слов Ростопчина, и не стал князем его собственный предок, также «происхождения татарского». Государь удовлетворился таким объяснением и возвел «сумасшедшего Федьку», как называла Ростопчина Екатерина II, в графское достоинство. Но мы оставим графа Федора Васильевича в покое — до поры до времени.

Из сказанного можно понять, что своим древним и благородным татарским происхождением Денис Васильевич гордился, пусть и относясь к нему с некоторой долей иронии. Если бы такой иронии не было, то никогда и ни при каких обстоятельствах не написал бы один из ближайших друзей Давыдова генерал-майор Михаил Федорович Орлов в письме их общему другу князю Петру Андреевичу Вяземскому: «Денис наш женат и я его женатого уже видел и смеялся над ним. Что ему вздумалось расплодить свою татарскую рожу? Но он счастлив. Любит и любим. Чего же больше?»⁵

Это был 1819 год, и люди эти, бок о бок прошедшие Отечественную войну, были весьма шепетильны в понятиях чести, так что за спиной друга никто из них никогда бы не сказал того, чего не мог сказать ему в лицо, даже называя это лицо... — не будем повторять как, ибо такое могли позволить себе только друзья!

Но говоря теми же самыми орловскими словами, и Минчак-мурза, как стали звать его на Руси, постарался расплодить... В общем, в незапамятном XV веке от него пошли сразу четыре известные дворянские фамилии: Давыдовы, Уваровы, Оринкины и Злобины. Не станем отнимать хлеб у тех, кто займется историей этих родов, равно как и утомлять читателя обширной генеалогией всего «Давыдовского клана», ибо три внука Минчак-мурзы положили основу трем его линиям: соответственно, старшей, средней и младшей, а так как стар-

ший сын имел пятерых сыновей, а двое других — по четыре, то можно рассказывать и рассказывать... Мы же отправимся сразу в XVIII век и уточним, что представитель старшей ветви Денис Васильевич (еще не наш герой, а его дед), женатый на Анне Андреевне, происходившей из древнего дворянского рода Колычевых, стал отцом сыновей Дмитрия, Владимира, Льва, Василия и дочери Марии.

Из них полковник Дмитрий Денисович и ротмистр лейб-гвардии Конного полка Владимир Денисович остались бездетными.

Гусарский генерал-майор Лев Денисович женился на Екатерине Раевской, урожденной Самойловой, матери генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского, имел от нее сыновей Петра, Александра, Василия и дочь Софью.

Мария Денисовна была замужем за ротмистром Михаилом Ивановичем Каховским, а затем, овдовев, вышла за майора артиллерии Петра Алексеевича Ермолова; родившийся в 1777 году Алексей Петрович Ермолов, генерал от артиллерии и «протектор Кавказа», — ее сын от второго брака.

Вот таких родичей — Ермолов и Раевский, пожалуй, наиболее известные из генералов Отечественной войны — имел Денис Давыдов.

Его же отец, Василий Денисович, был женат на дочери воронежского и харьковского генерал-губернатора, генерал-поручика и сенатора Евдокима Алексеевича Щербинина, Елене Евдокимовне. У них было четверо детей: Денис, Евдоким, Лев и Александра. Василий Денисович, «владея значительными поместьями в Орловской и Московской губерниях, был одним из зажиточных людей своего времени»⁶.

Итак, Денис Давыдов родился в Москве 16 июля 1784 года. Можно сказать, что к тому времени Россия уже десять лет жила мирно и спокойно: в 1772 году была разделена Польша — итог завершения первой Польской войны; в 1774 году была закончена очередная Турецкая кампания и обретен выход к Черному морю; в том же году был схвачен Емельян Пугачев — самозванный «император Петр III Федорович», взбунтовавший Урал и Поволжье... Мелкие дела с Персией и начавшуюся в то время экспедицию в Грузию во внимание можно не брать.

В тот самый год рождения нашего героя генерал-поручик Суворов был отозван с Кубани и получил в командование Владимирскую дивизию; Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, проявивший недюжинные дипломатические способности на переговорах с крымским ханом, был произведен в генерал-майоры; князя Петра Ивановича Багратиона, служившего в Астраханском пехотном полку на Кавказской линии,

произвели в сержанты... В том же 1784 году из Королевской военной школы в Бриенне в более престижную Парижскую школу был переведен Наполеон Бонапарт — «невысокий молодой брюнет, печальный, хмурый, суровый, но при этом резонер и большой говорун»⁷.

Великому князю Александру Павловичу было только семь лет, сказать о нем вроде бы нечего...

Так что и рассказ о нашем герое мы начнем с более сознательного девятилетнего возраста будущего императора — это был 1793 год...

Полтавский легкоконный полк, которым в чине бригадира командовал Василий Денисович Давыдов, стоял вокруг села Грушевки, что в Полтавской губернии, в Малороссии.

Но что такое «легкоконный полк»? В наши времена, когда даже в подписях на стенде уважаемого музея могут перепутать кавалергарда и дворцового гренадера (сам видел!) — то есть «персонажей» XIX века, эту «реалию» XVIII столетия объяснить просто необходимо.

Как трактует сытинская Военная энциклопедия*, «легкоконные полки, род легкой конницы, существовавшей в нашей армии при Екатерине II и представлявшей переходную ступень от иррегулярных гусарских и казачьих полков, поселенных на южных границах России... к постоянному войску»⁸.

Первые легкоконные полки были сформированы в 1779 году по инициативе светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина. Не имея роскошного гусарского обмундирования, что делало их содержание менее обременительным для казны, они были вооружены по-гусарски и выполняли, в принципе, те же задачи, что и гусары. Как считается, полки эти «отличались своим прекрасным составом» и пользовались «особым расположением» Светлейшего.

К концу екатерининского царствования в Российской императорской армии было 11 легкоконных полков, которые император Павел сразу же преобразовал в гусарские или вообще расформировал, потому как абсолютно все связанное с царствованием его маменьки вызывало у него искреннее раздражение.

Но это будет потом, а пока «на маневрах под Полтавой в 1788 году полки эти были представлены на смотр Екатерине II, которая отозвалась, что лучше их ничего еще не видывала»⁹.

Очевидно, на том самом смотре Денис Давыдов и увидел

* В 1911—1915 годах петербургским издательством И. Д. Сытина было выпущено 18 томов Военной энциклопедии — из-за мировой войны издание остановилось на статье «Порт-Артур», — научное значение материалов которой актуально до настоящего времени.

«матушку Екатерину» — ничего более о встрече четырехлетнего Дениса с императрицей неизвестно, но сам этот факт зафиксирован: видел!

Переосмыслим избитое утверждение: история не «не терпит», а просто не имеет сослагательного наклонения, между тем как для человека, занимающегося этой наукой, оно самое интересное. Только рассматривая все возможные варианты развития событий, понимая, почему произошло именно то, что произошло, и что могло бы быть иначе, ты извлекаешь «уроки истории», всесторонне оцениваешь произошедшее... Хотя в данном случае у нас предположение скорее не историческое, а психологическое, и мы готовы биться об заклад, что если бы Давыдова ждала судьба Бонапарта, то все бы знали, что эту фразу: «лучше их ничего еще не видывала» — Екатерина II произнесла, держа на своих коленях маленького Дениса или глядя его по головке... А так как «российским Наполеоном» наш герой не стал, да и становиться не собирался, то факты, что в ранние свои детские годы он видел Екатерину Великую, фельдмаршалов светлейшего князя Потёмкина и графа Румянцева, канцлера графа Безбородко, так и остаются фактами. Да, видел — но, разумеется, не разговаривал и вряд ли их запомнил. Конечно, родители о том ему напоминали: мол, видел, гордись! Так что есть какая-то историческая связь, и некая ниточка из славного Екатерининского века к «дням Александровым» тянется и через судьбу Дениса Давыдова.

Зато была одна встреча — событие, нашим героем вполне уже осознанное, которое действительно осталось в истории: встреча с великим Суворовым, и она произошла именно тогда, когда Давыдову исполнилось девять лет. Можно утверждать, что к этому времени Денис был уже опытным военным человеком.

«С семилетнего возраста моего я жил под солдатскую палаткой, при отце моем, командовавшем тогда Полтавским легкоконным полком, — много лет спустя вспоминал Денис Васильевич; понятно, что по прошествии времени можно и подзабыть, что в роскошную Екатерининскую эпоху полковой командир вряд ли прозябал в простой солдатской палатке. — Забавы детства моего состояли в метании ружьем* и в маршировке, а верх блаженства — в езде на казачьей лошади... Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечастном зрелище солдат и лагеря? А *тип* всего военного, русского, родного военного, не был ли тогда Суворов?»¹⁰

В конце 1793-го генерал-аншефу графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому исполнилось 63 года. За его

* Отработка выполнения ружейных приемов.

спиной были Туртукай, Фокшаны, Рымник, Измаил, впереди, чего еще никто не знал, — Кобылка, Варшавская Прага, Треббия и Нови, Альпийский поход, княжеское достоинство с титулом светлости и чин генералиссимуса всех российских войск. Но уже тогда этот не ведавший поражений полководец был, по словам Давыдова, «предметом восхищений и благословений, заочно и лично, всех и каждого». Такая уж испокон веков в России, буквально не выходявшей из войн, сложилась традиция всенародной любви к защитникам Отечества. В русском обществе офицер пользовался гораздо большим уважением и симпатией, нежели чиновник. А это, между прочим, вызывало весьма отрицательные эмоции власть имущих, которые в первую очередь видели в популярных военачальниках не щит державы и ее опору, но своих конкурентов, тайных и опасных претендентов на престол! Подобная тенденция проходит буквально через всю российскую историю, начиная с тех самых времен, когда правители земли русской перестали быть ее первыми защитниками, самолично водившими рати на бранный подвиг..

Современников завораживала личность Суворова — большого оригинала, человека очень простого в обращении с младшими и не робеющего пред «сильными мира сего». На учениях, в походах и в сражениях Александр Васильевич в полной мере делил со своими войсками все трудности и опасности, подавая пример не только неустрашимости, но и неприхотливости, что резко контрастировало с нравами тогдашнего генералитета. Кстати, подобная простота нравов, воистину всеобщее равенство чинов и сословий утвердятся в Российской императорской армии в 1812 году, станут одной из особенностей Отечественной войны.

Поголовный восторг Суворовым имел также и свою «изнанку», являясь проявлением инакомыслия. К этому времени «золотой век Екатерины» фактически завершился, громкие победы оставались в прошлом, в государстве все разрывалось и приходило в запустение, при дворе, некогда украшаемом и поддерживаемом Орловыми и Потёмкиным, гнездились ничтожные Зубовы... Суворов был самой яркой среди немногих оставшихся звезд угасавшего царствования.

Из Европы до России докатывались отголоски очередных бурь... «На западе все шире развертывалась борьба монархий с юной Французской республикой. С неослабным вниманием следя за ходом военных действий, Суворов мечтал принять личное участие в борьбе с “безбожными французишками”, достоинства новой тактики которых он сумел понять и оценить.

В июне 1793 года, когда выяснилось, что предполагаемое

вступление России в коалицию против Франции не осуществится, Суворов подал императрице прошение об увольнении его волонтером к союзным войскам “по здешней тишине” на всю кампанию. Разрешения не последовало»¹¹.

Понятно, что такой демарш не остался незамеченным и не оцененным. Дерзкое фрондирование Суворова соответствовало общепринятому критическому взгляду на происходящее.

Еще 10 ноября 1792 года граф был назначен командующим войсками Екатеринославской губернии и Таврической области. Полтавский легкоконный полк, вместе со Стародубским и Черниговским карабинерными и Переяславским конно-егерским полками, входил в состав корпуса, им предводимого.

В тот самый памятный день — вернее, в те летние ночи — юный Давыдов действительно ночевал в палатке, тогда как полковой лагерь был разбит буквально в ста шагах от дома, где проживало семейство командира. Хотя дом этот и был выстроен на скорую руку, но предназначался он для Екатерины II, когда в 1787 году она ездила в Крым, так что был «высокий и обширный». Проснувшись посреди ночи от внезапного шума, Денис увидел, что лагерь уже снят и полтавцы* вытягиваются в конном строю. Как оказалось, приехавший из Херсона Суворов — прибыл он неожиданно, без свиты, в простой курьерской тележке — остановился в лагере одного из полков, верстах в десяти от Грушевки, куда и приказал собраться всему корпусу для проведения смотра и маневров.

Полк спешно убыл, вслед за ним вскорости отправились и Давыдовы, и семьи других офицеров, а также их лакеи, кучера, повара и даже горничные и служанки, стремясь «хоть раз в жизни взглянуть на любимого героя, на нашего боевого полубога», как вспоминал Денис Васильевич. Ну как же, взглянули! Пока все добрались до назначенного места, полки оттуда уже отправились «воевать», так что пришлось ожидать их возвращения в пустом лагере... Войска пришли лишь к полудню, усталые и измученные.

Много было восторгов, ахов и охов, анекдотов — так именовались тогда рассказы о забавных и любопытных происшествиях — про Суворова, но был и момент, многих смутивший. Приучая кавалерию атаковать пехотные каре, генерал-аншеф спешивал часть конников и выстраивал их в шеренгу так, чтобы в промежутки между стоящими мог проскакать конь. Затем

* Военнослужащие полков, названных по именам городов, именовались по этим названиям, но не так, как жители данных населенных пунктов: Полтавский полк — «полтавцы», Московский — «московцы», Минский полк — «минцы» и т. п.; гусары Белорусского полка, о котором речь пойдет ниже, были «белорусцами».

кавалерия стремительно атаковала этот строй, встречавший ее холостым залпом почти в упор, что приучало лошадей и всадников не бояться ружейного огня... Причем таковой результат достигался достаточно быстро.

Данная «медаль» имела неизбежную «оборотную сторону». В те времена кавалерийские лошади были выезжены не слишком хорошо, после залпа строй окутывался густым дымом от сгоревшего пороха, да и иной солдат мог встать не там и не так, как следовало, а потому, когда кони пронесились сквозь разомкнутую шеренгу, кого-то из стоящих могли задеть, сбить с ног, покалечить, а то и вообще затоптать. Подобное происходило нередко.

Когда же Суворову «доносили о числе жертв... он обыкновенно отвечал: “Бог с ними! Четыре, пять, десять человек убью; четыре, пять, десять тысяч выучу”, — и тем оканчивались все попытки доносящих, чтобы отвлечь его от этого единственного способа довести конницу для предмета, для которого она создана»¹².

Известно, что Суворов любил и берег солдата. Но очень верно сказал наш герой про «единственный способ». Ведь если в рядах кавалерии, атакующей пехотное каре, произойдет перед его фронтом какая-либо заминка, то вся масса всадников превратится в прекрасную мишень для дружного ружейного огня. Да и четырех затоптанных лошаадьми солдат было жалко, и одного жалко, но не выучив кавалерию столь жестким и даже жестоким, но, повторим, единственным способом, на поле реального сражения можно было понести гораздо более серьезные потери. Граф Александр Васильевич понимал это лучше, нежели кто иной. Его знаменитая «Наука побеждать» писалась кровью, но кровью малой — для того, чтобы не было крови большой...

День постепенно склонился к вечеру, однако Суворова Денис так и не увидел, а потом, несмотря на все протесты и даже слезы, его с братом Евдокимом уложили спать. Их сон продолжался недолго: за полчаса до полуночи мальчиков разбудили — скорее всего, кто-либо из старых слуг, таинственным шепотом сообщивший, что с боем часов генерал-аншеф выскочит из своей палатки в одном исподнем, будет бегать вокруг, кричать петухом, хлопать в ладоши, и по этому сигналу трубачи заиграют генерал-марш, солдаты поднимутся и будут готовиться к учениям... Неизвестно, сколько времени мальчики понапрасну тарасили глаза в темноту, но обещанной картины так и не увидели и незаметно для себя заснули.

Войска действительно были подняты затемно, только без всякого петушиного крика, и опять вышли на учения... С трудом проснувшись, юные Давыдовы отправились вслед за ни-

ми, но если и видели полководца, то лишь издалека, признавая его по мельканию белой нижней рубахи... Вновь не солоно хлебавши мальчишки возвратились в лагерь, где их в конце концов ожидало великое счастье. Сначала Суворов проскакал совсем близко от палатки, так что Денис не только сумел рассмотреть лицо непобедимого генерала, но и на всю жизнь запомнил его оригинальные черты; затем любимый суворовский адъютант Тищенко указал Александру Васильевичу на детей командира очень понравившегося Суворову полка. Далее произошла сцена, подробно и не раз описанная не одним только Давыдовым — хотя и с его слов.

Вот первый давыдовский вариант:

«Поздоровавшись с нами, он спросил у отца моего наши имена; подзвав нас к себе еще ближе, благословил нас весьма важно, протянув каждому из нас свою руку, которую мы поцеловали, и спросил меня: “Любишь ли ты солдат, друг мой?” Смелый и пылкий ребенок, я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: “Я люблю графа Суворова; в нем все — и солдаты, и победа, и слава”. — “О, Бог помилуй, какой удалой! — сказал он. — Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет!”»¹³.

Такой ответ сделал бы честь не только девятилетнему мальчику! Но разве мог будущий поэт-партизан отвечать по-иному? Впрочем, пусть судит о том наш читатель, а мы безоговорочно поверим своему герою.

На следующий день Денис опять видел графа Суворова — теперь уже на обеде в доме своих родителей. Полководец был в генерал-аншефском мундире, с георгиевской лентой и тремя орденами звездами; с детьми полкового командира он более не общался.

Оценивая слова Александра Васильевича, Денис Давыдов впоследствии писал: «Суворов в сем случае не был пророком...», объясняя это тем, что в службу он вступил уже после смерти генералиссимуса, а сражений вообще не выигрывал, так как не командовал ни армиями, ни корпусами. Побед на его счету было немало, и воинская слава была — но совершенно иного плана и уровня, нежели это мог предвидеть великий полководец.

Возникает вопрос: а были ли вообще его «прорицания» таким мудрым провидением человека, который уже в малом ребенке прозорливо разглядел черты будущего военачальника, или это была простая дань вежливости, ожидаемая от «самого Суворова»? Ведь что еще приятного мог «пообещать» знаменитый полководец родителям милого дитяти, если в людях партикулярных видели тогда чуть ли не «второй сорт»? А уж Суворов «политес» знал и даже среди самых своих чудачеств всегда мог

тонко польстить, потешить чье-нибудь самолюбие. Но младшему из сыновей можно было и статскую карьеру пообещать: младшенький — это чаще всего маменькин любимчик, вот пусть он и останется при родителях, им в помощь и в утешение.

Широко известны два суворовских «пророчества»: несколько раньше, чем Денису Давыдову, граф Александр Васильевич сделал такое же будущему генералу от инфантерии Михаилу Милорадовичу, сыну своего друга генерал-лейтенанта Андрея Степановича. «Милорадович будет славным генералом»¹⁴, — сказал он и здесь совершенно попал в точку, ибо будущий граф Михаил Андреевич стал именно таковым — «славным» генералом, одним из «первых лиц» войны 1812 года.

Заметим, что наш герой относился к графу Милорадовичу весьма неодобрительно, о чем мы, разумеется, еще расскажем.

Возвращаясь же к «пророчествам» Суворова, смеем предположить, что, весьма возможно, таковых было гораздо больше, нежели нам известно. Но только те из них, что не сбылись — забылись или же ежевечерне повторялись за рюмкой вишневой наливки в тесном кругу терпеливой семьи каким-нибудь отставным прапорщиком: «Эх, ведь сам Суворов сказал, что я буду фельдмаршалом! Да жаль, ошибся старик...» — никуда дальше, разумеется, не пошли. Так ведь и самому Суворову вроде бы «полководческое будущее» напрогночил не кто-нибудь, но сам Абрам Петрович Ганнибал, легендарный «арап Петра Великого» и прадед поэта Пушкина. Но это потом он станет генерал-аншефом, а в пору знакомства с юным Суворовым «арап» только-только еще был пожалован чином подполковника артиллерии, хотя было ему уже не менее пятидесяти лет от роду. Признаем: не очень подходил на роль «провидца» этот «негр преклонных годов»*, но все же легенда, что именно Ганнибал «будто бы провидел в хиллом и тшедушном на вид мальчишке будущего великого полководца»¹⁵, оказалась очень устойчивой. В результате получается прямая связь Суворова с Петром Великим — ведь более никого из его ближайших сподвижников к тому времени не осталось.

Но кто сегодня, равно как и в прошлом, смог бы наверняка утверждать, было такое или нет? Остается верить на слово.

И вот еще одно доказательство, что Суворов «не был пророком», — его мнение насчет судьбы младшего брата Дениса, который, как заявил полководец, «пойдет по гражданской службе». Вопреки предсказанию Евдоким Васильевич показал себя прекрасным кирасирским начальником, заслужив

* Слова из стихотворения В. В. Маяковского «Нашему юношеству» — «Да будь я хоть негром преклонных годов...».

орден Святой Анны 2-й степени за Бородино, эполеты гвардейского полковника — за Кульм и орден Святого Георгия IV класса* — за Фер-Шампенуаз. В чине генерал-майора он командовал кирасирской бригадой, а службу свою закончил в должности председателя комиссии военного суда при Московском ордонанс-гаузе**.

В общем, все получалось в духе времени: Суворова благословил Ганнибал, Пушкина «заметил» «старик Державин», Давыдову, как и Милорадовичу, предрек военную карьеру будущий генералиссимус. И чем бы это ни было на самом деле — пророчеством или данью вежливости, — но суворовское благословение сыграло в жизни поэта-партизана немалую роль, добавив к его романтическому портрету несколько ярких штрихов. Ни современные ему, ни последующие писавшие «к Денису» поэты не могли обойти этот факт своим вниманием.

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил:
Не ошибся он в дитяти...¹⁶ —

утверждал приятель Давыдова Николай Языков***.

Привет тебе, любовник брани,
Житья разгульного певец,
Крестом Суворовския длани
На славу созданный боец!¹⁷ —

воскликнул поэт Семен Стромиллов, печатавшийся в пушкинском «Современнике».

Денис себя забыл от возбужденья,
От радости, восторга, восхишенья —
Ему судьбу Суворов предрекал!¹⁸ —

вторит им современный поэт и офицер Алексей Алексеев...

Все же думается, что не случайно Денис Васильевич оставил в «Автобиографии» второе, ироничное, описание последствий этой «судьбоносной», как теперь говорят, встречи:

«Давыдов, как все дети, с младенчества своего оказал

* Класс и степень ордена — одно и то же понятие. Обычно говорилось «орден такой-то степени», но вот про Святого Георгия — «такого-то класса». Традиция!

** Ордонанс-гауз — старинное название комендантского управления, при котором учреждалась комиссия военного суда, рассматривавшая дела о военнослужащих, не состоявших в какой-либо команде или находившихся в отдаленности от своей команды.

*** Отметим, что у этого стихотворения есть несколько различных вариантов.

страсть к маршированию, метанию ружьем и проч. Страсть эта получила высшее направление в 1793 году от нечаянного внимания к нему графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотре Полтавского легкоконного полка, находившегося тогда под начальством родителя Давыдова, заметил резвого ребенка и, благословив его, сказал: *Ты выиграешь три сражения!* Маленький повеса бросил Псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека»¹⁹.

Хотя, может, это писал и не Денис? Вопрос не праздный: если обратиться ко второму изданию книги «Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1840 году, то есть где-то через год после кончины нашего героя, то можно увидеть, что там данная автобиография, известная нам как «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова», помещена под названием «Очерк жизни Дениса Васильевича Давыдова», имеет подпись «О. О.» и предваряется следующим предисловием издателя:

«Здесь помещается, как уже то было и в первом издании, очерк жизни Давыдова, произведение одного из его друзей-сослуживцев, покойного генерал-лейтенанта О. Д. О-го, ошибочно принятое некоторыми читателями за автобиографию.

При сем долгом поставляю повторить собственные слова Дениса Васильевича, извлеченные из письма его ко мне на днях писанного: “По случаю помещения очерка жизни моей в первом издании моих стихотворений, некоторые читатели приняли и очерк этот за мое сочинение. Избегая нареканий, в присвоении себе чужого достояния, тем более достояния моего истинного и старинного друга-сослуживца, покойного О. Д. О-го, я считаю нужным объяснить вам, м. г.*, как не принадлежащие мне строки вошли в состав строк, мне принадлежащих. — Во время последней войны в Польше я как-то сказал О-му о намерении моем собрать все оставшиеся в памяти моей стихотворения мои и предать их печати немедленно по возвращении моем из похода. О-й, знающий все приключения моей жизни от первого развития юности моей до 1832 года не хуже меня, написал очерк сей в дни отдыха от битв и военных тревог и движений и, вруча мне оный, взял с меня честное слово соединить его с стихотворениями моими в виде предисловия, без подписи ни его имени, ни фамилии, — что я исполнил, не предвидя и не предполагая, чтобы произведение О-го было принято читателями за мое собственное произведение. Вот и все дело”.

Закключаю, что очерк, помещенный здесь, исправлен по

* Вежливое обращение «милостивый государь».

последней рукописи, присланной генералом О-м за несколько дней до его кончины»²⁰.

Такое вот предуведомление, которому можно было бы и поверить, если бы не тот самый ироничный и легкий «давыдовский» стиль, коим эти «Некоторые черты...» написаны. Да и предисловие к первому изданию этой биографии — она была опубликована в «Русском зрителе, журнале истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов» в двукратном первом и втором номере за 1828 год под названием «Некоторые черты жизни и деяний генерал-майора Давыдова» — выглядит весьма прозрачно. С легкой иронией в этом предуведомлении говорится, что самые «дальновидные и проницательные из читателей, может быть, угадают имя почтенного автора. По крайней мере мы, не смея оскорбить его скромности, оставим оное под непроницаемою завесою неизвестности и позначим Публику с таинственным Анонимом. Вот что находим мы в занимательной записке друга Дениса Васильевича, с которым генерал сей, еще от самого детства, привык делиться чистосердечными чувствами открытой души своей, которому любил всегда передавать свои мысли, пересказывать заветные свои подвиги»²¹.

В XIX столетии таким «другом» традиционно считался дневник. А вот генерала, с которым Денис Васильевич был бы дружен с детства и на всю жизнь, мы не знаем... Хотя сам Давыдов в письме князю Петру Андреевичу Вяземскому и называет утаенное имя, однако после этого послания все вопросы уже отпадают сами собой:

«Пожалуйста, уверяй всех и каждого, что очерк жизни моей не мною писан, а умершим в этом году старинным моим другом и товарищем с ротмистерского чина моего ген.-лейт. Ольшевским. Тем это будет правдоподобнее, что он писал, и писал хорошо. Соглашаться же, что этот очерк — моего пера — неловко, ибо, как ни говори, в нем много снисходительного для меня и язвительного для других»²².

Писано это было 7 декабря 1832 года.

Итак, автором «Очерка жизни...» или «Некоторых черт...» — именуйте, как кому нравится, объявлен сослуживец нашего героя по Белорусскому гусарскому полку Осип Данилович Ольшевский, скончавшийся, как сказано выше, в чине генерал-лейтенанта. Хотя на самом деле все эти строки — без ложной скромности, но с похвальной самоиронией, были написаны самим Денисом Васильевичем. Да, был он грешен: любил прихвастнуть, мог приврать! Но по-гусарски — изящно и весело, так что читать приятно... Недаром же гласит старинная поговорка: «Не любо — не слушай, а врать не мешай!»

Так что как бы там ни было, но встреча с Суворовым ока-

залась самым ярким — или самым известным для читающей публики — событием детских лет Дениса Давыдова. Нет смысла объяснять, что в детстве есть своя шкала ценностей, взрослому человеку уже недоступная. И что маленький Денис считал для себя главным? Бог весть! Потому не будем пытаться составить подробную картину детских лет нашего героя — такой возможности у нас все равно нет, а ограничимся несколькими моментами.

«Первоначальное воспитание Давыдов получил в духе того времени: более всего учился французскому языку, даже в ущерб своему родному; затем следовали: музыка, танцы, рисование.

Всего этого казалось тогда достаточным для того, чтобы считаться человеком образованным»²³.

Но заблуждение об «образованности» рассеялось довольно быстро, о чем мы расскажем в свое время... А пока что «семья Давыдовых жила зимой в Москве, уезжая летом или в орловское поместье, или в свое подмосковное имение, село Бородино, — то самое Бородино, где впоследствии Давыдову пришла бессмертная мысль о партизанской войне. “Здесь я провел, — рассказывает он, — беспечные лета моего детства и ощутил первые порывы к любви и славе”. Любимым его занятием в это время была охота; обычным отдохновением — чтение описаний подвигов русского войска, совершавшего тогда свой беспримерный поход по Италии, под начальством Суворова»²⁴.

Сельцо Бородино, ныне всемирно известное, впервые было упомянуто в Писцовой книге 1626—1627 годов, а полтора века спустя большая его часть — хотя было-то в нем всего 25 крестьянских дворов! — «с приписанными к ней деревнями Горки и Семеновское»²⁵ досталась родному деду Дениса генералу Евдокиму Алексеевичу Щербинину. Так что по доброй старой российской традиции нашего героя стали вывозить на лето к дедушке в деревню.

Московскую свою жизнь Денис описывал с романтической иронией: «Между *порошами* и *брызгами*, живя в Москве без занятий, он познакомился с некоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда в Университетском пансионе. Они доставили ему случай прочитать “Аониды”, полупериодическое собрание стихов, издаваемое тогда Н. М. Карамзиным. Имена знакомых своих, напечатанные под некоторыми стансами и песенками, помещенными в “Аонидах”, воспламенили его честолюбие...»²⁶

Оборвем цитату на полуслове и поясним сказанное. Пороша — это снег, выпавший на землю ночью или ввечеру, на котором хорошо отпечатываются следы животных, а брызги — это брызги от талых луж, в которые ударяются конские копыта. То есть между двумя, весенним и зимним, сезонами охоты — в

тот промежуток, когда в деревне делать было нечего. Университетский пансион — это Благородный пансион, созданный при Московском университете в 1779 году для подготовки молодых дворян к поступлению в оное учебное заведение. С кем именно познакомился тогда Денис, он сам не пишет, но некоторые авторы называют обучавшихся в те времена в пансионе Андрея и Александра Тургеневых, Александра Воейкова, Алексея Мерзлякова, братьев Кайсаровых и Василия Жуковского... Так оно или нет, сейчас уже не скажешь — по крайней мере, впоследствии они были знакомы.

Первая книжка альманаха «Аонида, или Собрание разных, новых стихотворений» была датирована 1796 годом. В предисловии к ней издатель, известный литератор Николай Михайлович Карамзин, пояснял, что «Аонида — другое имя Муз», и выражал надежду, что «публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных Стихотворцев; под их шитом являются на сцене и некоторые молодые Авторы, которых зреющий талант достоин ея внимания».

Однако, с точки зрения современного читателя, стихи в сборнике были те еще! Первый же из них, нареченный «Добродетель», воистину бил, как картечина в лоб:

О ты, священная добродетель!
Небесных краше ты светил;
Тебя, тебя миров Содетель
Как лик Свой нам в сердца вместил...

Подписано было «М. Х.» — очевидно, это признанный «мэтр» того времени шестидесятилетний Михаил Матвеевич Херасков.

А вот — анонимное стихотворение о любви, названное «К ней»:

Я всех неверных презираю,
И с ними наш холодный век.
Как может в жизни человек
Два раза быть влюблен, не знаю...

Все прочие стихи в основном были примерно такого же уровня.

В альманахе Денис мог найти знакомые фамилии — как, например, Петр Кайсаров, хотя большинство авторов были анонимны либо прикрывались инициалами или сокращенными подписями — то «прозрачными», как «Всл Пшкн» или «Авр Лпхн», а то и просто: «И. К-въ» или «Е. Х-а».

Но оказалось, что и такие стихотворения могли встревожить сердце и вскружить юную голову, а потому...

«...он стал писать; мысли толпились, но, как приключение во сне, без связи между собою. В порывах нетерпения своего он думал победить препятствия своенравием: рвал бумагу и грыз перья, но не тут-то было! Тогда он обратился к переводам, и вот первый опыт его стихосложения:

Пастушка Лиза, потеряв
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
“О, милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы, по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно изменить!”»²⁷

Кстати, прозвучавшее тут имя «Лиза» появилось не случайно: по неведомой нам причине — может, в связи со знаменитой в ту пору «Бедной Лизой» Карамзина — оно оказалось наиболее популярным среди авторов «Аонид». В этом сборнике нет иных русских имен — сплошь «Плениры», «Темиры», «Хлои» да еще Екатерина Великая, ибо это были последние месяцы ее царствования. Единжды мелькнула какая-то «Катюша», и все! Зато Елизавет — пруд пруди, простите за невольный дурной каламбур!*

Один безымянный автор посвятил ей (или им?) целых «Две песни». «Лиза! Небо любит нас. / Постоянство наградило: / Ты моя! — Блаженный час!» — говорилось в одной песне. «О Лиза! кто с тобою / И бедности не рад?» — вопрошалось в другой. Анонимный автор стихотворения «Лилея» с горечью жаловался: «О Лиза! я с тобою / Душей делиться сотворен, / Но бездной разлучен!» Зато Владимир Васильевич Измайлов, прячась за прозрачным «Вл. Изм.», восклицал: «Цвети, цвети, о день любезной! / Подобно Лизаньке младой». И это еще не все Лизаветы из «Аонид»!

Вот отсюда и появилась Лиза в первом Денисовом стихотворении, в строках которого при всем желании не угадаешь будущего автора «Гусарской исповеди» или, к примеру, «Пчелки», в которой опять же говорится о... Лизе:

Лизетта только что проснулась —
Еще с постели не сходя;
Раскрывшись, нежилась, тянулась,
Знать, в том забаву находя...²⁸ —

и так далее, причем чем дальше — тем откровеннее и смелее.

* Для тех, кто не помнит, уточним, что карамзинская бедная Лиза утопилась в пруду.

Удивительно, но эта игривая басня, написанная уже в начале XIX столетия, также восходит ко все тем же «Аонидам», ибо и там была басня «Пчела», подписанная «К-а С-а». Но в ней Лиза представляется скучной морализаторшей, выясняющей: «Зачем ты так неосторожно / Летаешь по цветам, пчела?» — и поясняющей, что можно нарваться на ядовитое соцветие. Зато в басне у Дениса пчелка весьма шаловлива... Впрочем, если кому из читателей интересно, пусть сам узнает, куда она попала и что произошло потом!

Эти строчки будут написаны позже, а пока Давыдов делает первую пробу пера, между тем как в то время жизнь его уже далеко не столь счастлива и безоблачна, как раньше.

«Отец его разделил судьбу многих заслуженных офицеров русской армии, пострадавших в условиях гатчинского режима, — писал в предисловии к изданным в 1940 году «Военным запискам» известный литературовед Владимир Николаевич Орлов. — В 1798 году он был осужден (кажется, несправедливо) в связи с хищениями, обнаруженными в его полку, и имение его было взято в казну. Старинная дворянская семья Давыдовых впала в форменную нищету...»²⁹

Кстати, в 1962 году, когда праздновалось 150-летие Отечественной войны, тот же автор готовил предисловие к юбилейной книге «Денис Давыдов. Сочинения», где писал ничтоже сумняшеся:

«В 1798 году по доносу была раскрыта противозаконная деятельность довольно многочисленного офицерского кружка, образовавшегося в Смоленске. Следствие выяснило, что участники кружка изучали французских просветителей и атеистов, обсуждали вопрос о перемене политического режима в стране (вплоть до цареубийства), собирали и распространяли стихи возмутительного содержания... Во главе смоленского кружка стояли два видных офицера суворовской школы — единоутробные братья А. М. Каховский и столь известный впоследствии А. П. Ермолов. Оба они были родственно связаны с Денисом Давыдовым (двоюродные братья). Более того: отец Дениса — бригадир Василий Денисович — тоже оказался причисленным к делу “смоленских заговорщиков”, и это обстоятельство, по-видимому в первую очередь*, определило его дальнейшую несчастливую судьбу. В том же 1798 году он был исключен из военной службы (внешним поводом послужили какие-то беспорядки, обнаруженные в его полку), причем с конфискацией всего имения»³⁰.

Если верить автору, то государь Павел Петрович был просто отчаянный либерал! Ведь при его сыне императоре Нико-

* Правописание оригинала.

лае I «злоумышлявших на царубийство» декабристов записали в 1-й разряд, приговорив к смертной казни, замененной на вечную каторгу. А тут злоумышленников наказали не в пример мягче, причем Давыдову почему-то вообще заменили «политическую статью» гораздо менее тяжким обвинением.

Возможно ли это? Да нет, просто писатели не любят признавать грехи своих героев или их родственников, а потому Вл. Орлов и другие литераторы советского времени и утверждали, что папа Давыдова пострадал «за политику». О «смоленском кружке» мы более подробно расскажем в следующей главе, но вот как трактует произошедшее с отцом нашего героя один «дореволюционный» автор:

«Василий Денисович Давыдов, владея значительными поместьями в Орловской и Московской губерниях, был зажиточным человеком, но не сумел сохранить свое состояние, благодаря широкому русскому хлебосольству и вследствие страсти к карточной игре. Знакомство со многими видными деятелями Екатерининской эпохи еще более заставляло его жить в духе старых дворянских традиций, в которых впоследствии были воспитаны и его дети. Он командовал Полтавским легкоконным полком, стоявшим в Полтавской губернии, в селе Грушевке, и дослужился до чина бригадира. Однако в последнем чине, уже в царствование императора Павла, за беспорядки в полку был предан суду, с конфискованием имения. Этот печальный случай довел до крайности всю его семью, но не лишил любви и преданности друзей, которые, несмотря на опалу Василия Денисовича, открыто выражали ему свое сочувствие, что в то суровое время могло бы дорого обойтись...»³¹

Суровым это время было исключительно потому, что император стремился как можно быстрее навести в государстве порядок и, так сказать, «активно боролся с коррупцией». Можем ли мы осуждать Павла за принимаемые им крутые меры? Вряд ли, хотя нередко он и перегибал палку...

Как мы видим, в различных воспоминаниях говорится, что произошедшее довело давыдовскую семью до крайности, чуть ли не ввергло ее в нищету. Однако нельзя обойти вниманием следующее обстоятельство:

«В 1799 г. Щербининское имение (то есть село Бородино. — А. Б.) за долги Александры Осиповны Щербининой, вдовы Евдокима Алексеевича, было продано в Москве с аукциона, и его купил бригадир Василий Денисович Давыдов, женатый на дочери Щербининых — Елене Евдокимовне, причем крепостные документы он совершил на имя своей дочери Александры Васильевны, вышедшей впоследствии замуж за Дмитрия Никитича Бегичева»³².

Из этого можно сделать вывод, что кое-какие денежки у опального бригадира Давыдова все-таки остались.

На судьбе нашего героя произошедшее не слишком отразилось: «жизненные пути» ему перекрыты не были, как это случилось с детьми «опальных» в предыдущие царствования или с членами семей «врагов народа» в XX веке.

«Когда ему исполнилось 16 лет, кончилась юношеская пора (*sic!*) и наступило время подумать об избрании житейской деятельности, и отцу его предложили, по примеру многих дворян того времени, записать Дениса Васильевича в Иностранную Коллегию, то Денис Васильевич наотрез отказался быть *архивным юношешу*, — как называли тогда молодых людей, состоявших на службе в Московском архиве Коллегии, и твердо заявил намерение служить только в военной службе... Отец исполнил желание сына»³³.

Термин «архивные юноши» носил несомненный оттенок иронии — вспомним грибоедовское: «С тех пор, как числюсь по архивам...»* Хотя именно в московских архивах Коллегии иностранных дел — тогдашнего МИДа — начинали свою службу юнкерами будущие кавалергарды, однополчане и приятели Давыдова: Иван Семенович Храповицкий 1-й, впоследствии петербургский губернатор, командир Екатеринбургского кирасирского полка генерал-майор Федор Семенович Уваров 3-й, генерал от инфантерии граф Павел Дмитриевич Киселев — министр государственных имуществ, да и многие иные.

А вот Денис был непреклонен — только в Кавалергардский полк!

«Конечно, его прельщал мундир; но собственно о службе он, как и большинство, не думал»³⁴, — писал впоследствии биограф Давыдова. Чему удивляться? Ведь в то достопамятное время «военные... торжествовали на всех сценах: от паркета вельможи до избы станционного зрителя. Мундир брал в полон балы и не дожидался лошадей. Для мундира родители сажали сына за математику и хлопотали с дочерью; для мундира лелеяла девица Богом данную ей красоту; для мундира юноша собирался жить... Все благоговело перед мундиром или бредило мундиром»³⁵.

Давыдову привлекательнее всего казался белый кавалергардский колет** с алым воротником и серебряным прибором***.

* Реплика из пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума».

** Ко л е т — кирасирский или уланский мундир.

*** С е р е б р я н ы й (или золотой, в зависимости от полка) п р и б о р — соответствующие эполеты, пуговицы и шитье на воротнике мундира; воротник, обшлаги и фалды именовались «суконным прибором» соответствующего цвета: кавалергардам был присвоен красный суконный прибор.

Глава вторая
«ФАЛАНГА ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА». 1801—1804

Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост —
 смотрю;
Что слово — то воп тот*, что взор —
 то страсть вселяю,
Дивлюся — как менять интриги
 успеваю!
Денис Давыдов. Сон

«В начале 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову в руки 400 рублей ассигнациями и отправили его в Петербург на службу. Малый рост препятствовал ему вступить в Кавалергардский полк без затруднения. Наконец, привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище его гения мукою и треугольной шляпою»¹.

При чтении данного отрывка возникает два вопроса (людей, не знающих, что такое «палаш» и «ботфорты», в расчет не берем), а именно: много это или мало — «400 рублей ассигнациями» и что такое — «Кавалергардский полк»?

Насколько помнится, в 1801 году рубль ассигнациями был равен 65 копейкам серебром. Так вот, с 1802 года гвардейский корнет получал жалованье 200 рублей серебром. В год! Это притом что пуд масла стоил 11 рублей ассигнациями, говядины — пять с полтиной, пуд сена — 25 копеек. За 20 рублей в месяц, как свидетельствовал замечательный историк и бытописатель Михаил Иванович Пыляев, в центре столичного Санкт-Петербурга можно было снять квартиру из восьми-девятой комнат. А за полтинник «медью» — сытно пообедать и выпить пива в популярном среди гвардейских офицеров трактире Френцеля, что находился в начале Невского проспекта. В общем, денег на первоначальное обзаведение наш герой получил вполне достаточно: переведя ассигнации на серебро, получаем больше, нежели годовое корнетское жалованье. Гово-

* *Воп mot (фр.)* — острога.

ритель, что это роскошно, не станем, но для эстандарт-юнкера, на обзаведение, — более чем.

Теперь ответим на вопрос, что такое Кавалергардский полк. Это был самый блистательный полк в Российской императорской гвардии, но также, получилось, еще и самый загадочный, окруженный наибольшим количеством слухов и легенд. Сегодня, например, многие уверены, что в Отечественную войну 1812 года в нем служили только дворяне — и офицерами, и рядовыми. Да что говорить, если даже само его название нередко писалось и пишется неправильно: «лейб-гвардии Кавалергардский полк»!

Но это был просто Кавалергардский полк — без приставки «лейб-гвардии», которая была в названии всех других гвардейских полков (разве что лейб-гвардии Конный полк по старинке называли его исконным наименованием «Конная гвардия»). С 22 августа 1831 года полк стал именоваться «Кавалергардским Ея Величества», и с этим названием, уточненным как «Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны», он дошел до своего упразднения в начале 1918 года.

А начиналась полковая история с имени другой императрицы, в то далекое время, когда Петр Великий возымел желание короновать свою вторую супругу Екатерину Алексеевну и для этого торжества была сформирована рота почетных телохранителей, названных кавалергардами или драбантами. Капитаном этой роты стал сам Петр, заслуженные генералы и полковники — ее офицерами, а 60 обер-офицеров разных полков — рядовыми. Коронование прошло 7 мая 1724 года, через две недели рота была расформирована, но ненадолго: в конце 1725 года, менее чем через год после своего вступления на престол, овдовевшая императрица восстановила роту как постоянную и теперь сама приняла звание ее капитана... Рассказывать обо всех кавалергардских перипетиях в XVIII столетии мы не будем: нас интересует лишь то, что 11 января 1800 года был сформирован — точнее, перестроен из ранее существовавшего Кавалергардского корпуса — «трехэскадронный Кавалергардский полк на одинаковом положении с остальными гвардейскими полками, не присваивая ему прежнего преимущества: состоять из дворян... С этих пор назначение кавалергардов изменилось против первоначальной их цели, и они поступили в общий состав войск, удержав, однако же, первое место в ряду кавалерийских полков и сохранив Петром Великим дарованное им высокое преимущество — иметь из среды своих офицеров стражу у трона при священном венчании на царство российских монархов»².

Как и лейб-гвардии Конный полк, Кавалергардия* относилась к тяжелой, кирасирской кавалерии. Из-за того-то у Дениса и возникли трудности при поступлении: в тяжелой кавалерии и люди, и лошади должны были соответствовать определенным требованиям. Люди — управляться с воистину рыцарским вооружением: длинными палашами и стальными кирасами, а лошади — выдерживать этих тяжеловооруженных всадников... Поэтому рост кавалергарда был установлен «от двух аршин десяти вершков, но не менее восьми, а разве по самой нужде — семь»**. Вот только стальные латы — кирасы, от которых произошло название «кирасир», — ни в гвардии, ни в армии в то время не носили. В августе 1801 года император Александр I распорядился упразднить их во всех кирасирских полках, желая таким образом облегчить нелегкую службу. Но ведь известно, что служба облегчается не послаблениями, а напротив — закалкой воинов, подготовкой их к преодолению многообразных трудностей и опасностей. Как четко сформулировал великий Суворов: «Тяжело в учении — легко в бою». О том, что «либеральное» решение молодого государя явилось роковой ошибкой, станет ясно в недалеком уже 1805 году — в сражении при Аустерлице.

Кавалергардский полк в ту пору квартировал на глухой петербургской окраине, именуемой Коломной, по берегам Крюкова канала — в так называемом «Боурском доме» или «Литовском замке», в котором впоследствии была тюрьма, и еще в нескольких иных совершенно не приспособленных к тому зданиях. Хотя в 1802 году начнется строительство казарм на Шпалерной улице, но туда кавалергарды вселятся только после заключения Тильзитского мира...

При императоре Павле Петровиче гвардия фактически удвоилась: к петровским Преображенскому и Семеновскому полкам и учрежденным при Анне Иоанновне Измайловскому полку и Конной гвардии прибавились Гвардейский егерский батальон, лейб-гвардии Гусарский и лейб-гвардии Казачий полки, Гвардейская артиллерия и Кавалергардия. Понятно, что столь однородной по своему составу, как при Петре I или Екатерине II, гвардия теперь уже не была.

Небезызвестный издатель «Северной пчелы» Фаддей Венедиктович Булгарин, служивший в Уланском цесаревича Константина полку, но уволенный оттуда «по неспособности к кавалерийской службе», так писал в своих мемуарах:

* Одно из прежних названий.

** Аршин — 71,12 сантиметра; вершок — 4,45 сантиметра. Соответственно, 2 аршина 10 вершков — почти 187 сантиметров, а самый минимум — 175 сантиметров. Что ни говори, ребята даже по современным понятиям рослые.

«В Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках был особый тон и дух. Этот корпус офицеров составлял, так сказать, постоянную фалангу высшего общества, непременных танцоров, между тем как офицеры других полков навещали общество только по временам, наездами. В этих трех полках господствовали придворные обычаи, и общий язык был французский, когда, напротив, в других полках, между удалой молодежью, хотя и знавшей французский язык, почиталось *неприличием* говорить между собою иначе, как по-русски»³.

Однако исконный кавалергард декабрист князь Сергей Волконский, вспоминая службу в полку, писал, что «за весьма малыми исключениями наша жизнь была более казарменной, нежели столично-светской»⁴.

Удивляться противоречию не стоит: со стороны казалось так, изнутри — иначе. И все же кавалергарды, преображенцы и семеновцы стояли к престолу гораздо ближе, нежели офицеры прочих гвардейских полков, а потому были в петербургском свете наиболее желанными гостями.

28 сентября 1801 года в эту «фалангу высшего общества» и был зачислен эскадрон-юнкером наш Денис. Унтер-офицерское звание «юнкер» — от немецкого слова *junker*, которое в буквальном переводе означало «юный дворянин», — присваивалось тогда именно молодым дворянам, проходившим непосредственно в полках подготовку к производству в офицерский чин. Звание эскадрон-юнкера в кирасирском полку, фанен-юнкера — в драгунском, а портупей-юнкера — в гусарах означало кандидата на скорое, при открытии вакансии, получение чина. Хотя официально было установлено, что дворянин должен прослужить в юнкерах три года, затем сдать экзамены и получить звание эскадрон-юнкера, — но когда ж это в России неукоснительно выполнялись официальные установления? Вот и Давыдову, который пришел в полк сразу эскадрон-юнкером, ждать корнетского чина пришлось всего лишь год. Однако, несмотря на серебряный унтер-офицерский галун на алом воротнике, первые три месяца ему следовало служить за рядового. Так что до «высшего общества» Денису было еще далековато...

Солдатская служба — занятие всегда нелегкое, а в мирное время еще и малоинтересное: дни, строго регламентированные уставом, практически не отличались один от другого. Особенно — в кавалерии, где в награду за нарядную форму и возможность покрасоваться на коне солдату каждодневно приходилось посвящать многие часы уходу за лошадьми. С этого занятия начинали каждый свой день кирасиры и драгуны, гусары и уланы — вне зависимости от того, в гвардейских полках они служили или

в армейских. Поднявшись в пять утра летом или в шесть — зимой, все они, надев полотняные кители и «фуражные шапки», похожие на колпак сказочного Пинокио, отправлялись на конюшню, чтобы сначала вынести навоз и прибрать стойло, затем вычистить скребницей и щеткой коня, напоить его и задать ему овса... Полениться и схалтурить было нельзя: за чисткой лошадей наблюдали унтера и дежурные офицеры, а ее результат проверяли эскадронные командиры. В такой проверке был особый шик: проведет ротмистр белоснежным носовым платком у коня в паху, и если, не дай бог, платочек потемнел, то молча его хозяину коня покажет... Тех солдат, чьи лошади были плохо вычищены, могло ждать наказание розгами или иное взыскание. Но так как в кавалергарды был отбор весьма строгий и нижние чины пользовались немалыми привилегиями по сравнению с армейцами, чем они весьма дорожили, то и служили солдаты на совесть, так что телесные наказания были редкостью. Юнкеров, разумеется, розгами не наказывали, но стимул у них был не в этом. Каждый сознавал, что он, завтрашний офицер, не может быть хуже нижних чинов. Как говорится, «noblesse oblige!»*.

Только лишь позаботившись о лошадях, кавалеристы сами могли идти умываться и завтракать, а затем следовали манежные занятия, которые в основном сводились к индивидуальной выучке всадников. Иногда проводились полковые учения на Царицыном лугу, позже названном Марсовым полем, а с 1802 года кавалергарды в летнее время стали ежегодно выходить в Новую Деревню, именовавшуюся тогда «Собакиной Деревней», где лошадям кормили свежей травой и можно было проводить эскадронные учения.

После занятий опять-таки следовало привести в порядок лошадей — расседлать, растереть их мышцы, выгулять, если была такая необходимость, и только потом можно было обедать самим солдатам, после чего наступало время отдыха. Но «отдых» являлся понятием относительным, потому как обычно в это время нужно было починить и почистить обмундирование и оружие.

К тому же многие из солдат владели разными ремеслами: кто тачал сапоги, кто делал щетки или шил рубашки — и в свободное время умельцы выполняли заказы на эту свою продукцию. А то, индивидуально или артелями, солдаты нанимались на работу к петербуржцам: клали печи, пилили дрова, разгружали прибывающие по рекам в город барки... Все это давало дополнительный приработок, без которого нижним чинам существовать было не так-то легко.

* «Благородство обязывает!» (*фр.*). Эта известная фраза являлась девизом лейб-гвардии Преображенского полка.

Свободное время пролетало быстро, и вот уже трубачи играли сигнал к вечерней чистке лошадей, и опять все шло по строго заведенному порядку: чистка, водопой, дача овса, уборка на конюшне и в стойлах... Потом — вечерняя «зб́ря», когда проводилась переключка, и долгожданный отбой.

А ведь были еще и разного рода служебные наряды. Так, полковой караул состоял из унтер-офицера, двух ефрейторов и девяти рядовых, которых на вахтпарад, как тогда именовался развод караулов, сопровождали еще трубач и семеро рядовых, участвовавших в общем прохождении. Был еще внутренний караул, были вестовые к полковому шефу, к полковому адъютанту... Если же вспомнить, что в Кавалергардском полку по штату было немногим более восьмисот палашей*, то можно понять, что наряды приходилось нести часто.

И такая жизнь — изо дня в день, за исключением «праздников», то есть воскресных дней, когда занятий не было. Таким вот образом нижние чины из «сдаточных», то есть взятые по рекрутскому набору, служили 25 лет — и это была настоящая профессиональная армия! Конечно, вопреки новомодным тенденциям, что якобы солдат должен только учиться воевать, а для его жизнеобеспечения существуют специальные службы, русские воины во всем обеспечивали себя сами. Это давало гарантию, что они смогут выжить и действовать без осечки в любых условиях, всем трудностям наперекор, что не раз бывало доказано. Пусть отстают обозы, сбиваются с маршрута тыловые подразделения, исчезают в неизвестности кухни — подобное на войне происходит неизбежно и постоянно, но русский солдат сумеет себя обустроить, накормить, привести в порядок свой внешний вид и достойно встретить противника. В тех же армиях, где солдаты имеют «прислугу», в случае любого сбоя боевые подразделения оказываются голодными, промокшими и замерзшими, завшивленными, а потому — деморализованными и неспособными к элементарному сопротивлению.

Служба эстандарт-юнкером явилась для Давыдова прекрасной закалкой. Конечно, и это время можно было бы прожить в свое удовольствие: заплати несколько копеек солдату, он тебе и коня вычистит, и амуницию починит, и в караул вместо тебя сходит — да только настоящий офицер из тебя потом вряд ли получится. Именно строгость, дисциплина и муштра выковывают железный характер военного человека, который не боится трудностей, умеет жестко повелевать подчиненными и беспрекословно подчиняться старшим.

* В пехоте счет количества личного состава велся на «штыки», в легкой кавалерии — на «сабли», у кирасир и драгун — на «палаш».

Но это лишь часть качеств, необходимых офицеру... Недаром же, когда новоиспеченный кавалергард Давыдов, по его собственному определению, «таковым чудовищем» — вспомним описание в начале данной главы — поспешил к своему двоюродному брату Александру Михайловичу Каховскому, то «вместо поздравлений, вместо взаимных с ним восторгов этот отличный человек осыпал его язвительными насмешками и упреками за поступление на службу неучем. “Что за солдат, брат Денис, — заключил он поразительный монолог свой, — что за солдат, который не надеется быть фельдмаршалом! А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штаб-офицеру?”...»⁵.

Обрываем цитату, обращая внимание на слово «штаб-офицер», которое порой трактуется как «офицер штаба». Не так! Вспомним вопрос Чацкого: «Ты обер или штаб?»⁶ — и поймем, что имеются в виду «обер-офицер» — то есть офицер в чине от прапорщика до капитана в пехоте или от корнета до ротмистра в кавалерии, и «штаб-офицер» — от майора до полковника в армии или полковник гвардии, в которой других «штабов» не было. То есть кузен язвительно упрекнул шестнадцатилетнего эстандарт-юнкера в том, что тот не имеет знаний, необходимых полковнику! Хотя между этими двумя чинами, опять-таки говоря словами Грибоедова, «дистанция огромного размера» — но ведь уже в 29 лет Денис станет генерал-майором, воистину карьером* пролетев это расстояние! Не зря все же заметил и благословил его великий Суворов, и нужно было спешить жить. В то время вся «образованность» Дениса, как известно из его формуляра, заключалась в том, что «по-русски и по-французски читать и писать умеет». А потому «самолюбие Давыдова было скорбно тронуту, и с того времени, гонимый словами Каховского, подобно грозному призраку, он не только обратился к военным книгам, но пристрастился к ним так, что не имел уже нужды в пугалищах, чтоб заниматься чтением»⁷.

Как говорится в очерке, помещенном в «Сборнике биографий кавалергардов», «со всем пылом своего увлекающегося характера принялся Давыдов за изучение военных наук, насколько ему позволяли это служба и стесненные материальные обстоятельства»⁸. Действительно, обстоятельства порой складывались не очень: сын Давыдова Василий Денисович свидетельствовал, что «быв в то время юнкером в Кавалергардском полку, он должен был питаться более месяца одним картофелем»⁹...

Но, кстати, кто таков Александр Каховский, двоюродный брат нашего героя? Известно о нем не так уж много — остав-

* Карьер — скачка во весь опор, во весь дух.

ной полковник, георгиевский кавалер за штурм Очакова, участник Суворовских походов; в 1799 году он был арестован и заточен в крепость.

В примечаниях к книгам о Денисе Давыдове, изданным в минувшем столетии, говорится, что Каховский был «глава подпольного офицерского кружка с радикальной идейно-политической программой»¹⁰ — об этом кружке мы уже говорили в предыдущей главе. Академик М. В. Нечкина безапелляционно утверждала: «Особенно замечателен в предыстории декабризма смоленский офицерский кружок офицера суворовского штаба Александра Каховского и будущего “проконсула Кавказа” Алексея Ермолова. Кружок являлся конспиративной и довольно многочисленной организацией (по некоторым данным, насчитывал несколько десятков участников), существовавшей во второй половине 1790-х годов. Кружок был охвачен патриотическими настроениями и глубоко обеспокоен судьбами России, политическое преобразование которой считал очередным вопросом. В нем были сильны республиканские симпатии. Участники организации разрабатывали планы царубийства и, по-видимому, готовились к открытому выступлению»¹¹.

Подобное утверждение представляется более чем сомнительным. Во-вторых (*sic!*), потому, что аналогичные организации были совершенно еще не в духе времени, тем более в провинции — вряд ли господа офицеры, поклонники французских энциклопедистов, занимались чем-либо более серьезным, нежели вели пустопорожние «вольнолюбивые» разговоры с критикой существующих порядков, столь характерные для наших соотечественников в любую эпоху. А во-первых, — будем верить нашему герою. В своем сочинении «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове» Денис Васильевич рассказывает, что Каховский, «столь замечательный по своему необыкновенному уму и сведениям», преспокойно жил в имении Смолевичи, в 40 верстах от Смоленска. Но, как это нередко случается, богатое имение вызвало завистливый интерес местных властей — в частности смоленского губернатора, а далее последовал хитрый извет, по которому не только Каховский, но и его ближайшие знакомцы оказались под арестом. В общем, типичное «рейдерство» — прямо как два века спустя! Пострадал тогда и сводный брат Каховского подполковник Ермолов, к «смоленским заговорщикам» реального отношения не имевший, хотя и знакомый с ними. Его конноартиллерийская рота стояла в Минской губернии, в Несвиже, отдаленном от Смоленска на несколько сот верст, но и он на два месяца оказался в Петропавловской

крепости, а затем был сослан в Кострому. Иные авторы, как мы сказали, попытались «ввести» в состав кружка и Василия Денисовича: мол, отец Дениса Давыдова пострадал «за политику».

Добавим и «в-третьих»: в строгие времена Павла I реальные заговорщики вряд ли бы отделались столь «легким испугом», как несколько месяцев в крепости — такое наказание можно было получить за ошибку на вахтпараде.

В 1801 году, вскоре после убийства императора Павла, Каховский, Ермолов и прочие причастные к мнимому заговору были освобождены, восстановлены в правах и возвратились — кто в столицу, кто к месту своей прежней службы, кто к себе в поместья. Тогда-то, несколько задержавшись в Петербурге, Александр Михайлович и задал своему кузену «правильное направление».

Пожалуй, никакого больше заметного участия в жизни Давыдова Каховский не принимал, хотя они общались, и в «Записках» поэт-партизан вспоминает, как при содействии Ермолова, уже генерал-лейтенанта, Каховский получил от Александра I компенсацию за все разграбленное и уничтоженное французами в его смоленском имении...*

Между тем, как мы знаем, было у Давыдова и второе направление, и тоже — правильное. Как писал сам Денис Васильевич, даже в это время «он не оставлял и беседы с музами: он призывал их во время дежурств своих в казармы, в госпиталь и даже в эскадронную конюшню. Он часто на нарах солдатских, на столике больного, на полу порожнего стойла, где избирал свое логовище, писывал сатиры и эпиграммы, коими начал ограниченное словесное поприще свое»¹².

Но то, что он тогда написал, не сохранилось. Думается, это были очередные вариации «пастушки Лизы», не лучше.

Юнкерская жизнь Давыдова продолжалась недолго — всего лишь год, то есть такой отрезок времени, за который настоящим солдатом стать невозможно, но определенное представление о службе получишь... 9 сентября 1802 года Денис был произведен в корнеты.

Об офицерской службе Давыдова в кавалергардах много не расскажешь. В своих воспоминаниях он ее не описывает, других мемуаристов рядом с ним не было... Это потом, когда к нему придут известность и слава, а в его друзьях будут числиться Пушкин, князь Вяземский, Батюшков и иные светила российской словесности, окажется зафиксирован буквально каждый его шаг — но до этого времени следовало еще дожить. Юные годы Дениса Васильевича, как и большинства знаменитых

* А. М. Каховский скончался в 1827 году, год его рождения неизвестен.

людей, описаны весьма скудно. Зато вообще про жизнь кавалергардов первой половины александровского царствования подробно рассказано в «Записках» князя Волконского:

«Ежедневно манежные учения, частые эскадронные, изредка полковые смотры, вахтпарады, маленький отдых бессемейной жизни; гулянье по набережной или бульвару от 3-х до 4-х часов; общей ватагой обед в трактире, всегда орошенный через край вином, не выходя, однако ж, из приличия; также ватагой или порознь по борделям, опять ватагой в театр, на вечер к Левенвольду* или к Феденьке Уварову** (Федор Семенович, родной брат Сергея Семеновича, бывшего министром просвещения), а тут спор о былом, спор о предстоящем, но спор без брани, а просто беседа. Едко разбирались вопросы, факты минувшие, предстоящие, жизнь наша дневная с впечатлениями каждого, общий приговор о лучшей красавице; а при этой дружеской беседе поливался пунш, немного загрузнели головою — и по домам»¹³.

Описал князь Волконский и те «проказы», что в те далекие времена были весьма популярны среди гвардейской молодежи, и кавалергардские офицеры в них особенно преуспевали. То они перевешивали вывески торговых лавок где-нибудь в центре города, то, пребывая в лагерях, пугали прохожих ручным медведем, а то случилось, что кавалергарды, «каждый с инструментом, на котором он умел играть, вскарабкались на деревья, которыми была обсажена речка, и загудели поднебесный концерт, к крайнему неожиданному прохожего общества». Случались между офицерами полка и дуэли, даже со смертельным исходом — но наш герой к ним отношения не имел...

Хотя князь Волконский пришел в полк уже после Аустерлица, так что Давыдова там не застал, но вряд ли за недолгое прошедшее время полковые нравы и привычки изменились коренным образом — разве что эскадронные учения стали проводиться чаще. К тому же и барон Карл Левенвольде, и Федор Уваров 3-й, и многие другие офицеры, сослуживцы князя Волконского, служили раньше и с Денисом. Давыдов же в его воспоминаниях на тот период не фигурирует — имя его появится в «Записках» только в 1813 году.

Мы ничего додумывать не будем, ибо Денису еще хватит подвигов и приключений, и ограничимся немногими известными фактами того времени. В частности, именно тогда судь-

* *Карл Карлович Левенвольде* (1779—1812) — полковник, командир 3-го эскадрона.

** *Федор Семенович Уваров 3-й* (1786—1845) — поручик; впоследствии — генерал-майор.

ба свела его с Иваном Ивановичем Дибичем — будущим графом Забалканским и генерал-фельдмаршалом, начальником Главного штаба, кавалером всех российских орденов (в том числе — всех четырех классов ордена Святого Георгия; таковых в России было только четыре человека).

«Я знал Дибича с офицерского чина. Служа в Кавалергардском, а он в Семеновском полку, мы в одних чинах стаивали вместе во внутренних караулах, и потому часто находились неразлучно по целым суткам с глазу на глаз... Я помню, что в Кавалергардской зале, у камина, он неоднократно рассказывал мне, как за два года перед тем он был привезен из Берлинского кадетского корпуса в Петербург совершенным неучем, и как он сам собою получил кое о чем весьма поверхностные сведения относительно военной науки. Он жаловался на бедность своего состояния, не позволявшего ему нанимать учителей и покупать военные книги, которые все почти были с планами и картинами, и потому стоили недешево. Я был в том же положении, следовательно мы друг друга понимали и, вместе горя, прихлебывали у камина жиденький кофе; другими напитками мы еще не занимались. В то время жил в Петербурге некто Торри, майор генерального штаба, хвастун, пустослов и человек весьма ограниченных сведений, но пользовавшийся репутацией ученого по своей части, потому что часть эта была в то время скудна в знающих ремесло свое чиновниках, и потому Торри рассказывал всем и каждому о службе своей при маршале Бертье в главном штабе Бонапарта; этого было довольно, чтоб считать его едва ли не четверть-Бонапартом и не пол-Бертье относительно сведений и дарований.

Не помню, при каких обстоятельствах Дибич и я, скопив небольшой капитал, стали брать, каждый на своей квартире в продолжение нескольких месяцев уроки у Торри; собираясь во время караулов, мы друг другу отдавали взаимно отчет в оказанных успехах. В то же время и у того же Торри брали уроки граф Михаил Воронцов, служивший тогда поручиком в Преображенском полку, и князь Михаил Голицын, служивший в Семеновском полку и убитый в 1807 году под Ландсбергом»¹⁴.

Какой оглушительный успех мог бы иметь майор Торри, если бы узнал, что двое из его учеников стали генерал-фельдмаршалами! Понятно, что Дибич и Воронцов не потому стали фельдмаршалами, что «обучались» у пресловутого французского шарлатана, а потому, что они хотели учиться военной науке. Но кроме Торри других педагогов не было...

«Фамилия Дибичей принадлежит к древнейшему дворянству Силезии... В 1797 году двенадцатилетний Дибич запи-

сан в Берлинский кадетский корпус, где, вскоре, произведен в унтер-офицеры за отличные успехи и примерную нравственность.

Россия обязана Дибичем императору Павлу I. Он пригласил на службу отца его, которого принял подполковником и, вслед за тем, произвел в генералы. Уволенный с чином портупей-прапорщика, юный Дибич увидел второе Отечество свое в начале 1801 года... Ему представлено было вступить в любой полк гвардейский: он избрал Семеновский, в который был принят прапорщиком, на семнадцатом году от рождения. В шумной столице, в кругу товарищей, посещавших блестящие общества, молодой Дибич отказался от удовольствий и, деятельно занимаясь фрунтовой службой, посвятил свободное время изучению русского языка, в полгода мог уже говорить и писать, как природный россиянин»¹⁵.

Как писал тогда в письмах Денис, Дибич — «один из ближайших тогда приятелей моих». Дружба с этим упорным и трудолюбивым немцем немало дала Давыдову, тоже настойчиво стремившемуся стать настоящим военным... Хотя друзьями они оставались недолго — развела судьба, да и людьми они были слишком разными, но память о прошлом осталась. Когда в 1831 году во время подавления польского мятежа император Николай I спросил фельдмаршала графа Дибича-Забалканского, как он отнесется к назначению к нему в армию генерал-майора Давыдова, Иван Иванович ответил, что «ему приятно будет иметь в своей армии такого генерала». Дружью юности не знали, что для обоих из них эта война окажется последней...

Но многие из друзей, приобретенных Давыдовым в тот первый петербургский период его жизни, навсегда остались близкими для него людьми. Почти все они служили в трех первых гвардейских полках — Преображенском, Семеновском и Кавалергардском, нередко вместе несли службу и встречались постоянно. Среди ближайших друзей Давыдова назовем, к примеру, преображенцев графов Михаила Воронцова и Федора Толстого, коего вскоре нарекут «Американцем», Сергея Марина...

В то время произошло знакомство Давыдова и с некоторыми своими родственниками — из того же гвардейского круга. Мы уже сказали про Александра Каховского, и в том же 1801 году Денис ближе познакомился и на всю жизнь сошелся с его сводным братом — своим кузеном Алексеем Ермоловым. Потом станут писать, что это «герой всех наших войн с Наполеоном, положивший прочное основание покорению Кавказа, один из самых выдающихся и популярных людей в России первой половины XIX века»¹⁶, а тогда Алексей Петрович

был подполковником, приехавшим в столицу из костромской ссылки. Два месяца он ходил по канцеляриям Военной коллегии, добиваясь нового назначения, и в конце концов, «с трудом получив роту конной артиллерии», отправился в Вильну.. Кстати, службу Ермолов начинал лейб-гвардии в Преображенском полку*.

Не в пример удачнее складывалась на тот момент судьба общего давыдовского и ермоловского кузена — Александра Львовича Давыдова**. Он был средним сыном третьего из четырех братьев Давыдовых — Льва Денисовича, тогда как Василий Денисович был четвертым братом, и еще у них была сестра Мария Денисовна — во втором браке Ермолова.

На год младше Алексея и на 11 лет старше Дениса, Александр Давыдов в 1801 году был штабс-ротмистром Кавалергардского полка, через год стал ротмистром, сравнившись таким образом в чине с Ермоловым — гвардии капитан по Табели о рангах соответствовал армейскому подполковнику, а в 1804 году был произведен в полковники и принял 5-й, так называемый «генеральский», эскадрон. «Ермоловских» высот он впоследствии не достиг, зато стал владельцем знаменитой Каменки Чигиринского уезда Киевской губернии и мужем прекрасной Аглаи де Граммон, которой посвятили свои восторженные стихи и его кузен, и Александр Пушкин, и многие иные поэты... Кстати, в Каменке Денис будет общаться с еще одним кузеном — прославленным генералом Николаем Николаевичем Раевским, как пишет о нем Давыдов в своих воспоминаниях — «с детства моего столь любимом мною человеком»; но тогда, в начале столетия, Раевский пребывал в отставке, вне Петербурга...

Имена эти еще не раз прозвучат на страницах нашего повествования, а мы пока остановимся лишь на одном из них:

* Старинная формулировка «служил лейб-гвардии в таком-то полку» нравится автору, а потому и употребляется им.

** *Александр Львович Давыдов* (1773—1833) — генерал-майор. В 1805 году во главе эскадрона Кавалергардского полка участвовал в Аустерлицкой битве. В кампании 1807 года сражался с французами, командуя Гродненским гусарским полком. В октябре 1812 года был назначен в авангард генерала М. А. Милорадовича. Сражался под Тарутином, Малоярославцем, Вязмой, Красным, где за командование кирасирской бригадой получил орден Святого Владимира 3-й степени. В 1813 году, будучи командиром Лубенского гусарского полка, сражался с французами под Люценом, Бауценом, Дрезденом (награжден орденом Святого Георгия IV класса), Кульмом. В боях получил ранения в шеку, в грудь осколком гранаты и два сабельных удара в руку. В 1814 году участвовал в сражениях при Бар-сюр-Обе, Троа, Арси-сюр-Обе, Фер-Шампенуазе и закончил войну у стен Парижа. Имел три иностранных ордена. Славился гастрономическими талантами и замечательным аппетитом. Пушкин сравнивал его с Фальстафом.

поручик лейб-гвардии Преображенского полка Сергей Никифорович Марин. На восемь лет старше Давыдова, он был уже широко известен и популярен не только в гвардии — как иные «гвардейские шалуны», но также в петербургском и даже в московском обществе.

Жизнь изначально его не баловала: Марин семь лет прослужил унтер-офицером в Преображенском полку, только в 21 год, в конце 1797-го, вышел в офицеры, но вскоре сбился с ноги при прохождении на вахтпараде и за то был разжалован в рядовые... Хотя через полгода он сумел понравиться императору Павлу, когда, стоя на посту лихо, «по-гатчински», взял «на караул» и был тут же пожалован прапорщиком, а еще полгода спустя — произведен в подпоручики, но смертельная обида на государя осталась. В трагическую ночь 11 марта 1801 года он командовал одним из караулов в Михайловском замке и не только пропустил во дворец заговорщиков, но есть свидетельства, что несчастный император был задушен именно его шарфом*.

Однако отнюдь не участие в цареубийстве сделало Марина популярным человеком в обществе. Он был поэтом — хорошим, смелым и ироничным.

Когда вступивший на престол Павел I начал заменять ненавистную ему «потёмкинскую» форму подобием прусских мундиров, а в армии стала утверждаться «гатчинская дисциплина», Марин тут же откликнулся на это злыми стихами:

Ахти-ахти-ахти — попался я впросак!
Из хвата егеря я сделался пруссак.
И, каску променяв на шляпу треугольну,
Веду теперь я жизнь и скучну и невольну...¹⁷

Стихи эти, не слишком казистые, враз узнала вся гвардия! В конце павловского царствования появилась «Пародия на оду 9-ю Ломоносова, выбранную из Иова»:

О ты, что в горести напрасно
На службу ропшешь, офицер,
Шумишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалер,
Внимай, что царь тебе вещает...¹⁸ —

и далее следовала жесточайшая критика Павла I и его деяний. Впрочем, будем объективны: суждения Марина не всегда были справедливы, хотя многие думали тогда так же, как и он.

* Шарф — здесь: пояс из серебряной ткани, принадлежность офицерской парадной формы.

Поэт писал: «...одевши по-дурачки, / В казармы кучами набить...» — между тем как павловские мундиры оказались гораздо более удобными и функциональными, нежели последующие александровские, а казарменное расположение личного состава, до сей поры сохранившееся, наиболее отвечает интересам боевой готовности... Ну и так далее. Однако в стремлении к наведению порядка Павел Петрович настолько перегнул палку, что любые его новации принимались в штыки.

В начале XIX столетия Марин числился армейским поэтом под номером первым, и дружба с ним была для юного Давыдова высокой честью. А что такое был Давыдов для Марина? Сергей Никифорович водил тогда знакомство с действительным статским советником Алексеем Николаевичем Олениным — вскоре ставшим директором Публичной библиотеки и президентом Академии художеств, директором императорских театров Александром Львовичем Нарышкиным, поэтом и драматургом князем Александром Александровичем Шаховским и даже с «патриархом русской поэзии» Гаврилой Романовичем Державиным — тогдашним министром юстиции...

Однако роль «младшего товарища» явно была не в характере Дениса, и вскоре о нем заговорили и в гвардии, и в столице. Определенно, что не без влияния Марина он обратился к сатирической поэзии, направив стрелы своей сатиры на самую вершину российского общества...

Казалось бы, с чего? Ведь, говоря словами Пушкина, это было «дней Александровых прекрасное начало»¹⁹, и прозвище «Ангел» еще держалось за молодым государем, твердо пообещавшим в день своего вступления на престол, что «все будет, как при бабушке!». Конечно, никто из венчавшихся в России на царство ни разу не сказал, что при нем будет еще хуже, чем было до него, и каждый «озвучивал», как это теперь говорится, именно то, чего от него ждали, все же большая часть служилого дворянства реально надеялась на возвращение екатерининских «вольностей». Любимый внук покойной государыни это обещал, отнюдь не собираясь возвращать империю в эпоху тотального казнокрадства и вседозволенности. Но и продолжать наводить порядок твердой рукой — пусть не столь жестко и торопливо, как его папенька — он также не мог, ибо отныне и до конца царствования его станет преследовать призрак убиенного государя...

Александр Павлович был человеком совершенно иного склада, нежели предшествовавшие ему на троне Павел Петрович и Екатерина Алексеевна — хотя к бабке по своему характеру он был ближе, ибо как она была известной лицемеркой, так и про внука ее говорили, что он «фальшив, как пена мор-

ская», но это было позже. Хотя сама Екатерина II давно подметила его страсть к позе и писала: «Господин Александр — великий мастер красивых телодвижений».

Аустерлиц и Тильзит, существенно поколебавшие авторитет государя в обществе, были еще далеко, грядущего создания «военных поселений» никто и предположить не мог, даже граф Аракчеев, по имени которого историки нарекут эпоху «аракчеевщиной», жесткий и безукоризненный исполнитель государевых предначертаний, пока оставался не у дел, высланный Павлом I из Петербурга.

Так что вера в молодого царя была, от него еще многого ожидали... Откуда ж тогда взялась давыдовская ирония? Ответ прост: кавалергарды слишком близко стояли ко двору. Они несли службу в Зимнем дворце, выполняли обязанности адъютантов при монарших особах, присутствовали на придворных балах... Существовал даже термин: «вход за кавалергардов», ибо на празднествах в Зимнем офицеры полка обеспечивали охрану царской фамилии, пропуская во внутренние покои лишь тех, кто имел на то соответствующее право — высших сановников, генералитет. Кстати, «во время выходов кавалергардские офицеры собирались в тех же покоях, где собирались и лица, имеющие “вход за кавалергардов”»²⁰.

А потому они много чего видели и слышали — тем более что их самих не замечали и, соответственно, не стеснялись: в присутствии замершего у дверей корнета или поручика государь вполне мог продолжать тот щекошливый разговор, который неминуемо прекратил бы при появлении генерала... О том же, что корнет, как истинный верноподданный, впитает в себя все сказанное его монархом и потом обсудит это с товарищами — помните, у князя Волконского: «жизнь наша дневная с впечатлениями каждого», — император вряд ли задумывался. В своей партикулярной* жизни Александр I выглядел гораздо менее привлекательным...

Был и еще один момент, который кавалергардские офицеры не могли простить молодому царю: его внутрисемейные взаимоотношения. В 1793 году, когда великому князю Александру Павловичу не исполнилось и шестнадцати, Екатерина II поспешила сочетать его браком с четырнадцатилетней дочерью маркграфа Баденского Луизой Августой, получившей в православном крещении имя Елизавета Алексеевна. В гвардии, конечно, не знали, к каким вредным последствиям для неокрепшего организма Александра привела поспешность заботливой бабушки, но очевидное было налицо: отношения между вен-

* Партикулярный (от лат. *particulars* — частичный, частный) — частный, неофициальный; другое значение — штатский.

ценосными супругами были, мягко говоря, натянутые. Даже в обществе император предпочитал появляться с фавориткой Марией Антоновной Нарышкиной — женой обер-камергера, урожденной княжной Четвертинской, нежели со своей супругой... Но если «рогатый» муж обычно вызывает усмешки окружающих, то покинутая жена — сочувствие, в особенности если она молода, хороша собой и умна. Прекрасная блондинка Елизавета Алексеевна с достоинством и смирением переносила нелегкое положение «постылой» жены, а многие гвардейцы были в нее влюблены.

Известно было также, что супругов серьезно развело их отношение к недавнему царевубийству — для Елизаветы Алексеевны оно явилось потрясением, и прощать заговорщиков она не хотела. А ведь и в обществе к свершившемуся злодеянию относились совсем не так однозначно, как это казалось сначала: истинно православному человеку было просто не понять, как сын позволил убить своего отца! К тому же в сознании дворянина государь являлся «первым дворянином империи» и Божьим помазанником. Так что каков бы он ни был по своему характеру, нраву и склонностям, на то — Господня воля! Да ведь и Павел Петрович был совсем не так плох, как утверждали обиженные и недовольные. Вот что писал блистательный знаток истории Российской императорской армии А. А. Керсновский, кстати, во многом осуждавший Павла:

«Император Павел Петрович является самым оклеветанным монархом русской истории. Его не оценили современники, не поняло потомство, глядевшее на события глазами современников... Император Павел, несмотря на всю свою строгость и вспыльчивость, любил солдата — и тот платил Царю тем же. Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11-го марта* 1801 года являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории Русской армии»²¹.

В общем, не все было благостно в начале «дней Александровых», а потому давыдовские сатиры оказались очень к месту...

27 октября 1803 года Сергей Марин писал из Петербурга графу Михаилу Воронцову, находившемуся в ту пору в Грузии, в войсках князя Цицианова:

«Давыдов кавалергардский написал две басни, которые я к тебе отправлю с первым курьером, ибо иначе послать их невозможно, и с ними приложу книгу Шишкова»²².

Басни эти были «Голова и Ноги» и «Река и Зеркало». Ос-

* Ошибка автора — император Павел был убит в ночь на 12 марта, о чем войскам сообщили утром этого дня.

трые, смелые, написанные легко и изящно. Так, в первой из них, Ноги, измученные капризами Головы, предупреждают:

Все это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да между нами, ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть —
Твое Величество об камень расшибить²³.

Во второй басне обыгрывается простонародная поговорка: «неча на зеркало пенять, коли рожа крива!» и заканчивается пассаж такими словами:

Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь, и волю дать...
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта была на басню походила²⁴.

Далее, по официальной версии, произошло следующее: «Писательские подвиги обратили на него внимание не только товарищей, но и начальства.

Две из его эпиграмм: “Голова и Ноги” и “Река и Зеркало” навлекли на него невзгоду, и 13-го сентября 1804 года он был переведен ротмистром в Белорусский гусарский полк, только что тогда сформированный»²⁵.

По источникам советского времени произошедшее объяснялось гораздо жестче: «Давыдов был удален из гвардии в порядке правительственной репрессии, носившей отчетливо-политический характер. Наказание (достаточно серьезное для того времени официального либерализма) вызвано было распространением в обществе стихотворений Давыдова, квалифицированных в официальных кругах как “возмутительные”»²⁶.

Все было так, да не совсем — недаром же 2 ноября 1803 года Давыдов был произведен в чин поручика гвардии. То есть вышеупомянутые басни были восприняты вполне спокойно: в столице империи тогда обитало порядка трехсот тысяч жителей, из них менее десятой части относилось к дворянскому сословию — к «обществу», и нет сомнения, что в этом узком кругу стихи стали быстро всем известны.

Думается, если бы дело ограничилось лишь этими двумя баснями, то «по времени официального либерализма» ничего бы с Давыдовым не произошло. Аллегория вещь такая, что при желании ее можно и не понять. Есть вроде в басне «Голова и Ноги» намек на злосчастную судьбу императора Павла —

но лишь намек? Во второй басне появляется царь — и что? Сколько царей было в мировой истории? Недаром же Марин отослал эти басни в Грузию хотя и не с почтой, но с официальным курьером...

Однако нет сомнения, что знал он и про третью басню, и, что уже совершенно точно, — про ироничное стихотворение «Сон». В стихотворении этом Денис не пощадил не только многих из своих знакомых — в их числе того самого Сергея Никифоровича, но даже и себя самого:

Я нонче Петербург совсем другим нашел!..
В несчастных рифмачах старинной нет отваги,
И милой наш Марин не пачкает бумаги,
А, в службу углубясь, трудится головой:
Как, заводивши взвод, во время крикнуть: стой!..
Б[агратио]на нос вершком короче стал,
И Д[иб]ич красотой людей перепугал.
Да я, который сам, с начала сваю века,
Носил с натяжкой название человека,
Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю...²⁷

Вряд ли подобное стихотворение добавило нашему герою друзей, хотя тот же князь Багратион мог и сам порой пошутить по поводу величины собственного носа. Пушкин записал: «Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: “Главнокомандующий приказал доложить Вашему Сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить”. Багратион отвечал: “Неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать”»²⁸.

Может, конечно, Александр Сергеевич все это сам и придумал, причем в нескольких вариантах.

Так вот, Марин про этот давыдовский «Сон» знал и 27 октября сообщал своему другу в Грузию:

«Маленькому Давыдову мыли за стихи голову; он написал “Сон”, где всех ругает без милосердия. Аргамаков написал ответ:

Я лег вчерась в постелю
И видел странный сон:
Мальчишку пустомелю
Сек розгой Аполлон...
Ты, мальчик, зашалился,
Имеешь медный лоб...
Тут мальчик побожился,
Что врать не будет он.
От сна я пробудился,
Ах, жаль что это сон!»²⁹

Алексей Аргамаков служил в преображенцах. Предупреждение от него последовало серьезное: мол, заигрался ты, мальчик, остановись, как бы беды не было!

Предупреждение запоздало, ибо была и еще одна, третья, басня — «Орлица, Турухтан и Тетерев», которую «дореволюционные» биографы поэта-партизана не вспоминают, словно бы сговорившись.

Басня эта казалась «прозрачной» с первых же своих строк:

Орлица Царица
Над стадом птиц была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету с престола презирала... —

чем не портрет Екатерины II, выписанный в духе поэтов XVIII столетия!

Когда же «Орлица жизнь скончала», на царство избрали «Турухтана» — это слово объясняется в Толковом словаре Владимира Ивановича Даля как «драчун кулик». В общем, скандальная такая птичка... Но избрали:

Хоть знали многие, что нрав его крутой,
Что будет царь лихой,
Что сущего тирана
Не надо избирать...

Несчастливое это правление завершилось тем, что

Свершили месть — убили петуха!
Не стало Турухтана —
Избавились тирана!

В общем, история Павла Петровича в кратком образном изложении.

Все это можно было бы еще стерпеть «по времени официального либерализма» и опять-таки не понять прозрачных намеков, но Давыдов довел свое повествование до настоящих дней!

И все согласно захотели
Чтоб Тетерев был царь,
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый...
Но все в надежде той,
Что тетерев глухой
Пойдет стезей Орлицы...

В итоге следует вывод:

Ведь выбор без ума урок вам дал такой:

Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов³⁰.

А вот тут — откровенное оскорбление его императорского величества! Поручик определенно хватил через край, потерял меру — слишком уж по-хамски изобразил он государя Александра Павловича: «глухая тварь», «разиня бестолковый»... Подобные характеристики «сатирой» никак не назовешь!

Как известно, Александр I был самолюбив и злопамятен. Он даже Наполеону не простил намека на свою причастность к отцеубийству! Когда Бонапарт получил возмущенное послание русского императора по поводу захвата и расстрела герцога Энгиенского*, он отвечал, что если бы царь поступил таким же образом в отношении убийц своего родителя, то он лично не имел бы никаких претензий... Считается, что именно это письмо, написанное, кстати, коварным Талейраном**, сделало Александра Павловича непримиримым врагом Наполеона.

Однако с поручиком государь сводить счеты не стал, хотя мог бы отправить Давыдова тем же чином в какой-нибудь Кавказский полк, как потом поступит его брат Николай I с лейб-гусарским корнетом Лермонтовым за стих «Смерть поэта», никоим образом, кстати, его самого не затрагивавший. Но Александр Павлович действительно был либерал и просто убрал Дениса с глаз долой, ничем его более не наказывая, — даже сохранил ему тот же класс по Табели о рангах***.

* * *

Пройдет чуть больше двадцати лет, и 14 декабря 1825 года произойдет восстание на Сенатской площади. Причастными к мятежу окажутся 22 офицера, которые тогда или ранее служили или числились в Кавалергардском полку — самом привилегированном, самом близком к престолу. Подобного числа «мятежников» не оказалось больше ни в одной из частей гвардии... Среди этих офицеров были самые старшие по возрасту декабристы — генерал-майоры Михаил Орлов и князь Сергей Волконский, подполковник Михаил Лунин. Лунин — 1787 года рождения, оба генерала — 1788-го.

* Французский принц Луи Антуан, герцог Энгиенский (1772—1804), находился в эмиграции в Баденском герцогстве, где был захвачен отрядом тайно перешедших границу французских драгун, вывезен во Францию и казнен.

** Шарль Морис Талейран-Перигор (1754—1838) — министр иностранных дел Франции в 1797—1807, 1814—1815 годах.

*** В соответствии с Табелью о рангах офицеры гвардии имели преимущество в два чина перед армейцами; чин гвардии поручика относился к IX классу, как и армейского капитана (ротмистра).

Давыдов был немногим их старше, и так получилось, что в полку они не встретились, хотя впоследствии Орлов стал одним из ближайших его друзей, да и многих других кавалергардов-декабристов Давыдов знал. Но он был исключен из полка в 1804 году, тогда как Лунин и Орлов поступили туда в начале 1805 года, а князь Волконский — сразу после Аустерлица...

Впрочем, Аустерлиц был впереди, Кавалергардский полк и Санкт-Петербург остались в прошлом, а путь нашего героя лежал в Звенигородку, город Киевской губернии, в окрестностях которого квартировал Белорусский гусарский полк.

Глава третья
«ДОКАЖИ, ЧТО ТЫ ГУСАР». 1804—1807

*Гусары, братцы, удалцы,
Рубаки, — черт мою взял душу!
Я с вами, братцы, молодцы,
Я с вами черта не потрушу!
Лишь только дайте мне стакан,
Позвольте выпить по порядку,
Тогда, лоханка — океан!
Француза по щеке, как блядку.*

.....

Набросок стихотворения,
приписываемого Денису Давыдову

«Если хочешь быть красивым — поступи в гусары», — саркастически рекомендовал легендарный Козьма Прутков. Между тем другая его фраза, гораздо более жизненная, известна намного меньше: «Не каждому человеку и гусарский мундир к лицу».

Известно, гусары и всё, что с ними связано, занимают в общественном сознании особенное место, и в этом отношении с ними не может сравниться ни один из видов кавалерии, тем более — пехоты. Разве что заметят у кого-то «гренадерский рост»... Но вот скажут: «Это гусар!» — и ничего более объяснять не надо. Если же, допустим, командование обвинит молодых офицеров в «гусарстве», то ясно, что без «оргвыводов» не обойтись...

В те далекие времена бывовал даже такой позабытый ныне глагол: «гусарить». «*Гусарить* — молодецовать из похвальбы, франтить молодецством. *Гусаристый* — кто гусарит, молодецует хватскими приемами!». Как сказано!

А ведь «создание» этого образа начинал именно наш герой, из-под талантливого пера которого вышли первые стихи «гусарской темы». Самым ранним из них стало написанное в 1804 году «Бурцову. Призывание на пунш»:

...Он гусар и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны — куль овса.
Нет курильниц, может статья,
Зато трубка с табаком;

Нет картин, да заменяются
Ташкой с царским вензелём!

Восхитительная картинка гусарского быта! Или даже бытия? Она вдохновила многих поэтов, равно как и эпигонов-рифмоплетов, на создание собственных гусарских стихов, а потому в русской поэзии разного рода «гусаров» насчитывается не меньше эскадрона. Образцы «творчества» вторых мы приводить не будем, а вот из первых широко известны и пушкинский «Гусар»:

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!
Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу шей пустых дадут,
А уж не думай о горелке...»²

...и лермонтовский:

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан;
Но знай — покой души не вечен,
И счастье на земле — туман!
Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров;
Но берегись думы черной, —
Она черней твоих усов...³

Не сравнивая стихи в литературном плане, скажем несколько слов про их героев: у Лермонтова — это офицер лейб-гвардии Гусарского полка, что определяется по красному доломану и серому коню; у Пушкина — нижний чин армейского полка. Стихотворения написаны почти в одно время: Лермонтовым — в конце 1832 года, Пушкиным — в начале 1833-го... Оба поэтических гусара — и гвардейский офицер, и армейский солдат — являются образами по-своему романтическими, каждый на своем, судьбой определенном, уровне. У офицера — несчастная любовь, у солдата — какая-то чертовщина! Словом, у обоих сплошная гусарщина!

Впрочем, откуда взялась она, эта самая «гусарщина»? Чем таким особенным, кроме роскошного обмундирования (в Российской императорской армии только у гусар каждому полку были присвоены свои особые цвета мундиров), отличались эти воины легкой кавалерии? Желających получить подробный от-

вет мы адресуем к прекрасной книге Аллы Бегуновой «Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I»⁴, а сами скажем о главном: все упиралось в боевые задачи, гусарами решаемые, и, соответственно, в способы их выполнения. Изначально, в XVIII столетии, иррегулярные гусарские полки и эскадроны несли пограничную службу; затем, в многочисленных войнах первой четверти XIX века, выполняли задачи разведки и охраны, совершали рейды и набеги на тылы и коммуникации противника, а в 1812 году входили в состав «летучих» партизанских отрядов, действовавших в неприятельском тылу. В отличие, к примеру, от кирасир, выходивших на поле боя стройными сомкнутыми шеренгами и стремительным мощным ударом сокрушавших вражеские каре, гусары обычно действовали в рассыпном строю, небольшими группами, хотя, если надо, могли атаковать и в сомкнутом конном строю, «колени о колени». Все это требовало особой ловкости и смелости — точнее даже, беззаветной отваги, дерзости, смекалки, инициативы и предприимчивости, а также — прекрасной индивидуальной выучки, отличного владения конем и оружием. Отбор в гусары был особый, туда подходил далеко не каждый...

«Когда у нас завелись гусарские полки, то русское молодечество как нельзя больше согласовалось с требованием тогдашней службы, и скоро появились гусары, даже превосходившие Фридриховых. — До наших дней живут в преданиях удалство, бесстрашие тогдашних гусар. — Кто не знает имена достойнейших шефов их: князя Васильчикова, графов Ламберта, Палена и Ридигера, Кульнева, Дорохова, Мелиссино и др. — Все это имена исторические»⁵, — писал военный историк. Большинство перечисленных им имен еще прозвучат в нашей книге.

С гусарами прусского короля Фридриха II*, нареченного «Великим», русские войска познакомились в Семилетнюю войну — хотя в России гусары появились еще в XVII веке, а изначально они возникли в Венгрии, потом «пришли» в Польшу.. Но это — не наша тема, и вообще мы говорим о «гусарщине».

Тут следует учесть, что в позапрошлом столетии для военнослужащих не было не только системы «психологической разгрузки», но и простой «организации досуга», между тем как большинство гусарских полков стояли в западных губерниях, в грязных местечках, где ровным счетом ничего хорошего не было. Вот, кстати, как рассуждал на эту тему гусарский

* Фридрих II (1712—1786) — прусский король с 1740 года; территория Пруссии при нем почти удвоилась.

ротмистр Зурин из «Капитанской дочки»: «В походе, например, придешь в местечко — чем прикажешь заняться? Ведь не всё же бить жидов. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на биллиарде...»⁶ Главными развлечениями офицеров были пирушки, азартные игры и разного рода «проказы», что опять-таки добавляло в их жизнь лихости и романтизма.

Для довершения образа добавим мундир, шитый золотом или серебром, в зависимости от полка — гусары позволяли себе еще и дополнительно украшать их разного рода вышивками: у кого на груди красовалась улыбающаяся луна, у кого на чакчирах* сзади — голубки, целующиеся при ходьбе! Хотя в начале XIX века от военных требовалась «павловская» пудренная прическа с косой, но у гусар были приняты разного рода вольности — вплоть до длиннющих и тщательно завитых пейсов... Усы в те времена дозволено было носить только офицерам гусарских полков. Была еще и такая мода, что офицеры, вплоть до полковых командиров, носили солдатскую форму или же некое подобие военной формы, но обязательно с какими-то гусарскими элементами — как, например, «венгерка»**.

И вот характеристика, данная Денисом Васильевичем Давыдовым своим товарищам по оружию в малоизвестном стихотворении «Герою битв, биваков, трактиров и б...»:

О рыцарь! идол усачей!
Гордись пороками своими!
Пируй с гусарами лихими
И очаровывай б...й!⁷

Гусары были подлинными кумирами провинциального дамского общества, украшением уездных и губернских балов. Все партикулярные господа мучительно им завидовали, хотя на словах было совершенно по-иному. Известно, что с тех пор, как «образованный класс» разделился на военных и чиновников, возник и антагонизм между армейцами и статскими. Партикулярные завидовали — повторим это слово — многим очевидным преимуществам военных: от таких необходимых этому сословию личных качеств, как отвага и решительность, до внешнего вида — выправке, красивой форме со знаками отличий. Зато на словах, за спиной, — постоянные обвинения военных в ограниченности, излишней дисциплинированности, необразованности — вплоть до глупости.

В чем-то они были правы. Человек, подавляющий в себе главнейший инстинкт всего живого — инстинкт самосохране-

* Гусарские штаны.

** Куртка, расшитая шнурами.

ния, живущий, что называется, «по уставу», не может не отличаться от простых граждан. Но это отличие продиктовано высшими интересами Отечества и достойно искреннего уважения! Не забудем, что именно военное сословие дало России Давыдова и Лермонтова, Федотова и Мусоргского, Тотлебена и Можайского, многие десятки известных ученых, литераторов, деятелей искусств. К тому же армия и Церковь — главная опора государства, наиболее здоровые и патриотичные институты общества.

Кстати, если бы не было этой многовековой тайной зависти статских к военным, то в современной России многочисленные чиновники разнообразных ведомств не носили бы мундиры с погонами в стиле *military*, саму военную форму не изуродовали бы, да и реальное отношение к армии... Впрочем, тут мы поставим отточие и вернемся в далекий XIX век, в те благословенные времена, когда среди «мирных помещиков» была столь живуча мода на «венгерки» и короткие сапожки с кисточками — атрибуты гусарского обмундирования...

Можно предположить — хотя, как было оно на самом деле, знал только сам Денис Васильевич, ибо такие чувства обычно прячутся в глубине сердца, — что перевод в армейский гусарский полк ротмистром наш герой воспринял достаточно спокойно. На то были три очевидные причины: первая — романтический флёр, окружавший армейских гусар, о чем мы уже говорили; вторая — близость войны, на которой можно будет отличиться и с лихвой возвратить утраченное; третья — все могло быть гораздо хуже.

По Табели о рангах поручик гвардии соответствовал армейскому ротмистру или капитану. Офицер, выходявший из гвардии по собственному желанию, оставался в том же классе, так что гвардейский поручик приходил в армейский полк ротмистром, а гвардейский ротмистр — подполковником, а то и полковником, как правило — командиром полка. Но при удалении из гвардии офицеров могли направлять в армию тем же чином. Вспомним корнета Михаила Юрьевича Лермонтова, который в 1837 году из лейб-гвардии Гусарского был переведен прапорщиком в Нижегородский драгунский полк, на Кавказ. Это было очень серьезным наказанием! Слава богу, Денис Васильевич таковому подвергнут не был.

Итак, Белорусский гусарский полк — белорусцы, как называли его чинов.

Он был сформирован недавно, в мае 1803 года, на основе восьми эскадронов, отчисленных от славных Александрийского, Елисаветградского, Ольвиопольского и Павлоградского гусарских полков — по два эскадрона от каждого. По

сформировании и до перемены обмундирования в конце 1809 года Белорусскому полку были присвоены синий ментик и синий доломан с красными воротником и обшлагами, с белыми шнурами и пуговицами; чакчиры у всех гусарских полков в то время были белыми. Впрочем, именно белыми брандебурги* были только у солдат, а гусарские офицеры носили серебряное или золотое шитье — солдаты, соответственно, желтые шнуры. Отметим, что за свое царствование Александр I дважды подписывал указы, разрешая офицерам «в целях экономии» носить на повседневном обмундировании не серебряные, а гарусные «шнуры» — причем второй указ был подписан в конце 1812 года, во время Отечественной войны! — однако понимания это не нашло, и мало кто из гусар воспользовался такой «милостью»... В 1809 году Белорусский полк несколько изменил свое обмундирование: чакчиры были определены синие, а ментик — красный; но это произошло уже после Дениса.

Очевидно, произошедшее с ним было несколько смягчено и тем, что шефом** Белорусского гусарского полка был генерал-майор граф Павел Васильевич Голенищев-Кутузов — недавний командир кавалергардов. Хотя между командиром и субалтерно-офицерами*** была дистанция огромного размера, но по тому, что до известного происшествия служба Давыдова в кавалергардах протекала успешно, думается, что граф к нему благоволил.

Полковым командиром в Белорусском полку был полковник Яков Федорович Ставицкий, который в конце 1807 года станет генерал-майором и заменит графа Голенищева-Кутузова в должности шефа.

О тогдашних настроениях Дениса приходится судить по строкам из его автобиографии:

«В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда в Киевской губернии, в окрестностях Звенигородки. Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, *затянулся, натянулся* и пустился плясать мазурку до упаду.

В это бешеное время он писал стихи своей красавице, которая их не понимала, потому что была полька, и сочинил известный призыв на пунш Бурцову... который читать не мог от того, что сам *писал мыслете*****»⁸.

* Брандебурги — старинное название шнуров и галунов на мундире или партикулярном платье.

** Шеф — здесь: генерал, имевший общее наблюдение за полком.

*** Субалтерно-офицер — офицер эскадрона или роты, не являющийся командиром данного подразделения.

**** «Писать мыслете» — быть пьяну (В. И. Даль).

В общем, все кажется легко и просто: «бешеное время». Давыдов облачился в гусарский мундир, отпустил те самые легендарные свои усы, которые были воспеты во многих его и не его стихотворениях: «мой ус, краса природы, чернобурый в завитках», и тогда, очевидно, пристрастился к трубке — в то время курили офицеры только легкой кавалерии. Но довольно скоро, чему способствовала обстановка, курить стали офицеры во всех полках. Как объясняет французский автор: «Война особенно способствует привычке курить, тем более если театром ее бывают стороны холодные и влажные... легче найти табак, нежели хлеб, о котором солдат серьезно подумывает в походе. В армии пример увлекает, кроме того, надо курить поэтому, что:

*Que faire en un bivouac a moins que l'on ne fume?**

Трубка развлекает, прогоняет скуку и успокаивает, между солдатами порождает веселость и остроумие, начальников располагает к размышлению, — а эта польза уравнивается с упреками, которые могли бы сделать ей»⁹.

Автор, очевидно, не знал, что при отсутствии табака заядлым курильщикам приходилось отдавать за него свой хлеб...

Итак, как было все на самом деле, знал только сам Денис. Все-таки Звенигородка — не Петербург.. Но где найдешь, где потеряешь — не угадать. Если для одного удаление из гвардии становилось смертельным ударом судьбы, то другому оно открывало путь к боевой славе, наградам и чинам. Оставшись в кавалергардах, Давыдов вряд ли бы стал легендарным «поэтом-партизаном». Нет, стать партизаном он бы смог, а вот поэтом — весьма сомнительно! Когда б он не был убит на дуэли после очередного «Сна», то, всего скорее, был бы известен узкому кругу литературоведов в качестве автора ряда сатир, эпиграмм и иронических стихов. Как тот же Сергей Марин, ныне практически позабытый... Именно служба в белорусских гусарах сделала Дениса самым известным из армейских поэтов. Разумеется, назвать «армейским поэтом» Михаила Лермонтова, хотя и поручика лейб-гвардии Гусарского полка, нельзя.

А время выбирает не только своих героев, но и поэтов. Россия вступала в десятилетие Наполеоновских войн — небывалых по масштабам, ожесточенности, кровопролитию и последствиям. «Военная тема», входя в повседневную жизнь, выходила на первый план в литературе, потому как была востребована общественным сознанием. Однако торжественные оды Екатеринославской эпохи, славившие Потёмкина, Румянцева, Суворова, остались в прошлом, равно как и их победы.

* Что делать на бивуаке, если не курить? (фр.).

Доктор филологических наук Борис Эйхенбаум* писал:

«Нужен был, очевидно, решительный ход в сторону: от батальных тем — к военно-бытовому, от абстрактно-героического тона — к созданию конкретной фигуры “поэта-воина”, от высокого стиля — к стилю низкому, профессионально-бытовому. Логика эволюционного процесса требовала, чтобы военная тема оказалась в руках профессионала, самая поэтическая работа которого была бы связана с военным делом, с военным бытом — не как специальное занятие литератора, а как результат его досуга. Иначе говоря, военная поэзия должна была отъединиться от “штатской”, но вместе с тем освободиться и от одописных традиций, а пойти по линии тех же “домашних жанров” — как их специфическая разновидность. Нужен был не батальный пейзаж в стиле Тасса, а реальный автопортрет военного героя. Нужна была личностная поза, нужны были личность, тон и голос: не “воспевание” героя, а рассказ самого героя о самом себе — и рассказ конкретный, бытовой, с деталями жизни и поведения... Нужен был, иначе говоря, интимный портрет военного героя, лирическая автобиография в духе новых бытовых жанров — с живыми интонациями, с профессионально-бытовым языком, с чертами определенной индивидуальности.»

Именно это и было сделано в стихах Дениса Давыдова¹⁰.

Эти рассуждения советского ученого можно завершить словами из рецензии на очередное издание давыдовских сочинений, опубликованной в «Литературной газете» более чем полтора века тому назад:

«Любопытный элемент этот [*Давыдовский*] в русской поэзии родился вместе с Давыдовым, дошел вместе с ним до своего апогея и умер вместе с ним же, произведя немного и большей частью весьма неудачных подражателей»¹¹.

Ну да, «второго Давыдова» у нас нет, хотя поэтов «военной темы» было и есть немало... Однако в стихах Дениса отразилась душа той армии, в которой он служил, — лихих, отважных, бесшабашных и блистательных полков первой половины царствования Александра I, сокрушивших Наполеона, поразивших Европу своими благородством и своеобразной красотой... Но все изменилось после возвращения армии из Заграничного похода, а особенно — после «Семеновской истории»**, и к николаевскому царствованию армия была уже совершенно иной. Соответственно, менялось и общество, и то, что во времена Давыдова считалось доблестью, стало осуждаться —

* Борис Михайлович Эйхенбаум (1886—1959) — советский литературовед, доктор наук, профессор.

** Возмущение в лейб-гвардии Семеновском полку в октябре 1820 года.

впрочем, об этом мы еще поговорим особо... Напоминать, что в Красной — Советской армии всякого рода «гусарщина» прямо-таки «выжигалась каленым железом», мы не будем, а про современную армию, из которой всячески удаляется именно военный, «строевой» — совершенно непонятный для штатских, но крайне необходимый — элемент, вообще помолчим.

Так что «второму Давыдову» взяться просто неоткуда — как бы он ни был талантлив: коренным образом изменились военная служба и отношение к ней, так же как и сама психология военного человека.

Давыдов писал: «За тебя на черта рад, наша матушка Россия!»

В современной «официальной» армейской песне, в которую популярный поэт-песенник вложил, очевидно, весь свой талант, поется:

Служить России суждено тебе и мне,
Служить России — удивительной стране,
Где солнце новое встает на небе синем...

Про «удивительную страну» — точнее не придумаешь! Воистину, «умри Денис, лучше не напишешь!» — как это было сказано о другом Денисе...*

Писать о службе нашего героя в белорусских гусарах еще сложнее, чем в кавалергардах. Она вся вмещена в те самые два абзаца из воспоминаний: мол, судьба забросила, и был еще некий Бурцов.

Додумывать мы ничего не станем — или, если угодно, не будем повторяться — ибо строевая служба что в гвардейском кавалерийском полку, что в армейском имела немного различий. День так же начинался с чистки лошадей, были манежные занятия — и так далее... Конечно, не было придворной службы, но имелись свои особенности, связанные с дислокацией полка близ западной границы. Зато частная жизнь гусарских офицеров весьма отличалась от гвардейской — хотя бы потому, что единственным обществом, в котором приходилось им общаться, являлась полковая семья, где все было общим: и деньги, и время, и неприятности, и опасности, и слава... Поездка на бал в уездный город или в помещичью усадьбу была нечастым счастливым событием.

Так что развлечений и способов отдохновения оставалось немного: игра и пьянство. Но в карты Давыдов не играл. По свидетельству сына, «пагубная страсть к игре деда моего так

* Так сказал светлейший князь Потёмкин Денису Фонвизину после спектакля «Недоросль».

подействовала на отца моего, что он и брат его Евдоким никогда не играли в карты и только в старости уже выучились в модную тогда игру мушку, в которую играли оба весьма дурно»¹².

А пьянство... Не нужно считать, что это было просто тупое «надираание» до беспамятства, с неизбежным «ты меня уважаешь?» и хмельными поцелуями. Нет, гусарское пьянство было своеобразным ритуалом дружеского общения, освященным традициями!

Вот, например, питье жженки — один из символов гусарской жизни, нашедший отражение во многих «гусарских» стихах.

Это был именно ритуал, со своими строгими правилами, нигде не записанными, но свято соблюдаемыми, ибо жженка считалась царицей гусарских кутежей и была явлением праздничным. В тот торжественный день, когда гусары собирались для питья жженки, из комнаты, где проходил пир, выносились вся утварь, пол ее застилался коврами, а ставни закрывались. Посреди помещения размещалась заполненная ромом бадья, на нее клали крест-накрест две сабли, на них ставилась сахарная голова, ее поливали ромом и поджигали, что символизировало «бивуачный костер». Офицеры рассаживались вокруг, скрестив ноги по-турецки, курили трубки с длинными чубуками, вели неторопливый разговор. Через некоторое время в бадью наливали шампанское, командир перемешивал напиток своей саблей и затем его разливали ковшиками в стволы пистолетов, у которых затравочные отверстия были залиты сургучом. Каждый тост сопровождался сигналами труб — перед избой стояли трубачи. Для тех же, кто уставал от винопития, соседняя комната была устлана сеном...

Ну а так, обыкновенно, потребление напитков шло долго-временно и в строгой черед. Каждый из них мог употребляться до тех пор, пока вконец не надоест — то есть по несколько недель. Офицеры изо дня в день пили шампанское — и ничего иного; затем переходили на мягкую виленскую водку или сладкую гданскую или отдавали должное портеру... Все это зависело от полковых пристрастий и от географии дислокации воинских частей.

И вот вопрос, волнующий многих: насколько сам Денис Васильевич предавался тогда «пьянственному времяпрепровождению»? Как говорится, «есть мнение», что в разгульной гусарской жизни Давыдов принимал в основном «умозрительное участие». Ответим однозначно: не знаем!

Вот что писал впоследствии князь Петр Андреевич Вяземский:

«Беседы мои с ним после долгой разлуки так и вспрыскивали, так и обдавали меня живою водою нашей бывалой московской жизни. Признаться, вспрыскивали не одною водою, а подчас и шампанским. Впрочем, не лишне заметить, что певец вина и веселых попок в этом отношении несколько поэтизирован. Радушный и приятный собутыльник, он на деле был довольно скромн и трезв. Он не оправдал собой нашей пословицы: пьян да умен, два угодыя в нем. Умен он был, а пьяным не бывал»¹³.

Но это — совсем иное время. А что было в лихую пору Белорусского полка, не скажет, к сожалению, никто.

«Если вспомнить при этом выражение князя А. И. Щербатова: “Давыдов, когда хорошо его узнать, только хвастун своих пороков” и слова А. П. Ермолова, что Давыдов был гусаром, славил и пил вино и оттого прослыл пьяницей, то еще ярче выступит талантливость Дениса Васильевича. Бойко владея стихом, он сумел проникнуть в мирозерцание старых гусар, схватить их тон и привычки до того верно, что сам прослыл в глазах читающей России бойким, бесшабашным воякой, горьким пьяницей и певцом “вина, любви и славы”»¹⁴.

В общем, пусть каждый считает так, как ему нравится — в любом случае, факт этот не главный в жизни Давыдова. Гораздо важнее, что именно в это время он стал писать такие стихотворения, которые вошли в «золотой фонд» великой русской литературы и обессмертили его имя. Гусарские стихи Дениса замечательны, от них аж дух захватывает, словно бы мчишься на коне во весь опор:

...Но чу! — гулять не время!
К ко́ням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам Бог дает...

Или вот:

Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй*, как фланкируешь,
В мирных днях не унывай,
И в боях качай-валяй...

Так и видишь их автора: эдакого усталого, мужественно-го гусара-рубаку, который весьма талантливо «балует» стиш-

* Фланкер — конный воин, который *фланкирует*, послан на *фланкирование* или *фланкировку*; *фланкеры* высылаются россypью по флангам (бокам) отряда, для охраны его от внезапного нападения; они же начинают конное дело, как застрельщики пешее, съезжаясь, ристая, один на один (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

ками» в короткий перерыв между боями. Ах, какое снисхождение старого испытанного бойца к необстрелянным юнцам звучит в словах «Гусарского пира»:

Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли:
«И до нас придет пора!»

Но ведь и первое стихотворение — «Бурцову», и второе, дважды процитированное — «Гусарский пир», написаны все в том же 1804 году, когда о боевых подвигах Денис Давыдов мог еще только мечтать... Но кстати, в конце концов, кто же такой этот Бурцов, которого Давыдов именует «гусаром гусаров» и славит во многих своих стихах?

Вот «Бурцову. Призывание на пунш»:

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради Бога и... арака
Посети домишко мой!

Вот лихой «Гусарский пир», где автор призывает:

Ради Бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами! —

а затем провозглашает здравицу:

Бурцов, пью твое здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!

Кто же это? Да кажется, что всего лишь... литературный образ, созданный Давыдовым и «подхваченный» многими другими авторами не только XIX века.

Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Бурцовой души угрозы!¹⁵ —

писал в 1822 году Александр Сергеевич Пушкин.

И сей бродящий взгляд понятен —
Он ищет Бурцова средь нас.

О Бурцов! Бурцов! честь гусаров,
По сердцу Вакха человек!

.....
И мой резец, в руке дрожащий,
Изобразит от сердца стих:
Здесь Бурцов, друг пиров младых;
Сном вечности и хмеля спящий.
Любил он в чашах видеть дно,
Врагам казать лицо средь боя. —
Почтите падшего героя
За честь, отчизну и вино!¹⁶ —

это князь Петр Андреевич Вяземский.

При нем пил Б[урцо]в,
чтоб врубиться,
С отвагой русской, в янычар,
И в них врубался, чтоб напиться,
Пока в могилу не упал
Пилов гусарских жертвой славной!¹⁷ —

это не слишком складные стихи Николая Васильевича Неведомского, поэта бесталанного*, но плодовитого, эпигона Давыдова, который в Отечественную войну служил в гусарах и даже был в партизанском отряде Фигнера.

Бурцов остался также и на страницах классической прозы: пушкинский Сильвио в «Выстреле» говорит: «я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым», — и что имеет он в виду, вполне понятно.

Кому-то Бурцов вообще стал жизненным примером, ну просто — идеалом! Незабвенный Николай Иванович Греч писал: «Кто в молодые годы не повторял стихов Давыдова, кто не списывал этих удалых стихов в одну заветную тетрадку? Стихи Давыдова пленяли почти все наше военное поколение... Кто из молодых людей не воображал себя Бурцовым?»¹⁸

Но, конечно, реальный такой человек был, и он действительно служил в белорусских гусарах вместе с Давыдовым! Вот даже генерал от инфантерии граф Павел Дмитриевич Киселёв, бывший кавалергард и министр государственных имуществ, отмечал в воспоминаниях: «Все боялись буяна и забияку Бурцова».

И все же это лишь образ! Из книги Аллы Бегуновой мы узнаем, что в декабре 1807 года Алексей Петрович Бурцов «за болезнью, приключившейся от конского ушиба», был переведен в Саратовский гарнизонный батальон, а через два года уволен

* Употребляемое в подобных оценках слово «бесталанный» реально означает «несчастный».

от службы в капитанском чине. В октябре 1810 года «гусар гусаров» решил возвратиться в Белорусский полк и подал о том прошение. И далее:

«В Военном министерстве, прежде чем решить вопрос, проверили формулярный список этого отставного офицера. В нем не было ни одной порочащей Бурцова записи. А ведь такие пометки делали при ежегодной аттестации офицеров в полках, потому что военная администрация тогда, как, впрочем, и во все времена боролась с пьянством, разгильдяйством и самоуправством...»¹⁹

В подтверждение автор приводит составленный в том самом году длинный список офицеров различных полков, «преданных пьянству». Бурцова среди них нет — как говорится, «замечен не был». Значит, отнюдь не первый пьяница и буян.

Так ведь и граф Киселёв, насколько нам известно, с ним никогда не встречался, зная его только по стихам Давыдова.

Возникает мысль, что, пожалуй, «славного Бурцова» вполне можно сравнить с ... Анной Петровной Керн. Глядя на ее портреты, видишь, что очень мила, хороша — однако отнюдь не первая красавица. Но встретил ее Александр Сергеевич Пушкин — и родились удивительные строки:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Так приходит бессмертие. Имя Анны Петровны Керн даже сегодня известно каждому грамотному (уточняя это, ибо неграмотность в нашей стране становится обыденным явлением) человеку. Но кто назовет действительных «первых красавиц» того далекого времени? Разве что вспомнит Наталью Николаевну Гончарову — опять-таки, наделенную бессмертием благодаря Пушкину.

Думается, так и Бурцов стал символом гусара лишь потому, что был воспет поэтом-партизаном.

Но у медали есть обратная сторона. «Бурцовская легенда», в веках прославившая своего героя, имела горький привкус для его близких. 16 июля 1805 года известный мемуарист Степан Петрович Жихарев записал в дневнике, что отдыхая в Липецке, он встретил многих знакомых, «и между прочим старого городничего» Петра Тимофеевича Бурцова: «Старик огорчен поведением единственного сына, гусарского поручика, доброго будто бы малого, но величайшего гуляки и самого отчаянного забулдыги из всех гусарских поручиков»²⁰. Не нравится родителям, когда дети получают сомнительную славу!

Да и представители последующих поколений смотрели на Бурцова уже совсем иными глазами. В середине XIX столетия известный писатель и критик Александр Васильевич Дружинин так оценил толстовскую повесть «Два гусара»:

«Первая половина произведения происходит в двадцатых годах нашего столетия или вскоре после кампании 12-го года. Лихой гусар, граф Турбин, один из героев давыдовской школы, представитель старых гусаров с красно-сизыми носами, приезжает, промотавшись дочиста, в небольшой городок, где его встречают с почетом и с некоторым страхом... “Бурцов, ёра-забияка”, без сомнения, был бы приведен в восторг делами графа Турбина, но читатель нашего времени не старый гусар “с кивером набекрень” и “виноточивою баклажкой”. Он готов отозваться о герое повести, как о гнусном буяне»²¹.

Опять Давыдов, опять Бурцов и... извечный конфликт между военными и штатскими... Впрочем, и здесь мы ставим отточие и закрываем «бурцовскую тему», уточнив, что в дальнейшем об Алексее Петровиче известно лишь то, что он скончался в 1813 году в Брест-Литовске — умер от ран или болезни.

Простимся мы и с Белорусским гусарским полком. Пребывание нашего героя в нем было недолгим, хотя именно оно определило его судьбу.

«Оставшиеся в Петербурге его друзья, с командиром эскадрона Лейб-Гусарского полка князем Б. А. Четвертинским* во главе, не щадили усилий, чтобы устроить перевод Давыдова в столицу. Усилия эти, наконец, увенчались успехом. В 1806 г., 4 июля, Давыдов был переведен в лейб-гусары поручиком и в начале сентября был уже в Павловске»²².

Борис Антонович Четвертинский был родным братом знаменитой Марии Антоновны, фаворитки Александра I, и этим обстоятельством — точнее, своим двусмысленным положением, весьма тяготился. В 1803 году, девятнадцати лет от роду, он вышел в отставку в чине полковника лейб-гвардии Преображенского полка, но с началом Наполеоновских войн поступил в лейб-гусары, дрался отважно — начиная с Аустерлица, заслужил несколько орденов, но летом 1813 года уволился из армии вчистую. Только в 1835 году, при Николае I, он возвратился ко двору в должности шталмейстера**. Если бы не отношения императора с его сестрой, он мог бы достигнуть гораздо большего. Впрочем, еще большего он мог достигнуть, если бы одобрял подобные отношения. Его зятя, Дмитрия Львовича Нарышкина, все вполне устраивало, а потому он был обер-

* *Борис Антонович Четвертинский* (ок. 1784—1865) — князь, действительный статский советник.

** Придворный чин, заведовавший царскими конюшнями.

егермейстером, кавалером всех высших российских орденов и обладателем двадцати пяти тысяч душ... Вот, кстати, разница между людьми военными и штатскими.

Что именно связывало князя Четвертинского и Дениса Давыдова, сказать сложно, однако — дружили, и князь не раз помогал нашему герою...

Итак, менее чем через два года Давыдов возвратился в гвардию. Вернулся он другим человеком — но ведь и гвардия теперь была уже совсем не та.

«Положение мое относительно к товарищам было истинно нестерпимое, — искренне признавался Денис. — Оставя гвардию, не слыхавшую еще боевого выстрела, я провел два года в полку, который не был в деле, и поступил обратно в ту же гвардию, которая пришла из-под Аустерлица. От меня еще пахло молоком, от нее несло жженым порохом. Я говорил о рвении моем; мне показывали раны, всегда для меня завидные, или ордена, меня льстившие. Не раз вздох ропота на судьбу мою заструил чашу радости»²³.

Так, с ироничным снисхождением к самому себе, писал генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов, портрет которого был помещен в Военной галерее Зимнего дворца, а литографированные и лубочные изображения — то в армяке и с бородой, то в гусарском мундире с орденами — украшали чуть ли не каждую крестьянскую избу.. Но так ли было в далеком 1806 году?

По воле рока героями первой войны с Наполеоном стали отнюдь не лихие армейские гусары, в рядах которых служил Давыдов, но «паркетные» петербургские гвардейцы. Первыми среди отважных оказались кавалергарды — боевое крещение полка в сражении при Аустерлице стало подвигом, который не только вошел в историю, но и оставил след в отечественной литературе. Вот как граф Лев Николаевич Толстой описал его в романе «Война и мир» — глазами гусара Павлоградского полка Николая Ростова:

«Не успел он проехать несколько сот шагов после этого, как влево от него, наперерез ему, показалась на всем протяжении поля огромная масса кавалеристов на вороных лошадях, в белых блестящих мундирах, которые рысью шли прямо на него... Ростову все слышнее и слышнее становился их топот и бряцание их оружия и виднее становились их лошади, фигуры и даже лица. Это были наши кавалергарды, шедшие в атаку на французскую кавалерию, подвигавшуюся им навстречу...

Это была та блестящая атака кавалергардов, которой удивлялись сами французы. Ростову страшно было слышать потом, что из всей этой массы огромных красавцев людей, из

всех этих блестящих, на тысячных лошадях, богачей, юношей, офицеров и юнкеров, проскакавших мимо его, после атаки осталось только осемнадцать человек»²⁴.

Признаем, что краски здесь несколько сгущены: в Кавалергардском полку умерли от ран два офицера, ранены были четыре, а семеро — ранены и взяты в плен; также были убиты, умерли от ран и пропали без вести 154 нижних чина, а 72 — ранены.

Так как в 1804 году полк был увеличен до пятиэскадронного состава, а вскоре был добавлен еще и запасной эскадрон, то 28 октября 1805 года в нем было налицо 804 палаша — и при Аустерлице Кавалергардский полк потерял треть своего состава. Под оставшимися «осемнадцатью человеками» граф Толстой, очевидно, имел в виду уцелевших в 4-м эскадроне полковника князя Репнина, но и это представляется сомнительным, тем более что данных о погибших по эскадронам нет, а раненых нижних чинов у Репнина было 26 человек...

Думается, что прежние полковые товарищи не раз пересказывали возвратившемуся из «ссылки» Денису подробности Аустерлицкого боя. Они вспоминали о том, как полк, оставленный в резерве вместе с большинством гвардейских частей, готовился к царскому смотру и торжественной встрече победителей, но вдруг было получено приказание цесаревича Константина, командовавшего гвардией, срочно прибыть к полю боя. Незамедлительно выполнив приказ, кавалергарды «увидели весь горизонт, покрытый боем».

«Выручайте пехоту!» — приказал Константин Павлович, встретивший полк у переправы через Раузницкий ручей.

«Поднявшись на берег, кавалергарды увидели перед собою семеновцев, окруженных кавалерией, отбивающих у нее свои знамена. Кругом, ни вправо, ни влево, не видно было русских частей войск, видны были лишь кучки бегущих, а общим фоном этой картины служила почти сплошная стена французской пехоты»²⁵.

Три первых эскадрона кавалергардов развернулись вправо, атаковали и отбросили неприятельскую пехоту, тем самым позволив преобращенцам и пешей артиллерии отойти за ручей; 4-й и 5-й эскадроны ударили на французскую кавалерию, смяв и обратив в бегство ее первую линию, затем были окружены многократно превосходящим противником и отступили. Но даже понесший ощутимые потери полк не был расстроен и не бежал. Перейдя через ручей, кавалергарды построились на левом его берегу, и французы не решились атаковать эту все еще грозную силу..

Атака кавалергардов, которые отвлекли на себя вражескую

кавалерию и тем самым спасли от гибели пешую гвардию, а ее знамена — от поругания, была коллективным подвигом, состоявшим из многих блистательных героических поступков.

За Аустерлиц шеф Кавалергардского полка генерал-лейтенант Федор Петрович Уваров и полковой командир генерал-майор Николай Иванович Депрерадович были награждены орденами Святого Георгия III класса, эскадронный командир полковник князь Николай Григорьевич Репнин — орденом Святого Георгия IV класса. Отличились и многие ровесники Давыдова, вследствие чего штабс-ротмистр Василий Левашов был отмечен орденом Святой Анны 3-й степени, поручик Александр Чернышев — орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом; поручики Федор Уваров и Иван Храповицкий, корнеты Алексей Прокудин и Павел Римский-Корсаков — «аннинскими крестами» на шпаги, что позже стало именоваться 4-й степенью ордена Святой Анны. Это далеко не все награжденные: император Александр I на ордена и золотые шпаги тогда не поскупился.

Особенно известным в полку стал подвиг корнета Александра Альбрехта. Когда выбыли из строя все нижние чины его взвода, Альбрехт, потерявший в бою коня, остался вдвоем с вахмистром, и они, встав спина к спине, отражали наскоки французских кавалеристов. Когда упал вахмистр, корнет продолжал драться в одиночку, пока не был изрублен; потеряв сознание, он остался лежать на поле боя среди мертвых тел. Ночью его богатый мундир заметил французский мародер, и чтобы перевернуть на спину лежащего ничком офицера, всадил ему в ногу штык, действуя ружьем, как рычагом, — боль от новой раны вернула Александра в сознание.

Не менее мужественным было поведение кавалергардских офицеров, оказавшихся в плену.

Командир 4-го эскадрона полковник князь Николай Григорьевич Репнин-Волконский, раненный пулей в голову и контуженный в грудь, вместе с еще несколькими пленными кавалергардскими офицерами был доставлен к императору Наполеону. «Кто старший?» — спросил он, увидев пленных. Назвали Репнина. «Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?» — спросил Наполеон. «Я командовал эскадронам», — отвечал Репнин. «Ваш полк честно исполнил долг свой». — «Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату». — «С удовольствием отдаю ее вам»²⁶.

После того Наполеон обратил внимание на семнадцатилетнего корнета графа Павла Сухтелена и сказал со снисходительной улыбкой: «Он слишком молодым вздумал тягаться с

нами”. — “Молодость не мешает быть храбрым”, — смело отвечал Сухтелен. “Хороший ответ, молодой человек! Вы далеко пойдете”»²⁷.

Оказавшись в плену кавалергардским офицерам было предложено освобождение — при условии, что в продолжение текущей кампании они не будут драться против французов. Дать слово кавалергарды отказались.

Денис с восхищением и завистью слушал эти рассказы, но был один момент, беспокоивший его, как гвоздь в сапоге.

Все мы любим своих братьев, однако часто к этой любви примешиваются ревность и неизбежный дух соперничества.

В том же 1801 году, что и Денис — но чуть позже по времени, эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк был зачислен его пятнадцатилетний брат Евдоким. Уже через год он был произведен подпоручиком лейб-гвардии в Егерский батальон, а еще через год возвратился в Кавалергардский полк корнетом*. При Аустерлице Евдоким Давыдов получил пять ран саблей, одну — штыком и одну — пулей. Потеряв сознание и обессилев от потери крови, он до ночи оставался лежать на поле сражения, а потом, очнувшись, с трудом добрался до деревни, где были наши раненые. Вместе с двумя другими товарищами по несчастью он решил идти вослед отступавшей армии, но по пути был остановлен французскими конногренадерами и оказался в плену.. Вследствие какой-то необъяснимой симпатии в судьбе русского офицера принял участие поручик французского гвардейского Конногренадерского полка Серюг, кстати — племянник герцога Бассано**, секретаря Напарты и будущего министра иностранных дел. Поручик отвез пленника в Брюн, где была главная квартира императора, поместил его в тамошний госпиталь.

...Удивительно, но вскоре Давыдов-старший сумеет отблагодарить спасителя своего брата...

Можно только гадать, какие чувства испытывал Денис Васильевич при общении с младшим братом — героем, покрытым ранами, награжденным золотой шпагой с надписью «За храбрость», а вскоре еще и произведенным в штабс-ротмистры, то есть обошедшим старшего брата в чине! Вопросы чинопроводства и старшинства являлись тогда очень шекотливыми...

Кузен Александр Львович Давыдов, уже полковник, был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом,

* Чина подпоручика в гвардейской кавалерии не было, поэтому Е. В. Давыдов мог возвратиться в полк с «понижением» — с X класса на XII (воинские чины XI класса отсутствовали).

** *Юг Бернар Марк, герцог Бассано* (1763—1839) — министр иностранных дел Франции в 1811—1813 годах.

что считалось престижной боевой наградой — но это был старший брат, его успехи воспринимались несколько по-иному.

При Аустерлице отличились и друзья Давыдова, служившие в других полках: семеновец Дибич был ранен в правую руку, но переложил шпагу в левую и остался в строю — он был отмечен золотой шпагой «За храбрость»; преображенец Марин получил пули в грудь и в руку и также был награжден золотой шпагой...

Нелишним, очевидно, будет напомнить, что в Российской империи была достаточно четко отработана наградная система и отличившиеся получали ордена и прочие знаки отличия в строгом соответствии с их иерархией. Первой наградой для офицера обычно становилась золотая шпага или сабля, если тот служил в легкой кавалерии, или орден Святой Анны 3-й степени. За особые боевые отличия — орден Святого Владимира 4-й степени с бантом, а уж если это был какой-то выдающийся боевой подвиг — орден Святого Георгия IV класса. Причем кавалер какого-либо из этих двух орденов «третью Анну» уже не получал — только вторую степень этого ордена, при соответствующих отличиях, разумеется... Последней наградой был высший орден империи — Святого апостола Андрея Первозванного, имевшего еще и как бы «высшую степень» — так называемые «алмазные знаки» или «бриллианты». Но военные могли получить еще и высший полководческий орден — Святого Георгия I класса, имевшего особый статус; кстати, всего им было награждено только 25 человек — гораздо меньше, нежели насчитывалось андреевских кавалеров...

Не все знакомцы Давыдова вернулись тогда с поля чести: в Кавалергардском полку при Аустерлице погибли ротмистр барон Казимир Левенвольде и шестнадцатилетний корнет Никита Лунин, произведенный в офицеры за несколько дней до сражения. По странному совпадению и Левенвольде, и Лунин именовались в полку «вторыми»: была такая традиция в Российской императорской армии, что офицерам, братьям или однофамильцам, «присваивались» порядковые номера. Совпало, что у обоих погибших в полку также служили старшие братья, судьба которых впоследствии тоже оборвется трагически, но совсем по-разному... Командующий Кавалергардским полком* полковник барон Карл Карлович Левенвольде будет убит 26 августа 1812 года при Бородине, когда поведет полк в атаку. Известный деятель тайного общества бывший подполковник Михаил Сергеевич Лунин умрет при загадочных обстоятельствах 3 декабря 1845 года в Акатуевской тюрьме...

Но все это будет еще очень не скоро. А пока наш герой на-

* Командующий — здесь: исполняющий обязанности командира.

чал службу лейб-гвардии в Гусарском полку — в эскадроне князя Четвертинского.

Полк этот берет свое начало от сформированного в 1775 году Лейб-гусарского эскадрона. 7 ноября 1796 года, по вступлении на престол императора Павла, эскадрон был переформирован в удивительный по своему названию Лейб-гусарский и казачий полк, который в 1798 году был разделен на лейб-гвардии Гусарский и лейб-гвардии Казачий полки. Император Александр I также не обошел полк своим высочайшим вниманием, сократив его в два раза: в конце 1802 года из двух пятиэскадронных батальонов было оставлен один, так что общее число чинов полка составляло 998 человек. В таком составе полк пребывал и в 1806 году — в то время, когда туда был переведен прощенный Денис.

Гвардейский Гусарский полк — как и Кавалергардский, и лейб-гвардии Казачий — получил боевое крещение под Аустерлицем.

«В сражении под Аустерлицем в лейб-гвардии Гусарском полку убито нижних чинов 57 человек и 87 строевых лошадей. Достоинно замечания, что число убитых в лейб-гвардии Гусарском полку в это сражение весьма незначительно, особенно если принять в соображение, что полк в продолжение пяти часов постоянно сражался и удерживал вчетверо сильнеего неприятеля.

Незначительность потери должно приписать тому, что по причине болотистой и вязкой местности, на которой сражалась гвардия, французская артиллерия большей частью отставала от прочих войск, и потому бой почти во все время был рукопашный, чему также может служить доказательством огромное число раненых людей и лошадей, большей частью пострадавших от холодного оружия»²⁸.

Все лейб-гусарские офицеры, бывшие в сражении, получили боевые награды — в основном Святую Анну 3-й степени. Князь Четвертинский единственный в полку был награжден орденом Святого Георгия IV класса; все прочие полковники — Святого Владимира 4-й степени, а командовавший полком генерал-лейтенант Кологривов* получил алмазные знаки к ордену Святого Александра Невского.

*А propos***, полковником лейб-гвардии в Гусарском полку служил и двоюродный брат Дениса — Евграф Владимирович***,

* Андрей Семенович Кологривов (1775—1825) — генерал от кавалерии; в кампанию 1805 года начальствовал над гвардейской кавалерией.

** Кстати (фр.).

*** Евграф Владимирович Давыдов (1775—1823) — генерал-майор, шеф Лубенского гусарского полка, участник Наполеоновских войн.

изображенный на том самом портрете художника Кипренского, который многие принимают за портрет Дениса. Евграфу было 30 лет, он командовал лейб-эскадронам — 1-м, «государевым», эскадронам полка. При Аустерлице полковник «хладнокровием своим доказал отличное мужество», за что также получил «Владимира с бантом»... Нет, каково было нашему герою оказаться среди всех этих героев!

Несколько раньше мы вспоминали характеристику, данную гвардейским полкам Фаддеем Булгариным. Сейчас ее можно продолжить:

«...Конногвардейский полк был, так сказать, нейтральным, соблюдая смешанные обычаи; но лейб-гусары, измайловцы и лейб-егеря следовали, по большей части, господствующему духу удалства и жили по-армейски»²⁹.

Воспоминания Дениса Давыдова о службе в гвардейских гусарах весьма тому созвучны: «Во всем полку нашем было более дружбы, чем службы, более рассказов, чем дела, более золота на ташках, чем в ташках, более шампанского (разумеется, в долг), чем печали... Всегда веселы и всегда навеселе!»³⁰

...Можно считать, что на этом заканчивается предисловие — нет, не нашей книги, а предисловие, точнее даже — предыстория жизни Дениса Васильевича Давыдова, уже состоявшегося поэта, который теперь наконец-то вступает на долгожданное им боевое поприще. До этого времени война была для нашего героя явлением умозрительным, так что даже его знаменитые слова, воистину его девиз — «я люблю кровавый бой» представляли собой всего лишь игру творческого воображения. Отныне он будет жить войной и вскоре обретет то уникальное прозвище, к которому никто не требует добавления фамилии: «поэт-партизан».

Глава четвертая
«САБЛЮ ВОН — И В СЕЧУ!» 1807—1809

*Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.*

Денис Давыдов. Бурцову

Александр I мечтал спасти Европу от «наполеоновской тирании», и Россия вступила в новую войну. Аустерлиц представлялся досадной случайностью, которую следовало исправить как можно скорее. Пусть Австрия была сокрушена и подписала с Францией сепаратный мир, но поддержать Россию были готовы Пруссия, Великобритания и Швеция. Вот только две диоследние державы так и остались пребывать в состоянии готовности, а доблестная прусская армия оказалась вдребезги разбитой 14 октября 1806 года при Йене и Ауэрштедте.

После того, по словам Дениса, «заговорили о движении войск наших на помощь пораженным союзникам, и фельдмаршал граф Каменский* вызван был из деревни для начальствования армией...»¹.

Помилуй бог, как красиво! Это даже традиционно — вы-

* *Михаил Федотович Каменский* (1738—1809) — граф, генерал-фельдмаршал, сын гоф-юнкера, служившего мундшенком при Петре I, воспитывался в Шляхетном корпусе, два года (1758—1759) служил волонтером во французской армии, затем участвовал в Семилетней войне (кампании 1760—1761 годов) и в войне против турок (1769—1774). В 1783 году назначен рязанским и тамбовским генерал-губернатором. В 1788 году разбил турок при Гангуре; но когда князь Потемкин заболел и поручил начальство над армией Каховскому, то Каменский, ссылаясь на старшинство, не захотел повиноваться последнему, за что и был уволен от службы. Император Павел в 1797 году возвел его в графское достоинство, но в том же году уволил от службы. В 1806 году Каменский был назначен главнокомандующим армией, действовавшей против французов, прибыл к ней 7 декабря, а через шесть дней под предлогом болезни передал командование Буксгевдену и уехал в свое орловское поместье, где был убит одним из своих дворовых.

звать из деревни семидесятилетнего фельдмаршала, прижать его к сердцу и напутствовать: «Спасай императоров!», да еще добавить: «Воюй, как знаешь!» Но, к величайшему сожалению, граф Каменский не был графом Суворовым, коего именно таким образом направил в Итальянский поход император Павел I.

Вернемся к воспоминаниям Давыдова: «Я ожил. Как бешеный пустился я в столицу, чтобы разведать о средствах втереться к нему в адъютанты или быть приписанным к какому-нибудь армейскому полку, идущему за границу»².

Денис рассказывает, как фельдмаршала атаковали «колонны батюшек и бабушек, дядюшек и тетушек», мечтавших отправить своих юных отпрысков в поход за чинами и орденами; как под покровом ночи он, желая обогнать всех соискателей, пробрался в гостиницу и встретил фельдмаршала «в белом халате, с повязанною белой тряпицею головою», и что граф пообещал взять его в адъютанты... Но не вышло — государь отказал главнокомандующему в просьбе, чтобы, по словам Давыдова, не лишать его «изящного занятия равняться во фронте и драть горло перед взводом». К счастью для нашего героя, государь, несколько раз отказав фельдмаршалу, не смог единожды отказать Марии Антоновне, и 3 января 1807 года гвардейский поручик Давыдов отправился на войну в качестве адъютанта князя Петра Ивановича Багратиона, назначенного начальствовать авангардом. Может быть, благодаря заботе Нарышкиной к месту назначения Денис прибыл уже в следующем чине.

* * *

«Вольфсдорфское дело было первым боем моего долгого поприща. Не забуду никогда нетерпения, с каким я ждал первых выстрелов, первой сечи!»³ — вспоминал прославленный поэт-партизан.

Думается, что и читатель уже заждался боевых эпизодов и батальных сцен, а потому опустим предысторию появления Дениса на войне: то, как добирался он к месту назначения и с кем встречался в пути; как был представлен новому уже главнокомандующему генералу от кавалерии барону Беннигсену, которому передал пакеты из Петербурга; то, как в первый раз увидел поле недавнего сражения: «Он был потрясен видом груды искаженных и обезображенных тел и не мог спать всю ночь»⁴...

Но тут стоит остановиться и привести слова Давыдова — его размышления, возникшие при виде разоренной деревни Георгеншталь:

«Я был уверен, что обыватели тех областей, на коих происходят военные действия, вовсе не подвержены никакому несчастью и разорению, и что они ничто более, как покойные свидетели происшествий, подобно жителям Красного Села на маневрах гвардии. Каково было удивление мое при виде противного! Тут только удостоверился я в злополучии и бедствиях, причиняемых войною тому классу людей, который, не стяжая в ней, подобно нам, солдатам, ни славы, ни почестей, лишается не только последнего имущества, но и последнего куска хлеба, не только жизни, но чести жен и дочерей и умирает, тощий и пораженный во всем, что у него есть милого и святого, на дымящихся развалинах своей родины»⁵.

Вот оно, то сокровенное знание, которое во многом определит дальнейшую судьбу Дениса! Кого на войне интересуют оказавшиеся в зоне боевых действий обыватели? Для военачальников это лишняя головная боль — им главное своих солдат сберечь и обеспечить; солдаты же — народ необразованный и грубый, тем более когда месяцами в походе — про них и объяснять не надо! Хотя известны случаи, когда генералиссимус Суворов, император Александр I, граф Милорадович щедро вознаграждали обывателей — обычно на иностранной территории — за понесенные убытки. Разумеется, если бы подобная компенсация была правилом, вряд ли бы это было отмечено историками.

Денис сумел понять, каково приходится на театре военных действий несчастным мирным людям, и вполне искренне им посочувствовал... Именно это понимание позволило ему увидеть в жителях тех территорий, где прошли французы в 1812 году, неисчерпаемый резерв сил для народной войны. Так приходит реальный боевой опыт, который нельзя приобрести ни в академиях, ни по учебникам. Но о том — в свое время, а мы возвращаемся к огню не знаменитому «Вольфсдорфскому делу», произошедшему 24 января 1807 года. Не всем же довелось принять боевое крещение при Аустерлице!

Армия отступала от Янкова, где в течение дня сдерживал атаки французов арьергард генерал-майора Михаила Богдановича Баркляя де Толли, к Прейсиш-Эйлау, а командование подбирало место для генерального сражения... Арьергардов, кстати, было два, вторым начальствовал генерал-лейтенант князь Петр Иванович Багратион. Кто бы тогда мог представить, что довольно скоро эти же два военачальника, только в других чинах, будут отводить от границ Российской империи к Москве 1-ю и 2-ю Западные армии! Мало того что подобное вообще не представлялось возможным, так ведь и «величины» были абсолютно разные. Любимец Суворова Багратион —

герой Альпийского похода, недавних Шенграбена и Аустерлица — и мало кому известный Барклай, шеф 3-го егерского полка; к тому же князь осуществлял и общее руководство арьергардом. Но именно в тех боях начала стремительно восходить полководческая звезда Михаила Богдановича.

Итак, отступая на Фрауэндорф, арьергард Барклая де Толли дрался весь день 23-го, понес серьезные потери и был смещен арьергардом князя Багратиона.

На рассвете 24 января французы атаковали его передовую цепь. Спешно пробудившийся арьергард стал в ружье, но пока не двигался с места; егеря 5-го егерского полка стали занимать позиции в лесу на пути неприятеля; к месту стычки поспешил небольшой отряд легкой кавалерии... Впереди французского авангарда ехали фланкеры, в рядах его было два конных орудия, которые периодически останавливались и стреляли картечью. Противник медленно двигался по снежной целине, пробираясь через сугробы и кустарник. Позади авангарда, в отдалении, неисчислимой темной массой шла вся Наполеонова армия.

Вот оно наконец-то сбылось! Теперь — как в давыдовских стихах:

К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу!..

«Будучи адъютантом князя Багратиона... я выпросился у него в первую цепь будто бы для наблюдения за движением неприятеля, но собственно для того, чтобы погарцовать на коне, пострелять из пистолетов, помахать саблею и — если представится случай — порубиться»⁶, — скромно пишет Денис Васильевич в очерке «Урок сорванцу». Да не так все это было, не так! Не погарцевать и не «помахать саблею» — Давыдов рванул в передовую цепь для подвигов.

Лишь только он прискакал к казакам, «перестреливавшимся с неприятельскими фланкерами» — противники постреливали нечасто и не затем, чтобы убить, но чтобы сохранялось расстояние, — Денис увидел «объект» для подвига: судя по высокой медвежьей шапке, скорее всего, это был офицер гвардейских конногренадер. Мундир его и эполеты были скрыты под синим плащом. Ничтоже сумняшеся Давыдов вознамерился взять его в плен, на что и стал подбивать казаков. Но те, люди опытные, не желали рисковать понапрасну, следуя капризам заезжего штабного франта... У них была своя задача, они ее выполняли, а лишняя инициатива в армии не приветствуется. Да и среди французов не осталось незамеченным

прибытие к передовой линии гусара в алом с золотом ментике, надетом в рукава (нет сомнения, что на «боевое крещение» Давыдов выехал при полном параде), который что-то энергично внушал казакам, бросая хищные взгляды на всадника в медвежьей шапке. Несколько французских кавалеристов на всякий случай подъехали к своему офицеру..

Не найдя понимания у казаков, штабс-ротмистр дал шпоры коню, подскакал к французу и выстрелил в него из пистолета. Но близко подъезжать было все же слишком рискованно, равно как и останавливаться для прицельного выстрела, а стрелять с коня — трудно, так что пуля ушла, как тогда говорилось, «на воздух». Француз неторопливо достал из седельной кобуры пистолет и выстрелил в ответ, но также не попал, и даже выстрелы из карабинов, сделанные по Давыдову солдатами, цели не достигли, хотя пули просвистели где-то рядом. Зато Денис почувствовал себя вполне обстрелянным воином и ничего лучшего не придумал, как попытался вызвать офицера на поединок.

Гусар приблизился к противнику — не так, конечно, чтобы совсем близко, выхватил из ножен саблю, стал размахивать ею и, ругаясь по-французски, предложил офицеру выехать за линию, чтобы сразиться один на один. Тот, также отвечая ругательствами, предлагал приблизиться Давыдову.. Ни русский, ни француз не рисковали слишком отдалиться от своих сил и оказаться вблизи неприятеля.

Конец словесному поединку положил пожилой казачий урядник, подскакавший к Денису и устыдивший: мол, «*стражение* — святое дело, ругаться в нем все то же, что в церкви: Бог убьет!». После такой отповеди казак вежливо рекомендовал зарвавшемуся гвардейцу возвратиться туда, откуда он приехал. Смущенный Денис послушно отправился к Багратиону. «Боевое крещение» явно оказалось смазанным...

Хотя Денис Васильевич и писал, что «ненависть французов к русским и русских к французам началась именно с этой эпохи»⁷, но все же по-настоящему это взаимное чувство вспыхнуло только в 1812 году, когда «дванадцать языков» вторглись на российскую территорию. Пока же война шла на польской земле, одинаково безразличной и русским, и французам, да и цели ее были не слишком понятны большинству из них. А потому, если на сражении действительно надо было драться — деваться некуда, то в остальное время соблюдался как бы «вооруженный нейтралитет», ибо каждый понимал, что коли ты не стреляешь, то и в тебя стрелять не будут... Так что «героизм» Давыдова не нашел понимания ни с той, ни с другой стороны.

Несколько удрученный, но виду не показывая, Денис возвратился к князю, который тут же дал ему поручение, еще более огорчившее Давыдова: скакать к 5-му егерскому полку и приказать ему отступить на вторую позицию, к Дитрихсдорфу. В душе нашего героя вдруг шевельнулся червячок: «Где же та неустрашимость князя, которую так выхваляли и восхваляют?»

Но он предусмотрительно надел на себя шинель — возможно, чтобы не быть признанным французами, и поскакал в ту сторону, откуда только что прибыл...

Однако благоразумия Давыдову хватило ровно настолько, чтобы успеть передать приказ командиру егерей, и вместо того чтобы воротиться к князю, он решил опять побывать в передовой цепи.

Между тем картина изменялась на глазах... Все пространство от Вольфсдорфа до Варлака, сколько мог видеть Денис, занимали движущиеся колонны французской пехоты и кавалерии, блистали медью десятки орудий... Давыдову стало ясно, почему князь Багратион отводил егерей, но тут новые сумасбродные мысли вдруг закружили его голову: «Я задумал ударить с передовой цепью на неприятеля, опрокинуть его и тем увлечь за собою 5-й егерский полк, который только что начал собираться, чтобы выступить из леса. Увидевши успех мой, — полагал я, — князь подкрепит меня всем арьергардом и даст знать о том Беннигсену, который немедленно возвратится со всею армиею...»⁸

План был блистательно нелеп: разбить неприятельский авангард небольшими силами егерей и казаков. Кто знает, вспомнились ли в тот момент Давыдову суворовские слова: «Я не умру, а он уже три сражения выиграет!» — но возможность выиграть первое сражение казалась ему совершенно реальной.

Не станем осуждать молодого офицера: в бою есть свой азарт, который кружит головы не только неопытным юнцам... В передовой цепи Давыдов увидел того самого урядника, который недавно столь резко его отчитал. Но сейчас, когда враг приближался, все чаще звучали выстрелы и было ясно, что боя не избежать, даже этот опытный воин чувствовал себя совсем по-иному. Поэтому, когда Денис предложил ему ударить на французов — мол, фланкеров немного, они сильно оторвались от своих, зато у нас пехота рядом, есть кому прикрыть и поддержать, — казак ответил согласием.

Урядник организовал казаков, Давыдов — гусар и улан, которых в сторожевой цепи было по взводу, и все они дружно ударили на фланкеров.

Кавалерийский бой по своей природе стремителен и ско-

ротечен, он длится лишь несколько минут. Сближаясь, всадники разряжают в противника оба своих пистолета, засовывают их обратно в седельные кобуры, ольстры, ибо на скаку перезарядить невозможно, и, обнажив сабли, врубаются в неприятельский строй, чтобы обменяться несколькими ударами — никакого фехтования быть не может, — а затем либо гонят врага, либо отступают сами...

Русские навалились на французов — и Денис впервые увидел, как сталь пластает человеческое тело. Он сам несколько раз рубанул и сам защитился от двух или трех сабельных ударов. Затем французы вдруг повернули вспять, а разгоряченные победой русские кавалеристы рванули за ними — туда, откуда надвигались главные силы неприятельской армии, от которых на помощь сбитым фланкерам спешил драгунский эскадрон. Заметив это, казаки, гусары и уланы повернули к лесу, но оказалось, что егеря, на которых рассчитывал Давыдов, уже ушли, выполняя им же переданный приказ. Блистательный план рухнул!

Драгуны атаковали, последовала новая схватка, и вот уже потрепанный русский отряд, понесший потери, поскакал прочь от превосходящего противника. Преследовать их драгуны не стали, французская армия все так же продолжала свое мерное движение вперед. Сбить неприятельский авангард оказалось гораздо сложнее, нежели это представлялось Денису.

Расстроенный второй неудачей за день, Давыдов поехал прочь, как вдруг заметил разъезд французских конно-егерей, устремившихся ему наперерез. Хлопнуло несколько выстрелов, один из них ранил лошадь Дениса, и она резко замедлила ход, так что француз успел даже ухватить гусара за шинель — но пуговица, на которую та была застегнута, оборвалась, и шинель стала трофеем неприятеля*. Тут лошадь упала, но в этот момент появились казаки — и Давыдов был спасен. Ему даже дали коня из-под убитого гусара, так что вскоре он возвратился к князю Багратиону, изрядно обеспокоенному судьбой своего исчезнувшего адъютанта.

Далее все завершилось более чем благополучно. Мало того что взамен утраченной шинели князь Петр Иванович отдал Давыдову свою кавказскую бурку — не в ней ли изображен он на лубочных картинках времен Отечественной войны? — Багратион еще и представил Дениса к награде.

По счастью, государь не таил на Давыдова зла — или опять Нарышкина словечко замолвила, а может, благодаря заботе

* Про шинель пишет сам Давыдов, но, очевидно, это был гусарский плащ, застегнутый на одну пуговицу у ворота, каковые в те времена были у гусар вместо шинелей.

князя Багратиона, в ту пору еще близкого ко двору, — и в апреле того же 1807 года он получил рескрипт о награждении его орденом Святого Владимира 4-й степени. В рескрипте заслуги Дениса расписаны были весьма красочно: «...вы посланы были с приказанием под картечными выстрелами, убита под вами лошадь и захвачены вы были в плен, но отбиты казаками...»⁹

Снова приходит сравнение с опальным поэтом Лермонтовым, которого Николай I несколько раз вычеркивал из списков награжденных за реальные дела.

А вот Денису повезло — другое царствование, и уже после первого боя он стал владимирским кавалером...

Так чем же было вызвано его лихорадочное стремление сразу ввязаться в бой, тут же совершить немыслимый подвиг? Горячей страстностью и азартом его природы? Желанием сравняться с «пропахшими жженым порохом» однополчанами? Не без того. Но есть, пожалуй, и еще один момент: соответствие личности автора и его «лирического героя». Вся армия знала стихи Давыдова:

Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, поблднеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем...¹⁰

Мог ли их автор быть не то чтобы трусом — о том и речи не идет, но человеком, скажем так, заурядной, обычной храбрости? Нет! Без всякого сомнения, это должен быть герой из ряда вон — даже среди отчаянных гусар. Потому Давыдов должен был произвести впечатление не только на своих товарищей-гвардейцев, героев Аустерлица, но и сделать так, чтобы его боевая слава дошла до недавних сослуживцев-белорусцев, чтобы она, как и его стихи, гремела по всей армии. Пожалуй, впервые так получалось, что лирический герой стал управлять автором — впоследствии подобное будет происходить не раз, история литературы сохранила немало тому примеров...

Вернемся в 1807 год. Через день после стычки при Вольфсдорфе Давыдову довелось участвовать уже в большом сражении при Прейсиш-Эйлау — 26 и 27 января. В своих воспоминаниях он сравнивает это сражение с Бородином, где сам он, кстати, не был:

«Не оспаривая священного места, занимаемого в душах наших Бородинскою битвою, нельзя однако ж не сознаться в превосходстве над нею Эйлауской относительно кро-

вопролития. Первая, превышая последнюю восьмьюдесятью тысячами человек и с лишком шестьюстами жерлами артиллерии, едва-едва превышала ее огромностью урона, понесенного сражавшимися. Этому причиной род оружия, чаще другого употребленного под Эйлау. В Бородинской битве главным действовавшим оружием было огнестрельное, в Эйлавской — рукопашное. В последней штык и сабля гуляли, роскошествовали и упивались дóсыта. Ни в каком почти сражении подобных свалок пехоты и конницы не было видно, хотя, впрочем, свалки эти не мешали содействию им ружейной и пушечной грозы, с обеих сторон гремящей и, право, достаточной, чтобы заглушить призывы честолюбия в душе самого ярого честолюбца»¹¹.

Последнее говорится чуть ли не себе в оправдание. В этом серьезном сражении Давыдов уже не стал очертя голову кидаться в самую гушу боя и искать подвигов, но четко выполнял свои адъютантские обязанности, памятуя, что «повиновение — основа воинской доблести». Об участии его в сражении известно лишь то, что когда арьергард вступил в дело, князь Багратион послал своего адъютанта к главнокомандующему с просьбой усилить его кавалерию. Барон Беннигсен велел Давыдову взять два первых же встреченных им по пути полка, следовавших к позиции, — и Денис привел к арьергарду, остановившемуся у мызы Грингофшен, Санкт-петербургских драгун и литовских улан.

* * *

29 января, после того, как из-за ошибочного приказа барона Беннигсена русские войска оставили занимаемый ими Прейсиш-Эйлау, что дало возможность Наполеону объявить себя победителем в сражении, Денис отпросился по личным надобностям в Кёнигсберг. Как и положено, он сразу явился к коменданту, каковым являлся лихой генерал-майор Ефим Игнатъевич Чаплиц, шеф Павлоградского гусарского полка, и тут с удивлением узнал, что некий раненый и взятый в плен в недавнем сражении французский офицер разыскивает гвардии поручика Давыдова. Спросив имя француза, Денис выяснил, что это — гвардии поручик Серюг, тот самый, что спас его младшего брата Евдокима после Аустерлица... Серюг находился на квартире одного из богатых горожан, и Давыдов бросился по указанному адресу. «Я еще не добежал, еще не видал его в лицо, а уже был братом его, другом, вечным другом и страстным братом»¹².

Но жизнь израненного французского офицера подходила к концу... Он искренне порадовался встрече с Денисом и его

рассказу о судьбе брата. А потом, по просьбе несчастного, Давыдов нашел двух пленных конногренадер из взвода, которым командовал поручик, и, согласовав это не только с генералом Чаплицем, но и с самим главнокомандующим, привел их к нему. Предчувствуя близкую смерть, Серюг мечтал умереть, как он сказал, «не спуская глаз с мундира моего полка и гвардии великого человека».

Такова военная психология! Кто бы знал, как много вреда для различных армий принесли разного рода «эксперименты» по «унификации» мундира... О российском императоре Александре III, нареченном «Миротворцем», сегодня говорят лишь хорошее. Притом забывают, что он не только ввел военную форму, прозванную «мужицкой» и отрицательно сказавшуюся как на внешнем виде, так и на авторитете армии, но и в 1882 году преобразовал армейские гусарские и уланские полки в драгунские, присвоив всем одинаковые мундиры. Рациональное зерно в том было: вся кавалерия тогда была вооружена и действовала по-драгунски, но это переименование нанесло сокрушительный удар по армейским традициям. Недаром в 1907 году, после проигрыша войны с Японией и в связи с очевидным развалом Российской императорской армии, в ней вновь были восстановлены гусарские и уланские полки — по названию и парадной форме, напоминающей времена 1812 года. Ничем другим эти полки от драгунской кавалерии не отличались, но как же люди стали гордиться службой в гусарах или уланах, своими красивыми мундирами! Про «эксперименты» с обмундированием Российской армии, начавшиеся с 1991 года, и говорить не будем — очень многие военнослужащие свою форму не любят, считая ее некрасивой, нефункциональной и неудобной...

Двое суток не отходил Денис от умирающего; двое суток сидели у его скорбного ложа два солдата императорской гвардии. Затем они втроем проводили гроб на кёнигсбергское кладбище.

«Глубокая печаль живо выражалась на лицах старых рубак, товарищей моих в процессии... Я был молод. Я плакал»¹³.

* * *

Остаток зимы и почти всю весну 1807 года обе воюющие армии провели на зимних квартирах и вновь скрестили штыки лишь 25 мая под Гутштадтом. Роль Давыдова в этом и ряде последующих боев описать невозможно, а рассказывать о ходе самих сражений не имеет смысла... Поэтому уточним, что наш герой дрался и под Гутштадтом, и 28 мая под Гейльсбер-

гом, за что был награжден орденом Святой Анны 2-й степени, под Фридландом — 2 июня, за что получил золотую саблю с надписью «За храбрость». Еще за ту кампанию Давыдов был награжден золотым Прейсиш-Эйлауским крестом и прусским орденом «За заслуги», который имел французское название «Pour le Mérite»*. На этом период «звездопада» в жизни Дениса Васильевича — пять боевых наград за одну войну — был завершен. Даже 1812 год, сделавший его имя бессмертным, принес Давыдову всего лишь два ордена, а 1813-й — генеральские эполеты, без всяких иных наград. Разумеется, в 1814 году он, как и все участники Отечественной войны, получил серебряную медаль на Андреевской ленте...

Вернемся, однако, в 1807 год, и вот несколько слов, написанных Денисом Васильевичем о сражении под Фридландом:

«Не забуду никогда тяжелой ночи, сменившей этот кровопролитный день. Арьергард наш, измученный десятисуточными битвами и ошеломленный последним ударом, разразившимся более на нем, чем на других войсках, прикрывал беспорядочное отступление армии, несколько часов перед тем столь грозной и красивой. Физические силы наши гнулись под гнетом трудов, нераздельных со службою передовой стражи. Всегда бодрый, всегда неусыпный, всегда выше всяких опасностей и бедствий, Багратион командовал этой частью войск; но и он, подобно подчиненным своим, изнемогал от усталости и изнурения. Сподвижники его, тогда только начинавшие знаменитость свою, — граф Пален**, Раевский, Ермолов, Кульнев — исполняли обязанности свои также через силу; пехота едва тащила ноги, всадники же дремали, шатаясь на конях»¹⁴.

Тут в наше повествование входит имя блистательного гусара Якова Петровича Кульнева, пока еще майора и эскадронного командира, но вскоре — шефа славного Гродненского полка и одного из популярнейших военачальников в России. Гродненцы только что отличились при Фридланде. «Гродненский гусарский полк, увлеченный далеко храбростью своею, был окружен со всех сторон французской кавалерией. Две крайности предстояли Кульневу: или сдаться в плен, или идти на предстоящую смерть. Он избирает последнее, с необычайным мужеством устремляется против неприятеля, и подавая

* Награда была учреждена в 1740 году прусским королем Фридрихом Великим, который дал ей французское название, поскольку французский являлся основным языком прусского двора того времени.

** *Петр Петрович Пален* (1778—1864) — граф, генерал-майор, шеф Каргопольского драгунского полка; впоследствии — генерал от кавалерии. Не путать с его отцом, графом Петром Алексеевичем (1745—1826), генералом от кавалерии, генерал-губернатором Санкт-Петербурга, одним из главарей заговора 1801 года.

собой пример неустрашимости вверенным ему воинам, возбуждает в них твердость, достойную русских. Они дерутся, как львы, останавливают стремление многочисленного неприятеля, и вскоре, получив подкрепление, венчают себя победой»¹⁵. К славному Кульневу — так его обычно называли, мы скоро вернемся.

Назовем мы и еще одно имя, которое у нас уже встречалось и несколько позже встретится вновь: полковым командиром гродненцев был полковник Александр Львович Давыдов, недавний кавалергард и кузен Дениса. Его переход в армейские гусары был не вынужденным, как у двоюродного брата, но «карьерным» — это было в обыкновении, что гвардейские полковники, командовавшие эскадронами или батальонами, затем принимали армейские полки, чтобы через несколько лет перейти на бригаду и надеть генеральские эполеты...

Но вот еще один эпизод того же времени, описанный поэтом Константином Батюшковым, служившим тогда в чине прапорщика лейб-гвардии в Егерском полку. Главный герой рассказа — восемнадцатилетний поручик того же полка Иван Петин:

«В тесной лачуге, на берегах Немана, без денег, без помощи, без хлеба (это не вымысел), в жестоких мучениях, я лежал на соломе и глядел на Петина, которому перевязывали рану. Кругом хижины толпились раненые солдаты, пришедшие с полей несчастного Фридланда, и с ними множество пленных. Под вечер двери хижины отворились, и к нам вошло несколько французов, с страшными усами, в медвежьих шапках и с гордым видом победителей.

Петин был в отсутствии, и мы пригласили пленных разделить с нами кусок гнилого хлеба и несколько капель водки; один из моих товарищей поделился с ними деньгами и из двух червонцев отдал один (истинное сокровище в таком положении). Французы осыпали нас ласками и фразами, по обыкновению, и Петин вошел в комнату в ту самую минуту, когда наши болтливые пленные изливали свое красноречие. Посудите о нашем удивлении, когда вместо приветствия, опираясь на один костыль, другим указал он двери нашим гостям. “Извольте идти вон, — продолжал он, — здесь нет места и русским: вы это видите сами”. Они вышли не прекословя, но я и товарищи мои приступили к Петину с упреками за нарушение гостеприимства. “Гостеприимства, — повторял он, краснея от досады, — гостеприимства!” — “Как, — вскричал я, поднимаясь с моего одра, — ты еще смеешь издеваться над нами?” — “Имею право смеяться над вашею безрассудною жестокостию”. — “Жестокостию? Но не ты ли был жесток в эту минуту?” — “Увидим. Но сперва отвечай на мои вопросы. Были

ли вы на Немане у переправы?” — “Нет”. — “Итак, вы не могли видеть того, что там происходит?” — “Нет! Но что имеет Неман общего с твоим поступком?” — “Много, очень много. Весь берег покрыт ранеными; множество русских валяется на сыром песку, на дожде, многие товарищи умирают без помощи, ибо все дома наполнены; итак, не лучше ли призвать сюда воинов, которые изувечены с нами в одних рядах? Не лучше ли накормить русского, который умирает с голоду, нежели угощать этих ненавистных самохвалов? спрашиваю вас. Что же вы молчите?”»¹⁶.

Мы помним, как относились в обществе к иностранцам, в особенности — к французам, приехавшим в Россию «на ловлю счастья и чинов», и потому какой-нибудь «французик из Бордо» с легкостью собирал вокруг себя «род веча», рассуждая о «варварской России»... Но что проявилось в этом эпизоде? Начало той патриотической ненависти к «самохвалам», о которой писал Денис, или высший гуманизм истинно военного человека, офицера, для которого свой солдат гораздо дороже противника? Случай этот вспомнился отнюдь не случайно, ибо нет сомнения, что Петин был знаком с Давыдовым: он также служил в гвардии, участвовал в одних с ним кампаниях, тоже писал и печатал свои стихи, хотя, по отзыву Батюшкова, их общего друга, они были «слабы, но в них приметны были смысл, ясность в выражении и язык довольно правильный». Возможно, с годами его талант еще бы развился, но батальонный командир гвардейских егерей полковник Петин был убит под Лейпцигом 4 октября 1813 года...

Кампания 1807 года завершалась ненамного лучше, нежели 1805-го. Но кто бы знал, что впереди — «свидание двух императоров» на Немане и Тильзитский мир, который в России был признан позорным и унижительным!

Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс)¹⁷ —

позднее напишет Александр Пушкин и тем все скажет о настроениях в обществе...

13 (25) июня Александр I и Наполеон встретились на плоту, стоявшем посреди реки Неман.

«Когда узнали в России о свидании императоров, зашла речь о том у двух мужичков. “Как же это, — говорит один, — наш батюшка православный царь мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристом. Ведь это страшный грех!” — “Да как же ты, братец, — отвечает другой, — не разумеешь и не смекаешь дела? Разве ты не знаешь, что они встретились на реке? Наш батюшка именно с тем и повелел приготовить плот,

чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уже допустить его пред свои светлые, царские очи»¹⁸.

Но нет, не «наш батюшка повелел», а «нехристь Бонапартий» организовал русскому государю подобную встречу, которой наш герой был свидетелем и описал ее в своем последнем прозаическом произведении — очерке «Тильзит в 1807 году». Очерк этот был опубликован в первом томе сборника «Сто русских литераторов», вышедшем в 1839 году, так что этой публикации Денис Васильевич уже не увидел.

Не станем пересказывать описанное Давыдовым — всякий пересказ гораздо слабее оригинала, а читатель сам имеет возможность обратиться к «Военным запискам». Нам-то какой смысл? Ну, был... ну, видел... А вот вычленив из этого рассказа главное и заострить на нем внимание не помешало бы. С какой именно целью приезжал Денис на берег Немана в первый день встречи и затем в Тильзит во все последующие дни?

«Я не спускал глаз с государя, — описывает Давыдов первую встречу. — Мне казалось, что он прикрывал искусственным спокойствием и даже иногда веселостию духа чувства, его обуревавшие и невольно высказывавшиеся в его ангельском взгляде и на открытом, высоком челе его. И как могло быть иначе? Дело шло о свидании с величайшим полководцем, политиком, законодателем и администратором, пылавшим лучами ослепительного ореола, дивной, почти баснословной жизни, с завоевателем, в течение двух только лет, всей Европы, два раза поразившим нашу армию и стоявшим на границе России»¹⁹.

Далее Денис говорит о том, что Александру I нужно было «переиграть» этого необыкновенного человека, дело, так сказать, шло «об очаровании очарователя, об искушении искусителя...»²⁰ *etc.*, — но уж больно в ярких красках описан Наполеон, в слишком превосходной степени о нем говорится! И не только здесь, но и далее — вот описание того, как Давыдов разглядывал в подзорную трубу Наполеона, «этого невиданного и неслыханного полководца со времен Александра Великого и Юлия Кесаря, коих он так много превосходил разнообразью дарований и славою покорения народов просвещенных и образованных»²¹.

Пользуясь расположением князя Багратиона, Давыдов приезжал в Тильзит «почти ежедневно» — и именно затем, чтобы ближе увидеть Наполеона, «этого неслыханного полководца». «Я пожирал его глазами, стараясь напечатлеть в памяти моей все черты, все изменения физиономии, все хватки его»²², — описывал Денис первую свою встречу с Наполеоном, когда наблюдал его приезд к Александру I, в дом, где разместился русский император.

Тогда-то и случился тот эпизод, рассказывая о котором, авторы обычно идут чуть дальше, нежели это было на самом деле. Вот как писал Денис:

«Мне непременно хотелось увидеть явственнее цвет глаз и взгляд его, и он в эту минуту, как бы нарочно, обратил голову на мою сторону и прямо взглянул мне в глаза. Взгляд его был таков, что во всяком другом случае я, конечно, опустил бы веки; но тут любопытство мое все превозмогло. Взор мой столкнулся с его взором и остановился на нем твердо и непоколебимо. Тогда он снова обратился к государю с ответом на какой-то вопрос его величества...»²³

Пересказывая это, все почему-то начинают утверждать, что Наполеон не выдержал давидовского взгляда... Отнюдь! Французский император просто скользнул взором по толпе и случайно остановил взгляд на нарядном гвардейском гусаре, о существовании которого позабыл через мгновение. Конечно, если бы он знал, что перед ним тот, кого в 1812 году его соотечественники окрестят «Черным Вождем», он бы действительно задержал на Денисе свой взгляд — но даже Наполеон не мог провидеть такого будущего и всего того, что произойдет через пять лет!

Так что детской «игры в гляделки», о которой пишут, не было — зато было иное, о чем не говорят. Из очерка ясно видно, что Денис Васильевич, равно как и многие другие в то время, был увлечен яркой, «демонической» личностью французского императора и увлечение это пронес через всю свою жизнь — иначе в своем «Тильзите», написанном на склоне дней, он был бы несколько сдержаннее. Как военный человек, он был восхищен офицером, который за 13 лет прошел путь от лейтенанта до императора, покорил большую часть Европы и поднял свое Отечество на недостижимую, казалось бы, высоту..

Зато в давидовских стихах романтическая личность Наполеона отражения не нашла. У Пушкина были «Наполеон» и «Наполеон на Эльбе», не считая многих упоминаний, у Лермонтова — два «Наполеона», да еще и «Воздушный корабль»:

Из гроба тогда император
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук²⁴.

А вот Денис Васильевич обратился к образу Наполеона только однажды и совсем в ином стиле:

Сей Корсиканец целый век
Гремит кровавыми делами.

Ест по сту тысяч человек
И се. . т королями²⁵.

Такая не слишком изящная эпиграмма написана им где-то в промежутке между 1805—1812 годами. Поэтических струн в душе поэта-партизана император-полководец явно не затронул. Быть может потому, что — единственный из всех русских поэтов — он видел Бонапарта в двух шагах от себя...

Но хотя в России Наполеоном восхищались многие — начиная от Александра I, в сердце которого восхищение мешалось с ревностью и рождало щемящую боль, — это ничего не изменило в русской истории, не заставило россиян предать свои национальные интересы. Как писал Денис, вспоминая Тильзит, «1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть»²⁶.

25 июня (6 июля) 1807 года был подписан мирный договор.

«Войска наши выступили в Россию; князь Багратион отправился в Петербург, и я туда же. Отдых наш был непродолжителен: в январе месяце мы уже были с войсками, воюющими в Финляндии»²⁷.

Впрочем, в другом своем очерке Давыдов написал о месте проведения отпуска совсем иное — но с тем же конечным результатом:

«Первый слух о войне с Швециею и о движении войск наших за границу выбросил меня из московских балов и сентиментальностей к моему долгу и месту, как Ментор Телемака, и я не замедлил догнать армию нашу в Шведской Финляндии на полном ходу ее»²⁸.

Уточнять, где именно отдыхал Денис, мы не станем — это не имеет ровным счетом никакого значения. Зато скоро уже его приезды в ту или иную из российских столиц будут считаться событием и найдут свое отражение в письмах и мемуарах его знаменитых современников. Пока же штабс-ротмистр Давыдов вновь отправился на войну.

* * *

Русский историк писал: «Заклучив в Тильзите мир и завязав дружбу с Наполеоном, император Александр предложил королю шведскому Густаву IV свое посредничество для примирения с Францией. На это предложение ответа не последовало. Швеция совершенно подпала под английское влияние — и русско-шведские отношения стали быстро портиться, особенно после открытого разрыва с Великобританией осенью 1807 года... Все это давало русскому прави-

тельству повод открыть военные действия против исконного и традиционного врага России, завоевать у него Финляндию (чем окончательно поставить в безопасность Петербург) и косвенным образом нанести удар Англии разгромом ее союзницы»²⁹.

Насчет «традиционного врага» — действительно так. Еще в XIII столетии князь Александр Невский отражал шведские набеги на новгородские земли; потом были Ливонская война 1558—1583 годов, польская и шведская интервенция в начале XVII века и сразу затем — Тридцатилетняя война 1618—1648 годов и еще ряд войн, апофеозом которых стала Северная война, начавшаяся для России «Нарвской конфузией» 1700 года и завершившаяся сокрушительным разгромом шведской армии и потерей Швецией статуса «великой державы» к 1721 году.. Но все равно, на протяжении XVIII века шведы дважды, в 1741 и 1788 годах, пытались вернуть утраченное, выбирая для реванша те времена, когда Россия увязала в других войнах, однако так и не смогли победить могущественного соседа. Теперь же русские решили навсегда обеспечить безопасность столицы империи.

Французские историки истолковали произошедшее несколько по-иному: «Быть может, для удовлетворения собственных своих вожелений, а может быть, из желания выполнить условия Тильзитского договора, Россия навязала себе целых пять войн...» — далее следует перечисление упомянутых военных кампаний с соответствующими комментариями, заканчивающееся словами: «...в-пятых, войну шведскую, блистательно начавшуюся в 1808 году занятием Финляндии и продолженную зимой 1809 года, когда русские, захватив Аландские острова, под командой Кульнева, Багратиона и Барклая де Толли перешли по льду Ботнический залив и перенесли военные действия на берега Швеции»³⁰. Как видим, о подвигах русских французские академики написали с уважением.

Итак, «9-го февраля, без объявления войны, русские войска перешли границу и двинулись в шведские пределы тремя дивизионными колоннами. Официально война была объявлена 16 марта, свыше месяца спустя»³¹.

Война эта начиналась тихо и проходила почти незаметно для российского общества. Прежде всего, противником нашим был не Наполеон, имя которого оставалось у всех на устах, — и это уже не было так интересно. Да и масштабы кампании были несравнимы с тем, что только что произошло в центре Европы: только при Аустерлице русских и австрийцев насчитывалось 81,5 тысячи человек — а тут весь вторгшийся в

Финляндию корпус графа Буксгевдена* состоял из двадцати четырех тысяч. Противников было еще меньше — порядка девятнадцати тысяч регулярных шведских войск, к тому же разбросанных по всей стране.

Война началась в совершенно неудобное время, на что, разумеется, имелись свои причины. «Выгоды зимней кампании состояли в том, что Швеция не была еще в готовности. Финские полки, рассеянные по всему пространству Финляндии, не начинали еще собираться; шведские — еще не прибыли на театр действия. Финляндская область лишена была тех естественных преград, коими она, освобожденная от льдов и снегов, изобилует»³².

В состав корпуса графа Буксгевдена входили дивизии генералов Тучкова 1-го**, князя Багратиона и князя Горчакова 1-го***, которого вскоре сменил граф Каменский****.

...Вот уж действительно — «многие знания умножают печали»: нам известно, что по трагическому совпадению графы Буксгевден и Каменский умрут в 1811 году, а князь Багратион и Тучков 1-й погибнут при Бородине...

Но пока что Буксгевден с главными силами занял Гельсингфорс и осадил Свеаборг, а Багратион и Тучков начали оттеснять противника к северу, так что в марте уже были заняты Аландские острова, лежащие у входа в Ботнический залив, и Готланд — самый большой шведский остров в Балтийском море.

Денис приехал в Гельсингфорс, успев по дороге познакомиться с поручиком Архангелогородского пехотного полка Арсением Закревским, адъютантом графа Каменского, также спешившим к армии. Казалось бы, что между ними общего? Давыдов — гвардеец-кавалерист, на три чина старше Закревского, «и уже с двумя крестами на шее и с двумя на красном ментике, горящем в золоте», да еще и с золотой саблей «За храбрость». Закревский же, на два года его моложе, окончил заштатный Шкловский кадетский корпус, откуда вышел в Архангелогородский полк прапорщиком. Он дрался при Аус-

* Федор Федорович Буксгевден (1750—1811) — граф, генерал от инфантерии. За умелое руководство войсками при взятии крепости Свеаборг награжден орденом Святого Георгия II класса, а за успехи в первом периоде Шведской кампании — орденом Святого Андрея Первозванного. С декабря 1808 года в отставке.

** Николай Алексеевич Тучков (1761—1812) — генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса.

*** Алексей Иванович Горчаков (1769—1817) — князь, генерал от инфантерии, управляющий Военным министерством в 1812—1815 годах; племянник А. В. Суворова.

**** Николай Михайлович Каменский (1776—1811) — граф, генерал от инфантерии, главнокомандующий Молдавской армией.

терлице и почти во всех делах 1806—1807 годов, за что был отмечен Аннинским крестом на шпагу, золотым Прейсиш-Эйлауским крестом и чином поручика. В общем-то, не густо, хотя уже в первом бою Арсений проявил отвагу и самоотверженность: когда под командиром полка была убита лошадь, он отдал ему свою, чем помог полковнику избежать смерти или плена. Командиром полка был тогда граф Николай Михайлович Каменский, при котором он с тех пор и пребывал в должности адъютанта...

Но скоро Закревский обошел Давыдова: в начале 1812 года он был полковником и начальником Особенной канцелярии военного министра — руководителем военной разведки, а в конце 1813 года получил генеральские эполеты. Закревский станет генералом от инфантерии, графом и кавалером ордена Святого Андрея Первозванного с бриллиантами, министром внутренних дел, финляндским и московским генерал-губернатором — и все равно их дружба, «искреннейшая и не изменявшаяся ни в каких случаях», продлится три десятилетия, до конца дней Дениса...

Давыдов недолго пробыл в Гельсингфорсе, где уже вовсю шли переговоры о сдаче грозной крепости Свеаборг, и отправился в Або — Абов по-русски, — как шведы называли город Турку.

«В Або явился я к моей должности и вместе с тем попал на балы и увеселения. Князь Багратион объявил нам, что 21-й дивизии ничего другого не оставалось, кроме веселья, ибо военные действия в южной Финляндии прекратились и вряд ли после покорения Свеаборга, Свартгольма и мысов Гангоута и Перкелauta возобновятся, — по крайней мере с некоторой значимостью»³³. Далее Денис рассуждает о светских удовольствиях, о балах в Москве, вспоминает очередную «мою красавицу», сравнивая ее с «неловко прыгающими чухоночками», впрочем, справедливо отмечая, что эти финские девушки были «довольно свежими и хорошенькими». Однако не ради них же Давыдов отправился на войну! А потому он решил «проситься у князя на север, к генералу Раевскому или Кульневу, которые преследовали финские войска к Улеаборгу*. Там еще пахло жженым порохом; там было и мое место. На такого рода просьбы князь отвечал всегда согласием и похвалами. В душе его был отголосок на все удалые порывы юношей, жадных к боевым приключениям и случайностям.

После двухсуточного пребывания моего в Або длинные финские сани несли уже меня по пустынным и снежным озерам и холмам между скал и дремучих лесов Финляндии. Я скакал в Вазу.

* Улеаборг (Оулу) — финский город на берегу Ботнического залива.

В то время народонаселение было равнодушно и еще покойно. Жители не питали к нам ни малейшей злобы. Проезды курьеров и всякого рода обозов производились с такою же безопасностью, как в середине России»³⁴.

На том мы прервем рассказ Дениса Васильевича... Если «русский мужик долго запрягает», то о медлительности скандинавов вообще ходят анекдоты. Как мы сказали, война началась 9 февраля, 26 апреля шведами был сдан Свеаборг — и тут туземцы (так в начале XIX века обычно именовали местное население) наконец-то «раскачались», и война вдруг приняла иной оборот. Уже 27 апреля русские войска отражали шведский десант, пытавшийся высадиться на Аланды, а на следующий день наши вообще были выбиты с островов; 30 апреля шведы отвоевали город Куопио; 3 мая они вновь заняли остров Готланд — причем отбил его соединенный англо-шведский флот, захвативший господство на Балтике. Англичане решили помочь союзникам и на сухопутном театре военных действий, и в Швецию прибыл корпус генерала Джона Мура — 14 тысяч штыков. Вскоре, однако, гордые бритты в чем-то не поладили с гордыми шведами, они рассорились, и корпус был переброшен в Испанию, где попортил французам немало крови...

Зато император Александр I послал в Финляндию подкрепления под командованием генералов Раевского и Барклая де Толли, так что к лету здесь было порядка тридцати четырех тысяч русских войск. 2 июня шведов изрядно потрепали при селении Виппери, 7-го был возвращен Куопио и отражен десант при селении Лемо... Впрочем, так ли интересно читать о взятых и потерянных населенных пунктах? Куда важнее, что на финской территории Российской императорской армии пришлось встретиться с новым для себя характером ведения боевых действий.

Военный историк генерал-лейтенант Александр Иванович Михайловский-Данилевский писал: «...видя превосходство сил наших, наступавших с фронта и обходивших его с флангов, Сандельс* начал отступать от Иориса к Куопио столь медленно, сколько позволял напор русских, истребляя за собою мосты, портя дороги и беспокоя тыл наш партизанами и вооруженными жителями. Партизаны не теряли из вида корпуса Барклаева и пользовались каждым случаем для нападений. Однажды ночью ударили они на подвижный магазин, расположенный в самой близости от корпуса, истребили его, повозки и находившиеся при нем понтоны роты Дитрихса сожгли и побросали в воду, большую часть людей перекололи, а 400 лошадям подрезали жилы на передних ногах...»³⁵

* Юхан Август Сандельс (1764—1831) — шведский фельдмаршал, наместник Норвегии.

Что и говорить, война непривычная и варварская, а относительно покалеченных лошадей — изуверская... И тут всплывает слово, которое ранее в этом, ныне общеизвестном смысле не употреблялось: «партизан». В Толковом словаре В. И. Даля приведено первое, основное на ту пору значение этого заимствования из французского языка: «приверженец партии, сторонник, соучастник». Второе, позднейшее значение слова «партизан» — «начальник легкого, летучего отряда, вредящего внезапными покушениями с тылу, с боков». Именно — начальник, а не рядовой боец отряда, как стало говориться потом...

Так в 1808 году Денису Давыдову пришлось впервые познакомиться с партизанской и народной войной. Мы неслучайно разделяем два этих понятия.

«Не надо смешивать партизанскую войну с народной. Партизанские отряды состояются из войск армии, к которым присоединяются отдельные отряды волонтеров, и эти отряды согласуют свое действие с движением армии. Народная война — нечто другое, хотя по наружным принципам имеет много общего с партизанской... В народной войне участвуют не армия, не партизанские отряды, выставленные из той же армии, а весь народ целиком, защищающий свои права, свою независимость»³⁶.

К этой теме мы скоро обратимся, а пока стоит отметить, что даже в условиях нараставшего сопротивления туземцев отношения между русскими и шведскими военными были воистину рыцарскими. Как свидетельствует участвовавший в той войне Фаддей Булгарин, «русские и шведы дрались отчаянно, но взаимно уважали друг друга. Граф Каменский, узнав, что шведы не грабят наших пленных, запретил нашим солдатам пользоваться военной добычей, и приказание его соблюдалось свято и нерушимо. О пленных раненых мы пеклись едва ли не более, как о своих. С пленными шведскими офицерами мы обходились, как с товарищами, разделяя с ними последнее»³⁷.

В общем, очередное подтверждение того, что военные люди — категория особая. Даже принадлежа к противостоящим сторонам, они ощущают некое корпоративное единство, обусловленное их принадлежностью к избранной профессии. Достойный противник вызывал профессиональное уважение и даже восхищение — особенно когда приходилось сражаться на чужой территории, а войны не имели того «идеологического характера», который ярко проявится в XX веке, — хотя и появился он гораздо раньше, но не столь заметно. Те самые полки революционной Франции, что в октябре 1792 года всту-

пали на территории стран Европы под девизом «Мир хижинам, война дворцам!», в 1805-м ходили в атаку уже с криком: «Vive l'Empereur!»*

Зато военные профессионалы начала XIX столетия могли аплодисментами встречать красивую атаку противника, хоронить с воинскими почестями отважных павших врагов и возвращать оружие пленным, отпуская их «под честное слово»... Мало того, порой в сражающихся полках имелись свои любимцы среди военачальников противника — ими откровенно восхищались и в них никто не стрелял! К одному из таких героев, популярных не только в российском обществе, но и в стане врага, держал свой путь Денис в марте 1808 года.

«В Вазе был Раевский. Я остался бы при этом полном дарований и неустрашимости военачальнике, при этом с детства моего столь любимом мною человеке, если б Кульнев не командовал авангардом его и, следственно, если бы он не был впереди Раевского, не был ближе его к неприятелю. Я поехал к Кульневу, которого догнал в Гамле-Карлеби и от авангарда которого не отлучался до окончания завоевания Финляндии»³⁸.

Яков Петрович Кульнев — теперь уже полковник гродненских гусар. Знакомы они с Давыдовым были с 1804 года, когда Денис, направляясь в свою «ссылку», проезжал через город Сумы, где квартировал одноименный полк — Сумской гусарский. На 20 лет старше Давыдова, Кульнев с большой серебряной медалью окончил Сухопутный шляхетный корпус в Петербурге, воевал в Турции, Молдавии и Польше и вот уже десять лет пребывал в майорском чине, полученном им после штурма Варшавской Праги, — а на армейском жаргоне это уже называется «вечный майор»... Когда в 1807 году Кульнев и Давыдов повстречались в Восточной Пруссии, то, по словам Дениса, «знакомство наше превратилось в приятельство», которая в кампаниях 1808—1809 годов в Финляндии и 1810-го — в Турции переросла в тесную, задушевную дружбу.

Взять бы «Воспоминания о Кульневе в Финляндии (1808)», впервые опубликованные в 1824 году в альманахе «Мнемозина» как «Извлечение из записок генерал-майора Д. В. Давыдова. Кампания 1808 года. Финляндия», и полностью привести весь рассказ о том, что «Кульнев знал удовлетворительно артиллерийскую науку и основательно — полевую фортификацию, теоретически и практически. Он порядочно изъяснялся на языках французском и немецком, хотя писал на обоих часто ошибочно, но познания его в истории, особенно в русской и римской, были истинно замечательны»; что «Кульнева причуды происходили от его веселого нрава, никогда, ни

* Да здравствует император! (фр.).

от чего не унывавшего, и от неподдельной, самобытной оригинальности его характера. Суровый образ жизни предпочтен им был роскошному образу жизни от большего приличия первого солдатскому быту»; что «попечительность его о пище и благосостоянии солдата, как в военное, так и в мирное время, простиралась за пределы обыкновенной попечительности» и что «начальствуя всегда авангардами, Кульнев был неусыпен в надзоре за неприятелем и говаривал: “Я не сплю и не отдыхаю для того, чтобы армия спала и отдыхала”, но уж так красиво описал Денис Васильевич своего друга, что было бы обидно выкинуть из этой обширной, на несколько страниц, цитаты хоть строчку...

Поэтому, не увлекаясь, возьмем источник, написанный более строгим слогом, — том первый роскошного издания А. И. Михайловского-Данилевского «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца», где есть такая характеристика:

«Горе и нужда рано познакомились с ним. Недостаточное состояние заставило его, сперва поневоле, быть неприхотливым. Потом он привык к умеренности; носил мундир из солдатского сукна, ел самую простую пищу, не любил шумного разгуля и пирушек, хотя они бывали тогда в обыкновении, особенно в гусарских полках; часто и сам стряпал себе свое солдатское кушанье. Но под суровую оболочку друзья и товарищи находили в Кульневе ум, образованность и горячее сердце»³⁹.

Зато «солдат грабитель казался ему недостойным чести носить мундир. Раненые и пленные неприятели, после боя, видели услугу, привет, дружбу Кульнева», а потому «память Кульнева много лет сохранялась во всей Финляндии. В нем чтили воина храбрости необычайной, и покровителя, истинного отца безоружных жителей»⁴⁰.

Добавим еще, что треть жалованья Яков Петрович регулярно отсылал своей горячо любимой матушке, — и тем завершим портрет легендарного воина.

К слову, Кульнев оказался вторым гусаром, которого Денис Давыдов воспел в своих стихах. Этот поэтический образ коренным образом отличается от романтизированного Бурцева:

Поведай подвиги усатого героя,
О Муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке являлся среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед⁴¹.

(Это единственное стихотворение, когда-либо написанное Давыдовым на театре военных действий. «Во время перехода к Пигаюкам, Денис Васильевич “для смеха”, мысленно сочинил стихи, которые проговорил Кульневу»⁴².)

Приехав к авангарду, Давыдов буквально все время находился рядом с Кульневым и вскоре на своей шкуре сумел убедиться, что его присказка «Я не сплю и не отдыхаю для того, чтобы армия спала» отнюдь не была красивой фразой. С начала кампании полковник спал не раздеваясь, и лишь только прибывал вестовой от передовой цепи, сообщая о выстрелах или движениях неприятеля, сразу поднимался и спешил к месту происшествия. Денис, который жил в том же помещении, что и Кульнев, признается, что «это было истинно невыносимо». Но таковы интересы службы и таков характер настоящего командира. Любой офицер понимает, что забота о солдате — не самоцель и проистекает она отнюдь не от доброты душевной конкретного воинского начальника. Просто накормленный и выспавшийся солдат выполнит свою задачу гораздо лучше, нежели тот, у которого живот подводит от голода, глаза смыкаются от бессонницы, ноги ооченели, а тело пробивает холодная дрожь... Чтобы такового не было, начальник должен заботиться о солдате — нередко даже себе в ущерб. Однако конечный результат, желанная победа, с лихвой искупают все претерпенные лишения.

Заглядывая вперед скажем, что еще до окончания войны, к исходу 1808 года, Яков Петрович получил генеральский чин, орден Святого Георгия III класса и пять тысяч рублей, которые отослал матушке. Несколько позже Александр I пожаловал Кульневу еще и Аннинскую ленту*. Конечно, ради этого стоило не поспать — но это с точки зрения человека партикулярного. Военный же прекрасно понимает, что карьеристу, мечтающему исключительно о чинах и орденах, в авангарде не место — там каждый день может оказаться последним, особенно для такого офицера, как Кульнев, который с одним лишь ординарцем скакал на опасные участки... К тому же «во время сражения он первый устремлялся в огонь и последний выходил из оногo. В Финляндскую кампанию он соделался шведам столь страшен, что одного имени Кульнева довольно было для того, чтобы заставить их ретироваться»⁴³. Так он поступал исключительно потому, что этого требовали долг и честь военного человека, для которого на первом месте всегда стоят интересы Отечества. Вот они, парадоксы службы!

Ну а Денис, повторим, был с ним рядом. 4 апреля он участвовал в атаке гусар и казаков на шведских драгун на льду Бот-

* Имеется в виду орден Святой Анны 1-й степени.

нического залива близ селения Пихаиоки; 12 апреля выбил слабый отряд шведов с острова Карлоэ... Эти и последующие события есть в послужном списке нашего героя, хотя особенно описывать тут нечего: боевая рутина, так сказать, дни, в общем-то похожие один на другой. Из них можно выделить разве что Куортанское сражение, произошедшее 20 августа:

«Бой продолжался целый день и остался нерешительным; наступление ночи прекратило битву; Каменский, обдумывая результаты дня, готовился приказать уже к утру отступление, когда явился вдруг к нему Кульнев и сообщил, что шведы отступают уже: всегда последний отходя ко сну, Кульнев ночью объезжал нашу цепь и по неясным признакам, которые он уловил привычным глазом и ухом, он понял, что неприятельское войско удаляется со своих позиций. Немедленно удостоверившись в этом, Каменский двинулся преследовать шведов; опять Кульнев командовал авангардом; опять начал он теснить неприятеля, и снова, увлекаемый своею горячностью, наткнулся под Оравайсом на весь корпус Клингспора*; дело грозило снова серьезною неудачею, но подоспели главные русские силы и после жестокого рукопашного боя шведы были совершенно разбиты»⁴⁴.

Нет, эта война отнюдь не была столь легкой и безопасной прогулкой, как казалось многим из Петербурга! Вот и 15 октября в бою при Инденсальми пушечным ядром был убит 28-летний генерал-майор князь Михаил Долгоруков, командир Сердобольского отряда, преображенец, сослуживец и друг графов Михаила Воронцова и Федора Толстого, Сергея Марина — друзей Давыдова, а значит, по крайней мере, его знакомый. Гвардейский мир в ту пору был очень тесен! Через два дня после гибели князя курьер доставил императорские указы о присвоении Долгорукову чина генерал-лейтенанта, назначении его командиром корпуса и знаки ордена Святого Александра Невского...

В результате тех самых «рутинных» боев, которые повсеместно и непрерывно вели различные русские отряды, «к 1-му января 1809 года вся твердая земля Финляндии уже была очищена от неприятеля и покорена Русскому оружию. Но шведы еще намеревались оспорить завоевание сей страны и приготовлялись к начатию военных действий весною, при вскрытии льда»⁴⁵.

И что бы тогда было? Год 1809-й грозился стать повторением 1808-го...

Чтобы этого избежать, «император Александр повелел

* *Вильгельм Мориц Клингспор* (1742—1820) — граф, командовал шведскими войсками в Финляндии, фельдмаршал (1808).

Кноррингу* открыть кампанию 1809 года переходом Балтийского моря по льду с целью перенести военные действия в самую Швецию и овладением Стокгольма, склонить Густава IV на мир. Не веря в успех предприятия, генерал Кнорринг и старшие начальники затягивали и откладывали его выполнение. К выступлению их побудил лишь посланный государем Аракчеев»⁴⁶.

...Есть в истории «нелюбимые личности», на которых словно бы легла некая роковая печать. В числе таких людей оказался, в частности, граф Алексей Андреевич Аракчеев — верный слуга двух императоров, выдающийся военно-административный деятель, фактический создатель лучшей в Европе артиллерии, человек удивительного бескорыстия (пожалуй, он был единственным, кто отказался от высших отличий империи: чина генерал-фельдмаршала, княжеского достоинства и ордена Святого Андрея Первозванного). Но современники и даже историки приписывают «Силе Андреевичу» несуществовавшие грехи — утверждают, что он был трусом, ни в каких военных действиях не участвовал, покидая боевые порядки при первом выстреле. Это не так — известно, что в 1813 году, при Люцене и Бауцене, он командовал русской артиллерией⁴⁷, поэтому его портрет по праву занимает свое место в Военной галерее Зимнего дворца. Однако истинный воинский, точнее — военачальнический подвиг графа Аракчеева относится к иному времени: к Шведской кампании...

Распоряжение императора Александра Павловича дойти до шведского берега просто напугало военачальников. Неудивительно: многие десятки верст по льду, который неизвестно где и когда может разойтись или проломиться, должны были пройти не только тысячи пехотинцев, но конница и артиллерия, без которых выход на противоположный берег был бы занятием бессмысленным. Очевиден был риск потерять армию без боя! Разумеется, что в этом случае виноватым был бы не государь, отдавший неисполнимый приказ, но военачальники, которые не смогли избрать правильный маршрут. Но кто скажет, где таковой пролегает?!

Вот почему, когда в феврале 1809 года в Финляндию прибыл граф Аракчеев, «в армии его встретили почти враждебно; все, на кого был возложен переход через Ботнику, старались под разными предлогами отклонить от себя исполнение этого важного подвига; каждый отчаивался в успехе, донося о неодолимых препятствиях; Кнорринг просил об отставке.

* *Богдан Федорович Кнорринг* (1746—1825) — генерал от инфантерии; 7 декабря 1808 года заместил графа Буксгевдена на посту главнокомандующего армией в Финляндии.

Но Аракчеев знал, что особенных препятствий нет, и разными мерами сумел приготовить все нужное к открытию зимней кампании. Войскам было предписано готовиться к переходу, а начальникам их немедленно вести свои отряды из указанных пунктов на шведский берег... Такова сила энергии графа Аракчеева и ему одному принадлежит слава приведения в действие великой мысли Александра о перенесении русских знамен на шведский берег»⁴⁸.

Недаром же по окончании войны государь прислал графу Аракчееву орден Святого апостола Андрея Первозванного, от которого граф отказался, отослав его обратно...

Но не будем углубляться в происходившее в высших эшелонах, от которых был далек даже только что произведенный в генерал-майоры Кульнев — а уж штабс-ротмистр Давыдов и подавно, — ибо они относились к числу тех, кому принадлежали не ответственность принятия решений, но трудности и опасности выполнения оных. 26 февраля корпус Багратиона двинулся на остров Кумлинг, откуда начинался «Ледовый поход» или «Зимняя экспедиция» — переход через ту лежащую между городами Ваза и Умео часть Ботнического залива, что именуется пролив Кваркен и имеет общую протяженность порядка 100 верст.

Корпус был разделен на пять колонн, пятая из которых, под началом графа Строганова*, обходила Аландские острова с юга, чтобы отрезать шведам пути отступления. Ее авангард, состоявший из гродненских гусар, гвардейских казаков, а также — уральских и донских казаков, вел генерал Кульнев.

К сожалению, записки Дениса о Шведской войне обрываются 15 апреля 1808 года, а потому возьмем воспоминания другого участника похода, в ту пору — уланского корнета, гораздо менее даровитого, но весьма популярного в свое время автора, Фаддея Булгарина:

«С первого шага в замерзшее море открылись трудности, которые для всякого, кроме Русского войска, показались бы

* *Павел Александрович Строганов* (1774—1817) — граф, генерал-лейтенант (1814). Во время Великой французской революции посещал заседания Якобинского клуба, за что был отозван императрицей Екатериной II в Россию и сослан в одну из своих деревень. В 1796 году получил разрешение переехать в Петербург. Сблизился с наследником престола будущим императором Александром I, при котором стал одним из основателей Негласного комитета. С 1802 года — сенатор. В 1802—1807 годах — товарищ министра внутренних дел. В 1807 году поступил на военную службу. В войнах с Францией в 1807 году, со Швецией в 1808—1809 годах и Турцией в 1809—1810 годах командовал полком. Во время Отечественной войны 1812 года командовал сводной гренадерской дивизией, отличившейся в Бородинском сражении, затем 3-м корпусом в бою под Красным, в 1813—1814 годах — дивизией. В 1814 году вышел в отставку.

непреоборимыми. Свирепствовавшая в сию зиму жестокая буря, сокрушив толстый лед на Кваркене, разметала оный на всем его пространстве огромными ледяными обломками, которые, подобно диким утесам, возвышались в разных направлениях, то пресекая путь, то простираясь вдоль оного. Вдали сии гряды льдин представляли необыкновенное зрелище: казалось, будто волны морские замерли мгновенно, в минуту сильной зыби. Трудности похода увеличивались на каждом шагу. Надлежало то карабкаться по льдинам, то сворачивать их на сторону, то выбиваться из глубокого снега, покрытого обломом. Пот лился с чела воинов от излишнего напряжения сил, и в то же время пронзительный и жгущий северный ветер стеснял дыхание, мертвил тело и душу, возбуждая опасение, чтобы, превратившись в ураган, не взорвал ледяной твердыни. Кругом представлялись ужасные следы разрушения, и сии, так сказать, *развалины* моря напоминали о возможности нового переворота»⁴⁹.

А вот уже непосредственная хроника боевых действий:

«Следуя в голове колонны Строганова, забирая пушки и пленных, Кульнев настиг арьергард шведов, которые, сосредоточась в Эккери, крайнем западном пункте Аландских островов, поспешно пустились через Аландсгаф к Шведским берегам. У островка Сигналскера догнал арьергард их Кульнев, захватил с бою две пушки и 144 пленных и принудил шведского полковника Энгельбрехтена положить оружие, с 14 офицерами и 442 человеками нижних чинов. Бросая ружья, фуры, пороховые ящики, остальные войска неприятельские спаслись на шведский берег. Остановя следование Багратионова корпуса на Аландских островах, главнокомандующий положил послать только конный отряд через Аландсгаф на шведский берег. Отряд сей, составленный из трех эскадронов Гродненских гусаров, Лейб-уральской сотни и 400 донцов, поручили Кульневу... Ночью выступил Кульнев, шел восемь часов по следам шведов, через ледяные громады Аландсгафа, и — “Ура!” раздалось в рядах его отряда, когда затемнели перед ними дикие утесы шведских берегов. Изумленные береговые отряды шведов не верили глазам своим, видя гарцевание казаков по льду морскому. Шведские егеря встретили Кульнева за версту от берега. С обыкновенными словами его: “С нами Бог!” гусары атаковали шведов с фронта; казаки бросились с флангов и понеслись в тыл неприятеля. Шведы были смяты, бежали, оставили пленными 86 человек и отстреливались из-за береговых утесов и деревьев. Кульнев спешил уральцев и послал их перестреливаться, выстроил на льду спешенных гусаров и требовал сдачи прибрежного местечка Гриссельгама, уверяя, что

сопротивление бесполезно, ибо сильный корпус русский идет на Нортель, ближе к Стокгольму. Доверяя словам Кульнева, шведы прекратили бой и уступили местечко... Кульнев оставался на шведском берегу два дня, пока получил извещение главнокомандующего о заключении перемирия и приказание идти обратно»⁵⁰.

Последующие события особого интереса для нас не представляют: «Ледовый поход» настолько испугал шведов, что в Стокгольме произошел переворот и король Густав IV был низложен; сменивший его Карл XIII тут же предложил перемирие и запросил мира. Хотя боевые действия все же были продолжены, и война завершилась лишь 5 сентября 1809 года, когда был подписан Фридрихсгамский мирный договор, но еще в мае князь Багратион и, соответственно, его адъютант гвардии штабс-ротмистр Давыдов покинули действующую армию.

В формуляре Дениса Васильевича появилась следующая запись: «В походах и сражениях был:... в Финляндии, в 1808 г., занял с отрядом казаков остров Карлое и участвовал в делах под Брагестатом, Лаппо, Перхо, Карлстула, Куортане, Сальми, Оровайсом, Гамле-Карлебю, при овладении Аландскими островами, где, командуя отрядом казаков, выбил неприятеля с острова Бене и занял его, и при переходе на Шведский берег под Гриссельгамом...»⁵¹

Впечатляет, однако никаких боевых наград на сей раз не последовало, хотя князь Багратион и представлял своего адъютанта к ордену Святого Георгия IV класса.

Зато новый друг Давыдова — Закревский был отмечен орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, золотой шпагой «За храбрость» и капитанским чином. Думается, что заслуженно. Но это свидетельствует и о том, что при дворе начала закатываться «звезда» князя Багратиона и восходить — графа Каменского. За Шведскую кампанию, в том числе и беспримерный «Ледовый поход», князь Петр Иванович был произведен в генералы от инфантерии, а граф Николай Михайлович, одиннадцатью годами моложе Багратиона и младше его по производству на три года, не только получил полный генеральский чин*, но и был удостоен ордена Святого Георгия II класса...

Заметим, кстати, что ни во время войны 1807 года, ни в Шведскую кампанию, ни во все последующие войны, в которых он участвовал, Денис Васильевич стихов не писал. (Един-

* Чины II класса — «генерал от инфантерии», «генерал от кавалерии», «генерал от артиллерии», «инженер-генерал» — в обиходе именовались «полными генералами». При равных чинах старшим считался тот, кто был произведен в данный чин ранее.

ственное исключение составляет приведенный ранее набросок про «подвиги усатого героя».) Хотя, казалось бы, для военного человека война — самое вдохновляющее время. Давыдов же сам громогласно заявил: «Я люблю кровавый бой!», да и Александр Сергеевич Пушкин утверждал: «Есть упоение в бою!» — но почему тогда Денис не вдохновлялся на истинно «военную лирику»? Можно говорить о его занятости по службе, об отсутствии условий, вспоминать «Когда говорят пушки — музы молчат», но думается, причина тому совершенно иная. Давыдов не был тем, кто именуется «поэтом-баталистом», им не создано ни одной яркой батальной картины, коими столь богата наша литература.

Вспомним Пушкина:

В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча⁵².

Вспомним Лермонтова:

Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел⁵³.

Как это образно, как зримо — но это совсем не тема Давыдова, а потому и не его стихи. Денис писал не о боях, но о военных людях, их быте и нравах; он был не «баталист», но скажем так — «военный бытописатель».

Но именно тогда, в 1808 году, когда Денис воевал в Финляндии, на страницах «Вестника Европы» (Ч. 39, № 6) впервые появилось его стихотворение — элегия «Договоры», произведение лирично-ироническое. С этого момента Давыдов действительно становится известен читающей публике.

И еще, касательно его творчества. Можно утверждать, что в качестве «опального поэта», коим Денис являлся изначально, ему несказанно везло. Перефразируя Пушкина, «...судьба Давыдова хранила»... Мы уже не раз говорили про лейб-гусара Лермонтова; можно вспомнить и выпускника Московского университета Александра Полежаева, который «в награду» за «возмутительную» поэму «Сашка» был «пожалован»

унтер-офицерским чином и определен в Бутырский пехотный полк. Вот только долго рассказывать о нем не придется, ибо все произошедшее потом вместится в 11 лет: солдатская служба, Кавказ, увольнение в чине прапорщика и смерть от чахотки без малого через месяц. Полежаеву было лишь 33 года...

Можно возразить, что это были суровые времена правления императора Николая I — но даже и в «дней Александровых прекрасное начало» поэтам порой приходилось весьма несладко. Достаточно анекдотичный случай произошел с двумя армейскими стихотворцами-дилетантами как раз в ту самую Шведскую кампанию. Говорим «анекдотичный» лишь потому, что оба они остались живы, ибо в ином случае анекдот мог превратиться в трагедию — подобно судьбе Полежаева. О произошедшем рассказал все тот же достопочтенный Фаддей Венедиктович:

«В корпус графа Каменского присланы были из Петербурга военным министром графом Аракчеевым поручики Белавин и Брозе, не помню какого пехотного армейского полка. Они общими силами написали сатирические стишки, под заглавием: *Весь-гом*. (У меня остался в памяти один куплет, и по прошествии сорока лет можно привести его:

Пришли к Фридланду мы местечку.
Тут, к несчастью и с стыдом,
Побросали пушки в речку,
Сами сделали весь-гом.

Господа поэты стоили наказания, потому что сказали *неправду*. Стыда тут не было: по сознанию самого Наполеона, русские дрались превосходно под Фридландом. В этом роде были все куплеты, и каждый кончался словом: *весь-гом*.) Надобно знать, что прежде командовали: “*весь-кругом!*” и что это движение, фронтом в тыл, делалось медленно, по три темпа, с командою: раз, два, три, а потом стали делать в два темпа, по команде в два слога: *весь-гом*. Эта маловажная перемена послужила армейским поэтам к критическому обзору Аустерлицкой и Фридландской кампаний. В службе не допускаются ни сатиры, ни эпиграммы, и молодых поэтов наказали справедливо и притом воински. Военный министр прислал их к графу Каменскому без шпаг, т. е. под арестом, предписав: “Посылать в те места, где нельзя делать *весь-гом*”. Эти офицеры были прекрасные, образованные молодые люди. В первом сражении граф Каменский прикомандировал их к стрелковой цепи, однако же без шпаг. Поэты отличились, и не смея прикоснуться ни к какому оружию, потому что считались под

арестом, вооружились дубинами и полезли первые на шведские шанцы. Граф Каменский после сражения возвратил им шпаги и написал к военному министру, что «стихи их смыты неприятельской кровью». Граф Аракчеев позволил им возвратиться в полк, но они не согласились и остались в корпусе графа Каменского до окончания кампании, отличаясь во всех сражениях»⁵⁴.

Подобное наказание, очевидно, навсегда отвратило молодых людей от рифмотворчества — стихов их мы нигде не видели. Зато, насколько помнится, некий капитан с редкой фамилией Брозе был при Бородине в рядах Елецкого пехотного полка, потерявшего в том бою две трети своего состава. Насчет Белавина ничего сказать не можем.

Все ж интересно отметить, как много пишущих стихи было среди русского офицерства! Сколько поэтов, различных по своему уровню и известности, но объединенных тем, что они носили эполеты, встречается в одной лишь этой главе нашего повествования! Причем в то время поэтическое творчество еще не увлекло общество. Какое иное сословие, кроме военного — не берем в расчет «цех задорный»* профессиональных литераторов, — имело такую тягу к рифмам?..

...Кампания 1808—1809 годов, несмотря на свои яркие страницы (переход войск князя Багратиона по льду на Аландские острова нередко сравнивают с Альпийским походом Суворова) и чрезвычайно выгодные для России результаты (присоединение Финляндии), оказалась заслонена войнами с Наполеоном, в особенности — скорым уже 1812 годом.

Французские историки видели тому еще одну причину: «Та самая Финляндия, которой в России так долго домогались, утратила в глазах русских всю свою ценность с тех пор, как она оказалась подарком Наполеона»⁵⁵.

Хорош «подарок», взятый русскими штыками и оплаченный русской кровью! Но после Тильзита авторитет императора Александра I здорово пошатнулся, а потому, чего бы он хорошего ни делал — «в зачет» ему это не шло. Так, кстати, априори отрицались любые начинания его покойного родителя — императора Павла Петровича. Сравнение весьма тревожное!

Война эта нашла некоторое отражение в литературе — разумеется, довольно слабое. Евгений Абрамович Баратынский**, который сам служил в Финляндии, в 1820—1824 годах, когда

* Слова А. С. Пушкина из 1-й главы «Евгения Онегина»:

И не попал он в цех задорный
Людей, о коих не сужу,
Затем, что к ним принадлежу.

** Возможно написание «Боратынский».

он, изгнанный из Пажеского корпуса, был унтер-офицером Нейшлотского пехотного полка, вдохновился «финляндскими мотивами» и написал стихотворную повесть «Эда». Хотя действие ее происходит в 1807 году, перед открытием войны, однако в ней не только звучит военная тема, но и дважды упоминается имя нашего героя.

Сначала — в прозаическом предисловии, где автор так говорит о Финляндии: «Страна сия имеет права на внимание наших соотечественников любопытную природою, совершенно отличною от русской. Обильная историческими воспоминаниями, страна сия была воспета Батюшковым, и камни ее звучали под конем Давыдова, певца-наездника, именем которого справедливо гордятся поэты и воины»⁵⁶.

Затем — в стихотворном эпилоге:

...Все покорилось. Но не мне,
Певцу, не знающему славы,
Петь славу храбрых на войне.
Питомец муз, питомец боя,
Тебе, Давыдов, петь ее:
Венком певца, венком героя
Чело украшено твое.
Ты видел Финские граниты,
Бесстрашных кровию омыты;
По ним водил ты их строи.
Ударь же в струны позабыты
И вспомни подвиги твои!⁵⁷

Поэма была написана в 1824—1825 годах и издана в 1826-м. При жизни своей Денис Давыдов постепенно сам превращался в литературный образ.

Глава пятая

**«ВОЖДЬ ГОМЕРИЧЕСКИЙ, БАГРАТИОН ВЕЛИКИЙ!»
1809—1812**

*На вьюке, в тороках цевницу я таскаю,
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!*

Денис Давыдов. В альбом

«Люблю нашу матушку Россию за то, что у нас всегда где-нибудь да дерутся!» — сказал Яков Петрович Кульнев, и был он в том совершенно прав. Еще продолжались боевые действия в Финляндии, а князь Багратион уже уезжал на юг, где с 1806 года длилась очередная — седьмая по официальному счету — Турецкая война. «Поводом к войне послужили закрытие Турцией (по настоянию Наполеона) проливов для русских судов и смена ею вопреки Ясскому миру преданных России господарей. Протест России оставлен был без ответа...»¹

Отсюда можно сделать вывод, что приведенные нами ранее утверждения французских ученых про связь этой войны с сильным «желанием выполнить условия Тильзитского договора» совершенно беспочвенны — да и началась война за год до Тильзита, причем Франция немало сделала для того, чтобы она была развязана.

Главкомандующим Молдавской армией стал генерал от кавалерии Иван Иванович Михельсон*, славный «екатерининский орел», вошедший в историю под именем «победитель Пугачева». Он и на сей раз блестяще выполнил свою задачу, причем, по словам историка, «ходил в атаки с саблей наголо, показав себя перед смертью тем же лихим гусаром, каким был, когда гонял Пугачева от Казани до Царицына». Однако возраст главнокомандующего подобным испытаниям не

* Иван Иванович Михельсон (1740—1807) — генерал от кавалерии, военный губернатор Белоруссии; в 1774 году нанес ряд поражений мятежнику Пугачеву, после которых отряды последнего были рассеяны, а сам он пленен.

соответствовал, и в августе 1807 года, за неделю до заключения мира, 67-летний Михельсон скончался в Бухаресте. Подписание мира отложилось, а тем временем в Стамбуле произошел переворот, новый султан отверг русские требования — и война продолжилась.

Император Александр выводов из произошедшего не сделал и поручил руководство Молдавской армией князю Прозоровскому*, еще «елизаветинскому орлу», получившему вместе с этим неожиданным назначением чин генерал-фельдмаршала. Однако «маститый старец», как тогда говорилось, особой боевой активности не проявил: весь 1808 год прошел в бездействии и переговорах, а за все время его командования русские войска только то и сделали, что в конце апреля 1809 года осадили крепость Браилов, но взять ее не сумели... Провоевав таким образом почти два года, фельдмаршал скончался в военном лагере, немного не дожив до своего восьмидесятилетия.

Когда ж такое в России бывало, чтобы два главнокомандующих воюющей армией умирали от старости?! Хотя на той войне будет еще и третий умерший главнокомандующий — уже известный нам граф Николай Михайлович Каменский, который внезапно скончается от болезни в 1811 году, тридцати четырех лет от роду... Он будет четвертым, но не последним, возглавлявшим злосчастную Молдавскую армию.

Но это еще впереди, а пока сюда в качестве помощника главнокомандующего фельдмаршала Прозоровского был направлен князь Багратион. Известно, что такое назначение «было, в сущности, для него почетною ссылкою. Его не желали более видеть в Санкт-Петербурге по причинам интимного характера. Среднего роста, худощавый, мускулистый брюнет с типичным грузинским лицом, на котором сильно выдавался орлиный нос, дававший повод к ряду острот, шуток и анекдотов, Багратион был некрасив, но всей своей фигурой производил сильное впечатление: солдаты называли его “орлом”. Но

* *Александр Александрович Прозоровский* (1732—1809) — князь, генерал-фельдмаршал. Во время Семилетней войны участвовал в сражении при Гросс-Егерсдорфе, в осаде Кюстрина и взятии Берлина. В 1-ю Русско-турецкую войну командовал авангардом армии А. М. Голицына. Участвовал в покорении Крыма, а по окончании войны подавил восстание крымцев против Шагин-Гирея. В 1780 году был назначен управлять Орловско-Курским наместничеством, а в 1790-м — главнокомандующим в Москве; исполняя волю Екатерины II, арестовал масона Н. И. Новикова. При Павле I получил в командование Смоленскую дивизию, но в 1797 году был уволен в отставку и выслан в деревню. При Александре I был вновь возвращен на службу и в 1808 году назначен главнокомандующим в боевых действиях против турок. Умер в военном лагере на Дунае.

еще более сильное впечатление производил он на окружающих славою своих подвигов и репутациею суворовского любимца и ученика. На этой почве, вероятно, произошло увлечение им великой княжны Екатерины Павловны, которой в ту пору было 18—20 лет. Чтобы положить этому конец, великую княжну в апреле 1809 года выдали замуж за принца Георгия Ольденбургского. Но так как Багратион не хотел примириться с этим фактом, то его произвели в генералы от инфантерии и направили в Молдавию»².

Таким образом, определилась и судьба Дениса, прямиком отправившегося с одной войны на другую — в Молдавской армии они с князем появились 25 июля.

Прибыв к порученным ему войскам, князь Петр Иванович деятельно занялся подготовкой к последующему походу. И тогда произошел тот случай, который биографы Давыдова чаще всего опускают.

«Во время долгих приготовлений к этому походу, на Давыдова, находившегося со своим генералом в Молдавии и уже давно не видавшего отечества, напала такая сильная тоска по родине, что Багратион вынужден был на свой страх отпустить его в Россию. Доехав до границы, Давыдов бросился на родную землю, со слезами долго ее целовал и через две недели возвратился в армию. Это внимание Багратиона к своему адъютанту спасло, по словам Давыдова, ему честь, ибо при том состоянии нервного возбуждения, в котором Давыдов находился, он легко мог дезертировать из армии»³.

Готовиться к бою и воевать — занятия различные, и человек в том и в другом случае чувствует себя совершенно по-иному; ожидание боя нередко становится гораздо более трудным, можно сказать — изматывающим испытанием, нежели присутствие на сражении. Военная служба коренным образом отличается от труда чиновника, который годами, изо дня в день, преспокойно ходит в свое присутствие — в ней спокойствия не бывает. Давыдов, офицер до мозга костей, романтик и поэт воинской службы, и тот не выдержал этого напряженного ожидания, тяжелейших условий бивачного бытия вдали от родных мест.

Денису очень повезло, что начальником его был Багратион. Отнюдь не идеализируя князя Петра Ивановича, отметим, что подчиненные, в подавляющем своем большинстве, любили его не только за легендарную храбрость, но и за душевное, человеческое отношение. Вот что вспоминал в своих записках Василий Денисович Давыдов:

«Во время служения моего отца адъютантом при князе Багратионе он видел в нем скорее самого нежного попечите-

ля, чем строгого начальника. Вне служебных обязанностей, с пылкостью его лет, он, всегда влюбленный, всегда ревнивый, часто отпрашивался у князя Петра Ивановича в отпуска во время стоянки главной квартиры в Житомире и пропадал по несколько недель. Получая извещения, что князь Багратион так сердит, что решил отправить его назад в полк, он являлся, и гнев князя пропадал»⁴.

Житомир будет позже, но от того суть происходившего не меняется. Зато в то самое время вдруг круто переменились обстоятельства в Молдавской армии.

«Через несколько дней после приезда князя Багратиона в Бузео* для принятия начальства над корпусом Эссена и отрядом Колюбакина, получил он известие о кончине князя Прозоровского. Как старший генерал в армии, он немедленно отправился в главную квартиру ее и прибыл туда 11-го августа. Между нераспечатанными бумагами князя Прозоровского нашел он Высочайший указ о своем назначении Главнокомандующим Молдавской армией, с изъявлением монаршей воли руководствоваться в военных действиях правилами, данными предместнику его: “Поспешный переход за Дунай, — писал император Александр в указе Багратиону, — признан необходимым. По настоящим обстоятельствам каждая минута драгоценна. Я ожидаю и надеюсь в скором времени получить от вас донесение из-за Дуная”»⁵.

Слова государя «ожидаю и надеюсь» являлись соответствующим приказом, облеченным в вежливую форму, а потому 14 августа Молдавская армия, теперь уже под командованием князя Багратиона, перешла через Дунай. И далее «Багратион повел военные действия с обычною своею суворовскою быстротою и решительностью. Имея в армии всего лишь 20 тысяч человек, он, не снимая блокады Измаила, взял 18-го августа Мачин, 22-го — Гирсово, 29-го — Кюстенджи, 4-го сентября разбил наголову под Рассеватом 12-тысячный корпус отборных турецких войск, 11-го осадил Силистрию, 14-го взял Измаил, 27-го — Браилов. На выручку Силистрии поспешил великий визирь с войсками, численность которых равнялась силе нашего осадного корпуса. Багратион встретил его 10-го октября у Татарицы и нанес ему поражение»⁶.

За эти победы и прежде всего за разгром турок у Рассевата князь Петр Иванович был удостоен ордена Святого апостола Андрея Первозванного — высшей награды Российской империи.

А что же наш герой? Где в это время был Денис Васильевич и чем он занимался? Из официальных бумаг известно, что Давыдов выполнял обязанности адъютанта главнокомандую-

* Бузео или Буцау — город в Румынии.

щего и в 1809 году участвовал «в боях при взятии Мачина и Гирсова; в сражении под Рассеватом; при обложении крепости Силистрия; в сражении под Татарицей»⁷... И вот тут, пожалуй впервые, он попадает в поле зрения мемуариста — причем внимательного и дотошного, о чем можно судить уже из одного названия воспоминаний: «Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова* о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г.». Эти мемуары — как целиком (то есть большая сохранившаяся их часть), так и фрагментами, публиковались и в XIX, и в XX веке. По счастливой случайности судьба не раз сводила Михаила Петрова и Дениса Давыдова на поле брани. Но первая встреча произойдет чуть позже, а потому о ней — ниже.

Зато сейчас можно сказать, что на театре боевых действий Давыдов имел возможность вновь повстречаться со своими бывшими однополчанами — белорусцами. В 1805 году Белорусский гусарский полк был передислоцирован в Молдавию и вскоре отличился в делах при Журже, Рассевате и под Силистрией... Надо полагать, что Денис не раз посещал своих былых сотоварищей, и жженка горела синим пламенем, рассказы и воспоминания лились рекой (причем Давыдов выглядел истинным героем, о чем свидетельствовали не только его слова, но и многие его награды), и стихи читались — как те, что были написаны во время службы в полку и давно уже стали известны всей армии, так и более поздние, недолгого петербургского периода:

Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По бокалу осушали
И просили Мудрость вон.
«Детушки, поберегитесь!» —
Говорила Мудрость нам...⁸

Стихи хотя и игривые, но, честно скажем, так себе, и все та же «хрестоматийная» Лиза, однако нет сомнения, что принимались они восторженно. Восхищение нетребовательных слушателей вызвали не столько сами рифмованные строки, сколько то, что знаменитый поэт — их недавний товарищ, гвардеец и адъютант самого Багратиона, не забыл былую дружбу и запросто к ним приехал... Совершенно естественная реакция независтливых, душою чистых людей — истинных военных!

* *Михаил Матвеевич Петров* (1780—1858) — офицер 1-го егерского полка.

Отметим еще одну встречу. 25 августа князь Багратион сам привел 9-ю пехотную дивизию в Гирсов, куда подошел и корпус генерал-лейтенанта Михаила Андреевича Милорадовича. Об этом военачальнике следует сказать особо — в данный момент про его взаимоотношения с князем Багратионом.

Милорадович, сын суворовского сподвижника, был на шесть лет моложе князя, а генеральского чина удостоен неполных двадцати семи лет от роду, в июле 1798 года, тогда как Багратион — полугодом позднее. Поэтому по тогдашним понятиям Милорадович, как генерал, считался старше. Вскоре судьба свела его с Багратионом в Италийском походе, где граф Суворов, человек не столь простой, как изображают его историки, умело разжигал ревность и соперничество между двумя молодыми генералами, которых он очень любил и отличал, — и тем самым заставлял их совершать воистину невозможное. Однако как бы ни играло тут самолюбие, соперничество это было по-рыцарски честным, ни тот ни другой никогда не «подставили» своего «конкурента», зато не раз приходили друг другу на помощь. Такова психология военного человека, у которого на первом месте неизменно остаются интересы Отечества и службы и понятия чести.

Соперничество Милорадовича и Багратиона продолжалось и осенью 1805 года, когда действуя в арьергарде кутузовской армии, уходящей из-под удара всех наполеоновских войск, они также не могли не помогать друг другу.. В воздаяние совершенных ими подвигов 8 ноября того же года оба они были произведены в чин генерал-лейтенанта и награждены орденом Святого Георгия — но если Милорадович получил сразу III класс, то князь Багратион — сразу II класс, хотя это вообще был первый орден, им полученный!

Поясним, что в те времена обер- и штаб-офицеров изначально награждали орденом Святого Георгия IV класса, генералов же, а порой и полковников — III классом; впоследствии первым «Георгием» для всех, вне зависимости от чина, стал IV класс. Награждение сразу II классом являлось чрезвычайной редкостью, и этой чести за всю историю был удостоен чуть ли не один Багратион. Он был отличен за Шенграбен, где шеститысячный отряд князя сумел не только задержать тридцатитысячный корпус маршала Мюрата, отразив все атаки неприятеля, но и прорваться к главным силам.

Впрочем, стоит отметить, что честь-то честью — сразу орден II или III класса, но в результате получилось, что если орденом Святого Георгия I класса были награждены 25 военачальников, то полными георгиевскими кавалерами, имевшими орден всех четырех классов, оказались лишь четверо полководцев.

После аустерлицкой неудачи Милорадович был направлен в Молдавскую армию, а про Багратиона в 1806-м и в последующих годах мы уже рассказывали...

И вот теперь соперники встретились вновь, в совершенно ином качестве. Милорадович был ветераном этой войны, после победы при Обилешти 2 июня 1806 года его стали называть «Спасителем Бухареста» — император Александр I прислал ему в награду золотую, украшенную алмазами шпагу с необычной надписью «За храбрость и спасение Букареста», ибо на наградных шпагах и саблях всегда писалось просто «За храбрость». Учитывая все это, Михаил Андреевич после смерти князя Прозоровского вполне мог бы занять должность главнокомандующего — но тут приехал князь Петр Иванович, только что произведенный в чин генерала от инфантерии, то есть теперь по всем статьям обошедший исконного своего соперника.

Не будем удаляться от темы и ограничимся информацией о том, что «при свидании своем князь Багратион и Милорадович подали друг другу руку, обещая забыть многолетнюю неприязнь. Дружба длилась недолго!»⁹. Действительно, вскоре Михаил Андреевич Милорадович покинул Молдавскую армию... Рассказываем об этом потому, что судьба не раз еще сведет Давыдова с генералом Милорадовичем — одним из самых блистательных военачальников его времени.

Кстати, тогда же Денис мог бы познакомиться и с графом Аракчеевым, но пока что не сбылось, и вот тому свидетельство:

«Когда я был еще в Гирсове, дали мне знать, что адъютант вашего сиятельства приехал в Фокшаны, счел, что и вы скоро придете в армию. Признаюсь искренно, что я не в себе был от радости, дабы вас видеть здесь и лучше обо всем объяснить, и для того отправил к вашему сиятельству немедленно на встречу адъютанта моего Давыдова, прямо до Киева, и с ним имел честь писать к вам и просил вас, дабы вы мне не мешали принять вас по всей дистанции в городах как должно по сану вашему, ибо я очень знаю, как должно принимать начальников. Но, к прискорбию моему, осведомился, что адъютант ваш уехал, так что даже со мной не повидался, а от вашего сиятельства я получил из С.-Петербурга депеши...»¹⁰ — так 14 января 1810 года писал князь Багратион графу Алексею Андреевичу Аракчеву из Бухареста.

Хотя по таким письмам сложно судить об истинном отношении одного высокопоставленного лица к другому, но может, князь Петр Иванович по-настоящему был бы рад увидеть «Силу Андреевича»? Ведь не потребуй в Шведскую кампанию

граф Аракчеев идти через Кваркен — и не был бы теперь князь Багратион генералом от инфантерии, и как бы сложилась его судьба в связи со всеми придворными обстоятельствами — бог весть! Повторим, что отношение императора к нему тогда заметно ухудшилось.

Что вскоре и проявилось еще раз. Обложив Силистрию, князь Багратион изрядно разбросал свои силы по Молдавии, к тому же совершил еще ряд ошибок, а потому, когда в начале сентября 1809 года к осажденной крепости двинулись крупные силы турок, он поспешил снять осаду и увести армию за Дунай, расположив ее на зимних квартирах в Валахии.

«Неудачная осада Силистрии и возвращение русской армии на левый берег Дуная вызвали неудовольствие императора Александра на князя Багратиона, который вследствие этого просил об увольнении его от звания главнокомандующего; просьба Багратиона была принята»¹¹.

Разумеется, эта самая просьба была красивым жестом, в уверенности, что государь не только откажет в отставке, но и разрешит князю поступать по своему разумению. Генерал явно переоценил свои силы, точнее — отношение к нему при дворе. Похоже, что он стал вызывать у Александра I раздражение — с чего же иначе при дворе заговорили о «нерешительности и робости» известного своим бесстрашием Багратиона? Да и было уже кем его заменить: после успешно завершившейся Шведской войны стремительно восходила звезда 33-летнего генерала от инфантерии графа Николая Михайловича Каменского 2-го.

Итак, 4 февраля 1810 года князь Багратион оставил должность — как бы по состоянию здоровья... Традиционная для всех времен российская формулировка!

Денис же, ровно через месяц после того получивший чин гвардии ротмистра, что приравнялось к армейскому подполковнику — званию, в гвардии отсутствовавшему, решил остаться в Молдавской армии, но испросил себе отпуск. Местом его проведения стало село Каменка Чигиринского уезда Киевской губернии. Роскошное это имение принадлежало вдове генерал-майора Льва Денисовича Давыдова, десять лет уже как умершего, — Екатерине Николаевне*, племяннице светлейшего князя Потёмкина и матери прославленного Николая Николаевича Раевского. Денису она приходилась теткой, но очевидно, что наш герой отправился туда по приглашению своего кузена Александра Львовича Давыдова, который 11 января того самого года вышел в отставку «по расстроенному здоровью» и поселился в Каменке.

* *Екатерина Николаевна Давыдова* (1750—1825) — урожденная Самойлова, в первом браке за Н. С. Раевским (ум. 1771).

Жизнь в Каменке, но не тогда, а десять лет спустя, не единожды и во всех подробностях описана историками и литераторами.

Хотя это была уже другая эпоха. За десять лет закончилась затянувшаяся Турецкая война; Россия подверглась вторжению Великой армии Наполеона: отступление, Бородино, пожар Москвы, изгнание неприятеля, перешедшее в Заграничный поход, капитуляция Парижа; произошли резкие изменения общественного сознания, возникли тайные общества — Союз спасения и Союз благоденствия; начался расцвет великой русской литературы, появился Александр Пушкин... Отсюда и название: «эпоха Пушкина и декабристов». Каменка станет одним из тех мест, через которые проходил путь на Сенатскую площадь.

Однако, пусть несколько и потесненные молодежью, в эту новую эпоху вошли, в общем-то, те же самые люди, что знакомы нам по времени, которое названо «дней Александровых прекрасное начало» — разумеется, несколько постаревшие. Так что если читать описание балов, обедов, охот и всего того прочего, что происходило в Каменке (за исключением собраний тайного общества) в «пушкинские времена», все будет почти что то же самое и такое же...

Итак, кузен Александр Львович, недавно обосновавшийся в Каменке, — наследник этого имения. «Ни один историк литературно-общественных течений XIX столетия не обойдет полным молчанием фигуры этого типичного русского барина, сочетавшего в своем образе жизни размах и ширь вельможи Екатерининских времен с либерально-просветительскими стремлениями своей эпохи. Врожденной склонности к роскошной жизни много способствовал брак Давыдова с дочерью французского эмигранта герцога де Граммона, Аглаей Антоновной»¹².

Со слов отца о ней, о своей тетке, так написал Василий Денисович: «...весьма хорошенькая, ветреная и кокетливая, как истая француженка, искала в шуме развлечений средств не умереть от скуки в варварской России. Она в Каменке была магнитом, привлекающим к себе всех железных деятелей Александровского времени. От главнокомандующего до корнетов все жило и ликовало в селе Каменке, но главное умирало у ног прелестной Аглаи. Д. В. Давыдов воспел ее в стихах»¹³.

Что за стихи? Таковых два: «Подражание Горацию» и «Плещаннице».

...Аглая, как идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!

Ты изменишь — и прекраснее!
И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой!¹⁴

Хотя в сборнике это стихотворение и обозначено 1809 годом, но это не так — весь тот год Денис провоевал, а его кузен с супругой пребывал в Петербурге, где прекрасная Аглая блистала при дворе, умело транжиря немалые давыдовские средства. Как сказано про Александра Львовича в «Сборнике биографий кавалергардов», «несмотря на то, что за родителями его состояло в разных губерниях 14 000 душ, сам он постоянно нуждался в деньгах».

Приведенное стихотворение совсем не из тех, что можно громко и с выражением читать в кругу друзей, тем паче — родных. Нет, эти строки надо шептать на ушко, чуть касаясь гусарскими усами нежной щеки, почувствовать пьянящий запах волос и с волнением ждать ответа...

Вдруг вспомнилось пушкинское: «Какой-нибудь *пиит* армейский / Тут подмахнул стишок злодейский» — речь там совсем о другом, но как точно подходит! Ох, ведь злодейский стишок, соблазнительный!.. Явно, Денис был пленен легкомысленной 23-летней красавицей и, скорее всего, по-гусарски «волочился напрапалую». Что там между ними было — мы не знаем, да это нас и не касается! Но очевидно, познакомившись с «Подражанием...», Аглая Антоновна попросила (потребовала?) от влюбленного ротмистра совсем иного стихотворения — такого, чтобы можно было его читать вслух и всем показывать и тем гордиться. Вообще-то, по официальной версии, стих этот был написан по заказу графа Александра Николаевича Самойлова*, родного брата Екатерины Николаевны, и как бы от его имени — от того-то и появилось то самое непонятное название «Племяннице». Восхищаться чужой женой вслух не принято — как бы она того ни заслуживала и какое бы право ты на это ни имел, — но зато если выразить восхищение устами старого дядюшки, то ни к кому никаких вопросов не будет.

И вот скрепя сердце наш «пиит армейский» старательно выписывал следующие строгие строки:

Любезная моя Аглая,
Я вижу Ангела в тебе,
Который с неба прилетая
С венцом Блаженства на главе,

* Александр Николаевич Самойлов (1744—1814) — граф, генерал-прокурор в царствование Екатерины II.

Принес в мое уединенье
Утехи, счастье жизни сей
И сладкой радости волненье
Сильней открыл в душе моей!
Любезная моя Аглая,
Я вижу Ангела в тебе!¹⁵

Оценки этим рифмам мы давать не будем и вообще закроем на том тему Дениса Давыдова и его кузины. В очерке о судьбе нашего героя, помещенном в «Сборнике биографий кавалергардов», об этом времени сказано с замечательным тактом: «Давыдов влюбился в очаровательную хозяйку и посвятил ей два стихотворения. Жизнь в Каменке навсегда осталась одним из лучших воспоминаний поэта»¹⁶. Рады за него!

Ну а про саму Аглаю Давыдову можно добавить, что она и через десять лет, то есть уже в следующую эпоху, была столь же обворожительна и так же пленяла всех и каждого. В нее, 33-летнюю, что вообще считается расцветом женской красоты, влюбился двадцатилетний Пушкин — но, судя по целой серии злых эпиграмм и сатирических стихов, написанных в адрес красавицы, успеха поэт не имел. Известно, что юный Пушкин был излишне злоязычен и за свои неудачи, в том числе и на любовном фронте, отмщал стихами — далеко не всегда справедливыми...

Вот и Аглая Антоновну он обессмертил (все-таки если бы не Пушкин — то кто бы ее сегодня помнил?), припечатав ее такой эпиграммой:

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз...¹⁷

Про «мундир и черный ус» — вполне возможно, что это намек на Дениса, ибо в армии Александра I носить усы было дозволено только офицерам легкой кавалерии — гусарам и уланам. Может, и нет... Но вот к чему было называть редкое имя, всем известное и бывшее у всех на устах? Для рифмы сгодились бы все та же «Лизетта». А в честь чего «моя Аглая»? Определенно — ревность, неудовлетворенное тщеславие... В общем, скажем так — не по-гусарски!

* * *

«1810 года обстоятельства отрывают князя Багратиона от армии; граф Каменский заступает его место, и Давыдова снова приписывают к авангарду Кульнева. В поучительной школе

этого неусыпного и отважного воина он кончает курс аванпостной службы, начатой в Финляндии, и познает цену спартанской жизни, необходимой для всякого, кто решился *нести службу, а не играть со службою*»¹⁸, — писал потом сам о себе Денис Васильевич.

Как мы помним, «в феврале 1810 года Каменский, увековечивший себя Финляндским походом, получил повеление решить войну с Портою и добыть победою мир. В марте прибыл он на Дунай. За ним следовали некоторые спутники его в Финляндской войне, в том числе и Кульнев, назначенный шефом Белорусского гусарского полка, находившегося в Валахии. Здесь, подобно как и в Финляндии, ему поручен был авангард главной армии, состоявший из 4 батальонов пехоты, 10 эскадронов конницы, 3 казачьих полков и полуроты конной артиллерии. Каменский положил идти за Дунай. Мая 5-го Кульнев переправился через Дунай и следовал к Силистрии. После покорения сей крепости 30-го мая армия двинулась к Шумле, предшествуемая авангардом Уварова, в состав коего поступил Кульнев. При сближении русских к сей крепости показала в виду армии турецкая конница, Кульнев рассеял ее. В тот же день, 11 июня, во время общего нападения на Шумлу, турки неоднократно намеревались атаковать выдвинувшуюся впереди русской армии конницу Кульнева, и каждый раз, отбитые Кульневым, дорого платили за свою отвагу»¹⁹.

В общем, молодой главнокомандующий начинал кампанию удачно, а потом пошли сбои... В Шумле, которую обложил 35-тысячный отряд русских, оказалось порядка сорока тысяч турок. Граф Каменский два дня, 10 и 11 июня, пытался штурмовать крепость и отбивал дерзкие вылазки противника, но успеха добиться не смог. Когда же в конце месяца в цитадель, прорвавшись через кольцо русских войск, прибыл большой транспорт с продовольствием, главнокомандующий решил снять осаду и отойти от Шумлы...

Кстати, там, под Шумлой, Денис наконец-то встретился со своими бывшими сослуживцами — белорусцами уже в боевой обстановке... За отличие, проявленное в том бою, он наконец-то получил очередную награду — алмазные знаки к ордену Святой Анны 2-й степени. Эти самые прилагаемые к некоторым из орденов «алмазные знаки» или, в просторечии, «бриллианты» — можно было сказать «орден Святой Анны 2-й степени с бриллиантами» — являлись как бы высшей степенью данного ордена. Престижной наградой они не считались — предпочтительнее казался какой-либо иной орден, а то как считался награжденный «кавалером ордена Святой Анны 2-й степени», так им и оставался. Недаром же после Бородина генерал Милора-

дович иронизировал: «Как град сыпались на нас ядра, картечи, пули и бриллианты!»; представленный ко «второму Георгию»*, он тогда получил алмазные знаки к ордену Святого Александра Невского. Михаилу Андреевичу было обидно!

Но эта история с Милорадовичем будет еще впереди, а пока же несолоно хлебавши граф Каменский повел свои войска из-под Шумлы к другой осажденной крепости — к Рушуку, которую пытался взять штурмом 22 июля...

Именно тогда штабс-ротмистр Давыдов и познакомился с майором Петровым, который, как и он сам, временно состоял при Кульневе в качестве «разъездного адъютанта». Михаил Матвеевич вспоминал:

«Между военных действий славного Кульнева были иногда часы, когда мы, адъютанты его, мечась с приказаниями по линиям атак и маневров наших от пехоты к гусарам и от казаков к драгунам, соединялись у нашего почтенного, незабвенного начальника-героя, любезного всем Якова Петровича, то поесть кашицы и шашлыков или попить с ним чайку, сидя у огонька вкруговую. Тут Денис Васильевич Давыдов острыми своими высказками изливал приятное наслаждение утомленным душам нашим. Он пил, как следует калиберному гусару, но не “темную”, а для шутки любил выставлять себя “горьким”. Выпив поутру первую чашу, он, бывало, крехнет и поведет рукою по груди к животу, качая головой медленно в наклон к груди; и как однажды Кульнев, давний друг его, просил Давыдова: “Что, Денис, пошло по животу?”, он отвечал: “По какому уж тут животу идти, а по уголькам былого когда-то живота зашуршело порядочно”»²⁰.

Какая картинка, какой язык! А ведь писал простой офицер, из мелкопоместных дворян, всю свою жизнь проведенный в боях и походах...

...Штурм Рушука, который предпринял граф Каменский, был организован бездарно, но главнокомандующий, не желая признавать своего поражения, продолжал посылать людей на заведомую смерть, в результате чего под стенами крепости легла половина атакующих — восемь тысяч человек.

На войне случается всякое и со многим приходится мириться. Однако после кровавого поражения Каменский доложил в Петербург, что всему причиной — трусость солдат, чем восстановил против себя всю армию. Русские военачальники никогда не списывали свои ошибки на подчиненных!

И тогда наш герой вспомнил, что он по должности является адъютантом князя Багратиона и ему надо возвращаться к своему начальнику...

* Орден Святого Георгия II класса.

Вообще, Молдавскую армию тогда под различными предложениями покидали многие — не только отважные офицеры, но и опытные военачальники, которые не могли «сработаться» с графом Каменским. Конечно, это прекрасно, когда на высокие должности назначают молодых людей, хорошо себя зарекомендовавших. Но, к сожалению, опыт не является одной из граней таланта — пусть даже самого яркого, его необходимо получать и нарабатывать. А не имея опыта, человек обречен на ошибки... К тому же в России большинство начальников имеют привычку почитать себя не только самыми умными (конечно, по вертикали вниз), но и безгрешными, словно бы должность придает им не только ума, но чуть ли не святости. Не только сейчас — в любые времена!

Рассорился главнокомандующий и с бесстрашным Кульневым, отказавшимся вести своих людей в атаку на турецкий лагерь. Яков Петрович видел, что его гусарам не въехать на крутое возвышение, а потому доложил, что «нет возможности исполнить данное ему повеление. Приказание было строго повторено. Кульнев прислал прежний ответ. Тогда Каменский сам прискакал к Кульневу, приказывая идти на лагерь и угрожая арестом за непослушание. Кульнев снял с себя саблю, бросил ее на землю и уехал с поля сражения.

Каменский извинил излишнюю вспыльчивость своего старого сослуживца. За Батинское сражение Кульнев получил саблю с алмазами и надписью «За храбрость»²¹. Но вскоре он все же покинул Молдавскую армию...

Не дождался окончания кампании и генерал-майор граф Строганов, с которым Денис познакомился в Финляндии и вновь повстречался на этой войне. Очевидно, что именно под Шумлой граф подарил Давыдову чекмень, воспетый им в стихотворении «Графу П. А. Строганову» с подзаголовком «За чекмень, подаренный им мне во время войны 1810 года в Турции». Мы о нем говорили, это давыдовский вариант «Моей родословной».

Стихотворение это заканчивается так:

Но мне ль, любезный граф, в французском одеянье
Явиться в авангард, как франту на гулянье,
Завязывать жабо, прическу поправлять
И усачам себя Линдором показать!
Потомка бедного ты пожалей Батяя
И за чекмень прими его стихи дурные!

О знакомстве Давыдова и Строганова ничего, в общем-то, неизвестно — кроме того, что оба они прошли пять одних и тех же войн (первой была кампания 1807 года, а потом будут Две-

надцатый год и Заграничный поход), и того, что граф подарил своему сослуживцу чекмень. Значит, возникла между ними какая-то душевная связь, не так просто было в те времена, со строгими понятиями и правилами, сделать и принять такой подарок, да и стихи эти — не рифмованные строки, набросанные в качестве вежливой благодарности. К тому же мало знакомому генералу офицер, пусть даже и признанный поэт, в таких словах послания не напишет — есть понятия субординации и воинской вежливости, которые четко соблюдались. Как знать, если бы не ранняя смерть Строганова — быть может, это была бы крепкая дружба?

Но пока еще шел 1810 год, и лучшие люди постепенно бежали из Молдавской армии... Точнее — с достоинством покидали ее ряды и ее самодура главнокомандующего.

* * *

Вот и Денис Васильевич вновь встал под знамена князя Багратиона.

«Возвратясь после рущукского приступа к генералу своему, получившему тогда главное начальствование над 2-ю Западною армиею, Давыдов находился при нем в Житомире и Луцке без действия, если исключим курьерские поездки и беседы его с соименным ему покорителем Индии (Бахусом или Вакхом, иначе Дионисием)»²².

Наш «Дионисий» в данном случае намеренно неточен: если говорить строго, то именно главнокомандующим 2-й Западной армией князь Багратион был назначен 16 марта 1812 года; но за полгода до того, 7 августа 1811 года, он был определен главнокомандующим той самой Подольской армией, которая впоследствии и примет наименование 2-й Западной. Но это будет через год, а пока формированием армии занимался генерал от инфантерии Дохтуров.

Так что князь Петр Иванович отдыхал, так сказать, поправляя здоровье. Сначала он побывал в Вене, летом 1810 года возвратился в Россию, жил в Москве, Петербурге и в селе Симе Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии, в имении друга и родственника генерал-лейтенанта князя Бориса Андреевича Голицына. Но, пребывая в отпуску, Багратион состоял на службе, а значит, ему был положен адъютант, так что Денис, занимаясь своими делами, все равно считался на службе. Так зачем ему было распространяться о том, что он имел возможность отдохнуть между войнами?

А он, судя по всему, в 1810—1811 годах, с середины одного лета и почти до конца другого, до отъезда в Харьков, жил в

Москве. Здесь Давыдов не столько вращался в привычных ему военных кругах, но в бóльшей степени общался с литераторами, собратями по перу, так что имя его отныне появляется и присутствует в письмах, дневниковых записях и в последующих мемуарах его знаменитых современников.

Вот, например, князь Петр Андреевич Вяземский вспоминает, что князь Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий* «имел в Москве прекрасный дом, около Мясницкой, который, впрочем, уцелел от пожара. Он давал иногда великолепные праздники и созывал на обеды молодых литераторов — Жуковского, Д. Давыдова и других. Как хозяин и собеседник он был равно гостеприимен и любезен»²³.

Но все же, за новыми своими друзьями, Денис не забывал и старых, петербургских гвардейцев, с которыми состоял в оживленной переписке. Вот и преображенцу графу Федору Толстому он посвящает послание в стихах:

Толстой молчит! — неужто пьян?
Неужто вновь накуролесил?
Нет, мой любезный грубиян
Туза бы Дризену отвесил...²⁴

Не будем вдаваться в особенности биографии Толстого-Американца и давать комментарии к этому отрывку. Скажем лишь об очевидном: связей с товарищами Давыдов не порывал и был в курсе гвардейских забот...

А еще мы можем сказать, что на досуге, не обремененный заботами службы — то есть когда голова свободна от разного рода проблем, бесконечно далеких от поэзии, и не нужно писать казенным языком казенных же бумаг, — Денис вновь взялся за стихи. Его труды соответствовали этому периоду «передышки»: он не писал ужé (точнее — пока) лихих гусарских стихотворений и не обратился пока еще к элегиям. Расслабившись на отдыхе, Давыдов развлекал себя и своих друзей сатирами и эпиграммами — не того сорта, разумеется, за которые он был вынужден сменить кавалергардский колет на доломан белорусаца.

«Сатирическое направление поэзии Давыдова всего ярче выразилось в его эпиграммах, которые помещались в разных журналах и сборниках. Эпиграмм его дошло до нас немного.

Первая эпиграмма появилась в печати в 1811 году:

Говорит хоть очень тупо,
Но в нем это мудрено:

* Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1829) — князь, поэт, статс-секретарь при Павле I, тайный советник.

Что он умничает глупо,
А дурачится умно*.

Алексей Дмитриевич Галахов**, разбирая эту сторону поэзии Давыдова, характеризует ее следующими словами: “Все пьесы его в этом роде блещут бойкостью, живостью и резвостью краткой речи, меткостью насмешки, ничем не подслащенной. Его эпиграммы даются пополам с перцем или посылаются как ружейные выстрелы, с порохом и дробью: они жгут и бьют. От них глупость краснеет. Эпиграммы его имеют сходство с эпиграммами Пушкина, который оставлял в стороне деликатность там, где надо было поразить глупость или подлость”²⁵.

О том, как жил Денис в это время, он сам рассказал в стихотворении «Моя песня», предназначавшемся не для печати, но для друзей (правда, через десять лет друзья все-таки эту «Песню» опубликовали):

Я на чердак переселился;
Жить выше, кажется, нельзя!
С швейцаром, с кучером простился
И повара лишился я.
Толпе заимодавцев знаю
И без швейцара дать ответ;
Я сам дверь важно отворяю
И говорю им: дома нет!

.....
О богачи! не говорите,
Что жизнь несчастлива моя.
Нахальству моему простите,
Что с вами равен счастьем я.
Я кой-как день переживаю —
Богач роскошно год живет...
Чем кончится? — И я встречаю,
Как миллионщик, новый год²⁶.

Думается, что пояснения тут не нужны. Разве что можно уточнить, что новый год, который встречал в Москве гвардии ротмистр Денис Давыдов, — 1812-й.

... Именно в те самые дни, в середине московского неба, под которым пока что столь беззаботно жил в свое удовольствие наш герой, «окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая

* Эпиграмма на генерала от кавалерии Федора Петровича Уварова (1773—1824), шефа Кавалергардского полка.

** Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892) — историк литературы, профессор Петербургского историко-филологического института.

комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света»²⁷.

Впрочем, есть и такое давидовское свидетельство касательно его московской жизни, как письмо князю Вяземскому в Петербург от 25 августа 1811 года:

«Я все это время был очень занят, и сие было главною причиною моего молчания. Третьего дня, показавшись в театре, все думали, что я из армии приехал, столько я был уединен все это время. Красавицу свою видел только один раз. На балах не бываю. О вахтпарадах, ученьях и слышать не хочу. Сижу дома да пишу — ты думаешь, стихи? Нет, друг мой, прозу, и прозу военную. Труды мои скоро выйдут в свет, и любезный мой Вяземский будет иметь один экземпляр от автора.

Что тебе сказать более? Я на днях еду в Польшу, где кн. Багратион назначен командовать. Если будешь писать по мне, пиши в Житомир, я там буду *покамест* жить»²⁸.

Но проза эта в то время опубликована не была, так что о чем идет речь — сказать невозможно. И это — самый конец «московского» периода. Ведь все в жизни приходит к своему естественному концу — даже затянувшийся отпуск. Хотя он мог бы и продолжиться еще неизвестно сколько, потому как первоначально главнокомандующим 2-й Западной, тогда еще Подольской, армией должен был стать граф Николай Михайлович Каменский 2-й, но он до места назначения не доехал. Непосильный, как оказалось, груз командования Молдавской армией, а еще более — переживания, с этим связанные, подорвали здоровье представителя славной полководческой династии, и граф скончался 4 мая 1811 года в Одессе.

Злосчастную Молдавскую армию принял генерал от инфантерии Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, который в конце июня разгромил противника под неприступным ранее Рушукон, в сентябре окружил и блокировал главную турецкую армию под Слободзеей, так что через два месяца от нее остались жалкие ошметки. Турки капитулировали... Победы Кутузова имели столь важное значение, что в октябре 1811 года, еще до окончательного разгрома противника, он был возведен в графское достоинство; 29 июля 1812 года — через полтора месяца после подписания Бухарестского мирного договора — награжден титулом светлейшего князя. Но что удивительно, невзирая на более чем высокие оценки государя (титул «светлейший» был дан ему сразу, без возведения в, скажем так, «простое» княжеское достоинство), ряд современных историков напрочь отказывают Михаилу Илларионовичу в наличии каких-либо полководческих заслуг и утверждают, что в его послужном списке нет ни единой по-

беды... Кому же было виднее? Этим историкам — или Александру I?

А вот главнокомандующим Подольской армией после смерти графа Каменского был назначен полупальный князь Багратион. Так что в сентябре 1811 года Денис вновь реально приступил к исполнению обязанностей его адъютанта — и до 1814 года стихов более не писал... Утверждения его современников и последующих биографов, что поэтические свои произведения он сочинял «при свисте пуль, гоме пушечных выстрелов и под сабельными ударами» — очередная «легенда про Давыдова».

16 марта 1812 года должность князя Петра Ивановича Багратиона была определена окончательно: он стал именоваться главнокомандующим теперь уже 2-й Западной армией. В составе армии к тому времени было 45 тысяч штыков и сабель при 216 орудиях, и в ожидании неприятельского вторжения она стояла на территории Гродненской губернии, близ границ Варшавского герцогства.

Глава шестая
«Я НЕ ПОЭТ, Я — ПАРТИЗАН». 1812

*И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскасть продолжают.*

Денис Давыдов. Партизан

Война была на носу, причем не на багратионовском, а на давыдовском.

(«...большой грузинский нос, а партизан почти и вовсе был без носу. Давыдов является к Беннигсену: “Князь Багратион, говорит, прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу..” “На каком носу, Денис Васильевич? — отвечает генерал. — Ежели на вашем, так он уже близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...”»¹, — записал в 1815 году лицеист Александр Пушкин.)

Быть чьим-либо адъютантом, вновь «метаться с приказани-ями по линиям атак и маневров» Денису уже не хотелось. Безусловно, он понимал, что на самостоятельной роли в рядах действующей армии — именно в армейском полку, ибо отнюдь не гвардия выносит основную тяжесть войны, — можно добиться гораздо большего, нежели «состоя при ком-то». К тому же, как адъютант впавшего в немилость Багратиона, он уже был обойден наградами в двух кампаниях. Однако насколько это понимание действительно сказалось на его решении, мы не знаем и гадать не станем. В «Записках» Давыдов объяснил все так:

«Туча бедствий налегла на Отечество, и каждый сын его обязан был платить ему наличными сведениями и способностями. Я просил у князя позволения стать в рядах Ахтырского гусарского полка. Он похвалил мое рвение и писал о том к военному министру. 8-го апреля* я был переименован в под-

* В формулярном списке Д. В. Давыдова значится дата «17 апреля 1812 года».

полковники с назначением в Ахтырский гусарский полк, расположенный тогда близ Луцка... Семнадцатого июня началось отступление. От сего числа до назначения меня партизаном я находился при полку; командовал первым батальоном оно-го*, был в сражениях под Миром, Романовым, Дашковкой и во всех аванпостных сшибках, до самой Гжати»².

Уже позже, чуть ли не в 1826 году, появятся стихотворные строки:

Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой,
Туда, где бой кипит, где русский штык бушует,
Но о тебе любовь горюет,
Счастливец! о тебе — я видел сам — тоской
Заныли... влажный взор стремился за тобой...
А обо мне хотя б вздохнули,
Хотя бы в окошечко взглянули,
Как я на тройке проскакал
И, позабыв покой и негу,
В курьерску завалясь телегу,
Гусарские усы слезами обливал³.

Все это — романтический образ. Но тогда, в Двенадцатом году, Давыдов, своим последующим утверждениям вопреки, был не романтик, но прагматик. Кто станет его за это осуждать? Война была стилем его жизни, участие в боевых действиях — его долгом. Военный человек старается выполнить свой долг как можно лучше. И кто вправе осудить его за то, что он искал более «выгодного» места? Реально выгодные места на войне — в тылу. А на передовой, знаете ли, убивают — в особенности тех, кто стремится отличиться, и тех, кто старается выполнить свой долг как можно лучше...

Боевые события начала Отечественной войны освещены у нас, в общем-то, слабовато — внимание историков в большей степени сосредоточено на взаимоотношениях главнокомандующих армиями, Дрисском лагере и военных планах Александра I. Поэтому, хотя всем известно про сражение — точнее, бой — под местечком Мир, но известно лишь в общих чертах. А ведь это была не только первая крупная стычка 1812 года, но и первая наша победа над неприятелем.

Историк Отечественной войны пишет:

«27-го июня (9 июля) три полка польской уланской дивизии Рожнецкого, под командою генерала Турно, попали в засаду и, потерпев совершенное поражение, были преследуемы

* Сноска в оригинале: «В то время гусарские полки состояли из двух батальонов, каждый батальон в военное время заключал в себе четыре эскадрона».

за 15 верст от Мира. Неприятель, кроме множества убитых, потерял 248 человек пленными, в числе которых находилось 2 штаб-офицера и 4 обер-офицера. Урон казаков был незначителен, потому что, как доносил атаман: «перестрелки с неприятелем не вели, а бросились дружно в дротики». Неприятели оборонялись весьма упорно и все пленные нами захваченные были переранены.

В ночь с 27-го на 28-е (с 9 на 10 июля н. ст.) главнокомандующий отрядил генерал-адъютанта Васильчикова с 16-ю эскадронами на поддержание Платова. С своей стороны, неприятель, желая отомстить за понесенное поражение, появился в больших силах на том же месте, на котором сражался накануне. Шесть кавалерийских полков повторяли атаки на Васильчикова в продолжение четырех часов; а между тем, совершенно случайно, появился во фланге у неприятеля генерал-майор Кутейников, который тогда возвращался из экспедиции с частью летучего отряда; в то же время остальные казачьи полки обошли поляков и ударили им в тыл. Неприятель был разбит наголову, но урон его неизвестен»⁴.

Кроме казаков — иррегулярной кавалерии, в этом бою участвовали Ахтырский гусарский, Литовский уланский и Киевский драгунский полки.

А что тогда делал Денис? Неизвестно. Хотя вроде бы поначалу про его подвиги все было написано («первый ударил на неприятельские эскадроны... быв во все время сражения впереди...»⁵), но оказалось, что это совсем не он, а другой Давыдов, также служивший в ахтырцах, но только в чине майора — Петр Львович*, брат столь нам известного Александра Львовича. То есть — еще один двоюродный брат Дениса, который за отличие под Миром был награжден орденом Святого Георгия IV класса. Так что опять, в очередной раз, как это затем случится со знаменитым портретом кисти Кипренского, произошла путаница с многочисленными Давыдовыми. Но то ли еще, к сожалению, будет! Самое досадное недоразумение — впереди...

В общем, ничего конкретного про Дениса в бою под Миром мы сказать не можем — даже если подробно опишем дей-

* *Петр Львович Давыдов* (1782 [1777]—1842) — генерал-майор; тайный советник. Служил в гвардии при Екатерине II и Павле I, при котором пожалован в действительные камергеры и кавалером ордена Святого Иоанна Иерусалимского, состоял затем в должности шталмейстера при дворе великой княжны Анны Павловны; в 1809—1811 годах занимал должность почетного опекуна. С началом Отечественной войны 1812 года явился в строй и был зачислен майором по армейской пехоте. 2 июля 1812 года был награжден орденом Святого Георгия IV класса. По окончании военных действий против Наполеона Давыдов вернулся к придворной службе. Скончался Петр Львович в 1842 году в Москве и погребен в Донском монастыре.

Петерс Даббеглы

Василий Денисович
Давыдов. Художник
О. А. Кипренский.
1809 г.

Москва. Вид в Кремле
у Спасских ворот.
Раскрашенная гравюра
Ж. Лори по рисунку
Ж. Делабарта.
Начало XIX в.

Рядовой и трубач
легкоконных полков
1786—1796 годов.
Литография
по рисунку Белоусова
и Андерсона.
Середина XIX в.

Представление юного
Дениса Давыдова
А. В. Суворову.
Рисунок А. Коцебу.
Вторая половина XIX в.

Кавалергард в каске 1799 года

Денис Давыдов — эстандарт-юнкер Кавалергардского полка

Обер-офицер
Кавалергардского полка
1801—1803 годов. Из книги
А. В. Висковатова
*«Историческое описание
одежды и вооружения
российских войск».*
1841—1862 гг.

Николай Михайлович
Карамзин. *Неизвестный
художник. Гравюра
с оригинала Ф. Клюнеля.
1811 г.*

Василий Андреевич Жуковский.
Художник П. Соколов. 1820 г.

Сергей Никифорович
Марин. *Художник
О. А. Кипренский. 1819 г.*

Гусарская пирушка.
Неизвестный художник.
Из «Сочинений
Д. В. Давыдова».
1840 г.

Рядовой и трубач
Белорусского
гусарского полка
1803—1809 годов.
Из книги
А. В. Висковатова
«Историческое
описание одежды
и вооружения
российских войск».
1841—1862 гг.

Генерал от инфантерии, князь
Петр Иванович Багратион.
Гравюра Ф. Вендрамини. 1813 г.

Генерал от кавалерии
Леонтий Леонтьевич Беннигсен.
Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

Битва при Прейсиш-Эйлау 9 февраля 1807 года.
Офорт А. Верико по рисунку Шпайнебеца. Середина XIX в.

Александр I и Елизавета Алексеевна.
*Гравюра А. Конте по оригиналу
Л. де Сент-Обена. 1807 г.*

Император Наполеон. *Гравюра
Ж. Н. Ложье и Бланшана-сына
по оригиналу Ж. Л. Давида.
Первая половина XIX в.*

**Встреча императора Наполеона и императора Александра на Немане
23 июня 1807 года в полдень.** *Гравюра Ламо и Мисбах.*
Первая четверть XIX в.

Генерал-майор Яков Петрович
Кульнев. Художник Дж. Доу.
1820-е гг.

Генерал от инфантерии, граф
Арсений Андреевич Закревский.
Литография К. Крайя с оригинала
из мастерской Дж. Доу. 1840-е гг.

Переход русских войск через Ботнический залив в марте 1809 года.
Ксилография Л. Веселовского, К. Крыжановского по оригиналу А. Коцебу.
1870-е гг.

Генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский.
Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

Генерал от инфантерии (1818) Алексей Петрович Ермолов.
Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

Село Каменка. *Начало XIX в.*

Полковник лейб-гвардии Гусарского полка Евграф Владимирович Давыдов. Художник *О. А. Кипренский*. 1809 г.

Генерал от инфантерии,
граф Николай Михайлович
Каменский

Генерал от инфантерии, граф
Михаил Андреевич Милорадович.
Раскрашенная гравюра С. Шифляра.
1810-е гг.

Оружие русской конницы: гусарская сабля и кавалерийское ружье.
Вторая половина XVIII в.

Генерал-фельдмаршал, князь Александр Александрович Прозоровский

Генерал от инфантерии, граф Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Гравюра Ф. Боллингера по оригиналу К. Розентреттера, выполненному с натуры в Бухаресте в 1811 году. Берлин. 1813 г.

Трофейное турецкое оружие: пистолеты и ятаган. Вторая половина XVIII в.

Петр Андреевич Вяземский.
*Литография неизвестного
художника. Начало 1820-х гг.*

**Генерал от инфантерии (1825), граф
Михаил Семенович Воронцов.**
Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

Константин Андреевич Батюшков.
*Гравюра И. Ческого с оригинала
О. А. Кипренского. 1821—1822 гг.*

**Федор Иванович Толстой-
Американец.**
Художник К.-Х. Рейхель. 1817 г.

Обер-офицеры лейб-гвардии Гусарского полка 1809—1810 годов.
*Из книги А. В. Висковатова «Историческое описание одежды
и вооружения российских войск». 1841—1862 гг.*

Церковь Рождества Христова в селе Бородино

ствия Ахтырского полка. А все потому, что в армии есть некие «промежуточные» должности.

Из Военного энциклопедического словаря⁶ можно узнать, что полк — «основная тактическая и административно-хозяйственная единица в Вооруженных силах»; рота (или эскадрон в кавалерии) — «основное тактическое подразделение». Соответственно, если они основные, то их командирам и принадлежит в бою главная роль. Батальон — тут мы возьмем сытинскую Военную энциклопедию 1911 года издания, с более ясной, нежели в современном словаре формулировкой — это «тактическое подразделение пехотного полка» (кавалерийских батальонов в начале XX столетия уже не было). В общем, понятно, — нечто промежуточное, как и тогдашняя бригада, имевшая в своем составе два или три полка.

Побатальонно гусары атаковали редко: либо — эскадронами россыпью, либо — всем полком, как будет при Бородине, и в атаку их водил непосредственный командир — эскадронный или полковой... Потому смысл своей должности Давыдов оценивал так: «Видя себя полезным Отечеству не более рядового гусара...» В том не было большого преувеличения — Давыдову действительно приходилось драться в полковых рядах наравне с нижними чинами. Конечно, не только ему. Вот как писал об офицерах тех лет генерал Василий Потто* — военный историк и боевой кавалерийский офицер: «Афоризм известного кавалерийского писателя: “Сабля офицера не тупее солдатской, конь — лучше, и честь должна указать ему место”, был, очевидно, ближе их сердцу, чем изречение писателей другой, позднейшей формации, сложившей фразу, что “офицер не мясник, и дело его не рубить, а смотреть за порядком”»⁷.

Так что желание Давыдова исполнилось лишь наполовину: хотя он и оказался в боевой части, но самостоятельности не обрел...

Да, кстати, а что это за кавалерийская часть — Ахтырский гусарский полк?

Рассказывать можно долго, ибо это один из старейших полков русской армии, который уже тогда имел полутора-вековую историю. Хотя официально считалось, что регулярная армия создана Петром Великим и ее первые полки — Преображенский и Семеновский, но были в ее составе и части, сформированные при государе Алексее Михайловиче — в том числе Ахтырский полк, который вел свое

* *Василий Александрович Потто* (1836—1911) — генерал-лейтенант, начальник военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, получил известность благодаря своим трудам по истории кавказских войн.

старшинство с 1651 года. Сначала он являлся слободским казачьим полком, охранял южные границы Московского царства, а в 1695 году, в составе армии боярина Бориса Шереметева, отправился в первый зарубежный поход — к крепости Кизы-Кермен. Затем были Северная война, Персидский и Крымский походы, Семилетняя война, где полк отличился при Гросс-Егерсдорфе, обратив вспять прославленных конников Фридриха Великого. В 1765 году полк был преобразован в гусарский, в этом качестве воевал в Польше и в Русско-турецкую войну 1768—1774 годов; в 1784 году он был переименован в Ахтырский легкоконный полк и опять воевал с поляками; в 1800 году он вновь стал гусарским. Хотя в 1805—1806 годах Ахтырский полк числился в действующей армии, но повоевать ему тогда не пришлось, и теперь, можно сказать, гусары наверстывали упущенное... Полком, входившим в состав 2-й Западной армии, командовал полковник Дмитрий Васильевич Васильчиков 2-й, а его родной брат генерал-майор Илларион Васильевич Васильчиков 1-й был шефом полка с 1803 года.

Полковая форма отдаленно напомнила Денису лейб-гусарскую: чакчиры также были синие, а ментик и доломан коричневые, тогда как в гвардии — алые, при том же золотом, хотя и более роскошном, шитье...

В формуляре Давыдова будет написано: «В походах и сражениях был:... в 1812 г., 26 июня, под Миром; 1 июля, под Романовым; 3 августа, под Катанью, где командовал ночной экспедицией; 11 августа, под Дорогобужем; 14 августа, под Максимовым; 19 августа, под Рождеством; 21 августа, под Поповкой; 23 августа, под Покровом; 24 августа, под Бородиным...»⁸

Знаменитый шотландец Вальтер Скотт, автор романтических поэм и исторических романов, написал также исследование «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов», которое было переведено на русский язык и в начале 1830-х годов издано в России в четырнадцати томах — правда, небольшого формата. Вот как он описывает тот самый период отступления русской, точнее даже, 2-й Западной армии:

«Многие стычки произошли между корпусом Багратиона и его соперниками без всяких решительных последствий. Платов со своими казаками одержал неоднократно блистательные успехи над польскою конницею, которая, при всей своей храбрости, не довольно еще познакомилась с партизанскою войною, казавшеюся природным ремеслом сих новых скифов»⁹.

По существу — верно, но говорить относительно партизан сэр Вальтер Скотт явно поспешил...

Июль был на исходе, когда до 2-й армии дошло трагическое известие: 20-го числа был убит генерал Кульнев, Гродненский полк которого входил в состав 1-го отдельного корпуса графа Витгенштейна, прикрывавшего Петербургское направление. Разбив противника под Клястицами, Яков Петрович увлекся преследованием отступающих французов, его отряд далеко оторвался от главных сил, наткнулся на многочисленного неприятеля и вынужден был отступить.

«Сила ломила все. При невозможности дальнейшего сопротивления, Кульнев спешил перевести отряд на правый берег Дриссы, привел его в порядок и продолжал отступление. Претерпенная неудача поразила его. Он сошел с лошади и молча следовал за отрядом, когда французское ядро оторвало ему обе ноги выше колен. Он упал и испустил дух, не произнеся ни слова. Верные сподвижники отнесли тело Кульнева в русский лагерь...

О кончине Кульнева был рассказ, что пораженный смертельно, он сорвал с себя Георгиевский крест, говоря: «Возьмите! Пусть неприятель, увидя труп мой, почтет его трупом простого рядового солдата и не тешеславится гибелью русского генерала!» Предание недостоверное, но оно дает настоящее понятие о Кульневе и его времени...

Когда в Москве получена была весть о смерти Кульнева, даже не знавшие его грустили об нем; многие служили панихиды по усопшем герое...»¹⁰

Знаменитая певица Сандунова неожиданно запела тогда на сцене Московской оперы: «Слава, слава генералу Кульневу, положившему живот свой за Отечество!» Голос ее задрожал, слезы брызнули у нее из глаз, зрители залились слезами, и — «Ура!» смешалось с рыданиями»¹¹.

Да, это был настоящий гусар!

Не случайно смерть Якова Петровича окружили легенды — в общественном сознании он до сих пор остается первым из русских генералов, павших в Двенадцатом году на полях чести. Однако это не так: 13 июля, за неделю до Кульнева, в бою под Островно был убит бригадный командир и шеф Рыльского пехотного полка генерал Окулов*. Он был первым.

* *Модест Матвеевич Окулов* (1768—1812) — генерал-майор. В службу определен в гвардию сержантом 2 апреля 1784 года. 1 января 1791 года выпущен в армию капитаном. В полковники произведен 22 декабря 1798 года. 16 апреля 1800 года отставлен от службы с мундиром. 27 октября 1802 года принят вновь в Нашебургский мушкетерский полк, 26 января 1803 года был назначен командиром полка. Шефом Рыльского мушкетерского полка был назначен 16 июля 1803 года с производством в генерал-майоры. В начале 1812 года полк входил в состав 1-й бригады 23-й пехотной дивизии в 4-м пехотном корпусе 1-й Западной армии. Окулов также командовал этой бригадой.

Всего же в 1812 году были убиты или умерли от ран 16 русских генералов.

Упокой, Господи, души их в Царствии Своем!

* * *

В 1813 году в Санкт-Петербурге была издана брошюра, озаглавленная «Покушение Наполеона на Индию 1812 года, или Разговор двух офицеров российского и французского на аванпостах армий, с замечаниями и некоторыми приказами, отданными в французской армии». Автор скрыл свою фамилию за инициалами «ПЧ», что совсем неудивительно, ибо таковым являлся полковник Петр Чуйкевич*, управляющий Особенной канцелярией военного министра — то есть руководитель военной разведки.

В преамбуле значилось, что когда 16 августа 1812 года некий русский офицер был послан с письмом к маршалу Бертье, начальнику Генерального штаба французской армии, то на аванпостах он имел беседу с французским офицером. Вот маленький фрагмент этого разговора:

«Французский офицер: Извините, государь мой, если за неимением хорошей водки я буду вас потчевать дурной.

Русский офицер: Я могу вам служить лучшею.

Французский офицер: В вашей земле мы терпим недостаток в напитках. Правда, солдат не должен роптать; но странно то, что жители ваших городов и селений разбегаются при нашем приближении. Ежели же которые и остаются, то от них ничего не получишь за самые деньги. Принуждение должно употреблять, чтоб достать себе кусок хлеба.

Русский офицер: Мы гостеприимчивы и охотно разделяем наш дом со странником. Теперь же видите на опыте, что мы одного свойства со скифами. Друзьям нашим предлагаем услуги и карман; а врагам, нападающим на нас, будем мстить жесточайшим образом. Вы напали на покоившегося льва, коего пробуждение будет ужасно»¹².

Звучит пророчески, хотя, конечно, написано постфактум. Между тем подобный диалог вполне мог произойти в августе 1812 года, и мы даже назовем имя этого русского офицера, с которым уже встречались и еще не раз встретимся на страницах нашего повествования. Это — флигель-адъютант, штабс-ротмистр Кавалергардского полка Михаил Орлов**, друг Дениса Давыдова.

* *Петр Андреевич Чуйкевич* (1783—1831) — генерал-майор, военный писатель.

** *Михаил Федорович Орлов* (1788—1842) — генерал-майор (1814), декабрист.

В начале Отечественной войны он дважды был направлен в расположение французских войск: в первый раз — сопровождать министра полиции Балашова*, который сразу после вторжения неприятеля повез к Наполеону мирные предложения Александра I, и во второй — самостоятельно, чтобы узнать о судьбе генерал-майора Тучкова 3-го**, попавшего в плен 7 августа в бою у деревни Валутина Гора. В тот раз Орлов имел даже личную встречу с Наполеоном... Но главной задачей, которую выполнял кавалергард и в первую свою поездку, и во вторую, было осуществление разведывательной миссии.

Конечно, после доклада новому главнокомандующему — таковым за время его поездки стал генерал от инфантерии светлейший князь Голенищев-Кутузов, Орлов поспешил встретиться со своими однополчанами. В тот момент, по счастью, туда заглянул и Денис. Рассказ штабс-ротмистра все слушали очень внимательно, потом буквально завалили его вопросами. Одних волновала судьба плененного генерала — первого и одного из очень немногих русских военачальников, оказавшихся в руках неприятеля; других весьма интересовали подробности встречи с Наполеоном. Давыдов же выпрашивал о состоянии неприятельской армии — в частности, о том, как организовано снабжение наступающих французских корпусов, как охраняются их тылы и коммуникации.

Михаил отвечал, что обозам с продовольствием приходится преодолевать очень большие расстояния, что связь Наполеона с Парижем осуществляется посредством эстафет, а так как коммуникации растянуты на многие сотни километров, то должную их охрану обеспечить невозможно. Чтобы перерезать пути снабжения Великой армии, достаточно направить в ее тыл несколько «летучих» отрядов из гусар и казаков — и положение неприятельских войск сразу же резко ухудшится.

Нет сомнения, что Денису тогда вспоминалась Финляндия...

О том, что стало следствием этого разговора, генерал Михайловский-Данилевский, бывший в 1812 году штабс-капитаном Санкт-Петербургского ополчения и адъютантом Светлейшего, писал так:

«Подполковник Давыдов вызвался первый на партизанские действия в Главной армии, чему поводом было следующее обстоятельство: поручик Орлов, отправленный в Смоленск для получения сведений о пленном генерале Тучкове,

* Александр Дмитриевич Балашов (1770—1837) — министр полиции (1810—1819), генерал от инфантерии.

** Павел Алексеевич Тучков (1775—1858) — генерал-майор, командир пехотной бригады.

возвратясь, рассказывал о беспорядках, совершившихся в тылу французской армии. «Она походила на Ксерксовы толпы, — прибавил Орлов, — и с сотней казаков можно нанести неприятелю много бед».

Услышав слова сии, Давыдов испросил у фельдмаршала отряд»¹³.

Особое внимание стоит обратить на слова «вызвался первый на партизанские действия в Главной армии». Главная армия — это 1-я и 2-я Западные армии, но ведь были еще и ныне фактически позабытые 3-я Обсервационная, и Дунайская армии, и несколько отдельных корпусов.

Сто лет тому назад, в 1912 году, русский историк писал: «Партизанская война в 1812 году, судя по новейшим архивным изысканиям, началась гораздо раньше, чем об этом обыкновенно думали до сих пор, и началась там, где ее меньше всего можно было ожидать, а именно — в Третьей Обсервационной армии генерала от кавалерии Тормасова, почти вслед за вступлением Наполеона в пределы России»¹⁴.

Единственное, с чем тут нельзя согласиться, так это с тем, что партизанскую войну «меньше всего можно было ожидать» в 3-й армии. Напротив! Ведь в то самое время, когда войска 1-й и 2-й Западных армий отступали, 3-я армия нанесла противнику поражения под Кобрином и Брестом и, перейдя границу империи, вышла на территорию Варшавского герцогства. В июле 1812 года в честь побед этой армии в Санкт-Петербурге гремели артиллерийские салюты и били в колокола... Можно сказать, что именно там все и начиналось — но потом, за победами Главной армии — победами на главном направлении — это позабылось.

Есть и другие версии «первого партизана», отнюдь не лишние основания.

Князь Николай Голицын, к примеру, описал в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» судьбу унтер-офицера Киевского драгунского полка Ермолая Васильева, который 27 июня был ранен в известном нам бою при Мире и замертво оставлен на поле сражения. Очнувшись, побрел по следам отступившей армии и наткнулся на мужиков, бежавших из окрестных, занятых неприятелем, деревень.

«Появление незнакомца посреди этой толпы испуганных обывателей едва не стоило ему жизни. Уже топор поднят был над его головой, потому что приняли его за подозрительного человека. Были примеры в 1812 году, что русский язык в таких обстоятельствах не выручал из беды. «Почему же мы знаем, — говорили часто мужики в таких местах, где никакого войска еще не проходило, — что есть еще другой язык, кроме русско-

го. Мы думали, что француз говорит по-русски, как и мы". В такое же просвещенное общество попал Ермолай Васильев; но он, взяв крест, который у него на груди висел, и показывая его озлобленному народу, закричал: "Разве бусурманы носят на себе Распятого Христа? Как вы Бога не боитесь, подымаете руку на православного?" — Тут народ опомнился, пошли расспросы, рассказы и, наконец, пришлец принят с восторгом. Тут родилась у него мысль сформировать из этих мужиков конный отряд для нападений на большую дорогу, по которой беспрестанно тянулись обозы, фуры, отсталые солдаты, артиллерия и проч.»¹⁵.

С 15 августа по 20 октября конный партизанский отряд унтер-офицера Васильева, составивший порядка 200 человек, уничтожил более 800 неприятелей, отбил более 50 зарядных ящиков, много обозов, до 200 лошадей, «и даже удалось было ему завладеть шестью орудиями, но по причине грязи и подоспевшего подкрепления он мог увезти только одну пушку, которая теперь красуется между многочисленными своими сестрами на Кремлевской площади в Москве»¹⁶.

Отважный партизан был награжден знаком отличия Военного ордена — Георгиевским крестом, продолжал службу в рядах киевских драгун и отличился в кампанию 1813 года. И все бы хорошо, однако свое повествование автор начинает с провокационного вопроса: «Кто был первым партизаном в Отечественную войну? Как вы думаете? Фигнер, Давыдов или Сеславин? — Нет; кто же? — Киевского драгунского полка унтер-офицер Ермолай Васильев»¹⁷, — и далее, как говорится, по тексту. Но ведь этот герой командовал не армейским, а крестьянским отрядом, и между таковыми была очень большая разница, о которой мы расскажем далее.

Так что не удивительно, что как первый партизан Отечественной войны в историю вошел именно Денис Давыдов — представитель Главной армии и уже известный поэт. Ни в коем случае не умаляя славы нашего героя, скажем, что для того, чтобы подвиг получил должную оценку, нередко кроме самого подвига необходим еще определенный антураж...

Рассказ Михайловского-Данилевского наиболее точно раскрывает подоплеку событий, ибо вариантов и «точек зрения» на данную тему существует множество, и в основном они созданы уже в XX столетии. Вот, например, вступительная статья к сборнику стихотворений Давыдова, изданному в конце 1950-х годов: «Давыдов глубоко постиг народный характер войны 1812 года. Патриотическое воодушевление многомиллионной крестьянской массы, поднявшейся на борьбу за честь и независимость родины, подсказало Давыдову его заме-

чательный “план партизанских действий”»¹⁸. Но, как мы видели, никакого «патриотического воодушевления» Денис Васильевич в расчет пока еще не брал...

А вот строки из предисловия к книге Давыдова «Стихотворения и статьи», изданной еще в 1942 году: «Подлинным народным героем стал Денис Давыдов в Отечественную войну двенадцатого года, когда он организовал и возглавил великое русское партизанское движение»¹⁹. Ни больше, ни меньше! Между тем Центрального штаба партизанского движения в 1812 году не существовало, так что «великого русского партизанского движения» Денис не мог возглавить при всем желании.

Впрочем, далее автор несколько исправляется:

«Не Денис Давыдов “изобрел” партизанскую войну. Партизанское движение вспыхнуло в России в войну двенадцатого года стихийно, оно было вызвано к жизни самим народом, оно возникло из народных низов, из крестьянства, горячо любившего свою родину и оскорбленного в своей народной гордости жестокими оккупантами... Величие Дениса Давыдова в том, что он первый понял все значение партизанской войны, убедил в этом русских полководцев, возглавил партизанскую войну, придал ей определенные организационные и тактические формы, создал первый партизанский *регулярный*, если можно так выразиться, отряд, с этим отрядом кромсал по частям наполеоновскую армию, а впоследствии написал трактат о значении, стратегии и тактике партизанской войны»²⁰.

Среди вышеизложенной словесной шелухи находим два зерна истины. Во-первых, не Давыдов «придумал» партизанскую войну; во-вторых, именно он создал первый, конечно, не регулярный, но армейский, «летучий», как его тогда именовали, партизанский отряд — первый из таковых в Главной армии.

Конечно, он «русских полководцев» не убеждал и даже у фельдмаршала «не испрашивал» — тем более что на тот период в действующей армии ни одного фельдмаршала не было. Подполковник, как человек военный, подал рапорт — правда, не «по команде», как положено, на имя своего непосредственного начальника полковника Васильчикова 2-го, — а сразу же князю Багратиону, главнокомандующему 2-й Западной армией:

«Ваше Сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбия, и вступя в гусарский полк, имел предметом партизанскую службу, и по силам лет моих, и по опытности, и, если смело сказать, по отваге моей. Обстоятельства ведут меня по сие время в рядах моих товарищей, где я своей воли не имею, и, следовательно,

не могу ни предпринять, ни исполнить ничего блистательно. Князь! Вы мой единственный благодетель; позвольте мне предстать к вам для объяснения своих намерений. Если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте надежны, что тот, который носил звание адъютанта Багратионова пять лет сряду, тот поддержит честь сию со всею ревностью, какой бедственное положение любезного нашего Отечества требует. Денис Давыдов»²¹.

21 августа князь Багратион вызвал Давыдова. Их встреча происходила под сенью Колоцкого монастыря — в восьми верстах от села Бородина, давыдовского имения, в тех самых местах, где прошли лучшие месяцы детства и ранней юности Дениса.

Теперь на поле детских игр и развлечений Дениса солдаты и ополченцы возводили укрепления для генерального сражения, потому и разговор генерала от инфантерии и подполковника касался не воспоминаний, а перспектив развития боевых действий.

Кстати, с французской точки зрения, подобный диалог именно в этот период представлялся предельно нелогичным. Тактика Наполеона-полководца общеизвестна: разгромить армию противника в решающем сражении, занять столицу и продиктовать условия капитуляции. Так было с австрийцами, пруссаками, итальянцами... До генерального сражения оставалось меньше недели, а до древней русской столицы Москвы — 124 версты. То, что Москва — это совсем не Петербург, французы не очень понимали, а потому уже готовились добавить в заваренную Наполеоном похлебку свежих российских лавров.

Русские между тем готовились к продолжению войны — вне зависимости от исхода того сражения, которое впоследствии назовут «Бородинской битвой». Будет ли наступать победившая Великая армия или разбитые Наполеоновы полчища повернут вспять — все равно, от Франции их будут отделять многие сотни верст, а значит, останутся всё те же растянутые коммуникации, беспорядки в тылу армии, недостаточная охрана обозов и императорских курьеров.

Содержание разговора *tête-à-tête** известно нам в передаче только одного из его участников, причем описание это сделано уже после смерти другого. Подполковник Давыдов рассуждает очень умно, с большим знанием дела и предлагает именно то, что впоследствии будет применено князем Кутузовым — в частности, «параллельное преследование» неприятеля, хотя у Дениса оно именуется по-иному. Оставим это на его совести:

* С глазу на глаз (фр.).

может, наш герой действительно предугадал гениальный кузовский маневр. Но вот на что хотелось бы обратить внимание. Давыдов говорил князю Багратиону:

«К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную»²² — утверждение весьма интересное.

Свой «пассаж» Денис закончил так, что не мог не вызвать сочувствие князя:

«...Если не прекратится избранный Барклаем и продолжаемый Светлейшим род отступления, Москва будет взята, мир в ней подписан, и мы пойдем в Индию сражаться за французов!.. Я теперь обращаюсь к себе собственно: если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здесь! в Индии я пропаду со ста тысячами моих соотечественников, без имени и за пользу, чуждую моего Отечества, а здесь я умру под знаменами независимости, около которых столпятся поселяне, ропщущие на насилие и безбожие врагов наших... а кто знает? может быть и армия, определенная действовать в Индию!..»²³

Подобные «картины», от которых мороз пробежал по коже, живописал в своих жалобах на Барклая и сам Багратион, а потому воодушевленный князь пожал руку своему бывшему адъютанту и сказал, что пойдет к Светлейшему и передаст ему давыдовские предложения. Однако в тот день сделать этого Петру Ивановичу не удалось, и Денис пребывал в ожидании на Бородинском поле, отдаваясь воспоминаниям и видя, как исчезают знакомые с детства село Бородино, деревни Семеновское и Горки, разбираемые солдатами, как на полях вырастают флешы и редуты, а леса превращаются в засеки...

После всего увиденного и пережитого за два месяца отступления это уже не казалось Денису трагедией — личное отступление перед народной бедой, перед тем испытанием, что выпало на долю Отечества. Единственное, очевидно, чего ему было по-настоящему жалко, это той самой курьерской тележки, на которой некогда приехал в Грушевку, где стоял Полтавский легкоконный полк, Суворов. Давыдов так написал в примечаниях к своим воспоминаниям: «Тележка эта хранилась у покойного отца моего как драгоценность и сожжена в Бородине, во время сражения, в 1812 году, вместе с селом, домом и всем имуществом, оставленным в доме»²⁴.

22-го вечером к Давыдову прибыл адъютант Багратиона — поручик лейб-гвардии Гусарского полка Василий Давыдов*, еще один родной брат Александра Львовича и, соответственно, кузен Дениса.

* *Василий Львович Давыдов* (1793—1855) — отставной полковник, декабрист — руководитель Каменской управы Южного общества; умер в Сибири, на поселении.

Князь Петр Иванович сказал ему так:

«Светлейший согласился послать для пробы одну партию в тыл французской армии, но, полагая успех предприятия сомнительным, назначает только пятьдесят гусар и сто пятьдесят казаков; он хочет, чтобы ты сам взялся за это дело». Я отвечал ему: «Я бы стыдился, князь, предложить опасное предприятие и уступить исполнение этого предприятия другому. Вы сами знаете, что я готов на все; надо пользу — вот главное, а для пользы — людей мало!» — «Он более не дает!» — «Если так, то я иду и с этим числом; авось либо открою путь большим отрядам!» — «Я этого от тебя и ожидал, — сказал князь, — впрочем, между нами, чего светлейший так опасается? Стоит ли торговаться несколькими сотнями людей, когда дело идет о том, что в случае удачи он может разорить у неприятеля и заведения, и подвозы, столь для него необходимые, а в случае неудачи лишиться горсти людей? Как же быть?! Война ведь не для того, чтобы целоваться». — «Верьте, князь, — отвечал я ему, — ручаюсь честью, что партия будет цела; для сего нужны только при отважности в залетах — решительность в крутых случаях и неусыпность на привалах и ночлегах; за это я берусь... только, повторяю, людей мало; дайте мне тысячу казаков, и вы увидите, что будет». — «Я бы тебе дал с первого разу три тысячи...»²⁵.

Диалог красивый, свидетелей ему опять-таки нет, а кто в данном случае был прав — Багратион, готовый дать Давыдову три кавалерийских полка, или Кутузов, фактически ограничившийся эскадром, — вопрос весьма непростой. Это ведь только кажется, что чем больше войск — тем лучше, тем гарантированнее успех. Но недаром же Суворов завещал: «Воюй не числом, а умением», тем более что у партизанской войны свои особые законы.

В книге «Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах» знаменитый военный историк и теоретик генерал Михневич* писал:

«Партизанскими действиями надо называть самостоятельные действия легких отрядов, отделяемых от армии, преимущественно в тыл и на фланги противника, с главной целью парализовать все жизненные отправления неприятельской армии или, как говорит Давыдов, чтобы вырвать корень ее существования.

Успех партизанских действий основывается, главным образом, на великом преимуществе хладнокровия над расте-

* *Николай Петрович Михневич* (1849—1927) — генерал от инфантерии, профессор, затем — начальник Академии Генерального штаба, начальник Главного штаба в 1911—1917 годах; профессор Артиллерийской академии РККА.

рянностью, на впечатлении неожиданности, т. е. успех основывается на началах чисто нравственных. Неожиданность же появления перед противником основывается на скрытности и на быстроте всех движений. Это обстоятельство уже само по себе указывает на состав партизанских отрядов — это должны быть легкие, подвижные отряды, т. е. составленные преимущественно из кавалерии. Величина отряда определяется условиями обстановки, при которой ему придется действовать, и в зависимости от этого может быть различна, от одной, двух сотен, до нескольких тысяч коней. Во всяком случае, нужно иметь в виду, что по причине вышеуказанного основания успеха действий партизанов — малочисленность отряда нередко составляет самую сильную сторону его»²⁶.

Вот оно, кутузовское понимание! Давыдов, как всякий нормальный честолюбивый командир (а командир без честолюбия существовать не может), стремился получить под свое начало как можно большее число войск. Михаил Илларионович же, благодаря своему опыту и житейской мудрости, предвидел ту трудность, о которой Денис пока еще не задумывался: людей, оказавшихся на занятой французскими войсками территории, надо было кормить.

Но чем? Основную пищу солдата тогда составляли хлеб и крупа, которой в день полагалось треть фунта, то есть 150 граммов. Из этой крупы можно было сварить кашу, хотя далеко не всегда.

«Что делать с крупой? — вспоминал один гвардейский офицер ситуацию, возникшую поздней осенью 1812 года. — Котлов нет, варить не в чем, есть ее сухую нельзя, — давай подниматься на хитрости, — стали сдирать с елей кору и в этих лубках варить крупу — как же варить? А вот как: лубок, согнув в виде кузова, положим в него крупу, снегу и давай на костре жечь; и лубок горит, и крупа горит — и выйдет что-то вроде горелого комка, который мы и ели с жадностью...»²⁷

И это было отнюдь не во вражеском тылу! Полк стоял в резерве.

Фактически, единственным тогдашним солдатским «сухпаем» — «сухим пайком» — были сухари, из-за чего положенную нижним чинам на походе белую холщевую сумку на лямке именовали «сухарной». Воспоминания о вкусовых качествах этого продукта оставила «кавалерист-девица» Надежда Дурова*: «Улан предложил мне три больших заплесневелых сухаря; я с радостью взяла их и положила в яму, полную дождевой воды, чтобы они несколько размокли. Хотя я не ела более полу-

* *Надежда Андреевна Дурова* (1783—1866) — первая русская женщина-офицер, штабс-ротмистр; писательница.

тора суток, однако ж не могла съесть более одного из этих сухарей, так они были велики, горьки и зелены»²⁸.

Долго на таком «корме» существовать нельзя, а потому партизанам пришлось бы «столоваться» у местных жителей. Но здесь ведь уже прошла отходящая русская армия, здесь наступала Великая армия, и нет сомнения, что они подчистую выгребли у населения все продовольствие. Если небольшой партизанский отряд мужики как-то еще смогут прокормить, то с большим воинским формированием явно будут проблемы, которые неизбежно приведут к самым отрицательным результатам.

Ведь с чего начиналась народная война, сопротивление захватчикам? Весьма сомнительно, что сам по себе приход французов вызвал у народа патриотический подъем и готовность к вооруженному отпору. Не тот был уровень сознания! Ну, говорили мужикам, что французы — нехристи, так ведь и французов в 1814 году убеждали, что казаки детей едят — но не было во Франции такого сопротивления, как в России. Причину народного негодования раскрывает Вальтер Скотт. Делает он это несколько отстраненно, ибо британскую территорию не топтали сапоги солдат «дванадцати языков», но тем объективнее кажутся его взвешенные теоретические рассуждения.

«Французская армия была вводимая ускоренными маршами в чужие земли без всякого предварительного заготовления продовольствия и с тем, чтобы содержать ее совершенно за счет местных жителей. Бонапарте был в этом очень искусен; и совокупление огромных масс посредством таких ускоренных маршей было главным правилом его тактики. Этот род войны производился с наименьшим ущербом для казны его, но зато ценой величайшей дани с жизни людей и неисчислимого увеличения бедствий человечества...

Армия обыкновенно начинала поход с провиантом — то есть имея хлеба или сухарей на несколько дней за спинами солдат. Гнали также за собою скотину, которая была убиваема по мере надобности. Этим продовольствием обыкновенно запасались в больших городах и в многолюдных областях, где войска стояли. Кавалерийские лошади также были навьючиваемы фуражом на два или три дня. С таким запасом армия быстро шла вперед. В скором времени ноши надоедали солдатам, которые уничтожали их, съедая или уничтожая оные. Тогда-то офицеры, опасаясь, чтобы солдаты не потерпели нужды в продовольствии до новой раздачи припасов, позволяли добывать себе оные посредством грабежа, называемого ими *la maraude*. Дабы обеспечить правильный сбор и раздачу сих припасов, известное число людей было отряжаемо от

каждой роты для добывания съестных припасов по деревням или по мызам в окрестностях походной дороги или на землях, на которых останавливалось войско. Этим солдатам давалось право требовать от жителей припасов, без платы и без расписок; а так как это делалось ими по службе, то можно предполагать, что они не ограничивались одними припасами, а требовали денег или дорогих вещей, и делали другие подобные сему злоупотребления. Должно сознаться в том, что нравственные свойства французов и добродушие, составляющее коренное основание их народного характера, делали их поступки более сносными, чем можно было ожидать от зол подобного способа, в таком однако же случае, если припасы были в изобилии, и страна многолюдна...

Но ужасные черты сего способа являлись тогда, когда армия проходила через страну малонаселенную, или когда народный дух и удобства местоположения возбуждали жителей и поселян к сопротивлению. Тогда солдаты раздражались и недостатком припасов, и опасностью при добывании оных. По мере увеличения их усталости они становились упрямыми и безжалостными и, кроме разного рода насильств, увеличивали свою собственную беду, истребляя то, чего не могли истратить...»²⁹

Резюмируем сказанное словами русского историка: «Это постыдное попустительство к грабежу и сыграло для Наполеоновской армии свою роковую роль»³⁰.

Логика Кутузова нам вполне ясна. С одной стороны, он понял всю важность и заманчивость давыдовского предложения — в противном случае он не стал бы и слушать князя Багратиона, ибо до сражения, в котором решалась судьба России, оставались считанные дни. А тут — предложение какого-то подполковника! С другой стороны, Светлейший определенно опасался того, что на разоренной земле партизаны могут оказаться для мужиков такими же врагами, как и французы, только говорящими с ними, с мужиками, на одном языке. Но кому от того было бы легче?

* * *

Князь Багратион собственноручно написал Давыдову инструкцию и вручил ему два письма: одно было адресовано шефу Ахтырского гусарского полка генералу Васильчикову, другое — казачьему генералу Акиму Карпову, с указанием выделить в отряд Дениса лучших людей. Петр Иванович подарил бывшему своему адъютанту собственную карту Смоленской губернии. Благословив Давыдова, он сказал: «Ну, с Богом! Я на

тебя надеюсь!» После этого они расстались навсегда: через три дня Багратион будет смертельно ранен при Бородине и скончается 12 сентября.

Хотя по законам войны все должно было быть наоборот: не вспоминается, кто еще из русских генералов от инфантерии или от кавалерии за два столетия Российской императорской армии пал на поле брани (разве что Л. Г. Корнилов — но это уже совсем другая эпоха), а вот Давыдова, отправлявшегося в тыл к французам, друзья чуть ли не оплакали — «соболезновали о моей участи», как писал наш герой, а самые злоязыкие просили его передать привет томившемуся в плену Павлу Алексеевичу Тучкову, мол, «скажи ему, чтобы он уговорил тебя не ходить в другой раз партизанить».

24 августа Давыдов мог получить людей, выделенных для его отряда, но в этот день авангард маршала Мюрата атаковал при Колоцком монастыре арьергард генерала Коновницына и оттеснил его к селам Бородину и Шевардину, где произошел бой при Шевардинском редуте. «Как оставить пир, пока стучат стаканами?» — сказал Денис и принял в том бою участие. Что он там делал — неизвестно. По окончании боя Давыдов получил свои полсотни гусар, хотя, вопреки приказу Багратиона, прижимистый казак Аким Акимович выделил ему всего 80 человек вместо 150, рассудив, что сейчас никто жалобы Дениса слушать не станет, а в скором сражении 70 сабель лишними не будут. Кроме людей (так в русской армии обычно именовали нижних чинов) подполковник принял под свою команду обер-офицеров Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистра Бедрягу 3-го, поручиков Бекетова и Макарова и двух казачьих хорунжих — Талаева и Астахова.

Как считал историк Троицкий, «Давыдов подобрал себе в отряде хороших помощников... Сам же Давыдов кроме всех этих качеств блистал природным талантом организатора»³¹.

Отряд направился в сторону Медыни и далее — к селу Скугореву, где Денис «избрал первый притон».

«Между тем неприятельская армия стремилась к столице. Несчетное число обозов, парков, конвоев и шаек мародеров следовало за нею по обеим сторонам дороги, на пространстве тридцати или сорока верст. Вся эта сволочь, пользуясь безналичием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар разливался по сей широкой черте опустошения, и целые волости с остатком своего имущества бежали от сей всепожирающей лавы, куда — и сами не ведали. Но, чтобы яснее видеть положение моей партии, надо взять выше: путь наш становился опаснее по мере удаления нашего от армии. Даже мес-

та, неприкосновенные неприятелем, не мало представляли нам препятствий. Общее и добровольное ополчение поселян преграждало путь нам. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли стар и млад с вилами, кольями, топорами и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли на помощь к ним и на защиту православной церкви. Часто ответом нам был выстрел или пущенный с размаха топор, от удара коих судьба спасла нас. Мы могли бы обходить селения; но я хотел распространить слух, что войска возвращаются, утвердить поселян в намерении защищаться и склонить их к немедленному извещению нас о приближении к ним неприятеля, почему с каждым селением продолжались переговоры до вступления в улицу. Там сцена переменалась; едва сомнение уступало место уверенности, что мы русские, как хлеб, пиво, пироги подносились солдатам.

Сколько раз я спрашивал жителей *по заключении между нами мира*: “Отчего вы полагали нас французами?” Каждый раз отвечали они мне: “Да вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одёжу схожо”. — “Да разве я не русским языком говорю?” — “Да ведь у них всякого сбора люди!” Тогда я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях, и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена Святой Анны повесил образ Святого Николая и заговорил с ними языком народным»³².

И вот тут — точка зрения партикулярного человека. Она высказана по принципу «я не служил, но знаю!» (очень модному в нашей прессе на рубеже 1980—1990-х годов) в 1860-х годах — времени либерализма, «хождения в народ» и «ниспровержения устоев». В журнале «Русское слово», в библиографическом обзоре, который подготовил действительный статский советник Лохвицкий*, несколько страниц было посвящено и четвертому изданию «Сочинений Дениса Васильевича Давыдова». Автор обзора рассуждает:

«Странно выражался патриотизм у многих наших военных героев, и между прочим у Давыдова. Стараясь избавить от беды свой народ, они в то же время оставались как будто чуждыми интересам его и ставили на первом плане свою личную славу. Очень характеристична заметка Давыдова в его партизанском дневнике, что крестьяне не вдруг верили ему, что он русский, и что такие *quiproquo* заставили его надеть на се-

* Александр Владимирович Лохвицкий (1830—1884) — действительный статский советник, доктор права, литератор.

бя простой кафтан, навесить на грудь, вместо ордена, образ Николая Чудотворца, отрастить бороду и стараться говорить по-простонародному. Последнее, сколько можно судить по запискам, не особенно ему удавалось, и, несмотря на свой маскарад, Давыдов представлялся народу не более как переодетым барином»³³.

Пишет умный человек, но сколь наивны его представления! Да, Давыдов представлялся мужикам переодетым барином — так и слава богу! Это гораздо лучше, чем казаться для мужиков непереодетым французом.

Вот строки из письма жительницы Москвы от 15 августа 1812 года:

«Двух офицеров арестовали: они на улице вздумали говорить по-французски; народ принял их за переодетых шпионов и хотел поколотить, так как не раз уже ловили французов, одетых крестьянами или в женскую одежду, снимавших планы, занимавшихся поджогами и предрекавших прибытие Наполеона, словом, смущавших народ»³⁴.

Хотя, как мы видели на примере унтер-офицера Васильева, и русский язык не всегда помогал... А вот насчет переодетых французов-поджигателей — это явная «утка»; поджигателей у нас почему-то всегда ловили, при любых катаклизмах.

Давыдову совсем было не нужно, чтобы мужики считали его своим братом — он действительно был барином и командиром отряда, а потому к нему следовало относиться соответствующим образом. Хотя Двенадцатый год считается временем небывалого единения всех слоев русского общества, однако воинскую субординацию — то есть то, на чем основана армия — не отменял никто. Без дисциплины и субординации не было бы не только победы над неприятелем, но и сама армия развалилась бы, как это случилось в 1917 году после приснопамятного «приказа № 1», отменявшего «чинопочитание». Но это — иная история.

Так что зря г-н Лохвицкий рассуждал о странностях патриотизма «военных героев», проливавших за Отечество кровь и отдававших жизни. «Стараясь избавить от беды свой народ», невозможно было остаться «чуждым интересам его», и в чем тут «личная слава», если вместо красивого мундира, с которым офицер воистину сроднился, он надевает грубый мужицкий кафтан? На первом плане тут, говоря современным языком, было только обеспечение безопасности.

Несколько далее действительный статский советник пишет:

«Самый предубежденный в пользу Давыдова читатель, пробегаая одну за другою прозаические статьи его, не может не

убедиться, что заботы о своей личной славе, о представлении личности своей в наиболее партизанском виде, наиболее эффективном освещении, занимали если не первое, то и далеко не последнее место в мысли Давыдова»³⁵.

Ну и что из того, спросим мы, что 20 лет спустя Денис Васильевич вспоминал об этом романтическом времени с легкой ироничной улыбкой и где-то, может, *гусарствовал*, — что страшного, когда есть что вспомнить?

Людам, через подобные испытания не прошедшим, такой рассказ представляется хвастовством — но чем виноват Давыдов, когда это была его обыденная жизнь и другого ему нечего было вспомнить? Подмечено не раз, что, когда люди штатские дают оценки военным мемуарам, в их словах чувствуются некая обиденность, ущербность, скрытая зависть к военному человеку.

Ну, какой «рябчик» (на кавалерийском жаргоне — штатский человек) мог написать такие строки применительно к 1812 году: «Сердце мое может включить в каждую кампанию свой собственный журнал, независимый от военных происшествий. Смешно сказать, но *любовь и война* так разделили наравно прошедшее мною поприще, что и поныне я ничем не уверяю хронологию моей жизни, как соображением эпох службы с эпохами любовных чувствований, стоящими, подобно геодезическим вехам, на пустынной моей молодости. В то время я пылал страстью к *неверной*, которую полагал *верною*»³⁶.

Почему же ни слова о патриотических чувствах?! — возопит необстрелянный «рябчик». И что разглядит он в этих строках? Откровенное хвастовство, между тем как все это — тонкая самоирония, не очень понятная для непричастных. Денис — один из ярчайших образчиков военных людей, истинный гусар, а потому сколько еще разного рода гадостей будет сказано в его адрес! Особенно в те времена, когда военное сословие все-таки оказалось «задвинутым» штатскими чиновниками, что привело к трагическому разрушению «оборонного сознания» — неотъемлемой составляющей сознания государственного.

* * *

26 августа на поле Бородина произошло главное сражение 1812 года, в огне которого исчезли генералы Тучков 4-й* и граф Кутайсов**; в том бою были смертельно ранены князь

* Александр Алексеевич Тучков (1777—1812) — генерал-майор, командир пехотной бригады.

** Александр Иванович Кутайсов (1782—1812) — граф, генерал-майор, начальник артиллерии 1-й Западной армии. (Тела погибших Кутайсова и Тучкова 4-го на Бородинском поле найдены не были.)

Багратион и Тучков 1-й*; всего же русская армия потеряла до пятидесяти тысяч человек.

«За исключением числа убитых, последствия сей битвы были так маловажны, как будто бы она была дана, подобно рыцарским играм, единственно с тем, чтобы удостовериться, которая сторона сильнее и храбрее»³⁷, — очень точно написал Вальтер Скотт.

Действительно, можно подумать, что ничего не изменилось: на следующий день после сражения русская армия продолжала отступать, а французская — двигаться вперед. Но это были уже совсем другие армии.

Отряд Давыдова между тем был уже далеко...

* * *

«Давыдов... в ряд поистине легендарных героев Отечественной войны встал именно как партизан, самый выразительный, классически совершенный тип партизанского вожака того времени»³⁸, — считает современный историк.

Чтобы подробно рассказать о действиях отряда Дениса Давыдова, лучше всего просто-напросто пересказать его «Дневник партизанских действий 1812 года» — но это не имеет смысла, его и без нас уже 20 раз пересказывали. Поэтому отсылаем читателя к первоисточнику, а сами лишь коснемся некоторых моментов из истории Отечественной войны и попытаемся разобраться в ряде вопросов, до сих пор, быть может, не слишком проясненных.

В частности, что вызвало столь мощное партизанское движение на занятых французами территориях в 1812 году? До недавнего времени под этот вопрос подводили идеологическую подоплеку: мол, «святая к Родине любовь», и всё тут! Вот что писал знаменитый академик Евгений Тарле:

«В России ожесточение народа против вторгшегося неприятеля росло с каждым месяцем. Еще в начале войны среди крепостных крестьян кое-где бродили слухи о том, что Наполеон пришел освободить крестьян. Но когда месяц шел за месяцем и ни о какой отмене крепостных порядков даже и речи не поднималось, то для русского народа стало вполне ясно одно: в Россию пришел жестокий и хищный враг, опустошающий страну и грабящий жителей.

Чувство обиды за терзаемую родину, жажда мести за разрушенные города и сожженные деревни, за уничтоженную и разграбленную Москву, за все ужасы нашествия, желание отсто-

* Николай Алексеевич Тучков (1761—1812) — генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса.

ять Россию и наказать дерзкого и жестокого завоевателя — все эти чувства постепенно охватили весь народ. Крестьяне собирались небольшими группами, ловили отстающих французов и беспощадно убивали их.

Французским солдатам, когда они брали хлеб и сено, крестьяне оказывали иногда яростное вооруженное сопротивление, а если французский отряд оказывался слишком для них силен, убегали в леса, а перед побегом сами сжигали хлеб и сено»³⁹.

Предполагаемое освобождение от крепостного права — вопрос сложный и спорный. Ну, подписал бы Наполеон декрет, а в ответ русские священники провозгласили бы во всех церквях, что это происки Антихриста. Да и от кого крепостных освобождать, если большинство господ уехали до прихода французов? Вот и остаются в основе побуждающего мотива «чувство обиды» и «жажда мести», да еще то, что мужикам жалко было отдавать завоевателям свои «хлеб и сено».

Впрочем, даже официальные лица того времени были близки к подобным оценкам. Поэт Сергей Марин, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, исполнявший обязанности дежурного генерала 2-й Западной армии, писал своим друзьям из тарутинского лагеря: «Крестьяне, оживляемые любовью к Родине, забыв мирную жизнь, все вообще вооружаются против общего врага, всякий день приходят они в главную квартиру и просят ружей и пороха; то и другое выдают им без малейшего задержания, и французы боятся сих воинов более, чем регулярных, ибо озлобленные разорениями, делаемыми неприятелем, истребляют его без всякой пощады»⁴⁰.

Констатация факта, но ничего, что бы действительно было за душу. Про чудачества императора Павла он писал гораздо точнее и злее!

В работах историков сказывалась еще и пресловутая «толерантность» — как бы не затронуть сокровенных чувств «дружественного французского народа». Да и не только историки старались: когда снимали посвященный Денису Давыдову художественный фильм, то положили на музыку его стихотворение «Песня», переделав ее слова следующим похабным образом:

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия,
Пусть французы удалые
К нам пожалуют в кабак.

Это из лихого-то давыдовского:

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!

Даже комментировать не хочется... Хотя один вопрос все же есть: «кабак» — это про пресловутый российский беспорядок? Тогда бы лучше «в бардак» написали — и звучит точнее, и все равно не в рифму.

Зато про бегство Великой армии из России наши историки порой рассказывают так, что на глаза наворачиваются слезы сострадания и сожаления:

«Морозы усиливались. Уже при выходе из Смоленска люди так ослабели, что, свалившись, не могли подняться и замерзали. Вся дорога была устлана трупами. Из Москвы не взяли с собой теплых зимних вещей...» — сделаем паузу, чтобы пояснить, что «теплые зимние вещи» в Москве французы могли только украсть, но они воровали ценности и драгоценности, не задумываясь об обратном своем пути — «...это было роковым упущением еще в начале похода. Пришлось бросить большую часть обоза, часть артиллерии, целые эскадроны должны были спешиться, так как конский падеж все усиливался. Партизаны и казаки всё смелее и смелее нападали на арьергард и на отстающих»⁴¹.

Печальная картина — хотя она еще впереди! А вот непосредственное свидетельство очевидца, в то время — прапорщика свиты его величества по квартирмейстерской части Николая Муравьева*:

«Не было пошады для врагов, ознаменовавших всякими неистовствами нашествие свое в нашем Отечестве, где ни молодость, ни красота, ни звание, ничего не было ими уважено. Женщины не могли избежать насилия и поругания. Рассказывали, что Фигнер** застал однажды в церкви французов, загнавших в нее из окрестных селений баб и девок. Одну двенадцатилетнюю девочку лишили они невинности, пронзая ей детородную часть тесаком; товарищи злодея около стояли и смеялись крику девочки. Все эти французы погибли на месте преступления, ибо Фигнер не велел ни одного из них миловать. В другой раз Фигнер настиг карету, в которой ехал польский офицер; с ним сидели две девицы, родные сестры, обе красавицы, дочери помещика, которого дом разграбили, а самого убили; дочерей же увезли и бесчестили. Фигнер остановил карету, вытащил изверга, который был еще заражен лю-

* *Николай Николаевич Муравьев-Карский* (1794—1866) — генерал от инфантерии, кавказский наместник и командующий отдельным Кавказским корпусом в 1854—1856 годах; мемуарист.

** *Александр Самойлович Фигнер* (1787—1813) — полковник, командир партизанского отряда.

бострастною болезнью. Спутницы его были почти нагие; они плакали и благодарили своего избавителя. Фигнер снабдил их одеждою и возвратил в прежнее их жилище. Поляка же привез к крестьянам, приговорить его миром к жесточайшему роду смерти. Мужики назначили три дня сряду давать ему по несколько тысяч плетей и, наконец, зарыть живого в землю, что было исполнено. Уверяют, что происшествие сие истинное. Многим также известно, как французы ругались над нашим духовенством. Им давали приемы рвотного, после чего сосматывали им попарно бороды вместе...»⁴²

Вообще, к православной вере «толерантные» французы проявляли особенную варварскую неприязнь. По свидетельству генерала Михайловского-Данилевского, в Москве «храмы и монастыри стояли разоренные; духовенство, еще до вступления неприятеля, успело вывезти часть утвари, а часть скрыли под полами и в разных местах; некоторое количество из нее французы отыскивали и, мстя за недостаток добычи, выбрасывали иконы, устраивали из них мишени и топили ими печи, а в ризы облачались и с зажженными свечами в руках ездили по городу. Много духовных лиц пало на порогах храмов, защищая церковное имущество»⁴³.

Можно ли представить, чтобы русские воины так себя вели на французской, немецкой или иной земле, чтобы так издевались над людьми, над их идеалами, оскверняли объекты католической или лютеранской веры?! Так что сколь бы прекрасные лозунги «Liberté, Égalité, Fraternité»* ни несли французы на своих штыках, чего бы ни обещали — освобождение от крепостной зависимости или приобщение к демократическим ценностям, — ничего, кроме ненависти, эти европейские пришельцы вызвать не могли. А то — «брали хлеб и сено»! Русский мужик, которого во все времена охотно грабили свои же власти, это бы стерпел...

Раскачать мужика на сопротивление, на реальные действия, даже на то, чтобы пролить кровь супостата, — было совсем непросто. Тот же Николай Муравьев вспоминал, как по пути в Дорогобуж он оказался в бывшем неприятельском лагере, где оставалось немало больных французов... «У самой большой дороги стоял шалаш, построенный из прутьев, покрытый соломой и обставленный большими, разумеется, без окладов, образами, которые французы взяли из монастыря для прикрытия себя от непогоды». Из икон же был разведен и костер, у которого согревались четыре француза, находившихся в шалаше. Крестьяне из окрестных деревень, которые уже в

* «Свобода, Равенство, Братство» (*фр.*) — девиз Великой французской революции.

свою очередь грабили лагерь — на войне как на войне, — были потрясены этим святотатством, они приговорили французов к смерти, однако никто не решался взять на себя роль палача. По счастью, так решим, подъехал драгунский офицер, который сказал, что раз иконы разбиты и осквернены, то ничего не остается, как сжечь их вместе с шалашом, в котором сидели варвары. А если кто из французов захочет из шалаша выбраться, то надо бить его по голове дубиной и гнать обратно. Указание было выполнено.

В общем, партизанскую — точнее, народную — войну французы спровоцировали сами, ибо грабежи и зверства начались не после бегства из Москвы, когда армия разваливалась, деморализуясь на ходу, но сразу же после перехода границы — с началом, как ее назвал Наполеон, «Второй польской кампании», о чем свидетельствуют приказы по Великой армии.

«27 июля [1812 года].

С некоторого времени дошли до меня *самые важные жалобы* на гвардейских гренадеров. Ежедневно производятся ужасные (*affreux*) беспорядки в окрестностях мест, где мы расположены, и я вижу с величайшим соболезнованием, что самые деятельнейшие меры, принятые для прекращения оных, оказываются тщетны...

Подписал командир гвардии имперской маршал Лефевр*»⁴⁴.

По российскому, юлианскому, календарю приказ был отдан 15 июля — то есть война шла всего месяц. И уже — «ужасные беспорядки».

О том же писал и очень близкий к Наполеону генерал Арман де Коленкур**»: «Беспорядки, производимые армией, немало увеличивали всеобщее недовольство. В Вильне ощущался недостаток во всем и через четыре дня необходимое продовольствие надо было искать уже очень далеко. Число отставших от своих корпусов было уже довольно значительно <...>»⁴⁵.

По его же свидетельству, вскоре, во время самого похода, «армия могла питаться лишь тем, что добывали мародеры, организованные в целые отряды; казаки и крестьяне ежедневно убивали много наших людей, которые отваживались отправиться на поиски»⁴⁶.

А вот свидетельство с нашей стороны, строки из письма Александру I его генерал-адъютанта барона Фердинанда Вин-

* Франсуа Жозеф Лефевр, герцог Данцигский (1755—1820) — маршал империи; в 1812 году командовал пехотой Старой гвардии.

** Арман Огюстен де Коленкур (1773—1827) — маркиз, герцог Виченский, дивизионный генерал, в 1807—1811 годах посол в Санкт-Петербурге; мемуарист.

цингероде*, который командовал «летучим» корпусом, созданным по приказу военного министра для борьбы с мародерами и поддержания связи с корпусом генерал-лейтенанта графа Витгенштейна. Отрядом, по сути выполнявшим «партизанские» задачи. Датировано письмо 19 августа.

«Положение неприятельской армии, на левом фланге и в тылу коей находится уже несколько недель мой малый корпус, и которую храбрые казаки мои беспокоивают и день, и ночь, конечно, не очень блистательно. На всех дорогах находятся шайки грабителей и мародеров французской армии, часто даже под предводительством их офицеров; они весьма дурно одеты, совсем почти оборваны и конные имеют весьма плохих лошадей, и если их атакуют решительно, то они почти не защищаются. В продолжение 10-ти или 12-ти дней я взял 300 человек в плен, в числе коих 10 офицеров, и все оное не стоило нам 30-ти человек убитыми и ранеными»⁴⁷.

Да, корпус барона Винцингероде начал партизанствовать раньше, чем отряд Давыдова, но в качестве «символа» подполковник и поэт подходил гораздо больше, нежели генерал, гессенский дворянин, ранее служивший во французской и австрийской армиях. К тому же есть существенная разница между «летучим» отрядом и пусть небольшим по численности, но корпусом...

Так что будем придерживаться хрестоматийного: «Подполковник Денис Давыдов, очень хорошо сделавшийся известным французам под именем Черного Вождя, подал первую мысль об этом роде войны князю Багратиону незадолго до Бородинского сражения»⁴⁸.

«Еще при начале отступления наших войск через Москву, славный доселе и навсегда первый из русских партизанов, ныне генерал, а тогда подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Васильевич Давыдов делал свои набеги на большую дорогу между Вязьмою и Гжатском; потом образ партизанских войн предложил фельдмаршалу князю Кутузову, который, одоблив оный, определил партизанов на Можайскую дорогу самого подполковника Давыдова, полковника Сеславина, князя Кудашева и, наконец, капитана Фигнера»⁴⁹.

Итак, 26 августа отгремела битва при Бородине, а 27-го русский арьергард дрался с французами под Можайском; 1 сентября состоялся совет в Филях, на следующий день армия оставляла Москву, куда 3-го числа вошли французы, и к вечеру в

* *Фердинанд Федорович Винцингероде* (Винценгерод) (1761—1818) — барон, генерал от кавалерии (1813). Участник Итальянского похода Суворова (1799), войн против Наполеона I (1805—1807, 1809), Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода 1813—1814 годов.

городе начался пожар; 21 сентября русская армия встала в тарутинском лагере.

Отряд Давыдова, расположенный близ села Скугорева, жил между тем своей особой жизнью, которую Денис Васильевич впоследствии подробно описал:

«...Мы за час, два или три до рассвета подымались на поиск и, сорвав в транспорте неприятеля, что по силе, обращались на другой; нанеся еще удар, возвращались окружными дорогами к спасительному нашему лесу, коим мало-помалу снова пробирались к Скугореву. Так мы сражались и кочевали от 29-го августа до 8-го сентября... Не забуду тебя никогда, время тяжкое! И прежде, и после был я в жестоких битвах, проводил ночи стоя, приклонясь к седлу лошади и рука на поводьях... Но не десять дней, не десять ночей сряду, и дело шло о жизни, а не о чести»⁵⁰.

2 сентября в селе Токареве отряд Давыдова разгромил шайку мародеров, отбив сначала один обоз с награбленным и пленив 90 солдат противника, а потом еще один обоз — с семьюдесятью французами. После этого Денис провел с крестьянами инструктаж, как им самим бороться с супостатами. (Вот он, боевой опыт 1807 года, память о разоренной деревне Георгеншталь, позволившая нашему гусару определить воистину неисчерпаемые резервы для народной войны!) В частности, большие шайки мародеров он предлагал угощать на славу, чтобы, напоив французов пьяными, ночью сделать то, «что Бог повелел совершать с врагами Христовой церкви и вашей Родины». Как видим, богослов из Давыдова был весьма смелый! Трупы истребленных неприятелей он предлагал закапывать там и так, чтобы противник этого места приметить не мог.

Вечером того же дня отряд Давыдова сначала пленил французский разъезд из десяти рядовых при унтер-офицере, а затем ворвался в село Царево Займище, известное тем, что здесь к армии приехал светлейший князь Кутузов, где взял десять провиантских фур, одну фуру с патронами, 119 рядовых и двух офицеров.

5 сентября отряд Давыдова взял в плен 30 французских мародеров; 6-го числа освободил 200 русских солдат, плененных французами, и взял 50 их конвоиров... 16 сентября в районе Вязьмы партизаны атаковали большой отряд, прикрывавший транспорт провианта и артиллерийских снарядов.

Денис Васильевич вспоминал: «Отпор не соответствовал стремительности натиска, и успех превзошел мое ожидание: двести семьдесят рядовых и шесть офицеров положили ору-

жие, до ста человек легло на месте; двадцать подвод с провиантом и двенадцать артиллерийских палубов* с снарядами достались нам в добычу...»⁵¹

Отряд действовал весьма успешно, и это подтверждало правоту Кутузова. Более того — «его (Давыдова) партия значительно разрослась вследствие присоединения к ней двух казачьих полков, находившихся в распоряжении начальника Калужского ополчения генерал-лейтенанта В. Ф. Шепелева**». Охотно поступали под команду Давыдова отбитые им от французов русские пленные солдаты и добровольцы. Усилившись таким образом, Давыдов продолжал свои «веселые и залетные поиски» в окрестностях Вязьмы, Дорогобужа и Гжатска»⁵².

Из документов видно, что светлейший князь Михаил Илларионович и впоследствии не оставлял Дениса своим благосклонным вниманием. Так, 9 сентября фельдмаршал писал генерал-лейтенанту Дорохову: «Ему (Давыдову) предписано в случае нужды присоединиться к корпусам под начальством в. пр.-ва***, или ген.-лейт. Винценгерода... или испросить себе подкрепление, в чем в. пр., соображаясь с обстоятельствами, не оставьте ему сделать вспоможение»⁵³. 11 сентября докладывал Александру I, что «Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов с 150 человеками легкой кавалерии уже давно живет между Гжатска и Можайска и удачно действует на неприятельские коммуникации»⁵⁴; а 1 октября он ходатайствовал перед императором: «Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов, гвардейской артиллерии капитан Сеславин и артиллерии капитан Фигнер наиболее отличились своей предприимчивостью и успехами, с коими они производили в действие вверенные им поручения. Почему осмеливаюсь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли будет подполковника Давыдова и гвардии капитана Сеславина произвесть в полковники...»⁵⁵

Партизанский отряд Давыдова стал первым — будем так считать, но не единственным. В то время когда русская армия, «потерянная» Наполеоном в результате блистательного осуществления Тарутинского марш-маневра, отдыхала и пополняла свои ряды перед переходом в контрнаступление, так называемая «малая война», которую вели «летучие» армейские и крестьянские отряды, усиливалась с каждым днем.

«Фельдмаршал не ограничился бездействием, а напротив того, из всех способов нанесения вреда неприятелю избрал са-

* Повозки для артиллерийских снарядов.

** *Василий Федорович Шепелев* (1768—1813) — участник Швейцарского похода, кампаний 1805 и 1806 годов.

*** Вашего превосходительства.

мый верный. Французская армия, несмотря на понесенные ею потери, находясь под начальством гениального вождя, могла одерживать победы в решительных сражениях, но была менее способна к действиям малой войны, по недостаточному знанию местности театра войны и по неимению иррегулярных войск, подобных нашим казакам. Фельдмаршал, сообразив эти обстоятельства и убедаясь в пользе партизанских налетов на опыте, из действий Давыдова, Дорохова и казачьих полков, оставленных в тылу армии, при фланговом движении ее на Калужскую дорогу, поручил нескольким отважным офицерам небольшие отряды, составленные из легких войск и долженствовавшие действовать на всех путях, ведущих к Москве»⁵⁶.

«Желая воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами, князь Кутузов отрядил во все стороны партизанов с повелением переноситься с одного места в другое, нападать внезапно и действовать то совокупно, то порознь. Отряды редко превышали 500 человек и были большей частью составлены из казачьих войск; иногда присоединяли к ним малое число регулярной конницы. Фельдмаршал обыкновенно представлял начальникам партий выбирать себе в товарищи из офицеров кого пожелают. При отправлении они получали только назначение, в какую сторону следовать и где преимущественно производить поиски. Их извещали также, какие партии будут находиться к ним ближе других, для взаимной с ними связи или для совместного действия в случае превосходства неприятеля или какого-нибудь важного предприятия. Главная цель состояла в нанесении возможного вреда неприятелю; больше ничего определительного не предписывалось; все прочее зависело от начальников партий: отважности их представлялось обширное поле.

Полковник князь Вадбольский, капитан Сеславин и поручик фон-Визин были посланы на пространство между Можайском, Москвою и Тарутином. Левее от них, между Гжатском и Вязьмой, находился с самого Бородинского сражения подполковник Давыдов. Вправо от армии действовали: полковник князь Кудашев на Серпуховской дороге и войска Донского полковник Ефремов на Коломенской. Таким образом составила цепь “летучих” отрядов на южную сторону Москвы и проходила там от Вязьмы до Бронниц, между тем как генерал-адъютант Винцингероде, стоя около Клина, посылал партии вправо к Звенигороду, Рузе, Гжатску, Сычевке и Зубцову, и влево к Дмитрову. Капитан Фигнер делал набеги в окрестностях Москвы... Кроме всех сих партий, казачьи разъезды ходили проселками в тыл неприятельских войск, стоявших против Тарутинского лагеря»⁵⁷.

«Французы не могли получить воза дров или телеги с мукой, не подравшись за них и часто с большою для себя невыгодою. Многочисленный отряд драгунов Императорской гвардии был атакован и переколот казаками. Два большие обоза были отрезаны и захвачены на Можайской дороге, единственной, по которой Французская армия имела сообщения со своими магазинами и пособиями. Французы потеряли целый отряд в городе Верее, на левом фланге у Мюрата. Таким образом война продолжалась повсюду, кроме пространства, лежащего впереди армий, где по всем вероятностям французы могли бы иметь наибольшую выгоду»⁵⁸.

Усилению народной войны всемерно способствовали и сами находившиеся в Москве французы. Примером тому — приказ от 21 (9) сентября: «Император чрезмерно недоволен, что, невзирая на особенное повеление, которое он дал к прекращению грабежа, в Кремль входят целые отряды гвардейских мародеров...»⁵⁹

Надо ж такое придумать! Гвардия — отборные, лучшие части, элита армии. Известны, к примеру, гвардейские кирасиры, гвардейские егеря — были даже гвардейские инвалиды, то есть подразделения, составленные из заслуженных гвардейских ветеранов. Но вот гвардейские мародеры — это явно новое слово в военном строительстве! Если же серьезно, то можно понять, что обстановка была уже такова, что даже гвардии, «старым ворчунам», главной опоре императора Наполеона, было плевать на его приказы.

Любопытно, однако, привести здесь описание французских историков, рассказывающих о том, как их компатриоты* возвратились в Кремль после пожара:

«Великая армия снова могла занять свои квартиры. Но как можно было теперь остановить солдат, прекратить грабежи, которым они предавались? (А теперь — особое внимание! — А. Б.) Союзники французов, особенно немцы, грабили воеводу. Москвичи называли их *беспардонным войском*, отличая их от “настоящих французов”. В Архангельском соборе, в Кремле, вюртембергцы осквернили и ограбили могилы древних русских царей. Благовещенский собор, где совершались бракосочетания царей, превращен был в конюшню; лошади кормились у алтаря и портили копытами мозаичный пол. Так как каменные церкви почти все уцелели от пожара, то солдаты всех национальностей расположились именно в них, оскорбляя русских осквернением святыни, употребляя иконы вместо столов, шутки ради одеваясь в священнические облачения, примешивая элемент маскарарада к ужаснейшей драме века»⁶⁰.

* Компатриот — земляк, соотечественник.

Подумать только, шутники какие! Неувядаемое галльское остроумие — даже в полусгоревшем городе «настоящие французы» не теряли бодрости духа и чувства юмора! А грабила и насильовала, по мнению историков, лишь та разноплеменная сволочь, которую французы притащили с собой в Россию... Это только русские должны всегда и перед всеми каяться за реальные или мнимые грехи и ошибки отцов, а «цивилизованный» народ успешно находит «крайнего», оказываясь как бы и ни при чем.

Но современники свидетельствовали об обратном. Так, командир «летучего» отряда граф Александр Бенкендорф вспоминал: «Неприятель был вынужден отыскивать для себя продовольствие в окрестностях столицы. Он внес всюду беспорядок и грабеж и уничтожал сам то, что могло облегчить его продовольствие. Скоро окрестности города представляли пустыню; приходилось искать дальше, разделяться на мелкие отряды, и тогда-то началась для французов та гибельная война, которую казаки вели с такою деятельностью и искусством»⁶¹.

Эта «гибельная война» получила официальное одобрение и поддержку. Главнокомандующий князь Кутузов так писал 20 сентября командиру 1-го корпуса графу П. Х. Витгенштейну: «Поелику ныне осеннее время наступает, через что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязме и Смоленску»⁶².

Партизанская война 1812 года — тема интереснейшая и обширная, а потому, чтобы не быть ею поглощенными, мы не будем углубляться, но посмотрим на нее с противоположной и достаточно неожиданной стороны.

В авторских примечаниях к опубликованному в журнале «Отечественные записки» очерку М. И. Семевского* «Партизан Сеславин» говорится:

«Как кажется, нельзя вполне доверять Давыдову там, где он повествует о собственных подвигах. По крайней мере следующее место в одном из имеющихся у нас писем А. А. Бестужева (Марлинского) порождает в нас это сомнение: “Дениса Давыдова (пишет Бестужев Полевому 15 марта 1832 года) вы судите по его словам; а между нами будь сказано, он более

* *Михаил Иванович Семевский* (1837—1892) — писатель, журналист, общественный деятель, издатель и редактор журнала «Русская старина».

выписал, чем вырубил себе славу храбреца. В 1812 году быть партизаном значило быть наименее в опасности, нападая ночью, на усталых и врасплох. Притом, французы без пушек и вне строя нестрашные ратники. Это не черкес и не делибаш, который не задумается вступить в борьбу с пятерыми врагами. Между прочим, я был дружен с Николаем Бедрягою, который служил с Денисом в 1812 году. Он говорит, что они могли бы в тысячу раз быть полезнее, если б Бахус не мешал Марсу. Денис вверился слишком какому-то Храповицкому и занялся более маскарадом да чаркою, чем делом. Бедряга уехал из отряда давыдовского за то, что он велел перерезать на честное слово сдавшихся ему французов»⁶³.

Личность, творчество и трагическая судьба Бестужева-Марлинского* весьма привлекательны, однако мнение его представляется достаточно спорным, ибо он дает оценки Давыдову — вернее, выражает сомнения — с чужих слов.

Как говорится, на войне каждый солдат считает свой окоп главным и уверен, что на его участке было всего труднее. У этой «медали» есть две стороны: считая свою позицию самой главной, солдат будет драться до конца — однако на других, кто не был с ним рядом, он может смотреть свысока, мол, чего вы там понимаете, вот у нас было!.. Поэтому оценки партизанской службы, которые дают те, кто воевал в «летучих» отрядах, и те, кто был в составе Главной армии, весьма разнятся. Даже по тому немногому, что нами уже рассказано, можно понять, что отряд Давыдова напал не только на «усталых и врасплох». Настораживают и некоторые утверждения Николая Бедряги**, с которым Александр Бестужев был дружен, а потому принимает его слова за истину.

Посмотрим же непредвзятым взглядом. Бедряга — тогда 36-летний штабс-ротмистр Ахтырского гусарского полка, находился в подчинении 28-летнего Давыдова, который был его тремя чинами старше. Денис пишет о нем так: «...малого росту, красивой наружности, блистательной храбрости, верный товарищ на биваках; в битвах — впереди всех, *горит, как свечка*»⁶⁴. Вот и все, в «Дневнике партизанских действий» имя его упоминается еще три раза — в действии.

* *Александр Александрович Бестужев* (литературный псевдоним — Марлинский) (1797—1837) — штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка, прозаик, критик, поэт; декабрист, участник восстания на Сенатской площади; осужден по 1-му разряду и сослан в Сибирь, откуда в 1828 году переведен на Кавказ; в 1835 году произведен в прапорщики, погиб в стычке с горцами на мысе Адлер; тело его не было найдено.

** *Николай Григорьевич Бедряга* (1776—1856) — отставной полковник (1819).

Зато фамилия «какого-то Храповицкого*» встречается в тексте «Дневника» порядка тридцати раз! Он не только был одного возраста с Давыдовым, но и давним его знакомым: их первая встреча произошла еще в 1807 году, когда Денис ехал к армии.

«На походе я познакомился с некоторыми офицерами, между которыми были князь Баратаев, Ясон и Степан Храповицкий. Я не думал тогда, что с последним буду служить в великий 1812 год партизаном и заключу с ним братскую дружбу на кровавых пирах войны Отечественной!»⁶⁵

Даже описание Денисом Храповицкого в ряду прочих офицеров получилось и больше, и теплее, нежели того же штабс-ротмистра Бедряги. Сравните:

«Волинского уланского полка майор Степан Храповицкий — росту менее среднего, тела тучного, лица смуглого, волоса черного, борода клином; ума делового и веселого, характера вспыльчивого, человек возвышенных чувств, строжайших правил честности и исполненный дарований как для поля сражения, так и для кабинета; образованности европейской»⁶⁶.

Разумеется, в отряде, в тылу противника, у всех у них настроения и взаимоотношения были совсем иные, нежели стали после войны, когда неизбежно пошли свои счеты, стали вспоминаться неоцененные заслуги и сравниваться полученные награды... И опять — та же мысль, что главный-то «окоп» был именно твой... Что делать, коль человеческая природа столь несовершенна и особому совершенствованию не подлечит?

Михаил Иванович Семевский писал: «Честолюбие, зависть, эгоизм, жестокосердие — все эти и им подобные качества не были чужды ни Фигнеру, ни Давыдову, ни Сеслаину, ни одному из тех, имя которого со славою красуется в летописях Отечественной войны»⁶⁷.

Но разве только им одним и только тогда? Ни войну, ни политику не делают, как говорится, «в белых перчатках» — хотя перчатки и являлись форменной принадлежностью, но только на сражении они белыми оставались недолго. Впрочем, переходить в область философии мы не будем. Так же как не станем никого упрекать за данные им оценки — каждый имеет право на свою точку зрения. Только отметим, что по сравнению с товарищами, вышедшими в генералы и украшенными хотя бы Аннинской лентой**, Бедряге не повезло: он получил

* *Степан Семенович Храповицкий* (1783—1849) — генерал-майор.

** Орден Святой Анны 1-й степени был самым «младшим» по значению среди «первостепенных» орденов.

чин полковника только при отставке*, хотя тоже дрался отважно и в августе 1813 года был даже награжден орденом Святого Георгия IV класса.

Насчет жестокости Давыдова по отношению к пленным доказательств нет. Более того, Денис Васильевич именно за это осуждал полковника Александра Самойловича Фигнера, который стал партизаном, последовав его примеру.

«Фигнер — был гениальный партизан, это был храбрейший человек и неистощим на выдумки — дурачить и истреблять неприятеля. Хладнокровие его было неподражаемо, французы ужасались его имени...»⁶⁸

Вот что писал Денис о своем давно погибшем товарище: «Мы часто говорим о Фигнере — сем странном человеке, проложившем кровавый путь среди людей, как метеор всеразрушающий. Я не могу постичь причину алчности его к смертоубийству! Еще если бы он обращался к оному в критических обстоятельствах, то есть посреди неприятельских корпусов, отрезанный и теснимый противными отрядами и в невозможности доставить взятых им пленных в армию. Но он обыкновенно предавал их смерти не во время опасности, а освободясь уже от оной...»⁶⁹

Оборвем цитату, ибо точка зрения Давыдова понятна, и сомнительно, что, осуждая Фигнера на бумаге, он на практике поступал бы точно так же. Скорее, как опытный автор, он бы аргументированно оправдал своего товарища — заодно таким образом и себя самого. Тем более что многие из французов подобное отношение заслужили — чего стоит один рассказ Михайловского-Данилевского!

Можно, конечно, вспомнив слова Семевского, предположить, что Давыдовым двигало чувство зависти, но и это предположение мы тут же отмечаем благодаря тому же самому автору. Вот что писал Михаил Иванович: «В живых, бойких, смелою рукою набросанных рассказах, дневниках, записках Давыдова о собственных его подвигах мы нашли несколько заметок о партизане Сеславине. К чести Давыдова надо заметить, что он везде отдает должную справедливость *отважному и неутомимому партизану* (как он называет Сеславина) и вполне беспристрастно рассказывает о его подвигах»⁷⁰. Было бы нелепо предположить, что Давыдов одновременно мог быть объективен по отношению к отставному, находившемуся не у дел генерал-лейтенанту и завидовал павшему в бою полковнику...

* Для выслуживших определенный срок в предыдущем чине офицеров была такая форма поощрения, как увольнение с производством в следующий чин (вплоть до генеральского); при повторном поступлении на службу такого офицера могли принять с понижением в чине.

Денис Васильевич не отрицает, что были случаи, когда и ему приходилось казнить пленных. Он вспоминает, как 9 октября, в районе села Спасского, партизанами были захвачены «несколько неприятельских солдат, грабивших в окружающих селениях», и один из них, как показалось, имел «черты лица русского, а не француза»:

«Мы остановили его и спросили, какой он нации? Он пал на колена и признался, что он бывший Фанагорийского гренадерского полка гренадер и что уже три года служит во французской службе унтер-офицером. “Как! — мы все с ужасом возразили ему, — ты — русский и проливаешь кровь своих братьев!” — “Виноват! — было ответом его, — умиосердитесь, помилуйте!” Я послал несколько гусаров собрать всех жителей, старых и молодых, баб и детей, из окружающих деревень, и свести к Спасскому. Когда все собрались, я рассказал как всей партии моей, так и крестьянам о поступке сего изменника, потом спросил их: находят ли они виновным его? Все единогласно сказали, что он виноват. Тогда я спросил их: какое наказание они определяют ему? Несколько человек сказали — засечь до смерти, человек десять — повесить, некоторые — расстрелять, словом, все определили смертную казнь. Я велел подвинуться с ружьями и завязать глаза преступнику. Он успел сказать: “Господи! Прости мое согрешение!” Гусары выстрелили, и злодей пал мертвым»⁷¹.

Комментируя подобные случаи, анонимный автор второй половины XIX столетия — искренний противник, как он ее назвал, «либерально-рутинной точки зрения» (к его литературному обзору, опубликованному в журнале «Библиотека для чтения», мы вернемся несколько позже), писал: «Со своим партизанским отрядом забирая города, он вешал шпионов или людей, виновных в измене, вовсе не думая о том, что и шпион, и преступник тоже люди»⁷².

Автор вполне понимает и в последующих своих словах одобряет поведение Давыдова — война имеет свои законы, преступления должны быть наказуемы, а общество — ограждено от преступников. Но, как мы видим, даже к преступникам Денис проявлял истинное великодушие и милосердие. Расстрел, казнь за воинские преступления, считается казнью гораздо более «почетной», нежели позорное повешение, и смерть от пули гораздо легче, нежели от телесного наказания... Однако сторонники той самой «либерально-рутинной точки зрения» ничтоже сумняшеся упрекали Дениса в жестокости — хотя именно эта кажущаяся жестокость позволила сохранить жизни десятков, сотен, а то и тысяч мирных людей, которые могли погибнуть от рук мародеров, насильников, дезертиров и прочей сволочи, уничтоженной партизанами.

И вот как считали военные люди 100 лет спустя — это написано в книге, посвященной истории Кавалергардского полка: «По окончании Отечественной войны голоса завистников и врагов Давыдова умаляли славу его партизанских подвигов, упрекая его в трусости и жестокости, будто бы проявленной им в его наставлениях крестьянам об истреблении французов. Упрек в трусости отпадает сам собой, жестокость же неразрывно связана со всякой народной войной, целью которой является совершенное истребление неприятеля»⁷³.

Тему партизанства не следует рассматривать с позиций иного времени, отрывая от конкретной боевой обстановки и тех задач, которые тогда решались.

А то ведь до чего додумался известный нам литературовед Борис Эйхенбаум: «Партизанство этой эпохи — проявление военного либерализма, военной оппозиции; это — военная богема, воодушевленная презрением к официальному, бюрократическому духу армии. Профессионалы-фронтовики смотрели на партизан, как на дилетантов и налетчиков, как на беспокойный элемент. Партизаны, с своей стороны, противопоставляли свои методы методам регулярной армии, как искусство ремеслу, выдвигая принцип личной инициативы, предприимчивости, храбрости и пр.»⁷⁴.

Звучит красиво: «военный либерализм», «оппозиция», «военная богема», «презрение к официальному, бюрократическому духу армии»! Но позвольте напомнить, что в числе командиров «летучих» отрядов 1812 года были будущий руководитель Третьего отделения и шеф корпуса жандармов граф Александр Христофорович Бенкендорф и будущий военный министр, затем — председатель Государственного совета светлейший князь Александр Иванович Чернышёв. А уж этих генералов вряд ли бы кто рискнул назвать «либералами», ибо за такое оскорбление вполне можно было оказаться на съезжей — в полицейском участке!

«Профессионалы-фронтовики» тоже звучит круто, хотя «фронтовиками» или «фрунтовиками» в те времена именовали не боевых командиров, но «мастеров шагистики» (словарь Брокгауза и Ефрона трактует понятие «фронтальной офицер» как «офицер строевой части»). Ведь само понятие «фронт» в Двенадцатом году означало не «линию соприкосновения передовых подразделений с противником на театре военных действий», как сегодня, но «лицевую сторону военного построения войска». Зато именовать «дилетантами» таких партизанских начальников, как генерал-лейтенант Иван Семенович Дорохов, генерал-майор барон Фердинанд Федорович Винцингероде, командир Мариупольского гусарского пол-

ка полковник князь Иван Михайлович Вадбольский или вышеупомянутые генерал-майор граф Бенкендорф и полковник Чернышёв, — просто смешно. (Уточним, что чины указаны на начало осени 1812 года.)

Кстати, шеф жандармов оставил прекрасные воспоминания о своей партизанской службе, которые органично дополняют изображенную нами картину:

«Мой лагерь походил на воровской притон; он был переполнен крестьянами, вооруженными самым разнообразным оружием, отбитым у неприятеля. Каски, кирасы, кивера и даже мундиры разных родов оружия и наций представляли странное соединение с бородами и крестьянской одеждой. Множество людей, занимавшихся темными делами, являлись непрерывно торговать добычу, доставлявшуюся ежедневно в лагерь. Там постоянно встречались солдаты, офицеры, женщины и дети всех народов, соединившихся против нас. Новые экипажи всевозможных видов, награбленные в Москве; всякие товары, начиная от драгоценных камней, шалей и кружев и кончая бакалейными товарами и старыми сворками для собак. Французы, закутанные в атласные мантильи, и крестьяне, наряженные в бархатные фраки или в старинные вышитые камзолы. Золото и серебро в этом лагере обращалось в таком изобилии, что казаки, которые могли только в подушки седел прятать свое богатство, платили тройную и более стоимость при размене их на ассигнации. Крестьяне, следовавшие всюду за казачьими партиями и бдительно несшие аванпостную службу, брали из добычи скот, плохих лошадей, повозки, оружие и одежду пленных. Было до крайности трудно спасти жизнь последних — страхась жестокости крестьян, они являлись толпами и отдавались под покровительство какого-нибудь казака. Часто бывало невозможно избавить их от ярости крестьян, побуждаемых к мщению обращением в пепел их хижин и осквернением их церквей. Особенною жестокостью в этих ужасных сценах была необходимость делать вид, что их одобряешь, и хвалить то, что заставляло подыматься волосы дыбом. Однако, при неурядице и среди отчаяния, когда, казалось, покинул Бог и наступила власть демона, нельзя было не заметить характерных добродетельных черт, которые, к чести человечества и к славе нашего народа, благородными тенями выступали на этой отвратительной картине. Никогда русский мужик не обнаруживал большей привязанности к религии и к своему Отечеству, более преданности Императору и повиновения законным властям»⁷⁵.

Картина воровского притона наблюдалась и во французском лагере, который располагался в Москве.

«Дарю* предложил смелый план превратить Москву в укрепленный лагерь и остаться в ней на зиму. “Можно, — говорил он, — убить остальных лошадей и посолить их мясо, а прочее продовольствие добудется через мародеров”. Наполеон одобрил сей совет, названный им *Львиным*. Но опасение того, что могло произойти во Франции, от коей план сей отделил бы его на шесть месяцев, заставило его решиться оный отвергнуть»⁷⁶.

Сколько развращающим образом действует война на оккупантов — даже если они почти совсем штатские люди! Граф Дарю, вроде бы интеллигентный человек — сын адвоката, дипломат и писатель, переводчик сочинений Горация и речей Цицерона, — всю свою надежду по снабжению армии возлагал на мародеров и грабеж мирного населения! А ведь грабеж, как и любая уголовщина, границ не знает. Наивно было бы думать, что мародеры ограничивались «хлебом и сеном», да еще и в необходимом им количестве.

«Французские мародеры наводняли край по обеим сторонам дороги, на пространстве от 30 до 40 верст. Они состояли из беглых и отсталых, принадлежавших пехотным и конным корпусам, ходили большей частью малыми шайками, а иногда колоннами, человек в 300, предводимые офицерами или головорезами, избираемыми из их среды. Пользуясь безначалием, мародеры не знали меры насилиям. Пожары разливались по широкой черте опустошения»⁷⁷.

Действие это, соответственно, рождало противодействие, и грабителей, без всякого сожаления, уничтожали все, кто мог. Тому в подтверждение сохранились записи рассказов о подвигах как армейских партизан, так и крестьянских отрядов Герасима Курина, старостихи Василисы Кожиной, гусара Елисаветградского полка Федора Потапова по прозвищу Самусь и многих иных...

Не пребывал в бездействии и наш герой: 19 сентября его отряд атаковал на Смоленском тракте, близ села Юренева, три неприятельских батальона и пленил 143 человека; 4 октября его партизаны захватили большой обоз, следовавший по пути от Семлева к Вязьме; 8 октября в районе Вязьмы отряд Давыдова напал на неприятельский транспорт, который прикрывали три полка (понятно, что были они изрядно поредевшие, но все-таки), и взял порядка пятисот пленных... И это лишь основные вехи его партизанских действий! Недаром же французский комендант Вязьмы собрал конный отряд под две тысячи сабель, чтобы очистить все пространство между Вязьмой

* *Пьер Антуан Нозль Брюно Дарю* (1767—1829) — граф, министр — государственный секретарь.

и Гжатью, как именовался тогда Гжатск. Главной задачей отряда было разбить партию Давыдова и захватить «Черного Вождя» живым или мертвым. Не вышло. А приказ этот был найден русскими, когда войска генерала Милорадовича выбили врага из города Вязьмы...

Зато, неизвестно уж каким образом, Давыдова нашел дружеский привет — буквально из прошлого. С какой-то оказией ему прислал письмо дежурный генерал 2-й Западной армии — Преображенского полка полковник Сергей Марин:

«Любезный Денис!

Как я рад, что имею случай к тебе писать. Поздравляю тебя с твоими деяниями, они тебя, буйна голова, достойны; как бы покойный князь радовался, он так тебя любил. Ты бессовестно со мной поступаешь, ни слова не скажешь о себе, или я между любящими тебя как обсевок в поле? Одолжи, напиши, а я на досуге напишу тебе Оду. Я болен, как собака, никуда не выезжаю; лихорадка мучит меня беспрерывно...

Армия неприятельская в очень дурном положении, не имеет ни провианта, ни фуража, всякой день теряет пленными множество. Винцингероде один взял в три недели три тысячи, а здесь так каждый день таскают сотнями. Наша же армия имеет все продовольствие, какое только вообразить может. 6-го числа атаковали мы авангард неприятельский. Гнали его как каналью, убили 2 генералов — Дери и Фишера, — более тысячи взяли, с лишком 20 пушек, 1 знамя, до 30 офицеров и до 1000 шельм, не считая офицеров — вот тебе краткая реляция. Алексей Петрович* пошел на отличие, дай Бог ему успеха. Старик Гарчишной** идет. На днях к нам пришло до 30 полков казачьих донских. До свидания, друг и брат.

Преданный *Марин*»⁷⁸.

Письмо было датировано 9 октября.

* * *

11 октября французы покидали Москву.

«Все иконы, картины и украшения церковные были собраны и нагружены на повозки, дабы следовать за войсками, и без того уже обремененными огромным обозом. Большой крест с колокольни Ивана Великого, высочайшей в целой Москве, был снят с великим трудом, дабы увеличить собою трофеи, слишком уж тяжелые. Держась сих правил, Наполеон очень прогневался, когда ему предложили покинуть часть его

* А. П. Ермолов.

** Имеется в виду адмирал П. В. Чичагов, главнокомандующий Дунайской армией, двигавшейся на соединение с основными силами.

огромной артиллерии, которая была слишком многочисленна для уменьшившегося количества его армии... Он не хотел оставить никаких трофеев, которые могли бы послужить к торжеству русских»⁷⁹.

Увлекившись ценностями, французы не подумали про теплую одежду, что вскоре сыграло для них роковую роль.

«Французская армия, выходявшая из Московских ворот и тянувшаяся несколько часов, состояла из ста двадцати тысяч человек, изрядно всем снабженных и идущих в надлежащем порядке. За нею следовало не менее пяти сотен пятидесяти орудий, количество, несоразмерное с числом людей, и две тысячи зарядных ящиков и фур. До сих пор войско имело вид воинственный и важный. Но вслед за ним шла беспорядочная толпа, состоявшая из многих тысяч принадлежащих к войскам служителей, присоединившихся к ним отсталых и пленников, из коих многие были принуждены нести на себе или везти на тележках добычу завоевателей.

Между ними же находились французские семейства, жившие прежде в Москве и составлявшие так называемую французскую колонию, которые не могли уже долее считать сей город безопасным для себя убежищем и потому пользовались случаем, дабы удалиться из одного со своими соотечественниками. Кроме того, была тут собрана тьма всякого рода повозок, нагруженных поклажею армии и московскою добычею, как трофеями, взятыми Наполеоном с тем, чтобы позабавить парижан, так и вещами, забранными частными лицами. Этот смешанный, разнообразный обоз походил, по словам Сегюра*, на татарскую орду, возвращающуюся с удачного набега»⁸⁰.

Жуткая картина! К тому же давно подмечено, что чем больше у солдата имущества, тем хуже и осторожнее он воюет, ибо ему есть что терять. Интересное замечание сделал и генерал Михневич: «Как бы гениален ни был полководец, но он может воевать лишь с армией неприятеля и в силу своего таланта наносить ей поражение за поражением, но когда ему приходится двигаться по стране, населенной ожесточенными мародерством жителями, где каждый камень, каждый куст, каждое дерево скрывает притаившегося недруга, пылающего мщением — там всякий гений поневоле растеряется и начнет делать такие ошибки и промахи, которые были бы непростительны и самому заурядному ротному командиру»⁸¹.

Отсюда следует вывод: именно принцип, некогда сформулированный императором Наполеоном — «война сама себя

* Филипп Поль де Сегюр (1780—1873) — граф, бригадный генерал, главный квартирмейстер Главной квартиры Наполеона; генерал-лейтенант, пэр Франции, член Французской академии, писатель и мемуарист.

кормит», фактически погубил Великую армию. Вообще, любая экономия на нуждах войска чревата большими неприятностями: если солдат голоден, раздет и не имеет в кармане ни гроша, он прежде всего думает об удовлетворении своих потребностей, а уже потом — об интересах службы. К сожалению, чиновники, составляющие и утверждающие бюджеты, не очень понимают, что в боевой обстановке вооруженному человеку совсем не сложно решать свои насущные вопросы, причем чувство меры такому вояке нередко отказывает. Итогом становится то самое, по блистательному определению Пушкина, «остервенение народа» — то есть народная война.

Далее было известное бегство наполеоновской армии из России: сражение при Малоярославце 12 октября, в результате которого французы стали отступать по разоренной Старой Смоленской дороге; тактика параллельного преследования, примененная светлейшим князем Голенищевым-Кутузовым; разгром корпуса маршала Нея под Красным 3—5 ноября; трагедия на реке Березине в середине того же месяца... И все это время, от Москвы до Немана, некогда великую армию сопровождали партии и «летучие» отряды, «теснили ее, как в ящике, от Москвы до Немана, не позволяя ни одному солдату на шаг отлучаться от большой дороги для отыскания себе пищи или убежища от стужи...». Партизаны также осуществляли неусыпный надзор за остатками этой армии, «отчего каждое движение каждой ее части было тотчас известно нашему Главнокомандующему и встречало противодействие»⁸².

Тут, впервые, мы можем обвинить нашего героя в излишней скромности: уж слишком сдержанно рассказал он о боевой деятельности партизан в период французского отступления. А ведь на счету его отряда были тогда не только «отсталые солдаты» и разведка отступающего противника.

«28 октября под Ляховом партизанские отряды Давыдова, Фигнера, Сеславина и графа Орлова-Денисова, соединившись вместе, общими силами атаковали отряд генерала Ожеро* и заставили его положить оружие. Эту победу оценил сам Кутузов, заметив, что в первый раз в эту кампанию целый неприятельский отряд положил оружие. Из последующих сражений, в которых принимал участие Давыдов, следует отметить дело под Красным 4 ноября, под Копысом 9 ноября, где он разбил трехтысячное кавалерийское депо, и, наконец, под Белыничами 14 ноября, где трофеями, кроме пленных, были еще большие запасы оружия и провианта»⁸³.

* Жан Пьер Ожеро (1772—1836) — барон, бригадный генерал, командовал 1-й бригадой 1-й резервной дивизии; до конца 1814 года находился в плену в России; генерал-лейтенант (1815).

Как раз в то время в отряд Давыдова был определен его младший брат — Лев*. Если некогда Денис старался быть достойным своих стихов, то, думается, Лев теперь старался быть достойным своего знаменитого старшего брата. Хотя, несмотря на его молодость, за спиной у младшего Давыдова были уже Шведская и Турецкая кампании...

В бою при местечке Бельнички отряд Давыдова был остановлен в одной из улиц плотным ружейным огнем из засады. Денис назвал это своим Аркольским мостом** — ему нужно было увлечь за собой солдат, иначе мог подойти с подкреплением генерал Ожаровский*** «...и, посредством пехоты своей, вырвать у меня листок лавра, за который уже я рукой хватался! Мы разрывались с досады! Брат мой Лев, будучи моложе всех, менее других мог покоряться препятствиям. Он пустился с отборными казаками вдоль по улице и, невзирая на град пуль, осыпавших его и казаков, с ним скакавших, ударил на резерв, показавшийся в середине оной, и погнал его к мосту. Но и удар этот ни к чему не послужил! Получа две пули в лошадь, он принужден был возвратиться к партии, которой я удержал стремление за ним, ибо долг ее был вытеснить неприятеля из местечка, а не проскакивать через оное, оставляя его полным неприятельскою пехотою»⁸⁴.

Затем, выйдя из местечка, французы внезапно атаковали окруживших его русских, но Лев Давыдов ударил со своими казаками и, обратив противника в бегство, а частью положив на месте, взял в плен подполковника, двух капитанов и 96 рядовых. При этом сам молодой офицер был тяжело ранен.

В общем, Лев оказался достоин старшего брата, признавшего в своих «Записках»: «Справедливость велит мне сказать, что брат мой Лев был героем сего дня». Но стоит заметить, как же за прошедшие пять лет изменился сам Денис! Он ли, сломя голову увлекавший гусар и казаков в атаки под Вольфсдорфом, теперь утишал наступательный порыв? Хотя недаром же один военный год засчитывается за три года мирной службы...

Как уже было сказано, ни одна книга про 1812 год не обходится без жалостливого, в общем-то, описания трагического состояния отступавшей французской армии. Не станем и мы нарушать традицию и расскажем, каким теперь видел недавно еще грозного противника другой командир партизанского отряда — Бенкендорф:

* *Лев Васильевич Давыдов* (1792—1848) — офицер 26-го егерского полка; с 1813 года — в лейб-гвардии Егерском полку; генерал-майор.

** 17 ноября 1796 года в бою за Аркольский мост главнокомандующий Итальянской армией Наполеон Бонапарт со знаменем в руках лично повел батальон в атаку и тем обеспечил победу.

*** *Адам Петрович Ожаровский* (1776—1855) — граф, командовал отрядом, составленным из ополченцев и казаков; генерал от кавалерии (1832).

«Приближалась зима. Голод и недостаток всех предметов обмундирования и артиллерийских запасов увеличивались. Сообщения были прерваны различными партиями, которые всюду стерегли транспорты и разбивали обозы. Раненые покидались; начали обнаруживаться заболевания. Упадок дисциплины возрастал вследствие необходимости каждому заботиться о своем продовольствии. Упадок духа, опасения и ропот овладели, наконец, этой армией, привыкшей к быстрым успехам и богатству средств Германии и Италии...

Упадок дисциплины и духа ускорил это отступление и скоро превратил его в постыдное бегство. Тревожимая со всех сторон, французская армия ежедневно теряла обозы, орудия и значительное число солдат. Наши казаки и крестьяне днем и ночью окружали ее во время марша и остановок на биваках, избивали фуражиров и захватывали все продовольственные средства.

Наконец, небо, казалось, взяло на себя месть за Россию. Поднялся ужасный ветер и принес 25-градусный мороз. Неприятельские лошади, не подкованные на шипы и выбивавшиеся из сил, падали непрерывно и оставляли в наших руках обозы, парки и артиллерию. Вся добыча, взятая в Москве, досталась казакам. Несчастные французы в лохмотьях, голодные, застигнутые стужей, почти более не сражались и гибли от лишений. Ненасытный голод обратил их прежде смерти в скелеты, и эти обезображенные тени тащились друг за другом, высматривая, где бы поесть падали или отогреть свои полузамёрзшие тела. Длинный след трупов, окоченевших от холода, обозначал путь и страдания армии, выставленной Европой»⁸⁵.

Что ж, если такое писал партизан, насмотревшийся на зверства и бесчинства французов, то действительно у русских — известно, что русскими тогда чувствовали себя и лифляндец Бенкендорф, и грек Властов*, и грузин Багратион**, и многие другие генералы и офицеры Российской императорской армии, — ненависть к надменному противнику сменилась истинным христианским состраданием.

* * *

Последним боевым эпизодом для Давыдова в Отечественную войну стало взятие города Гродно — 9 декабря 1812 года.

«Австрийский корпус, вышедший уже из границ наших,

* *Егор Иванович Властов* (Георгий Властос) (1769—1837) — командир бригады; генерал-лейтенант (1814).

** *Роман (Реваз) Иванович Багратион* (1778—1834) — князь, генерал-лейтенант (1829), брат П. И. Багратиона.

малым числом последних войск своих, занимал еще город Гродно. Генерал-адъютант граф Ожаровский явился с отрядом, предложил о сдаче и получил отказ. С отрядом казаков, гораздо слабейшим, партизан Давыдов, без чванных речей придворного человека, не вдаваясь в политику, приблизился к передовой неприятельской страже, угрожая, если не будет сдан город, атаковать идущим за ним войском. Раздался звук стаканов между венгерскими гусарами, и при хвале отечественному напитку, рука в руку, в знак приязни. С начальником их сделано условие, и город наш! В одно время дошли до фельд-маршала рапорты: графа Ожаровского, что австриец не сдает города, и партизана Давыдова, что город им занят!»⁸⁶

«Девятого числа я вступил в город со всею партией моею, — писал Денис. — У въезда одного ожидал меня весь кагал еврейский. Желая изъявить евреям благодарность мою за приверженность их к русским, я выслушал речь главного из них без улыбки, сказал ему несколько благосклонных слов и, увлеченный веселым расположением духа, не мог отказать себе в удовольствии, чтобы не сыграть фарсу на манер милого балагура и друга моего Кульнева: *я въехал в Гродну под жидовским балдахином*. Я знаю, что немногие бы на сие решились от опасения насмешки польских жителей, но я не боялся оной, имев в себе и вокруг себя все то, что нужно для превращения смеха в слезы. Исступленная от радости толпа евреев с визгами и непрерывными ура! провожала меня до площади. Между ними ни одного поляка не было видно, не от твердости духа и не от национальной гордости, ибо к вечеру они все пали к ногам моим, а от совершенного неведения о событиях того времени...»⁸⁷

Наполеоновская пропаганда работала весьма эффективно — поляки считали, что русские еще где-то в окрестностях Смоленска, а французы и не догадывались об оставлении Великой армией Москвы. Пройдет несколько времени, и наш герой скрестит теперь уже не сабли, но перья с французскими писаками. Пока же он вступил в Гродно, назначил кагального начальником городской полиции, предупредил местных жителей, что те, кто в течение двух часов не сдадут оружия, будут расстреляны через пять минут после истечения срока, и приказал срубить и сжечь «призовой столб», поставленный поляками на площади в честь взятия французами Москвы...

Заметим, что защищавший Гродно отряд австрийского генерала Фрейлиха был не так уж мал: четыре тысячи венгерцев при тридцати орудиях. Анонимный автор свидетельствует: «было захвачено огромное количество провианту, превышавшее несколько миллионов рублей». Правда, вывод, этим авто-

ром сделанный, ошарашивает: «С тех пор имя Давыдова стало неразрывно связано с славными воспоминаниями о незабвенном 1812 году»⁸⁸. Словно бы и не было партизанских действий и блистательных подвигов!

Впрочем, на том 1812 год для Дениса все-таки не закончился.

Хотя подполковник Давыдов имел немалые заслуги (есть такой промежуточный итог: «С начала партизанских действий до 23 октября им было взято в плен 3560 рядовых и 43 штаб- и обер-офицера»⁸⁹), однако за всю кампанию он не получил ни единой награды, за исключением полковничьего чина, который был ему присвоен 31 октября. Понятно, что не за чины и ордена он сражался, но для человека военного все эти престижные условности (*sic!*) имеют немалое значение. Наверное, Денису обидно было вспоминать 1807 год, когда ордена сыпались на его грудь как из рога изобилия — причем за гораздо меньшие заслуги. Да и сейчас, встречая многих из своих товарищей, находившихся в войсках Главной армии, он видел на их мундирах новенькие кресты. Удивляться не стоит: Давыдов сам выбрал партизанскую судьбу и не имел непосредственного начальника, который мог бы подписать представление на его награждение.

Однако в те времена офицер, полагавший себя достойным, мог и сам подать по команде рапорт с просьбой о поощрении. Это не считалось нескромным — напротив, помогало отметить людей, по тем или иным причинам пропущенных начальством, так что если человек действительно заслуживал, то его награждали.

Рапорт на имя светлейшего князя направил и Давыдов, испрашивая для себя орден Святого Георгия IV класса и орден Святого Владимира 3-й степени. Награды эти были высокие, но он заслужил их сполна, а потому уже 12 декабря писал из села Соколы своему полковому шефу — генерал-лейтенанту Васильчикову 1-му:

«Милостивый государь Ларион Васильевич!

По приказанию вашего превосходительства я остановился в Соколах, где буду ожидать вашего нового повеления. Спешу уведомить ваше превосходительство, что я получил вдруг две монаршие милости — Святого Владимира 3-й степени и Георгия IV класса. Я сему обрадовался, как ребенок, и, уверен будучи в вашем ко мне дружеском расположении, зная, что возьмете участие в моем удовольствии, первого вас, как человека, которого я более всех почитаю, извещаю с нетерпением...»⁹⁰

И вот, кстати, очередной штрих к портрету Давыдова — человека, которого многие, особенно «рябчики», любили обвинять в нескромности и зазнайстве. По поводу этого награжде-

ния Денис писал в своих «Записках»: «Уверяли меня, что если бы я тогда потребовал Георгия III класса, то, без сомнения, получил бы его так же легко, как и вышеозначенные награждения. Поистине я сделал ошибку, но ошибке сей причиною было высокое мнение, которое я *тогда* имел о сем ордене: я думал, что я еще не достоин третьего класса оного! И как осмелиться было требовать полковнику тот орден, который еще тогда носим был: Остерманом, Ермоловым, Раевским, Коновницыным и Паленом!»⁹¹

Как известно, в те времена полковники нередко получали сразу III класс ордена Святого Георгия; отмеченное слово «тогда» свидетельствует о последующей переоценке ценностей — к сожалению, не все награды соответствовали заслугам их кавалеров, в чем Денис Васильевич впоследствии не единожды убеждался.

Однако тогда он был счастлив. И вообще, это было самое счастливое время в жизни Дениса Давыдова. «Кочевье на соломе под крышею неба! Вседневная встреча со смертью! Неугомонная, залетная жизнь партизанская! Вспоминаю вас с любовью и тогда, как покой и безмятежие нежат меня, беспечного, в кругу милого моего семейства! Я счастлив... Но отчего тоскую и теперь о времени, когда голова кипела отважными замыслами и грудь, полная обширнейших надежд, трепетала честолюбием изящным, поэтическим?»⁹²

Стихов, однако, он тогда не писал...

Глава седьмая
«ПОСЛЕДНИЙ НАЕЗД». 1813—1814

*Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.
Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.*

Денис Давыдов.
Песня старого гусара

Наиболее точным названием для этой главы могли бы стать слова «партизанские отряды занимали города» — однако взяты они из популярной песни совсем иного времени и вызовут у образованных читателей совсем не те ассоциации. Хотя на самом деле оно было именно так, как в легендарной песне, а потому «всё в союзных армиях начало мечтать о столицах, торжественных въездах в столицы, повержение ключей столиц к столам императора»¹.

В подтверждение сказанному откроем хронику событий 1813 года:

«9 (31) января. Казачьи партии из отряда генерал-адъютанта барона Ф. Ф. Винцингероде, следуя впереди колонн Главной армии и ее авангарда, вступили в город Плоцк и немедленно переправились за реку Вислу для наблюдения за неприятелем. В Плоцке взят большой склад продовольствия...»²

«20 февраля (4 марта). Отряд генерал-адъютанта Чернышёва в 6 часов утра занял Берлин, вслед за ним вступил в город авангард под командой генерал-майора князя Н. Г. Репнина-Волконского»³.

«7 (19) марта. Отряд полковника Ф. К. Теттенборна*, очистив от неприятеля все пространство по правому берегу Эльбы,

* Фридрих Карл Теттенборн (Тетенборн) (1779—1845) — в 1812 году принят на русскую службу из подполковников австрийской армии; командир «летучего» отряда — награжден орденом Святого Георгия IV и III класса, генерал-майор (1813); в 1814 году — командир уланской бригады; в 1818 году перешел в армию Баденского княжества, генерал-лейтенант.

вступил в Гамбург. В Гамбурге французское правление низложено, город добровольно начал вооружать для содействия российским войскам 5 тысяч человек»⁴.

«8 (20) марта. Полковник Д. В. Давыдов заключил с дивизионным генералом П. Ф. Дюрюттом договор, по которому российские войска 10 (22) марта 1813 г. должны были занять предместье города Дрездена Нейштадт, а французы без боя оставить Дрезден. До сдачи города под Дрезденом заключено перемирие»⁵.

На сам эпизоде и прекратим перечисление, хотя хронику вполне можно было продолжать — но мы же не пишем историю Заграничного похода или непосредственно того отрезка 1813 года, который Денис Васильевич назвал «краткой эпохой какого-то мишурного блеска оружия». Русские в это время стремительно наступали, французы продолжали бегство.

Ну а Давыдов, насколько помнится, остановился в селе Соколы, ожидая дальнейших приказаний. Так как долго бездельно пребывать на одном месте было не в его беспокойном характере, то вскорости, 26 декабря, он сам обратился с письмом к генерал-лейтенанту Петру Петровичу Коновницину, дежурному генералу русской армии. Денис писал:

«Я достоверно узнал, что из Варшавы австрийские магазины вывозятся вон с поспешностью, что в городе сем, кроме больных и нескольких сот пехоты, никого нет и что жители не только нас ожидают, но что от страха собрали значущее число контрибуции для усмирения победителей. Сия последняя статья основана, как кажется, на их собственном характере; ибо русских предмет не деньги. Я не намерен и не смею давать советы; но долг всякого объяснить мысли свои и потому я думаю, что если силы наши, пользуясь заслонением ныне занятыми противу австрийцев нашими аванпостами, двинутся с поспешностью из Гродны через Ганюнз, Новогрудок, Остроленку к Пултуску [...и в конечном итоге] достигнут своей цели, которая основана на занятии Варшавы и отдалении в Галицию австрийского корпуса...», — тут мы прервем свободный ход мыслей нашего героя, замахнувшегося на столицу одноименного герцогства, и опустим приведенный им анекдот про то, как Наполеон бежал, бросив свою армию. Впрочем, Давыдов и сам понял, что затянул свое послание, а потому решительно его обрубил: «Пора бы и кончить! Но письмо не письмом без всепокорнейшей моей просьбы усилить меня комплектным казачьим полком. Ради Бога, ваше превосходительство, исходатайствуйте мне эту милость. Неравно что-нибудь прикажут, ей-ей не в состоянии буду выполнить приказание — а это, вы знаете, не в моих правилах. Уверен будучи

в вашем ко мне хорошем расположении, с истинным почтением имею честь быть, вашего превосходительства, покорный слуга Денис Давыдов.

Р. S. Когда меня усилите, нельзя ли мне позволить действовать своевольно? Авошь ли что-нибудь сотворю»⁶.

Известно, что отважный боевой генерал Коновницын был человеком строгих правил, четко придерживавшийся, что называется, «уставных требований». За это его можно критиковать, но, между прочим, умным людям известно, что если бы вся армейская служба действительно была организована строго по уставу, то служить было бы гораздо легче. Точно так же, как если бы в Российском государстве законы были обязательны и едины для всех — тогда бы мы жили припеваючи и всему миру на зависть! Так что не станем осуждать будущего графа, генерала от инфантерии и военного министра (не был бы он «уставником» — министром не стал бы!) за то, что ему то ли не понравился свободный «партизанский» стиль письма, то ли еще что-то — и просьба Дениса была попросту оставлена без ответа. Более того! «Здесь же, в Соколах, партия Давыдова вошла в состав главного авангарда, порученного отличавшемуся большою строгостию генералу Винцингероде. Таким образом, привыкшему к полной самостоятельности партизану пришлось сразу подчиниться строгой дисциплине. Этот крутой перелом был ему, конечно, не по душе»⁷.

Хотя барон Фердинанд Федорович недавно и сам командовал «летучим» кавалерийским корпусом, но он был гессенский дворянин, а потому — человек гораздо более дисциплинированный, нежели природные русские генералы. Отсюда все и выходило так, что Денис с досадой написал:

«Партизанский отряд мой занял передовое место в общей массе и через то превратился в один из авангардов передового корпуса главной армии.

Казалось, что положение это мало чем уступало первому, заключая в себе достаточно еще средств к удовлетворению беспокойного моего честолюбия; — вышло иначе. Крутой оборот от независимых, вдохновенных и *напропалую* перелетов моих к размеренным переходам по маршрутам, доставляемым мне из корпусного дежурства; запрет в покушении на неприятеля без особого на это разрешения, и кипучая молодость; и какая-то безотчетная отвага, удалая и своевольная, и соблазнительная смежность с неприятелем — произвели тот последний наезд мой, от коего пострадала вся моя заграничная служба, от коего рушилась вся та будущность, которой (не для чего теперь уже жеманиться) я имел все право не бояться»⁸.

Давыдов не только привык к реальной самостоятельности,

но и имел все основания ценить себя достаточно высоко. Для очередного тому подтверждения мы приведем всего лишь две строки из сводки, которую 2 (14) декабря 1812 года подписал фельдмаршал Кутузов: «Между тем расположены передовые легкие отряды: подполковник Давыдов около Гродны, генерал-адъютант Васильчиков в Мостах, генерал-адъютант граф Ожаровский около Белицы»⁹.

Мало того что подполковник Давыдов означен здесь наравне с генерал-адъютантами его императорского величества, так еще и имя его поставлено впереди всех их. В военном делопроизводстве, где все подчинено строгому порядку, это не может быть простой случайностью, «писарской ошибкой»... Думается, что это не только признание заслуг, но и некая перспектива. В конце концов, именно Денис был «определен» на роль «первого партизана».

Однако теперь он поступил под начало генерал-лейтенанта барона Винцингероде, в подчинении которого состояли 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта принца Евгения Вюртембергского и 2-й резервный корпус генерал-майора Сергея Алексеевича Тучкова (брата погибших при Бородине генералов Николая и Александра Тучковых). На этом фоне отряд Давыдова явно терялся — как, разумеется, терялось и его бывшее значение, так что отныне вряд ли уже стоило искать Давыдова в реляциях главнокомандующего.

И вот тому наглядное свидетельство: в Журнале военных действий указано, что 12 февраля 1813 года «корпус генерал-лейтенанта барона Винцингероде следует по направлению к Равишу, а авангард его в Германштадте, а между сим корпусом и отрядом генерал-майора графа Воронцова наблюдает сообщение полковник Давыдов»¹⁰. То есть отряд Дениса выполнял задачу по фланговому охранению наступающих войск. Более тут рассказывать нечего, ибо французы бежали, не оказывая реального сопротивления.

О том же, какую задачу выполнял Давыдов под Калишем, где в бою 1 (13) февраля барон Винцингероде наголову разбил корпус генерала Рейнье — при этом в плен были взяты саксонский генерал-майор Ностиц, полсотни офицеров, 200 нижних чинов, два знамени и семь пушек, — вообще неизвестно. Вскоре зато произошел тот самый эпизод, который Давыдов назвал «последний наезд мой»...

Как мы уже сказали, это было то благословенное время, когда «партизанские отряды занимали города», всем казалось, что окончание войны не за горами и что Великой армии в России нанесен воистину смертельный удар. Теперь оставалось выполнить то, что по-французски называется «coup de

gâse» — «удар милосердия», коим рыцарь добивал смертельно раненного соперника. Но вряд ли кто сможет отрицать, что даже самым отважным и благородным рыцарям было присуще чувство честолюбия. А потому, как писал Денис, «в этом предположении мира каждый начальник многочисленной части войск бросался стремглав к сочетанию памяти о себе с последним выстрелом такой необычайной войны, к начертанию имени своего на последней странице такой грандиозной эпопеи, — стремление благородное, и в котором начальники мои никому не уступали. Вот почему Блюхер, обладаемый желанием захватить Дрезден лично, отстранял Винценгероде к Гоэрсверду; Винценгероде, с теми же мыслями, отстранял Ланского* и меня (находившегося тогда под командою Ланского) к Мейссену. Но Винценгероде под разными предложениями медлил в исполнении ему предписанного и, так сказать, украдкой подползал к привлекавшему предмету. Я тогда не понимал этого особого рода квинтича**, еще менее предвидеть мог, чтобы все взаимные тонкости начальников моих остались втуне и что я определен судьбою, поддев их обоих, сломить себе голову»¹¹.

Несмотря на всю нашу любовь к Давыдову, в его рассказ про подобную наивную доверчивость верится с большим трудом. Скорее всего, Денис, как и его вышеназванные начальники, был охвачен тем же «благородным стремлением» «сочетать память о себе с последним выстрелом». Нет сомнения и в том, что сердце нашего героя точил червячок ревности по отношению к «покорителю Берлина» Александру Чернышёву, бывшему однополчанину-кавалергарду и тоже командиру «летучего» отряда. По годам Чернышёв был моложе Давыдова, но уже имел чин генерал-майора и звание генерал-адъютанта; за взятие Берлина он был удостоен «третьего Георгия».

Движимый всеми этими причинами, Давыдов решил захватить Дрезден. Но если Винцингероде «украдкой подползал» к городу, то наш гусар и партизан задумал разрешить все дело лихим кавалерийским наскоком — в прямом и переносном смысле этого понятия. Притом он прекрасно понимал, что для такого предприятия людей у него недостаточно, хотя город и обороняли «сравнительно незначительные силы» противника под командой дивизионного генерала Дюрютта***.

* *Сергей Николаевич Ланской* (1774—1814) — генерал-лейтенант, шеф Белорусского гусарского полка (с 1810 года), в 1813 году командовал авангардом корпуса Винцингероде; смертельно ранен под Краоном.

** Карточная игра.

*** Пьер Франсуа Жозеф Дюрютт (1767—1828) возведен в графское достоинство 14 августа 1813 года.

То же самое понимал и барон Винцингероде. Бывший генерал-майор и князь Сергей Григорьевич Волконский вспоминал в сибирской ссылке:

«Наш корпус продолжал свое движение, было приказано командующему легким отрядом отдельным полковнику Денису Давыдову идти к неприятелю на Дрезден, именно, чтоб по малочисленности отряда не дать вида, что мы имели намерение [идти] на Дрезден, а только чтоб занять французов и дать время всему корпусу переправиться через Эльбу в Мейсене и тем иметь возможность не дать возможности французским войскам, занимавшим Дрезден, отступить»¹².

7 (19) марта в деревне Бернсдорф, по пути к столице Саксонии, Давыдов встретился с флигель-адъютантом ротмистром Кавалергардского полка Михаилом Орловым — тем самым, который летом 1812 года подарил ему идею партизанских действий. Вскоре после того и сам Орлов стал начальником штаба в большой партии, которой командовал генерал-лейтенант Дорохов, отличился при взятии города Вереи в конце сентября, за что был награжден орденом Святого Георгия IV класса, а затем возглавил «летучий» отряд. Друзья определили перспективу: Михаил намеревался переправиться через Эльбу, чтобы угрожать городу с левого берега, а Денис готов был предпринять фронтальную атаку.

Тем временем обстановка в Дрездене стремительно менялась. Еще 12 февраля город покинул король; 23-го сюда вступил генерал Рейнье с остатками полуразбитого саксонского корпуса; 1 марта в Дрезден пришел маршал Даву, а Рейнье, сдав свои войска генералу Дюрютту, покинул город... 7 марта и до самого утра 8-го французы перевозили через Эльбу, из Нового Города (Нейштадта) в Старый, пушки и ценности, а затем Даву взорвал мост и ушел в сторону Мейссена, оставив в Дрездене Дюрютта и ошметки 7-го корпуса.

8 (20) марта, после разговора с Орловым, Давыдов направил к городу ротмистра Александра Чеченского и 1-й Бугский казачий полк, состоявший не более чем из полутора сот сабель. Проведя разведку боем, ротмистр сообщил: Новый Город — та часть Дрездена, что располагалась на правом берегу Эльбы — практически пуст. А какой партизан упустит то, что плохо лежит?!

«Закипела кровь молодецкая, но вместе с тем чинопочитание ухватило меня за ворот. Будучи под команду Ланского, с которым я сверх того был и приятелем, я и страшился, и совестился отважиться на это предприятие совершенно уже без его ведома. Курьер поскакал к нему в Бауцен с запискою; я писал к нему слово в слово:

“Я не так далек от Дрездена. Позвольте попытаться. Может быть, успех увенчает попытку. Я у вас под командой: моя слава — ваша слава”.

По случаю тихой езды саксонских почтальонов я не прежде как по прошествии семи часов получил ответ от Ланского.

Он писал мне: “Я давно уже просил позволения послать вас попартизанить, но отказ был ответом на мою просьбу, полагая, что вы нужны будете здесь в 24 часа, а я, полагая эти меры слишком робкими, разрешаю вам попытку на Дрезден. Ступайте с Богом. Ланской”¹³.

Наверное, именно так все и было — хотя никто, кроме Давыдова и Ланского, через год убитого под Краоном, этого точно знать не мог. Правда, в рассказе весьма смущает одна фальшивая нота: слова про медлительных «саксонских почтальонов». Неужели в отряде у Дениса не было ни одного казака или гусара и он был вынужден прибегнуть к услугам местной почтовой связи? Одновременно Давыдов послал эстафету к Орлову — тоже через саксонских почтальонов?! — предлагая ему разделить успех, приняв участие в штурме города. Но Михаил отговорился тем, что занят устройством переправы через Эльбу, и от участия в аванюре отказался, хотя и прислал в помощь другу сотню донцов...

Давыдов действовал лихо. Сначала он скрытно, чему способствовала наступившая ночь, подвел свои войска к Дрездену, а затем, близ города, не только постарался себя обнаружить, но и создать впечатление многолюдства собственных сил. Сотня казаков получила приказание разводиться на горе ввиду города костры — в четырех местах, не менее двадцати костров на каждой «площадке». Остальные войска — еще четыре сотни казаков и полста гусар Ахтырского полка — были заведены в форштадт и выстроены на улицах, выходящих из оного в сторону города, представляя собой как бы головы колонн, хвосты которых якобы скрывались за строениями.

«В это время он получил от Ланского письмо, которое поразило его, как бомба: несмотря на данное раньше разрешение, Ланской, вследствие полученного от корпусного командира приказания, предписывал Давыдову, вместо Дрездена, идти из Кенигсбрюка в Радебург; это было вызвано тем, что корпус сходил с Калишского пути и корпусной штаб переносился в Гроэрсерде для очистки места пруссакам...

Это предписание жестоко поразило партизана, но, скоро очнувшись от первого впечатления, он все-таки решил продолжать раз начатое предприятие»¹⁴.

Военные хитрости в период Наполеоновских войн эффективно применялись разными сторонами. Достаточно вспом-

нить, как в 1805 году маршал Мюрат обманул австрийцев, охранявших мост через Дунай, в результате чего была взята Вена, а в 1812 году генерал Милорадович провел того же Мюрата, и французы потеряли русскую армию, что позволило Кутузову осуществить знаменитый Тарутинский марш-маневр.

Вот и Денис решил действовать по принципу «хитрость города берет» — и завязал переговоры с французским командованием, изображая себя начальником авангарда приближающихся русских войск.

Но, как бы нам ни хотелось пересказать эти события красочным давыдовским языком, предоставим читателю удовольствие самому обратиться к подлиннику и ограничимся абзацем из «Записок» декабриста Волконского, относящегося к поэту-партизану с явной недоброжелательностью:

«Денис Давыдов, не следуя данной ему инструкции и имевши сведения, что предместье Дрездена — Нейштадт французы не хотят сильно защищать, и видя случай к приобретению личной для себя славы, не только что без всякого почти боя занял Нейштадт, но взошел в переговоры с начальствующим в Дрездене генералом Дюрюттом на заключение двухдневного перемирия, позволяющего французам беспрепятственно выступить из Дрездена и тогда предоставить русским беспрепятственный вход в город. Винцингероде, взбешенный неисполнением Давыдовым в точности данного ему назначения, отказал в командовании вверенным ему отрядом, хотел его отдать под военный суд и только по настоятельному моему ходатайству согласился предоставить ему явиться в Главную квартиру и лично оправдаться; но Винцингероде дал знать начальнику штаба, что ему не нужен подчиненный, который считает его умнее себя.

Вот добросовестный рассказ о происшествии, вовсе иначе рассказанный Денисом Давыдовым. Бойкий его ум и словцо прибегнули к неприличной шутке, сказав, что, представ перед Винцингероде, фортуна стала ему задом. Но если уже и говорить о курносых, то скорее его лицо можно было назвать задом»¹⁵.

Последнее заявление Волконского — совсем лишнее. Откуда же взялось у опального князя такое недоброжелательство к бывшему однополчанину? К тому же дальнему, но родственнику, а в XIX столетии всякое родство не только помнилось, но и почиталось. Тесть князя Сергея Григорьевича, генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский, приходился пасынком Льву Денисовичу Давыдову, дядьке Дениса — то есть считался его кузеном, а потому сам князь приходился нашему герою почти что племянником.

Не то Волконский, подобно Михаилу Лунину — тоже кавалергарду — осуждал из «сибирского далека» бывших товарищей, оставшихся на службе правительству; то ли это старые счеты двух партизанских вождей, которые, когда Отечественная война отошла в область преданий, стали гораздо острее; или вообще сказался сугубо личный мотив, обусловленный тем, что физиономию князя (если посмотреть не на парадные его портреты) украшал внушительных размеров нос, из тех, что в народе именуют «шнобелем» и всячески вышучивают. Старые счеты бывших товарищей — тема непростая. Оставим ее в покое!

Авантюра со взятием Дрездена была просто изумительна! Денис потребовал, чтобы перед тем, как перейти в Старый Город, войска, защищавшие укрепления Нейштадта, *«отдали бы честь русским, стоя, во всем параде, во фронте и сделав на караул при барабанном бое»*¹⁶. Генерал Дюрютт соглашался, но при условии, что таковая статья не будет записана в акте капитуляции. Зато там была статья, требующая *«прекращения военных действий в самом Новом Городе и на расстоянии одной мили выше и ниже оного»*¹⁷.

Даже абсолютно невоенный человек сообразит, кому это было выгодно, ибо у Давыдова была одна только кавалерия — и ничего больше, а у противника — пехота, пушки и все «перевозные суда», на которых можно было переправить десант из Старого Города и внезапно атаковать зарвавшихся партизан. Но... было дано слово, а значит, Денис мог чувствовать себя спокойно. В начале XIX столетия войны в Европе еще сохраняли рыцарский характер — по крайней мере, в отношениях между военачальниками. А потому 9 (21) марта Давыдов докладывал по команде своему непосредственному начальнику — генерал-майору Ланскому, шефу — уж так чудесно совпало! — Белорусского гусарского полка:

*«Вчерашнего числа я сделал сильную рекогносцировку в окрестностях г. Дрездена. Ротмистр Чеченской, предводительствующий 1-м Бутским полком, с известною его храбростию атаковал неприятеля, гнал его до города и вогнал за палисады. В сем случае убит офицер 1, ранено казаков 7, убито и ранено лошадей 15. Сего дня утра я подвинулся к городу, со всем своим отрядом. Перестрелка продолжалась несколько часов, после коей начались переговоры, вследствие коих я занимаю завтрашнее число половину г. Дрездена, и копию с условий, мною ратификованных, честь имею представить вашему превосходительству. Список же отличившихся представляю при первом удобном времени»*¹⁸.

Это было подлинное торжество нашего героя! Как ярко описывает он произошедшее в своих «Военных записках»:

«До рассвета я велел партии готовиться к парадному вступлению в город, то есть чиститься и хóлиться; надо было блеснуть, чем Бог послал. Сами мы нарядились в самые новые одежды. Я тогда носил курчавую, черную, как крыло ворон, и окладистую бороду; одежда моя состояла в черном чекмене, красных шароварах и в красной шапке с черным околышем; я имел на бедре черкесскую шашку, и ордена на шее: Владимира, Анну, алмазами украшенную, и прусский “За достоинство”, в петлице — Георгия. Храповицкий и Чеченский были в подобной же одежде; но Левенштерн в пехотном мундире, так же, как и Бекетов с Макаровым в ментиках их полка и Алябьев в мундире казацкого графа Мамонова полка.

Порядок вступления войск в город я назначил следующий:

Я — впереди, окруженный Храповицким, Левенштерном, Бекетовым, Макаровым и Алябьевым. Ахтырские гусары позади нас, вроде моего конвоя. За нами 1-й Бугский казачий полк, предшествуемый песенниками. Потом Донской Попова 13-го полк, а за ними сотня донского Мелентьева полка»¹⁹.

Можно сказать, что это — откровенное хвастовство! Чего стоит один «порядок вступления войск» — войск-то было менее регулярного кавалерийского полка! Но ведь город был взят! Да еще вот такими ничтожными силами! Торжествующий победитель восторженно рассказывает о своем успехе — честь ему и хвала! На такой рассказ он имел полное право. Если же кто ему завидует — пусть оставит свое мнение при себе до того дня, когда сам сумеет взять хотя бы какое захудалое местечко, а не то что одну из европейских столиц.

К слову, а почему в Европе Давыдов сохранил свою легендарную бороду и весь свой «антуражный» партизанский вид? Об этом он написал в одном из своих посланий Вальтеру Скотту (как и почему появились эти послания, расскажем несколько позже):

«Из всех дворян военных и гражданских я один носил бороду со времени вступления моего на партизанское поприще до занятия мною города Дрездена... (Далее наш герой излагает уже известные нам причины, по которым он запустил бороду и надел мужицкий армяк. — А. Б.) Наконец, вступив в Германию и командуя передовыми войсками Главной армии, находившейся тогда под начальством генерала Винцингероде, я не переменял моего варварского наряда, как называли его тогда, по другой причине: немцы, видя мой казачий наряд и слыша, что я говорю по-французски, получили выгодное понятие о русском образовании, которое проникло даже в народы, почитаемые ими до встречи со мной людоедами. Это мнение я старался поддерживать всеми средствами, особенно строжайшим соблюдением дисциплины в моем отряде»²⁰.

В общем, Денису было чем гордиться и о чем рассказывать.

К тому же через три дня после описанных событий русскому командованию было направлено письмо от благодарных обывателей:

«Когда 20-го сего месяца к г. Дрездену стали приближаться русские императорские войска, нижеподписавшиеся гласные городского магистрата вместе с депутацией Мейссенского округа собрались в Главной квартире начальника русских императорских войск полковника Давыдова (как звучит! — А. Б.), чтобы просить его взять под защиту город, население, королевскую собственность и в особенности магазины, устроенные на средства сословий, и просить, чтобы на основании конвенции они были ограждены от последствий войны.

Так оформилось желаемое соглашение. В королевские здания и магазины тотчас же была введена охрана. Вступающие в город войска расквартировывались в должном порядке, лошадям обеспечивался фураж. Повсюду соблюдалась дисциплина и царило спокойствие и безопасность.

Нижеподписавшиеся считают себя обязанными засвидетельствовать эти факты и присоединить выражение их искренней благодарности.

Нейштадт, Дрезден, 24 марта 1813 г.

Дитрих фон Мильтиц, комиссар, доктор Фридрих-Христиан Кретцмар, городской судья, доктор Готтлиб-Генрих Шульц, городской судья»²¹.

...Сравните с описанием пребывания французов в Москве или Смоленске!

Казалось, все складывается наилучшим образом, и у Давыдова даже возникали тщеславные мысли про «третьего Георгия», да только далее получилось совсем не так, как рассчитывал Денис.

На рассвете 13 (25) марта в город нагрянул генерал-адъютант Винцингероде. Если опустить гневный монолог барона, то в адрес Давыдова были высказаны следующие претензии, так им самим изложенные:

«1. Как я осмелился без позволения подойти к Дрездену, невзирая на получение уже мною иного направления и назначения?

2. Как я осмелился входить в переговоры с неприятелем, так строго запрещенные еще в пределах России?

3. Как я осмелился заключать перемирие с неприятелем, на что, — говорил он, — ни он, ни сам Блюхер права не имеют?

Последний поступок называл он государственным преступлением, достойным примерного наказания»²².

Конечно, первопричина всего недовольства крылась в том, что Денис очень больно наступил на ноги всем своим начальникам в их стремлении «сочетать память о себе с последним выстрелом» — или хотя бы прославиться взятием очередной столицы. Впрочем, барону Винцингероде и другим пришлось бы пережить эту неприятность, если бы Давыдов не выполнил только их приказания. Но тут Денис «подставился» самым решительным образом.

Еще в ночь на 14 июня 1812 года, отправляя к Наполеону первого и последнего своего посланника в Отечественной войне — генерал-адъютанта Балашова, император Александр I сказал ему, что «переговоры могут начаться тотчас, но при условии отступления французской армии за нашу границу, а “в противном случае даю Наполеону обещание: пока хоть один вооруженный француз будет в России, не говорить и не принимать ни одного слова о мире”»²³.

Впоследствии эта мысль не раз звучала в государевых манифестах и речах.

«Торжественный обет Александра не вступать ни в какие переговоры с Наполеоном, пока хоть один человек из неприятельской армии будет в пределах России, нашел отголосок в каждом русском, возвратил Государю прежнюю безусловную любовь и безграничную веру в него»²⁴.

К данному им слову российский император относился с такой шепетильностью, что даже весьма выгодная для русской армии «игра» князя Кутузова с посланником Наполеона графом Лористоном* вызвала неудовольствие и крайнее раздражение Александра I. 19 октября 1812 года он писал главнокомандующему:

«Из донесения вашего, с князем Волконским полученного, известился я о бывшем свидании вашем с французским генерал-адъютантом Лористоном. При самом отправлении вашем к вверенным вам армиям, из личных моих с вами объяснений, известно вам было твердое и настоятельное желание мое устраняться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений с неприятелем. Ныне же, после сего происшествия, должен с такою же решимостью повторить вам: дабы сие принятое мною правило было во всем его пространстве строго и непоколебимо вами соблюдаемо...»²⁵ *Etc.!*

Хотя Кутузов никаких переговоров с Лористоном не вел, ничего ему не обещал и, объясняясь многозначительными на-

* Жак Александр Бернар Ло де Лористон (1768—1828) — граф (1808), маркиз (1817), дивизионный генерал, посол в Петербурге в 1811—1812 годах; в конце сентября 1812 года был направлен к Кутузову для переговоров о заключении мира; маршал Франции (1823).

меками, просто тянул время, что было выгодно для набиравшей силы русской армии и губительно для запертой в Москве французской. Наполеон, ожидая, что его посланник принесет мир — «Мир, во что бы то ни стало!» (вспомним одноименную картину художника Верещагина), не предпринимал активных действий. Но Александр I не одобрил даже такой военной хитрости и прислал своему главнокомандующему письменный выговор...

Но там-то был светлейший князь генерал-фельдмаршал Голенищев-Кутузов-Смоленский, а здесь — всего лишь полковник Давыдов, которого можно было стереть в порошок другим в назидание! Недаром барон Винцингероде сразу сказал про «государственное преступление».

Давыдов был отстранен от своей команды — он сдал ее подполковнику Пренделю, австрийцу на русской службе, и получил предписание отправиться в Главную квартиру.

«Кто когда-нибудь был отрываем от подчиненных своих, с которыми так долго разделял он и голод, и холод, и радость, и горе, и труды, и опасности, — тот поймет волнение души моей при передаче моей партии во власть другого. От Бородинского сражения до вступления в Дрезден я сочетал свою судьбу с ее судьбою, мою жизнь с ее жизнью. Я расставался уже не с подчиненными: я оставлял сына в каждом гусаре, в каждом казаке, друга — в каждом чиновнике. Между последними были люди — Храповицкий и Бекетов, с коими я заключил союз, можно сказать, кровного братства, родившегося от непрерывного товарищества, сочувствия и обязанностей взаимных пожертвований жизни, и поныне сохраняемого воспоминаниями... воспоминаниями святых и чудесных событий, с коими слилось наше братское чувство. О, как черствый сухарь на bivake, запах жженого пороха и купель кровавая роднят людей между собою! Пятьсот человек рыдало, провожая меня»²⁶.

Полтысячи рыдающих партизан — суровых усатых гусар и бородатых казаков — впечатляет!

Давыдов уже садился в почтовую коляску, когда ему сообщили, что отряд гвардии ротмистра Орлова переправился через Эльбу. Это означало, что через несколько часов должен был капитулировать и Старый Город. Но фортуна действительно повернулась к Денису не тем местом, и вряд ли кто мог со всей уверенностью сказать, что ожидает нашего героя.

Между тем в печати уже дано было официальное сообщение: «Генерал Винцингероде доносит из Бауцена, что Нейштадт или часть Дрездена, по правую сторону Эльбы, заняты его войсками»²⁷.

Формально барон был прав: отряд Давыдова действительно

входил в состав его войск. Вот только имя самого Дениса оказалось вычеркнуто из истории. Обидно, но все ж таки не смертельно, ибо государь отнесся к нашему герою вполне милостиво.

«В Калише я явился прямо к начальнику главного штаба обеих союзных армий, князю Петру Михайловичу Волконскому. Князь немедленно пошел с бумагами, мною привезенными от Винценгерода, к светлейшему князю Кутузову. Кутузов, не отлагая ни минуты, предстал с ними пред покойного императора, напомнил ему о моей службе во времена тяжкие, напомнил о Гродне... Государь сказал: “Как бы то ни было, — победителей не судят”. Вот слова его»²⁸.

Война еще продолжалась, но ни одного вооруженного француза в России уже не было, так что государь выполнил свой обет и, очевидно, не стал думать, что Денис повторно покушается на его авторитет. Хотя известно, что «Ангел», как называли Александра Павловича с 1801 года, был злопамятен...

На следующий день Давыдов бродил — «скитался», как он сам выразился, по улицам Калиша, в то время как «по поводу взятия Дрездена было отслужено благодарственное молебствие, сопровождавшееся пушечными выстрелами. Тяжело было высланному из передовых частей армии инициатору этого успеха слышать победные выстрелы...»²⁹.

Затем Дениса пригласил к себе Михаил Илларионович. «Светлейший прислал за мною, излился предо мною в извинениях, осыпал меня ласками и отправил меня обратно к Винценгероду с предписанием ему возратить мне ту самую партию, которая была у меня в команде. Я ему был благодарен. Он не мог сделать более; власть его уже была ограничена»³⁰.

Казалось, что Денис отделался легким испугом.

9 апреля 1813 года в двадцать девятом номере петербургской газеты «Северная почта» было опубликовано донесение главнокомандующего государю — о взятии Дрездена. В нем говорилось: «Быстрая переправа через Эльбу флигель-адъютанта Вашего Императорского Величества ротмистра Орлова...», «другие переправы через сию реку различных отрядов авангарда генерал-адъютанта барона Винцингероде...», «ключи города при сем, шастие имею повергнуть к освященным стопам Вашего Императорского Величества».

Имени Давыдова в этом донесении не было.

* * *

Беда не приходит одна: примерно в это время в действующую армию дошло из Петербурга известие о смерти флигель-адъютанта полковника Сергея Никифоровича Марина,

который тяжело заболел осенью 1812 года, был отправлен в Санкт-Петербург для лечения и скончался 9 февраля.

Последнее его стихотворение называлось «Генваря 1-го 1813 года»:

Прошлый год уже с плеч свалился
Или на плечи мне сел,
Много в год сей я трудился,
Но за труд свой — гриб лишь съел!
Счастье к людям не приходит,
Хоть с поклонами зови;
Не грущу — мой дух находит
Счастье в дружбе и любви³¹.

Под этими строками вполне мог бы подписаться и Денис. Причем — именно в это самое время.

* * *

Император Александр повторил слова своей великой бабки* и тем закрыл дело, а вот «отодвинутые» Давыдовым от Дрездена российские военачальники с иностранными корнями мстили ему чуть ли не до конца жизни.

В 1835 году Денис Васильевич написал очерк «Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта», но даже двадцать с лишним лет спустя после произошедших событий этот материал был почти что запрещен цензурой!

18 мая 1835 года Давыдов писал Александру Сергеевичу Пушкину:

«Правда твоя, видно какая-нибудь немецкая ведьма особого рода стоит горой за Дрезден и Винцингероде. Вот я в другой раз в дураках от этого проклятого городишки и Чернышёв другой раз спасает Винцингероде: первый раз от французских жандармов, которые везли его во Францию на *заклание*, в другой раз от анафемы, воспетой мною его поганой памяти... Как бы то ни было, но эскадрон мой, опрокинутый, растрепанный и изрубленный саблею, прошу тебя привести в порядок; надо убитых похоронить, раненых отдать в лазарет, а с оставшимися всадниками — ура! и снова в атаку. Так делывал я в настоящих битвах; солдату грешно унывать, надо либо пропасть, либо врубиться в паршивую колонну. Одного боюсь я: как ты уладишь, чтобы, при исключении погибших, сохранить в эскадроне связь и единство! Возьми этот труд уже на себя, Бога

* По легенде, так сказала Екатерина II, когда в 1773 году ей принесли жалобу на генерала А. В. Суворова, в нарушение приказа взявшего турецкую крепость Туртукай.

ради; собери растрепанные части и сделай из них нечто целое. Между тем не забудь прислать мне чадо мое, пострадавшее в битве; дай мне полюбоваться на благородные его раны и рубцы, полученные в неравной борьбе, смело предпринятой и храбро выдержанной, *я его до поры и до времени оставлю дома...*»³²

Конечно, зря Денис так измордовал давно уже покойного барона Фердинанда Федоровича! Не такой уж был он и плохой генерал, и то, что в октябре 1812 года Винцингероде заехал в Москву, которую не успели еще покинуть французы, был пленен и чуть не расстрелян, но по дороге освобожден партизанским отрядом Чернышёва, ничуть не умаляет его достоинств. Но как написан текст! Как образно, как остроумно, как по-военному! Простое письмо, личное послание, отнюдь не предназначавшееся для печати (каким бы хвастуном, по мнению некоторых, ни был Давыдов, он не думал, что впоследствии каждая написанная им строчка будет опубликована!) — но это подлинный литературный шедевр. И автор, старый гусар-рубака, весь перед нами...

«Занятие Дрездена» будет опубликовано в 1836 году — с большими купюрами — в четвертом номере пушкинского «Современника». Однако эти неприятности еще впереди, а пока Денису с лихвой хватало того, что происходило вокруг него в году 1813-м.

* * *

В приподнятом настроении он приехал в Лейпциг, близ которого стоял корпус барона Винцингероде — но тут оказалось, что, несмотря на распоряжение светлейшего князя Кутузова, его отряд ему возвращен быть не может — исключительно по той причине, что он уже был «рассеян» «по обширному пространству». Впрочем, барон пообещал, что составит для полковника другую партию — и повторял это обещание с завидным постоянством.

Зато конкретное предложение поступить под его начало сделал бывшему однополчанину генерал-адъютант Чернышёв — понятно, что это предложение Давыдов не принял по тем самым причинам, о которых мы говорили ранее.

Винцингероде продолжал обещать, ничего не изменялось, и тогда Денис решился попроситься в отпуск. Это был демарш: многие люди мнят себя незаменимыми, а уж он-то!.. Думалось, что барон осознает, что без Давыдова воевать просто нельзя, и поспешит поручить ему обещанный отряд. Но тот, однако, так не посчитал, и отпуск был предоставлен. Не будем

гадать, что Денис тогда почувствовал, но отпуском он не воспользовался.

«Ценою громадных усилий Наполеону удалось собрать в течение зимы 1812—1813 годов новую армию частью из старых войск, вытребованных из Испании, частью из необученных рекрут. В апреле, имея до 200 000 человек при 350 орудиях, он вторгнулся в Германию. Во всей этой армии было всего 8000 кавалеристов. Вся знаменитая конница Мюрата погибла в России»³³.

«По мере того, как новые войска формировались и наспех обучались, их частями, наподобие звеньев одной цепи, передвигали к Германии. Это были в большинстве отроки, хрупкого телосложения, не достигшие и двадцатилетнего возраста, но отроки, твердые духом, которым иногда изменяли силы, но никогда не изменяло мужество и которые храбро шли в огонь с доблестным спокойствием испытанного войска. Наполеон предусмотрительно и с большой тщательностью распределил их между ветеранами, которые и обучали их военному делу. Уцелевшие в русском походе и вызванные из Испании офицеры составляли ядро этих полков. Но дух войска был уже не тот; старые солдаты знали, что им уже не вернуться живыми из полка, и еще больше прежнего при случае предавались грабежу и кутежам. Молодежь дралась уже не за победу, а за жизнь. Звезда Наполеона тускнела. Лично его все еще считали непобедимым»³⁴.

Становилось ясно, что окончание войны откладывается на неопределенный срок. Смирив гордыню, забыв не только недавние обиды, но и бывшие свои заслуги, Денис Васильевич сделал то единственное, что он реально мог сделать: попросился обратно в Ахтырский гусарский полк, в списках которого числился, и разрешение воспоследовало незамедлительно. Что ж, свою задачу в Отечественной войне он выполнил — можно возвратиться к «рутинной» службе в полковых рядах. Старый принцип: «от службы не бегай, на службу не напрашивайся». Тем более, как сказал потом сам Давыдов, в войне он «хотел участвовать с саблею в руке, а не в свите кого бы то ни было».

Дальнейшие события кампании 1813—1814 годов он кратко изложил в самом последнем абзаце своего очерка:

«Впоследствии я служил то в линейных войсках, то командовал отрядами, но временно, без целей собственных, а по направлению других. Самая огромная команда (два полка донских казаков) препоручена мне была осенью, после перемирия, но и тут не отдельно, а под начальством австрийской службы полковника графа Менсдорфа*, с коим я приобрел многое: уважение его ко мне и неограниченную преданность

* Эмануэль Менсдорф-Поулли (1777—1852) — граф.

к нему восторженного моего сердца благородным обхождением, его образованностью, геройским духом, военными дарованиями и высокою нравственностью. Он теперь, как я слышу, генерал-фельдмаршалом-лейтенантом и военным генерал-губернатором Богемии»³⁵.

Всё же, сколь ни высоки были личные качества и военные дарования австрийского полковника, он представлял ту самую армию, которую русские били в минувшем году, и такое подчинение для русского офицера было просто унинительно! Но точно так же его друг Михаил Орлов — напомним, флигель-адъютант российского государя — в 1813 году оказался в подчинении саксонского генерал-лейтенанта барона Тилемана, кирасирская бригада которого в сражении при Бородине атаковала батарею Раевского! Более того, Силезской армией, в которую входили русские корпуса генерала Остен-Сакена (из дворян Курляндской губернии), графа Ланжерона (бывший полковник французской королевской армии) и прусского генерала Йорка, командовал прусский генерал от кавалерии Блюхер, который в конце 1813 года будет не только произведен в фельдмаршалы, но и награжден высшими русскими орденами — Святого Георгия I класса и Святого апостола Андрея Первозванного.

Историк оценивал это так: «В состав коалиции вошли четыре нации: русские, пруссаки, австрийцы и шведы — армиями же командовали пруссак, австриец и швед (к тому же француз по происхождению). Русские войска, сокрушившие за год до того Наполеона во всей силе и величии, должны были играть роль пушечного мяса под командованием иностранных генералов, всегда ставивших их в самые гиблые, пусть и самые почетные места. Сказалась одна отрицательная черта Александра I: всегда отдавать предпочтение иностранцам...»³⁶

К сожалению, подобную «болезнь» русских правителей можно назвать не только наследственной, но и неизлечимой — при любой общественной формации.

Ну а Денис вновь начал воевать на прежней строевой должности.

«Поступив в отряд других начальников, Давыдов участвовал в отряде генерал-майора Ланского в делах: апреля 21-го под Пределем, 22-го под Гартой, 23-го под Эцдорфом, 24-го под Носсеном, 25-го под Юбигау, 27-го под Дрезденом, май 8-го и 9-го под Бауценом, 10-го под Рейхенбахом и во многих арьергардных делах до заключения перемирия»³⁷.

После перемирия, о котором рассказывать, в общем-то, нечего, граф Милорадович, в корпусе которого состоял Ахтырский полк, «назначил его командовать отрядом из четы-

рех сводных эскадронов и части Татарского уланского полка. Выражая Денису Васильевичу желание Главнокомандующего иметь сведения о движении и направлении неприятеля, Милорадович писал ему: «Известная мне ваша опытность и усердие к службе оставляет меня в полном уверении, что ваше высокоблагородие употребите всевозможные способы доставлять нам верные сведения о неприятеле и по обстоятельствам действовать ему во фланг и в тыл»... Несколько раз выполнял он поручения Милорадовича, который представлял его к чину, но безрезультатно»³⁸.

По своему значению граф Михаил Андреевич был в действующей армии вторым лицом — после главнокомандующего, и никакой ревности к Денису или неудовольствия его действиями не испытывал. Человек до расточительности щедрый, благородный и восторженный, граф очень заботился о своих подчиненных — но даже и ему, фавориту государя, ничего не удалось сделать...

Очень возможно, что отношение к Денису со стороны Александра Павловича не было столь однозначным.

«По возобновлении военных действий Денис Васильевич участвовал в делах: августа 15-го под Риотау, сентября 8-го под Люценом, 10-го под Цейцом, 16-го под Альтенбургом, 18-го под Пенигом, 21-го под Хемнице, 28-го под Наумбургом, октября 4-го и 6-го в битве народов под Лейпцигом, 9-го под Козеном и потом во всех авангардных делах до берегов Рейна.

В награду за подвиги, оказанные в 1813 году, он получил Высочайшее благоволение»³⁹.

А ведь дрался Денис как всегда храбро, и славное его имя воистину гремело в полках русской армии. Биограф Давыдова пересказал такой эпизод, записанный им со слов генерала от инфантерии Ивана Никитича Скобелева, служившего в 1813 году в штаб-офицерских чинах:

«Храбрый Давыдов, удалой наш наездник, умел также мастерски двигать солдат на смерть, и так близко был знаком с делом этого рода, что не уступал в нем славному Кульневу и достоин подражания. Однажды полубатальон какого-то пехотного полка готовился двинуться в атаку; солдаты стояли в строю, недоставало только сигнала.

— Поздравляю, товарищ! с пушками! — провизжал тенором подскакавший Давыдов командиру полубатальона, с которым он водил с давних уже пор хлеб-соль. — У тебя не люди, но орлы быстрокрылые! Для них шутка и слона за ноги, и чёрта за рога! — с этим вместе, выхватя саблю: — Клянусь, — примолвил он, — булатом покойного отца, которым при матушке Екатерине в жилах турок сушил он кровь: пусть ухо мое

не слышит военного грома, глаз не видит подвигов храбрых... ужасно! но... пусть, наконец, лишусь я способности различать дым табуку с порохом, если эти молодцы штыками не приколют к груди твоей Георгиевского креста!

В эту минуту получено приказание. Солдаты, желая оправдать пророческие надежды славного гусара, тотчас врезались в середину неприятельского арьергарда, явили редкий пример отчаянной храбрости, отбили пять зарядных ящиков и действительно приколоты своему командиру крест с бантом»⁴⁰.

Что ж, не «Георгий» — зато славный боевой орден Святого Владимира 4-й степени с бантом... Достоянная награда!

А вот Давыдов, пусть он и сражался, как сам того хотел, «с саблей в руке», наградами был откровенно обижен. Былые товарищи опережали его и в чинах. Мы говорили уже про Чернышёва; к исходу 1813 года генерал-майорами были также кавалергарды Левашов, Бороздин и Платон Каблуков, двоюродный брат Дениса Евграф Давыдов — лейб-гусар, ставший шефом Лубенского гусарского полка... Да и много еще кто из его друзей и сослуживцев! Застрывать в производстве для военного человека всегда очень неприятно, а потому Давыдов решил — благо тогдашние правила это позволяли — обратиться к всемогущему графу Аракчееву. Письмо он написал большое, это был воистину крик души, и мы представим всего лишь один фрагмент из него:

«С первого выстрела при переходе Немана до сражения под Бородиным, а потом до берегов Рейна, я не спускал с глаза неприятеля. Вашему сиятельству конечно не безызвестно, что я имел наиопаснейшие, а потому наилестнейшие препоручения, подавши первый прожект покойному кн. Багратиону о действии партизанов и доказав сам на деле выгоды моего предположения. Долго пользовался я признательностию вышнего начальства; но гнусные интриги заставили меня предстать к покойному фельдмаршалу для оправдания себя за овладение (после десяти часовой битвы) столицею Саксонии, в одно время, как ген. Чернышёв получал 1-я Анны за занятие без выстрела Берлина, а полковник Тетенборн чин за торжественный въезд в Гамбург. Справедливость Царя-покровителя была щитом безпокровного! Я, по Его императорского Величества повелению, воротился к своему отряду, но он уже был отдан другому, что принудило меня, после различных предлогов, одного кривее другого, мне представленных, удалиться в Ахтырский гусарский полк, к коему я принадлежу. Граф Милорадович, в коего корпусе находился полк сей, выбирает меня снова в партизаны, употребляет меня от Лютцена до заключения перемирия по роду службы моей; я имею счастье выполнить несколько раз его

повеления, он меня представляет к чину, и я остаюсь опять без награждения. В последнюю кампанию назначаются легкие отряды, которые даются в командование или людям, под моим начальством находившимся, или тем, которым сей род службы вовсе был чуждым; я же, Русский полковник с полком казачьим, поступаю в состав отряда графа Менсдорфа, Австрийского полковника. Сколько ни прискорбно, командовавши сам отдельною частию, находиться под начальством другого; но во всю сию службу, вашему сиятельству объявит сам полковник г. Менсдорф, какими подвигами заслужил я предстательства у Государя Императора и у фельдмаршала кн. Шварценберга, которые также остались втуне.

... Если требование мое справедливо, то покорнейше прошу уважить его и исходатайствовать мне поравнение в чине с моими сверстниками; если же нет, то предать его забвению...»⁴¹

Граф Аракчеев всегда быстро прочитывал поступавшие к нему письма и давал ответ незамедлительно. На сей раз ответа не последовало. Думается, Алексей Андреевич изменил своим привычкам не по своей вине.

И всё же в конце года фортуна, как показалось, вновь повернулась к Давыдову лицом: генерал от кавалерии граф Платов, атаман Войска Донского, предложил Денису командовать его авангардом. О таком счастье и мечтать не приходилось, но тут вдруг этому воспротивился главнокомандующий — генерал от инфантерии Барклай де Толли. Да ему-то какое было дело до того, кто именно командует авангардом Платова?! Далее объяснять не нужно...

Вновь несолоно хлебавши Денис вынужден был возвращаться в свой полк, переправляться через Рейн «при ужасном шестивии льда» и встречать наступивший 1814 год в Вожских горах. Однако год этот сразу же принес какие-то перемены: в Главной квартире Блюхера Давыдов узнал, что он назначен в отряд князя Щербатова*. Отряд состоял из четырех полков, по оценке Дениса — «один хуже другого», но выбирать не приходилось, и он принял под свою команду 4-й Уральский и Оренбургский полки. Хоть какая, но самостоятельность...

* * *

Про поход 1814 года в нашей историографии говорится очень много, а зря! По свидетельству очевидца и историка генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского, «в военном

* Александр Федорович Щербатов (1772—1817) — князь, генерал-майор (1799); с 1806 года — в отставке, в 1812 году сформировал два полка в Тульском ополчении и командовал ими в составе 3-й армии.

отношении поход сей останется предметом глубоких размышлений, потому что казалось, что дарования Наполеона, поставившие его наряду первых полководцев и усыпленные отчасти под императорскою короною, восприяли блеск Италийских войн его. С малым числом войск в сравнении с нами, он появлялся с удивительною быстротою повсюду, где была возможность удержать поверхность, и останавливал движения союзных многочисленных армий, нападая на слабейшие части их.

Мы были в гораздо превосходном числе, но нас обуревали несогласия, производимые большею частию Австрийским двором. Единственно присутствие нашего Государя, который, будучи главою союза, всем уступал, чтобы всем угодить, и тем самым заставлял быть всех своего мнения, соделало не только возможными успехи сего разнородного союза, но избавило от погибели армии наши, которые бы без него соделались жертвою своих раздоров»⁴².

Никоим образом не посягая на авторитет государя, скажем, что нам, как и современникам, предпочтительнее кажется позиция императора Наполеона, который держал всю ведомую за собой европейскую сволочь на вторых ролях, а потому побеждал без всяких раздоров.

...Во французском департаменте Об находится город Бриенн, знаменитый тем, что с 1779 по 1784 год в здешней военной школе обучался кадет Наполеон Бонапарт. Помните, «невысокий молодой брюнет, печальный, хмурый, суровый, но при этом резонер и большой говорун»? А что из него, однако, получилось! Кстати, памятник этому шестнадцатилетнему кадету, обмундированному в форму Бриеннской школы, был в 1859 году установлен на городской площади.

По злой иронии судьбы — видать, слишком уж досадил ей этот «говорун» — именно Бриенн, «военная колыбель» Бонапарта, стал местом первого серьезного сражения на французской земле, и сам Наполеон был его участником.

17 января, в восьмом часу утра, французская кавалерия атаковала у местечка Мезьер русский конный отряд и заставила его отступить к Бриенну. Тем временем на подступах к городу выстроились густые цепи наших стрелков, к городу поспешили подкрепления... В два часа пополудни французы возобновили свои атаки, но были не единожды контратакованы русской конницей, причем Чугуевский уланский полк даже захватил у неприятеля три орудия... А вот что пишет о дальнейших событиях историк, генерал-лейтенант Богданович:

«Около четырех часов пополудни большая часть войск Сакена, совершив фланговое движение к Бриенне, расположилась впереди местечка, и только еще не успел отойти за Бри-

енну большой прусский парк, тянувшийся от Лемона под прикрытием Сакенова арьергарда, как атаки неприятельской кавалерии были отражены Паленом, а французская пехота не успела еще выйти из леса, то Наполеон, приказав выдвинуть несколько батарей, громил русские войска, и в особенности те, которые двигались от Лемона. В продолжение этой канонады граф Пален перешел на правое крыло и соединил там на равнине всю кавалерию, именно: свою, Сакенова корпуса, состоявшую под начальством генерал-лейтенанта Васильчикова 1-го, князя Щербатова, а также прусский партизанский отряд принца Бирона.

...Вся французская кавалерия собралась на правом крыле общего расположения, вероятно для угрожения арьергарду Сакена, еще не успевшему отойти за местечко. Войска Нея кинулись на 15-ю батарейную роту, овладели двумя орудиями и ворвались в город, а двинувшиеся одновременно с ними в атаку французские драгуны едва было не захватили в плен самого Сакена; конвой его был изрублен и генерал-квартирмейстер его корпуса, полковник граф Рошешуар убит. Но наступление французов было остановлено искусным действием русской артиллерии. Генерал Никитин, по приказанию Сакена, взяв из резерва двадцать четыре батарейных орудия, поставил их параллельно Мезьерской дороге и открыл огонь во фланг неприятелю, что заставило французов отступить с большим уроном и бросить захваченные ими орудия. Тогда же граф Пален, со всею кавалериею им собранною вправо от Бриенны, кинулся на пехоту Виктора и опрокинул ее в глазах Наполеона, который сам здесь подвергался величайшей опасности. Русская кавалерия захватила восемь орудий, но успела увезти только пять»⁴³.

В результате сражения Бриенн оказался сожжен дотла. Каково было видеть это бывшему бриеннскому кадету? Что он вспоминал? О чем думал, видя, как превращаются в пепел те самые улицы, по которым он одиноко бродил в далеком уже детстве?

«Так кончилось первое сражение во Франции. Со стороны союзников не было в нем никаких других войск, кроме русских. Нашим соотечественникам было суждено выдержать первый напор в сем походе, и не только отбить нападения превосходного в числе неприятеля, но даже овладеть восьмью орудиями. Начальник войск, находившихся в огне, Сакен распорядился всеми действиями и явил в полном блеске непоколебимую стойкость, отличительное свойство его воинского поприща. Русские и французы дрались ожесточенно. Потеря убитыми и ранеными простиралась с каждой стороны до 3000 человек.

Наполеону непременно надобно было одержать успех, в начавшейся войне победою укрепить дух войск и французского народа, воскресить в их мнении верование в его прежнюю неодолимость и успокоить государство, встревоженное быстрым наступлением союзников. Защита русских была отчаянная. Не за тем они пришли во Францию, чтобы при открытии похода уступить славу неприятелю, постоянно ими побеждаемому. Наполеон провозгласил Бриеннское дело громкою победою, но он не одержал победы и присвоил ее себе потому только, что на следующее утро Блюхер отступил на несколько верст»⁴⁴.

К рассказанному мы можем сделать два дополнения. Во-первых, генерал Михайловский-Данилевский излишне «толерантно» отнесся к фельдмаршалу, пощадив его самолюбие. Печаль в том, что когда стемнело и смолкла перестрелка, «Блюхер, считая сражение оконченным, остановился на ночлег в замке. Между тем вечером подошла сюда французская колонна, без труда вошла в замок и, открыв сильный ружейный огонь по городу, овладела ближайшими его улицами. Блюхер с начальником штаба генералом едва спаслись бегством...»⁴⁵. После того как прорвавшиеся французы были выбиты из Бриенна, фельдмаршал отступил. Во-вторых, известно, что Денис Васильевич участвовал в этом сражении, но не сообщается ничего конкретного, хотя именно Бриенн принес ему долгожданный чин генерал-майора.

Некоторые историки утверждают, что «при открытии похода 1814 года Давыдов командовал Ахтырским гусарским полком». Примерно так написал в анонимной «Автобиографии» и сам Денис, но он мог быть разве что командующим, временно исполняющим обязанности командира полка, ибо с 28 марта 1811-го по 1 июня 1815 года полком командовал Дмитрий Васильевич Васильчиков 2-й — полковник, а с 1812 года генерал-майор, которого в указанный срок сменил полковник князь Кастриот-Дрекалович-Скандербек. Однако известно, что «после кровопролитного дела под Краоном, где все генералы 2-й гусарской дивизии выбыли из строя, Давыдов временно командовал этой дивизией, а потом бригадой, составленной из Белорусского и Ахтырского гусарских полков. Сражением под Фершампенуазом, где победа была одержана исключительно кавалерией, и взятием Парижа закончилась кампания и вместе с ней боевые труды Давыдова»⁴⁶.

К слову, с именем Дениса Васильевича в Ахтырском полку связывалась легенда, что во Франции, в Аррасе, полк был расквартирован вблизи монастыря капуцинок, монахини которого носили облачение коричневого — «полкового» — цвета. И вот, считается, что именно Денис, как тогдашний полковой

командир — хотя мы знаем, что таковым он не был — решил попросить у настоятельницы сукна для пошива новых мундиров, вместо тех, что изрядно пообносились за время боевых действий. Вопрос с портными не возникал: мундиры тогда кроили и шили сами солдаты. О том, что произошло дальше, сведения разнятся: не то гусарам отдали все сукно с монастырского склада, не то монахи пожертвовали свои рясы, чтобы их перешили на мундиры — однако с тех самых времен третий тост на гусарских пирушках Ахтырского полка был «за французских женщин, которые пошили нам мундиры из своих ряс!».

Денис тут, скорее всего, ни при чем, но разве кого удивит, что на него оказываются «завязаны» очень многие легенды?

А вот что известно доподлинно, так это то, что в Париже Давыдов начал писать свои «Военные записки», чему свидетельство — сохранившийся в бумагах поэта-партизана черновик записей, имеющий пометку «1814 года. 16 Апреля. Г. Париж». Первый набросок был озаглавлен «Опыт критической военной истории 1812—1814 гг.».

...23 мая 1814 года, получив шестимесячный отпуск, генерал-майор Давыдов отправился на отдых в свою родную Москву.

Глава восьмая
«БЫЛА ПРЕКРАСНАЯ ПОРА...» 1814—1816

*Ахтырские гусары,
О, храбрые друзья!
Простите! — на удары
И бранные пожары
Ходить не буду я!*

Денис Давыдов.
(Неоконченное)

«Война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоєванные песни: *Vive Henri-Quatre**, тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* Как сладки были слезы свидания!»¹

Именно «временем славы и восторга» стали для Дениса, тридцатилетнего генерала, летние месяцы 1814 года. Впервые за семь лет, что он отвоевал с 1807 года, он получил шесть месяцев законного отпуска и возвращался в родную свою Москву, а по дороге, на почтовых станциях и постоялых дворах, он не раз видел прикрепленные к бревенчатым стенам лубочные картинки с надписью «Храбрый партизан Денис Васильевич Давыдов». Еще в 1812 году читающее общество наизусть выучило несколько тяжеловатые стихи Василия Андреевича Жуковского «Певец во стане русских воинов», где были строки, посвященные и ему, Денису:

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.

* Да здравствует Генрих Четвертый (*фр.*); в фильме «Гусарская баллада» — песенка «Жил-был Анри Четвертый».

Еще о нем в 1814 году писал князь Вяземский:

Анакреон под дуломаном*,
Поэт, рубака, весельчак!
Ты с лирой, саблей иль стаканом
Равно не попадешь впросак².

(Князь напишет о нем и в 1815-м, и в 1816-м, и в иные последующие годы, а вскоре и другие поэты буквально хором начнут воспевать Дениса...)

Вот они — признание, слава и народная любовь! А тут еще совершенно неожиданная, нечаянная государева награда, нашедшая его уже в родном городе:

«Вскоре по приезде сюда он получил от управляющего Военным министерством князя Горчакова уведомление, что дело о числящемся на покойном его отце с 1798 г., со времени его командования Полтавским легкоконным полком, взыскании теперь окончено и что от общей суммы взыскания в размере 22 247 р. 19 к., по всеподданнейшему ходатайству у Его Императорского Величества, Д. В. Давыдов, как наследник имущества его отца, освобожден, причем снято и запрещение с его имени. Свое ходатайство перед Государем князь Горчаков мотивировал усердную службу Давыдова, его мужеством и храбростью, которыми он отличился в делах с неприятелем в продолжение всей кампании»³.

Недаром императора Александра I нарекли «Северным Сфинксом». За предыдущие полтора года участия в боевых действиях Денис не получил ни одного ордена, не менее года он ждал заслуженного генеральского чина — не вспоминаем уже о прочих постигших его неприятностях, и ясно было, что благоволением царя он не пользуется, — и вдруг такая щедрая и своевременная награда, которая сразу сняла камень с души и множество проблем. Разумеется, для человека, не обладающего большим состоянием, подобное поощрение было дороже очередного креста. Неужто государь наконец-то взаправду сменил гнев на милость и простил Давыдову былые обиды? Такие мысли еще более воодушевляли нашего героя...

В Москве Денис оказался в совершенно ином обществе, нежели то, в котором непрерывно пребывал два последних года, а реально — почти всю свою жизнь. Отныне основной его компанией становился не дружеский круг гвардейских или армейских офицеров, но «сливки» интеллектуального общества — русские литераторы, те самые люди, которых впослед-

* Дуломан, дуломан, дулам — как только не называли расшитый шнурами гусарский мундир, он же еще и «венгерка»!

ствии назовут «поэтами Пушкинского круга». Хотя сам Александр Сергеевич Пушкин был тогда еще маленьким, учился в Лицее, и о нем говорили как о «подающем надежды» и «большом озорнике»...

Впрочем, о том, что круг давыдовского общения был совершенно иным, мы сказали не совсем точно, ибо почти все эти люди, более или менее известные впоследствии литераторы, раньше носили военные мундиры — кто во времена «матушки Екатерины», а кто и недавно, в годину Наполеоновских войн. Время разночинцев в русской литературе еще не настало, а для дворянина военная служба была делом чести и единственно достойным занятием. Среди новых друзей Давыдова — хотя знакомы они были давно, вели переписку, что было в традициях века, но по-настоящему близко сошлись именно теперь — были отставной поручик лейб-гвардии Измайловского полка Василий Львович Пушкин, князь Петр Андреевич Вяземский, служивший в Двенадцатом году в ополченческом казачьем полку графа Дмитриева-Мамонова. Аполлон Александрович Майков был отставным бригадиром Конной гвардии, а давний знакомый Василий Андреевич Жуковский — недавним штабс-капитаном Московского ополчения... К сожалению, в Москву не вернулся еще задержавшийся во Франции Константин Николаевич Батюшков, теперь — измайловский штабс-капитан, который всей душой тянулся к поэтическому обществу и скупал по Давыдову.

Вот что писал Батюшков князю Вяземскому почти в то самое время:

«Обними за меня Дениса, нашего милого рыцаря, который сочетал лавры со шпагою, с миртами, с чашею, с острыми словами учтивого маркиза, с бородою партизана и часто с глубоким умом. Который затмевается иногда... Когда он вздумает говорить о метафизике. Спроси его о наших спорах в Германии и в Париже...»⁴

Разумеется, не были забыты Давыдовым и прежние гвардейские друзья: в Москве, в частности, пребывал полковник граф Федор Иванович Толстой, подавший в конце 1814 года прошение об отставке...

Но мы опустим описание дружеских пирушек, дабы не лишить читателя удовольствия самому покопаться в мемуарной литературе начала XIX века.

Зато нельзя не рассказать о том, что, «живя в Москве, бывал он (Денис Давыдов. — А. Б.) в подмосковном селе Кунцеве, где в то время жил директор Императорских театров Аполлон Александрович Майков, умевший весело и шумно пожить в кругу друзей и многочисленных знакомых. На спектаклях,

устраиваемых Майковым, в числе представителей лучшего московского общества бывал и Денис Васильевич, имевший случай здесь познакомиться с танцовщицей, а затем водевильной и оперной актрисой А. И. Ивановой, замечательной красавицей того времени. Ей посвятил он два стихотворения...»⁵.

«И подлинно, была она красавица и необыкновенно стыдливо-грациозна. Денис воспламенился ею и воспевал ее с чистою страстью целомудренного и пламенного Петрарки»⁶.

Стихотворений было, может, и больше, но между тем в одном из них, скучно озаглавленном «Элегия III», есть такие совершенно пророческие строки:

Пусть ищут для кого я в лиру ударял,
Когда Поэтов в хоре
Российской Терпсихоре
Восторги посвящал!

Но вряд ли искали, определив «предмет» давидовской страсти легко и быстро: «Стихотворение это, как и два следующих, посвящено Давыдовым Александре Ивановне Ивановой (скончалась 30 декабря 1830 г. в молодых годах...) — балерине, а впоследствии водевильной и оперной актрисе»⁷. Это сказано в примечаниях к собранию стихотворений Дениса, и подобную информацию можно найти во многих иных изданиях, посвященных ему и его биографии.

Но мы возьмем «Русский биографический словарь», где память Александры Ивановой отмечена маленькой заметкой:

«Иванова, Александра Ивановна, артистка петербургской сцены, выпущена из Петербургского театрального училища на оперную сцену в 1822 г., но пела уже в 1818 г., умерла 27 декабря 1830 г., 26-ти лет. Она обладала прекрасным, отлично обработанным голосом, сценическим талантом и пользовалась всегда большим успехом во всех ролях своего обширного репертуара»⁸.

Но это ведь совсем не та Иванова! Разве мог Денис влюбиться в десятилетнюю девочку?! И вряд ли девица столь юного возраста стала уже «стыдливо-грациозной красавицей», которой посвящает восторги «хор Поэтов»... Кстати, «Терпсихора» — отнюдь не оперная певица. А что бы делала ученица Петербургской школы в Москве? Да и Аполлон Майков с 1810-го по 1820-й управлял московскими театрами... В общем, никак не подходит!

Действительно, надо поискать, «для кого» наш герой «в лиру ударял».

В конце концов, оказалось, что нашли еще до нас. В примечаниях к мемуарам А. П. Глушковского (о нем самом — чуть

ниже) «Воспоминания балетмейстера» говорится: «Пользуемся случаем, чтобы восстановить истину. Жена Глушковского, Иванова, которой поэт Денис Давыдов посвятил три элегии и ряд писем, — не Александра Ивановна, а Татьяна Ивановна. Она умерла не 30 декабря 1830 года, а тридцатью годами позже и похоронена на Ваганьковском кладбище. Биография Ивановой, приводившаяся до сих пор во всех изданиях сочинений Дениса Давыдова, в справочниках и театроведческих работах, является биографией Александры Ивановны Ивановой — петербургской певицы, окончившей школу в 1822 году и умершей не 30, а 27 декабря 1830 года»⁹.

Истина восторжествовала. Но если учесть, что эти мемуары увидели свет в предвоенном 1940 году мизерным по тогдашним временам трехтысячным тиражом (это ж не наше «просвещенное» время!), — то исправление осталось незамеченным, и ошибка продолжает кочевать по изданиям...

Хотя и авторы того самого примечания не обошлись без ошибки, назвав годом рождения Татьяны Ивановой 1799-й. Энциклопедия «Балет» 1981 года издания вообще называет годом рождения Глушковской-Ивановой 1800-й. Но по всему получается, что балерина, вышедшая на сцену в 1814 году, была старше несколькими годами, тем более что документов о ее рождении не сохранилось и возраст был определен чуть ли не с ее слов. Вполне могла убавить!

Путаница между двумя Ивановыми пошла все от того же «Русского биографического словаря». В очерке, посвященном Глушковскому, сказано: «Был женат на московской танцовщице Александре Ивановне Ивановой, воспитывавшейся в Московском театральном училище. По словам М. А. Дмитриева* она была “прекрасна собой, величественна и роскошна в своих позах, особенно в русской пляске, требующей от женщины скромной и величественной пантомимы...”»¹⁰.

«Итак, она звалась Татьяной», а не Александрой.

Но этот роман, оставивший сильный след в сердце Дениса и определенный — в его стихах, завершился ничем.

Хотя Давыдов, известный поэт, лихой гусар и знаменитый своими подвигами тридцатилетний генерал, был воистину романтическим героем, его вряд ли можно было именовать «покорителем женских сердец».

«Давыдов, говорит М. Дмитриев, был не красив; но умная и живая физиономия и блестящие, выразительные глаза — с первого раза привлекали внимание на его сторону. Голос у него был пискливый, рот необыкновенно мал; росту он был

* Михаил Александрович Дмитриев (1796—1866) — поэт, критик, мемуарист.

среднего, но сложен крепко и на коне был словно прикован к седлу. Черноволосый, на одной стороне лба он имел клок белых волос. В беседе он был любезен, остроумен, всегда весел и вполне оригинален. Из острых слов и замечаний Дениса Васильевича можно было бы составить любопытную книгу»¹¹.

К тому же хоть и генерал, но состоятельным человеком он не был — и это тоже говорило не в его пользу...

Давыдов был влюблен горячо и страстно! Даже через год, застряв в Варшаве — речь о том еще впереди, — он писал князю Вяземскому:

«Если б я знал, что великий князь по милости своей удержит меня здесь, с каким бы удовольствием я провел с вами время, которое попусту убил в пустой Варшаве с пустыми людьми! Авось ли судьба будет мне благосклоннее и зимою опять забросит меня в матушку Москву. Тогда надеюсь, что усы мои опутают ноги Глушковского и уничтожат все его покушения, — но этой вести между тем я не верю и не хочу верить! Да и охота тебе выводить меня из заблуждения; я по сию пору влюблен как дурак! Ты знаешь, что полячки, особенно в Варшаве, и хороши, и привлекательны, но боюсь тебе честью, что ни одной нет достойной стать на ряду с нею! И ты можешь ей сказать, что я от нее умираю, всякой день толстею, но у всякого свой манер умирать»¹².

Красавица, не пожелавшая стать генеральшей, отдала свое сердце Адаму Павловичу Глушковскому, известному танцору и балетмейстеру, на котором, как говорили, «долго держался весь балет в Москве», и вскоре вышла за него замуж.

Можем ли мы осуждать давыдовскую «Татьяну, милый идеал»? Чему бы она ни следовала — велению сердца или доводам рассудка, это ее право и сугубо личное дело. Далеко не каждая танцовщица сумеет должным образом исполнить роль генеральской жены и полностью ей соответствовать... Татьяна Иванова-Глушковская, как говорится, «срубила сук по себе» и танцевала на московской сцене до 1834 года; скончалась она в 1857 году.

Оставим, однако, сердечные неприятности нашего героя, ибо вскоре оказалось, что его ожидают еще большие проблемы совершенно иного толка.

«Веселое, жизнерадостное настроение беззаботного гусара неожиданно было прервано весьма неприятным для него обстоятельством: в конце 1814 года в приказе по армии было объявлено, что он получил чин генерал-майора “по ошибке”, вследствие чего он снова переименовывается в полковники... Легко себе представить, как принял эту весть Давыдов, еще ранее того не раз обойденный наградами»¹³.

Более нелепую ситуацию трудно было себе представить! Что делать?! Менять генеральский мундир на полковничий и всем объяснять, что произошла досадная ошибка, было просто унижительно. Пусть Грибоедов еще не сказал, что «злые языки страшнее пистолета», но так оно и есть, а потому можно лишь предполагать, какие нелепые и вздорные слухи пошли бы в московском обществе.

Денис поступил единственно правильным образом, к тому же — предусмотренным уставом. В случае чрезвычайных обстоятельств военнослужащий обязан возвратиться в свою часть, а потому он спешно отправился в Ахтырский гусарский полк, тогда еще стоявший где-то в Пруссии.

К несчастью, путь его пролегал через Варшаву, в которой в качестве главнокомандующего Польской армией находился тогда цесаревич Константин Павлович, человек весьма свое нравный. И то ли действительно был таков государев приказ, то ли просто наследнику русского престола, каковым официально считался тогда цесаревич, не нравилось, что российские офицеры разъезжают чуть ли не по всей Европе, а может быть, сказались какие-то личные моменты и у Константина было желание насолить, — но Давыдов был задержан в Варшаве под тем предлогом, что императором было «велено останавливать всех офицеров, едущих из отпуска в армию». Так началось его почти годичное бессмысленное сидение в Варшаве... Вдвойне бессмысленным оно было потому, что именно в это время, 14 (26) февраля 1815 года, Наполеон бежал с острова Эльба, сопровождаемый отрядом из 1100 человек; 8 (20) марта император вошел в Париж без единого выстрела; 13 (25) марта в Вене был подписан договор, в соответствии с которым во Францию была направлена 150-тысячная русская армия под командованием фельдмаршала графа Барклая де Толли...

Но еще раньше, до начала этих событий, Денис Васильевич направил письмо императору Александру I:

«Государь! Несправедливый рок обременяет в Вашей державе человека, которого судьба сохранила так долго на полях чести! Собогадите взглянуть взором снисходительным не на мои заслуги, а на горечь солдата, который не заслужил подобной участи. Я не позволю себе напомнить Вашему Величеству дни сражений, в которых я участвовал: их число составляет только их достоинство, знаю это, и потому блеск их оставил во мне одно воспоминание, что жизнь и совесть моя остались безупречны. Нет, Государь, я не буду утруждать Вас подробностями моей службы, недостойной Вашего внимания; она выразится двумя словами: четырнадцать лет военного поприща и ни одного упрека. В Пруссии, Турции,

Швеции, России и Германии, везде, где у Вашего Величества были враги, я сражался с ними, и чин генеральский был недавно наградой моей службы. Я смел думать, что Ваша Воля, объявленная военными властями, непреложна, и не поколебался надеть на себя знаки моего нового достоинства; как вдруг, по произволу, которого я до сих пор не понимаю, я был лишен почестей, которыми Ваше Величество почтили самого усердного из Ваших солдат. Соблаговолите, Государь, быть моим судьбою; удостойте вспомнить, что не я ходатайствовал о награждении моих слабых заслуг, но, получивши награду, позвольте мне просить Вас оставить ее за мною, ибо Ваше Величество могли неоднократно убедиться, что во мне живет одно достоинство солдата, взамен высших талантов эта беспредельная преданность и горячая любовь к славе Вашего оружия, эти чувства никогда не выходили из моего сердца, и я их всегда поддерживал деяниями, если не славными, то всегда достойными.

Бывший генерал-майор Денис Давыдов»¹⁴.

Написано со сдержанным достоинством, с нарочитой скромностью — но с какой дерзостью! Чего стоит одно: «смел думать, что Ваша Воля... непреложна» — а вышло, мол, совсем наоборот, и я теперь так больше думать не смею! Понятно, что желаемого результата это послание принести не могло, и Денис остался в подвешенном состоянии: не то генерал, не то полковник, да еще и бездельно торчащий в Варшаве.

Конечно, Давыдов обращался не только к «первому лицу», но и ко всем тем, кто мог бы ему помочь. Особенно откровенен он был со своим старым другом Арсением Закревским, теперь уже — дежурным генералом Главного штаба, в одном из посланий которому — от 1 июня 1815 года — он писал:

«Милый друг Арсений Андреевич! Вот дело о чем идет: я ехал, скакал, спешил к своему месту, то есть в Ахтырский полк, но проезжая через Варшаву остановлен великим князем под предлогом, что он имеет повеление останавливать всех штаб- и обер-офицеров, едущих из отпусков в армию. Между тем все проезжают, а я живу и имя мое слышать не хочет, говорит только — я не смею, я имею на то повеление. Я писал о сем князю Петру Михайловичу Волконскому, к Дибичу, к Ермолову, рапорт к фельдмаршалу, но ни на что не имею ответа. Так как ты мой старый друг и друг, на которого я более уверен, нежели на кого-нибудь, то прошу тебя войти в мое положение и употребить все старания вытащить меня отсюда. Я одно слово скажу тебе: способен ли я для парадов и формирования? — и каково мне терпеть, когда другие идут драться. К тому же за прошедшую войну не получил даже спасибо. Сделай милость, поста-

райся, милый друг, и поспеши мне выхлопотать на сие ордер или от Императора, или от фельдмаршала.

Прости, твой друг верный *Денис*¹⁵.

Чувствуется, что наш герой не только печален, но и растерян. Конечно, зная Давыдова, можно понять, что он не предавался безделью в буквальном смысле, не помирал от тоски и ничегонеделания — даже будучи серьезно ограниченным в материальных средствах.

«...Но так как моя мачеха-фортуна приучила меня к терпению, то и сношу все без ропота, тем паче что, поверишь ли? когда я нахожусь в положении, требующем твердости духа, я как будто на своем месте»¹⁶, — писал он Вяземскому.

Ну да, это военная привычка.

Тем временем 6 (18) июня 1815 года в сражении при Ватерлоо Наполеон потерпел свое последнее поражение. Разбитая императорская армия в беспорядке бежала по направлению к Парижу. На следующий день через Рейн переправился авангард русской армии под командованием славного генерал-лейтенанта графа Карла Осиповича Ламберта, сына французского королевского генерала, — но было поздно: эпоха Наполеоновских войн уже завершилась.

«Тогда как войска наши летели к славе, великий князь оставил меня здесь с намерением отнять у меня случай быть в деле или отличиться. К счастью моему ни один Русский не выстрелил и честь моя спасена!»¹⁷ — это уже из другого давыдовского письма по тому же адресу.

Давыдов думал, что теперь-то его «ссылка» завершена, он даже намеревался отправиться во вновь покоренный Париж, но опять ничего не получилось.

«Однако усердные просьбы бедного пленника не только к Закревскому, но и к другим лицам — фельдмаршалу Барклаю де Толли, князю П. М. Волконскому, Дибичу и Ермолову остались без результата. 1 сентября 1815 г. он писал Закревскому, что с горя удалился в деревню, где теперь живет в покое и уединенно, занимаясь писанием того, что видел в течение 1812—1814 годов, и “уже кончил первую часть, т. е. до занятия Москвы”»¹⁸.

Творческий человек, он прибег к самому эффективному средству успокоения — к работе. Уходя в воспоминания, в недавнее прошлое, Денис Васильевич глушил сомнения, обиды и неизбежную тревогу перед неизвестностью...

А все же, из-за чего наш герой лишился генеральского чина? Об этом сейчас пишется однозначно: император вновь решил свести счеты с нелюбимым им поэтом-партизаном, и то, что он якобы перепутал Давыдовых, произошло не без тайного злого умысла.

Но не могла ли тут действительно произойти случайная ошибка?

Попробуем разобраться, для чего обратимся к энциклопедии «Отечественная война 1812 года». На ее страницах можно найти аж пятерых генерал-майоров Давыдовых, сплошь родственников — братьев и кузенов! Это — командир Лубенского гусарского полка Александр Львович (1773—1833); наш Денис Васильевич; шеф Лубенского гусарского полка Евграф Владимирович (1775—1823); командир 2-й бригады 1-й драгунской дивизии Николай Владимирович (1772 — после 1816) и Петр Львович (1777 или 1782—1842), о службе которого точных данных нет, хотя в 1812 году он, как мы помним, служил в ахтырских гусарах, а в 1813 году некоторое время командовал тем же Лубенским гусарским полком. Можно запутаться? Вполне! Но это лишь начало путаницы!

В те времена офицеры Российской императорской армии традиционно обращались друг к другу по фамилии, а братьям или однофамильцам нередко присваивались официальные порядковые номера, которые периодически изменялись. Во время войны Николай Владимирович был Давыдовым 1-м, а Петр Львович — 3-м.

Теперь откроем изданный в 1814 году в Санкт-Петербурге «Список генералитета по старшинству по 30 августа 1814 года». Казалось бы, он должен все расставить по местам. Читаем список по датам производства:

«1813 июля 18 — Давыдов 1-й, находится при дивизионном начальнике 1-й драгунской дивизии».

«1813 августа 18 — Давыдов 2-й; в отпуску».

«1814 апреля 5 — Давыдов 3-й».

Указано также, что все трое Давыдовых числились по тяжелой кавалерии.

Всё! И это — официальный справочник! А ведь в армии было свыше шестисот генералов, и попробуй запомни, у кого из Давыдовых, Голицыных, Иловайских или Паленов какой номер! Немудрено, что государь Александр Павлович мог перепутать своих «номерных» генералов.

Но кто же все-таки явился невольной причиной несчастий нашего Дениса? Его кузен Александр Львович! Пусть простит нас читатель за обширную цитату, но только так и можно объяснить все произошедшее:

«Еще в 1813 г. отличная служба Давыдова обратила на себя внимание графа Витгенштейна, и он сделал представление о производстве его в генерал-майоры. Случилось, однако, роковое стечение обстоятельств, задержавших производство до самой отставки. В действующей армии находилось в то вре-

мя шесть Давыдовых, командовавших отдельными частями. После отъезда Александра Львовича из Теплица для лечения, брат его, подполковник Петр Львович, просил и получил в командование Лубенский гусарский полк и командовал им до Лейпцига, где сдал его настоящему шефу, полковнику Еврафу Владимировичу Давыдову, который 18 августа 1813 года и был произведен в генерал-майоры. 18 октября 1814 года вновь было сделано представление о производстве Александра Львовича в генерал-майоры, вызвавшее обширную переписку. Государь, полагая, что приказом 5 апреля Давыдов уже произведен в этот чин, остановил производство и повелел навести справку, которая выяснила, что Александр Львович сделался жертвой ошибки: на этот раз его смешали с родным братом, Петром Львовичем, который приказом 5 апреля действительно был произведен в генерал-майоры. Александр Львович написал письмо управляющему Военным министерством князю А. И. Горчакову, в котором обратил его внимание на то, что в атаке на Дрезден (сражение под Дрезденом 14—15 августа 1813 года. — А. Б.) брат его не участвовал, что никто из Давыдовых в этом деле, кроме него, ранен не был, и что представление и одобрительный отзыв главнокомандующего относились к нему. Горчаков просил начальника Главного штаба князя П. М. Волконского довести до сведения Его Величества, “что все сотоварищи Давыдова, рекомендованные с ним, давно уже пользуются монаршими благодеяниями, а он один остается без воздаяния”. Однако это ходатайство не увенчалось успехом: П. М. Волконский уведомил князя Горчакова, что “Государь Император поручает ему отвечать Давыдову, что ежели желает он служить в предстоящую войну, то назначить его в такой гусарский или другого рода легкой кавалерии полк, где есть командир *старее* его, ежели же не желает, то уволить его, с чином и мундиром”. Давыдов не пожелал продолжать службы и подал прошение об отставке. 4 июня 1815 года он, за полученными ранами, был уволен от службы генерал-майором»¹⁹.

За что Александр Павлович взъелся на Александра Львовича, сказать уже невозможно, однако в эту путаницу невольно попал и Денис. «Оказалось, что Давыдов был лишен чина потому, что его смешали с его двоюродным братом, А. Л. Давыдовым, производства которого не желал государь. Давыдову отдали старшинство со дня производства и возвратили чин»²⁰.

Уже 8 декабря счастливый Денис писал Петру Вяземскому: «Наконец я, любезной Вяземской, вырвался из Варшавы и иду вместе с дивизиею: из Бреста поеду в Киев на контракты, а оттуда, если будет возможность, полечу к вам. Нового тебе пи-

сать нечего; мы идем довольно весело, ибо осушиваем остатки шампанского, привезенного из Франции...»²¹

Первый восторг вскоре прошел, и тут, к сожалению, вопреки многим утверждениям, аналогичным приведенному выше, оказалось, что хотя Давыдову и был возвращен чин, но не соответствующее старшинство: теперь оно у него считалось не с 20 января 1814 года, как было изначально, но с 21 декабря 1815-го. Таким образом, почти два года оказались потеряны!

Но это была лишь одна щедрая «ложка дегтя» в возвращенную «бочку меда». За ней последовала целая серия других. Обратимся к формулярному списку Дениса Васильевича:

«...произведен в генерал-майоры, с назначением состоять при начальнике 1-й драгунской дивизии 1815 г., 21 декабря; назначен состоять при начальнике 2-й конно-егерской дивизии 1816 г., 14 марта, при начальнике 2-й гусарской дивизии 22 мая; бригадным командиром 1-й бригады той же дивизии 7 ноября...»²²

Не служба, а свистопляска какая-то! И это — для генерала, обладавшего уникальным боевым опытом и пользовавшегося в армии огромной популярностью! Но, к сожалению, в России никогда не умели ценить людей и понимать, что нормальному человеку нужно не очень-то и много — главное, чтобы по сердцу пришлось, и тогда он сторицей отблагодарит за заботу.

А тут вышло так, что «с возвращением генеральских эполет Давыдов получил 21 декабря 1815 г. назначение состоять при начальнике 1-й драгунской дивизии. Но это назначение казалось Давыдову несоответствующим его прежней службе и способностям. “Служа целый век по легкой [кавалерии], за что меня назначают в это пресмыкающееся войско”, — пишет он Закревскому и просит, если уж нельзя изменить этого назначения, переписать его в ту дивизию, которая расположена во Франции. В результате всех стараний Давыдов 14 марта 1816 г. получил было назначение состоять при начальнике 2-й конно-егерской дивизии, расположенной около его имения в Орловской губернии, но к этому занятию и к этой должности явилось неодолимое препятствие: надо было сбрить усы, которые носили тогда лишь гусары, а Давыдов ни за что не хотел расстаться с этой “красой природы, чернубурой, в завитках”. Об этом обстоятельстве узнал сам Государь, и Давыдов был назначен в мае того же года во 2-ю гусарскую дивизию, а затем в ноябре назначен командиром 1-й бригады той же дивизии»²³.

Кому ж не было ясно, что самое место для Дениса — гусарская бригада?! Конечно, притом ему еще следовало бы быть шефом какого-либо гусарского полка, но «шефство» в армейских полках было упразднено в середине 1815 года.

Вот так оно все и складывалось: год потерян в Варшаве, год — в ожидании соответствующего назначения. И это — для такого деятельного, энергичного человека, как Давыдов! К тому же было потеряно два года старшинства в генерал-майорском чине — получалось, что этот чин он получил уже после войны. Однако, как мы уже говорили, портрет Дениса Васильевича по праву занимает свое достойное место в Военной галерее Зимнего дворца — в числе других военачальников Отечественной войны и Заграничного похода.

* * *

А жизнь, сколь банально это ни звучит, на месте не стояла. Напротив, в послевоенной России она вообще была ключом — «время славы и восторга», не будем забывать! — и в самых различных направлениях отмечался небывалый всплеск. В особенности — в общественной и литературной сферах.

14 октября 1815 года, пока Давыдов прозябал в Варшаве, в 1-й Адмиралтейской части Санкт-Петербурга, на Малой Морской улице, в собственном доме Сергея Семеновича Уварова, попечителя Петербургского учебного округа, прошло организационное заседание литературного общества, получившего необычное в данном случае название: «Арзамас». Думается, нет необходимости подробно объяснять, что это за общество, и потому мы ограничимся свидетельством Ивикова Журавля:

«Арзамасское общество, или просто “Арзамас”, как называли мы его, сперва собирался каждую неделю весьма исправно, по четвергам, у одного из двух женатых членов — Блудова или Уварова. С каждым заседанием становился он веселее; за каждую шуткой следовали новые, на каждое острое слово отвечало другое. С какою целию составилось это общество, теперь бы этого не поняли. Оно составилось невзначай, с тем, чтобы проводить время приятным образом и про себя смеяться над глупостями человеческими. Не совсем прошел еще век, в который молодые люди, как умные дети, от души умели смеяться; но конец его уже близился.

Благодаря неистощимым затеям Жуковского, “Арзамас” сделался пародией в одно время и ученых академий, и масонских лож, и тайных политических обществ...»²⁴

Первыми арзамасцами, учредителями этого литературного общества, стали Дмитрий Васильевич Дашков — будущий министр юстиции, Сергей Семенович Уваров — будущий граф, министр народного просвещения и председатель Главного управления цензуры, Дмитрий Николаевич Блудов — также будущий граф и министр внутренних дел, Степан Петрович

Жихарев — будущий тайный советник и сенатор, Александр Иванович Тургенев — директор Департамента иностранных вероисповеданий и будущий камергер и, разумеется, сам Василий Андреевич Жуковский, будущий тайный советник и воспитатель наследника престола. Так что, несмотря на всю «шутейность» общества, состав его был более чем серьезный и, так скажем, перспективный. Общество вскоре стало расширяться: в частности, в него был принят Филипп Филиппович Вигель (Ивиков Журавль) — будущий тайный советник и директор Департамента иностранных вероисповеданий, отрывки из замечательных мемуаров которого мы здесь приводим.

«По заочности были приняты еще два члена: К. Н. Батюшков... под именем “Ахилла”, и партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов, под именем “Армянина”. Первый следующей осенью обрадовал нас своим приездом, последнего никогда мы меж себя не видали. Он находился в Москве: там вместе с Вяземским и Пушкиным составили они отделение “Арзамаса”, и заседания их посещали Карамзин и Дмитриев. Новых членов они не набирали без согласия горного “Арзамаса”, не имея на то права»²⁵.

Все арзамасские прозвища были взяты из баллад Жуковского. Как записано в протоколе первого заседания «Арзамаса», «и все приняли на себя имена мученических баллад, означая тем свою готовность: 1-е, потерпеть всякое страдание за честь Арзамаса, и 2-е, быть пугалами для всех противников его по образу и по подобию тех бесов и мертвецов, которые так ужасны в балладах»²⁶.

Итак, Денис был наречен «Армянином» — персонажем слезливой баллады «Алина и Альсим». Почему именно «Армянин»? Явно, что из-за следующего описания армянского купца, в которого перевоплотился благородный Альсим, разлученный с возлюбленной Алиной:

Блистая красота молодая
В его чертах;
Но бледен; борода густая;
Печаль в глазах...²⁷

Разумеется, главное в этом описании — борода.

В 1816 году Дениса еще переводили с должности на должность, с места на место, зато именно тогда «он был почтен вниманием Общества любителей российской словесности, учрежденного при Московском университете: 26 марта 1816 года оно избрало “генерал-майора и кавалера Дениса Васильевича Давыдова” своим действительным членом, уважив его “от-

личное усердие... к усовершенствованию Российского языка и труды, подъятые им для пользы отечественной Словесности". В "Трудах" этого Общества, издававшихся с 1812 по 1828 г., он принимал участие вместе с другими лучшими поэтами того времени»²⁸.

А тем временем в Царскосельском лицее Александр Пушкин с восторгом переписывал в свою тетрадь давыдовскую «Элегию I», посвященную прекрасной балерине Татьяне Ивановой:

Возьмите меч — я недостоин брани!
Сорвите лавр с чела — он страстью помрачен!
О, боги Пафоса, окуйте мощны длани
И робким пленником в постыдный риньте плен!
Я — ваш!..

Конечно, язык тяжел, но в этом стихотворении есть подлинное чувство...

Так что пусть служба у Давыдова на тот период не ладилась, зато именно теперь к нему пришло подлинное профессиональное признание, и он на равных вошел в тесный тогда еще круг российских литераторов.

И, кстати, именно в том тяжелейшем и неприятнейшем для него 1815 году он написал свое самое, пожалуй, знаменитое стихотворение — «Песня», начинавшееся словами: «Я люблю кровавый бой, / Я рожден для службы царской!..» В то время, в тех условиях, в которых оказался Денис, это звучало как вызов судьбе и обстоятельствам, походило на перчатку, брошенную в лицо — «приглашение» на дуэль. В то время эту «перчатку» никто не поднял, однако несколько десятилетий спустя этот вызов по-своему приняли совсем иные люди...

Отклик на «Песню» был напечатан в 1860 году в литературном обзоре журнала «Русское слово».

«Обращаясь к знакомству с этими прославленными стихами, не в праве ли каждый не знающий их читатель ждать, что услышит от поэта-воина те мужественные речи, какими выражается в такие минуты истинно-гражданское чувство... Но напрасно мы станем искать у Давыдова таких стихов и песен. Это не призыв на бой за независимость родной земли, это и не торжество победителя, на стороне которого правда. Это какое-то разгульное молодечество, хмельное ухарство, похвальба тем, кто больше выпьет, кто больше намашет саблей, хотя бы без всякого толку. Это не любовь к родине, увлекающая в кипятилок битвы за ее спасение; это страсть к военному ремеслу, которой всякая резня приятна, как бы она ни была печальна для отечества. "Я люблю кровавый бой!" — восклицает Давы-

дов. Вкус очень странный»²⁹, — заявляет автор обзора действительный статский советник Лохвицкий. Прочитывая далее приведенные нами выше строки из «Песни», он возмущается: «Удивительное понятие о “службе царской!” Не напоминает ли это взгляд тех грибоедовских барышень, которые льнули к военным, потому что “патриотки”. Патриотизм не надевается вместе с мундиром и не в том заключается, чтобы звать к себе врагов и радоваться житью в боевых палатках, посреди разоренной войной земли, разоренного войною народа; у истинного патриота болит сердце, когда подобные бесчеловечные столкновения становятся неизбежны вследствие честолюбивых политических видов. Не правда ли, эта апофегма, по своей новости, достойна помещения на страницы “новейших российских прописей”? Но как удержаться и не высказать ее, читая партизанские песни Давыдова?

Не знаем, как кому, а нам решительно непостижима поэзия гусарской жизни, как описал ее Давыдов»³⁰.

Как видно, автору этих строк непостижима не только «поэзия гусарской жизни», но и сама, говоря современным языком, жизнь военного профессионала. Подобным критикам Александр Сергеевич Пушкин советовал: «Суди, дружок, не выше сапога»; а Алексей Максимович Горький впоследствии писал именно про таких людей: «Рожденный ползать летать не может». Критику словно бы и невдомек, что драматургов, поэтов и писателей, чей лирический или сценический герой говорил «мужественные речи», выражая в них «истинно-гражданское чувство», было немало. Но кто сегодня вспомнит их имена, хотя некогда читатели и зрители, в соответствии с «духом времени», обливались слезами, читая или слушая с театральных подмостков подобные монологи? Зато в памяти многих поколений осталась бесшабашная удаля давыдовских героев — непридуманная, реальная, жизненная, идущая не от разума, но от сердца, и потому понятная каждому, вызывающая у одних восхищение, а у других — острую зависть.

Как просто рассуждать о «странностях патриотизма» и осуждать «страсть к военному ремеслу», сидючи в теплом кабинете! Но почему же военный человек не может со страстью относиться к своей профессии? Художник или музыкант — может, педагог — может... А военный? Военный — это профессия, точно так же как и рабочий, медик или мореплаватель. В любом деле есть своя специфика, есть творчество, есть нечто, непонятное другим, — и чем дальше отстоят такие специальности друг от друга, тем меньше будет взаимопонимание, а потому, нередко, и большее отторжение. Поэтому, когда в былые времена руководить военными в России поставили лабазника, говоря современным

языком — торгаша, то он этих военных ненавидел, а они его презирали. Не любят в армии торговцев, слишком разные сферы «общественной деятельности»! А результат такого экспериментального «соединения» оказался плачевным...

Война для военного человека — его работа. И если он «работает» себе в удовольствие — смело, инициативно, дерзко, самозабвенно, — это прекрасно: только тогда он победит, переиграет противника и сохранит своих людей в бою. Если же военный профессионал воюет равнодушно, а то и вообще с отвращением, задумываясь о «политических видах», «бесчеловечности столкновений» и целесообразности выполняемых им приказов, то ему надо срочно менять профессию, снимать по окончании войны погоны и, как говорил более поздний литературный герой, «переквалифицироваться в управдомы».

Автор обзора прав, что «патриотизм не надевается вместе с мундиром», — но идти в кровавую схватку, подставляя свой лоб под пули, может только истинный патриот, человек, по-настоящему преданный Отечеству. Именно патриотизм и заставляет людей надевать военные мундиры, выбирать своей судьбою «службу царскую» — «профессию Родину защищать» и умирать в боях за Отчизну на поле брани или в рваной палатке от гнилой горячки и смертельного переутомления.

К сожалению, понимание этого постепенно уходило из российского общества, в котором на первые роли уверенно и упорно выдвигались штатские бюрократы-чиновники. О том, с какой ревностью относятся к армейцам партикулярные, мы уже говорили — и в 1860-е годы, вследствие больших социальных перемен в обществе, эта ревнивая зависть проявилась во всей своей остроте, становясь чуть ли не «народным гласом». Ругать военных в разночинной «интеллигентной среде» было модно. В результате к началу XX века дошло до того, что «военная служба считалась уделом недостойным: по господствовавшим в то время в интеллигенции понятиям, в “офицеришки” могли идти лишь фаты, тупицы либо неудачники, культурный же человек не мог приобщаться к “дикой военщине” — пережитку отсталых времен»³¹. Подобное отношение к офицерскому корпусу горько аукнулось нам в Первую мировую войну, во многом предопределив события 1917 года, когда оказалось, что в России фактически не осталось людей, «рожденных для службы царской».

* * *

Вспомним слова Вигеля про «Арзамас», который «сделался пародией... и масонских лож, и тайных политических обществ», — и задумаемся. Вроде бы все было хорошо; о том

времени поэт Федор Николаевич Глинка — адъютант графа Милорадовича, полковник лейб-гвардии Измайловского полка — писал:

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе — покой, в устах — «ура!»,
Пришла домой и отдохнула³².

Однако если литературный кружок пародировал тайные политические общества, то, значит, таковые были в действительности, — и можно из того уже понять, что в самом обществе становилось беспокойно. Впрочем, мы-то знаем, что до восстания на Сенатской площади оставалось всего десять лет... Но в 1815 году не было, конечно, не только Северного и Южного обществ, членов которых впоследствии назовут «декабристами», но и предшествовавших им «преддекабристских» Союза спасения и Союза благоденствия, одним из активных деятелей которых станет вышеупомянутый полковник Глинка, поэт и гвардеец.

Однако еще в 1814 году у генерал-майора Михаила Федоровича Орлова возникла идея создания тайного общества...

Михаил Орлов — тот самый поручик-кавалергард, который в июне 1812 года сопровождал генерал-адъютанта Балашова на первые и единственные официальные переговоры с Наполеоном, а затем, после своей встречи с французским императором в августе, «подарил» Денису идею создания партии для действий в неприятельском тылу. В 1813 году, уже в чине полковника, он командовал «летучими» отрядами, а 19 (31) марта подписал капитуляцию Парижа, за что 2 апреля был произведен в генерал-майоры. Михаилу тогда исполнилось только 26 лет. Сразу же после производства он был направлен в Скандинавию, чтобы «разобрать сложный конфликт, возникший между Данией, Норвегией и Швецией»³³. Не вдаваясь в подробности, скажем, что молодой генерал успешно выполнил поставленную перед ним задачу.

Казалось, этому племяннику знаменитых екатерининских фаворитов братьев Орловых предопределена блистательная военная или государственная карьера (его родной брат Алексей*, в ту пору — полковник Конной гвардии, стал князем, председателем Государственного совета и Комитета минист-

* *Алексей Федорович Орлов* (1786—1861) — князь, генерал от кавалерии, шеф корпуса жандармов и главный начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, с 1856 года — председатель Государственного совета.

ров), однако выполняя многие ответственные и щекотливые поручения, общаясь с «сильными мира сего», Михаил отчетливо понял, что, перефразируя Шекспира, «не всё в порядке» в Русском царстве. Тогда это сознавали многие, но Орлов оказался одним из первых, кто начал действовать.

«Я первый задумал в России план тайного общества. Это было в 1814 году»³⁴, — писал Михаил Федорович.

«Общество (Орден) русских рыцарей, замысел которого зародился в 1814 году у... Михаила Орлова, возникло не сразу после того, как было задумано. Правда, в том же 1814 г. посредством переписки Орлов снесся с графом Матвеем Дмитриевым-Мамоновым... Набросанные рукой Дмитриева-Мамонова “Пункты преподаваемого во внутреннем Ордене учения” содержат проект конституционного характера и являются в какой-то мере памятником этой ранней договоренности основателей общества...»³⁵

Конкретные цели общества были изложены в конституционном проекте, от которого остались лишь некоторые черновые наброски. Основным его автором историки считают графа Мамонова, в ту пору — 24-летнего генерал-майора, сына фаворита императрицы Екатерины II.

«Уже первый пункт проекта свидетельствовал о стремлении автора ограничить самодержавие в России. Согласно этому документу, у царя отнималось право вводить налоги, объявлять войну, заключать договоры с иностранными государствами, ссылать и наказывать, награждать орденами, назначать на высшие государственные, военные и дипломатические посты. Царь лишался самых своих важных прерогатив»³⁶.

Проектом предусматривался ряд «демократических послаблений» типа введения «вольного книгопечатания», но ни о каких особенных «правах человека и гражданина» в нем не говорилось. «Рабство», то есть крепостное право, к тому времени уже реально тормозившее экономическое развитие России, упразднялось, однако конкретный механизм «эмансипации», как назовут освобождение крестьян в середине XIX столетия, не предусматривался. Зато предполагалось построить военный флот в Архангельске, чтобы создать препятствие контрабандной английской торговле, осуществлявшейся в ущерб русской казне, а также — усилить флот на Балтике и на Черном море. «Русские рыцари» мечтали о войне против персов и вторжении российских войск в Индию — то есть о том же, о чем думали и многие российские государи, а также о присоединении к России славянских земель и изгнании из Европы турок — чуждых и враждебных европейской культуре последователей пророка Мухаммеда.

Что ж, идеи патриотичные и вполне разумные, находящие свой отголосок и в нашем XXI столетии...

Но почему мы уделяем столько внимания этому проекту и «Ордену русских рыцарей» как таковому? А потому, что наш герой имел к тайной организации самое непосредственное отношение, что, слава богу, ни в каких следственных документах зафиксировано не было.

Зато на эту тему пишет авторитетнейший знаток истории декабристского движения академик Милица Васильевна Нечкина:

«К “Ордену” “причастен” и М. Н. Новиков, племянник писателя-просветителя XVIII века. Поскольку в собственноручном письме М. Дмитриева-Мамонова еще до его отъезда за границу (февраль 1816 года. — А. Б.) засвидетельствовано участие Давыдова в создании программных документов “Ордена”, можно сделать вывод, что родственник М. Орлова — поэт-партизан 1812 года Денис Давыдов также был причастен к организации. Его участие должно быть отнесено ко времени после окончания военных действий. То обстоятельство, что осведомленность Дениса Давыдова о политических замыслах М. Орлова и М. Дмитриева-Мамонова шла очень далеко, можно увидеть из следующих слов об “идеологе” М. Орлове в письме Д. Давыдова к П. Д. Киселеву: “Как ни дуж, ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в России”»³⁷.

Далее следует вывод: «Таким образом, “Орден русских рыцарей” — самая многочисленная из известных нам ранних “преддекабристских” организаций — состоял из его основателей М. Орлова, М. Дмитриева-Мамонова и причастных к нему Н. Тургенева, Н. М. Новикова, Дениса Давыдова и, по-видимому, М. Невзорова... Однако весьма сомнительно, чтобы указанная шестерка или восьмерка хотя бы один раз заседала вместе за одним столом...»³⁸

Говоря о «восьмерке», автор предполагает, что ее членами были и две такие одиозные личности, как уже известный нам Александр Христофорович Бенкендорф и полковник лейб-гвардии Преображенского полка светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков*. Для того чтобы вступить в ряды «Русских рыцарей», у них были свои причины, равно как свои причины были и у Дениса Давыдова.

Да, наш герой был «рожден для службы царской», но ежели царь относился к нему с таким пренебрежением, что не только не награждал, но и отнимал некоторое даденное, — то он

* Александр Сергеевич Меншиков (1787—1869) — светлейший князь, адмирал, главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму в 1853—1855 годах.

мог перейти и на другую сторону, к тем людям, которые столь же самоотверженно и верно служили России, но не тогдашнему ее государю Александру Павловичу. Это — причины сугубо личные, которые лишь добавлялись к тому пониманию, к которому пришли в то время многие.

Хотя признаем, что в негативном отношении императора к своему генералу был прежде всего виноват сам поручик Давыдов. Ну для чего ему было открытым текстом писать про императора, что он «глухая тварь, разиня бестолковый»? На такую оценку обиделся бы и лабазник, не то что «самодержец земли Русской».

Но, что бы там ни было, пусть и ненадолго — «Орден русских рыцарей» реально существовал «менее года, обнимая вторую половину 1815 и начало 1816 года»³⁹ — все же в так называемом «движении декабристов» наш герой «засветился», как бы впоследствии от этого ни открещивался сам Денис Васильевич и что бы ни говорили историки. По счастью, в знаменитом «Алфавите декабристов» — если правильнее, то «Алфавите членам бывших злоумышленных Тайных Обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному Высочайше утвержденною 17-го декабря 1825-го года Следственной Комиссией» — его нет. Хотя там в числе «причастных» есть, к примеру, будущий начальник штаба корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением Леонтий Васильевич Дубельт и еще несколько будущих жандармских генералов.

Однако далее первой «преддекабристской» организации наш герой не пошел — на счастье как свое, так и будущего императора. Ведь окажись Денис Васильевич реально «причастным» к заговору, легендарного поэта-партизана пришлось бы «отмазывать», как откровенно был «отмазан» самим государем эстандарт-юнкер лейб-гвардии Конного полка светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов-Италийский, граф Рымникский. «Прочь с моих глаз! — вскричал император Николай Павлович, увидев приведенного к нему на допрос внука великого полководца. — Не верю, чтобы внук...» Ну и так далее! 1 января 1826 года Суворов-младший был пожалован корнетом гвардии и отправлен на Кавказ, откуда через два года возвратился флигель-адъютантом.

Вот и с Давыдовым могло получиться так же — уж слишком известен и популярен он был как в обществе, так и в простом народе.

Зато без огласки помытарить «народного героя» было вполне допустимо... Хотя казалось, что 1816 годом эти его мытарства и закончатся.

Глава девятая

«ВОЗЬМИТЕ МЕЧ — Я НЕДОСТОИН БРАНИ!» 1817—1826

*Давно ль под мечами, в пылу батарей
И я попирал дол кровавый,
И я в сонме храбрых, у шумных огней,
Наш стан оглашал песнью славы?..
Давно ль... Но забвеньем судьба меня губит,
И лира немеет, и сабля не рубит.*

Денис Давыдов. Зайцевскому,
поэту-моряку

Итак, в ноябре 1816 года Денис Васильевич принял под командование 1-ю бригаду 2-й гусарской дивизии: славные Ахтырский и Александрийский полки. Казалось бы, все прекрасно — но это был уже совсем не тот Давыдов, что более десяти лет тому назад с головой окунулся в нехитрые прелести гусарской жизни. За плечами нашего героя остались не только четыре войны и Заграничный поход, но, главное, он стал уже признанным литератором, а не просто «пиитом армейским» со «стишками злодейскими», приводившими в восхищение полковых товарищей.

Вот что писал Денис князю Вяземскому (и здесь все объяснено!):

«Теперь я в своей бригаде, расположенной между Вильною и Гродною. Боже мой! если мы когда достойны сожаления, то, право, не в сражении, не в изнурительных походах, не в грязи бивака, где чаще, нежели когда-нибудь, находим людей, которые нас понимают и чувствуют, но в так называемых непрременных квартирах, то есть в совершенной ссылке. Каково положение провести лучшие дни своей жизни в разоренной жидовской деревне, окруженной болотами и лесами, в обществе невоспитанных и тяжелых дураков, не умеющих о другом говорить, как о ремонтах*, продовольствии и на казне претензии! Я тебя уверяю, что не возьми я с собою книг несколько, пера, чернил и белой бумаги, я бы с ума сошел, да *à la*

* Ремонт (в кавалерии) — закупка лошадей, а также и сами лошади, закупленные для полка.

*letter** с ума бы сошел. Ко всему этому я должен посылать за 14 миль, то есть в Вильну, чтобы покупать провизию на стол, вино и даже белый хлеб. Есть счастливицы, которые, отслужив кое-как войну и имея даже бригады и дивизии, живут в Петербурге или где желают. Нет, да и я дурачусь последний год, в сентябре месяце буду проситься до излечения болезни к водам, но не к Липецким Шаховского, а доехавши до Кавказа, ворочусь как можно скорее в Москву, к друзьям моим, между которыми ты, конечно, из первых мест занимаешь. К тому же надо жениться — нечем жить! Пока был полковником, то кой-как переворачивался, а генералом плохо приходится...

Что тебе сказать о моих занятиях? Я читаю рапорты, читаю книги о фронтовой службе, чтобы не поддаться его высочеству, который на меня зубы грызет, иногда не забываю и муз, а в доказательство посылаю тебе две элегии, которые прошу переправить и вернуть обратно...»¹

Вот так — еще и подчинение цесаревичу Константину, с которым у Дениса недавно столь неудачно пересеклись дороги!

Но, как казалось, были в его тогдашней жизни и светлые моменты.

«Находясь в это время по делам службы в Киеве, Давыдов увидел Елизавету Антоновну Злотницкую, влюбился в нее и сделал ей предложение. Брак отсрочивался в виду затруднительного материального положения жениха, имение которого после смерти отца все еще состояло под запрещением, и почти все доходы шли на уплату лежавших на нем казенных долгов. Друзья Давыдова, с Закревским во главе, довели об этом до сведения Государя, который повелел сложить долги и сверх того назначил 6000 рублей ежегодной аренды. Но во время частых отлучек Давыдова Злотницкая (1800—1864) в 1820 году вышла замуж за князя Петра Алексеевича Голицына (1792—1842). Обстоятельство это сильно задело за живое поэта, вызвавшие его волновавшие его чувства в стихотворении, написанном с большим сарказмом. Полагая, что аренда назначена ему лишь по случаю свадьбы, Давыдов известил государя о случившемся. Однако аренда была оставлена за ним»².

Насколько мы помним, государь освободил Дениса от отцовского долга несколько раньше, но аренда ему действительно была дана.

Что сказать по этому поводу? В очередной раз видно, что, к сожалению, блистательный Денис особым расположением женского пола не пользовался. Да и «сук рубить» ему бы следовало по себе: вряд ли его стихи и подвиги на полях сражений с французами могли по-настоящему увлечь юную польку,

* Буквально (фр.).

в два раза его моложе, дочь генерал-лейтенанта, в Отечественной войне не участвовавшего. Хотя один из старших братьев Лизы (вот мы и встретились в реалиях с этим излюбленным поэтами XVIII столетия именем!), Эразм — он же Герасим, если по-русски, дрался при Кремсе и Аустерлице и вполне мог встречаться с Давыдовым как под Рушуком, так и в 1812—1814 годах.

Думается, Денису повезло, что у него нашелся счастливый соперник и что «прекрасная полячка» решила стать не генеральшей, но княгиней. Уже в 1820 году ее безликий и ничем не отмеченный в истории муж перешел в католичество; их единственный сын Августин Петрович (1823—1876) с юности и до конца дней своих жил во Франции. Здесь, однако, он занимался пропагандой своей отеческой культуры: в частности, перевел на французский язык пушкинскую «Историю Пугачевского бунта» и «Князя Серебряного» графа Алексея Толстого; князь Августин Голицын состоял в переписке с директором Императорской публичной библиотеки бароном Модестом Корфом — лицеистом пушкинского выпуска и тайно пересылал ему запрещенные в России книги, за что в 1868 году был удостоен звания почетного корреспондента Публичной библиотеки.

Удивительно, но этот брак дал достойные плоды. А если бы на Злотницкой женился Денис, что тогда? Возможно, все получилось бы как у его кумира князя Багратиона, супруга которого пребывала за границей, в то время как он воевал...

В результате неудачного своего сватовства Давыдов не только получил оставленную за ним аренду, но и, как сказано, написал стихотворение, совершенно прекрасное. Вот оно:

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Как бешеный кричу: увы!
И от измены изменяюсь?
Я — тот же атеист в любви,
Как был и буду, уверяю;
И чем рвать волосы свои,
Я ваши — к вам же отсылаю.
А чтоб впоследствии не быть
Перед наследником в ответе,
Все ваши клятвы век любить —
Ему послал по эстафете.

(Прервем стихотворение и скажем, что такой мелкой мести мы от нашего гусарского генерала никак не ждали и категорически ее не одобряем! Впрочем, автор и сам сознает свою неправоту.)

Простите! Право, виноват!
Но если б знали, как я рад
Моей отставке благодатной...³

Далее читатель сам найдет по указанной ссылке...

А тут еще и продолжающиеся служебные неурядицы. 19 февраля 1818 года Денис Васильевич вдруг получил назначение начальником штаба 7-го пехотного корпуса, затем через год, 22 февраля, был переведен на такую же должность в 3-й пехотный корпус. С чего и для чего?! Кстати, в 7-м корпусе он сменил известного нам Михайлу Орлова, которого загнали сюда еще в 1817 году, а потом перевели на штаб 4-го корпуса. Он ведь тоже был исконный кавалерист, разведчик, партизан по боевому опыту 1812-го и последующего годов, даже дипломат! Не его это была должность — начальника штаба! И не Дениса! Неужели Александр I, очень умный человек, того не понимал?! Или специально задвигал наиболее «беспокойных» в глухие углы империи и на несамостоятельные должности? Но какая кому от того была польза?

Как пишет современный военный историк и литератор Сергей Куличкин (в прошлом — полковник Генерального штаба Вооруженных сил СССР и автор книги серии «ЖЗЛ» «Кондратенко»), «в военной профессии очень редко талантливый фронтовой командующий становился блестящим генштабистом. И наоборот, блестящие генштабисты нередко становились умелыми фронтовыми командующими, уверенно руководившими войсками в бою и сражении»⁴.

Снизим уровень, обратившись к военачальникам и штабистам оперативного звена — корпуса и дивизии, и смысл останется все тем же. Вряд ли из лихого и дерзкого командира партизанского отряда, гусара-рубачи, может получиться хороший и вдумчивый начальник штаба, который будет скрупулезно отрабатывать предстоящие операции! Не зря же заявил один из героев легендарного фильма «Гусарская баллада»: «Штабной в отряде — скверная примета!» Конечно, эта служба была Денису не по душе и не по характеру. Биограф свидетельствует:

«Не удивительно, что при таком взгляде на службу Д. В. Давыдов не только не находил удовлетворения в ней, но и часто уезжал из “непросвещенных провинций и степей” в просвещенные столицы, преимущественно в Москву, где находил удовлетворение своим умственным и духовным интересам. Как значится в его формуляре, 12 ноября 1818 года он отправился в отпуск на два месяца, но показывался в отпуску до 1 июня 1819 года; 22 декабря того же 1819 года он снова уезжает на два месяца и опять показывается в отпуску до 17 марта 1820 года...»⁵

Вот как не без горькой иронии писал о своих обязанностях сам Денис: «Что касается до меня, то я своим местом очень доволен. Не отвечаю уже, как шорник за ремешки и пряжки, как берейтор за посадку гусара, *как будто* благочестивый человек за пьянство его, *как будто* космополит и филантроп за развитие им рыла какому-нибудь шляхтичу. Словом, я отвечаю только за свою голову, за которую ручаюсь»⁶.

Вместо того чтобы служить, он «отбывал номер». Да, рутинная служба мирного времени не идет ни в какое сравнение с боевой, обычно она скучна и монотонна, зачастую ее не выдерживают офицеры и генералы, недавно еще со славою прошедшие дорогами войны. Все это так... Исходу нет...

Вот и писал Давыдов своему другу Павлу Дмитриевичу Киселеву, кавалергарду, который был моложе его годами, но уже возглавлял штаб стоявшей на Украине 2-й армии:

«Душная моя должность, как тюрьма, гасит даже воображение мое; в него так много вкралось прозы, что я себя не узнаю. Заговорили было, что Австрия на нас вооружается; от радости трубка упала из зуб моих и я взглянул на саблю мою, снедаемую ржавчиной, — но вскоре узнал, что штыки немецкие поднялись на мысли народные, то есть я увидел, что они намерены колоть воздух, — и я со вздохом велел закурить трубку и раскрыл устав о пехотной службе. Да простит мне Михаил идеолог: скучное время пришло для нашего брата солдата!..»⁷

«Михаил идеолог» — их общий с Киселевым друг, все тот же Орлов, начальник штаба 4-го корпуса, стоявшего в Киеве. Командовал корпусом генерал от кавалерии Раевский, на дочери которого Екатерине Михаил Федорович скоро женится и таким образом породнится с Давыдовым. После распада «Ордена русских рыцарей» Орлов стал членом Коренного совета Союза благоденствия...

Вспомним, однако, слова доблестного генерала Якова Петровича Кульнева, убитого под Клястицами: «Люблю нашу матушку Россию за то, что у нас всегда где-нибудь да дерутся!»

Пусть Отечественная «война со славою была кончена», но давно уже болезненной незаживающей раной кровоточил Кавказ. Официально считается, что Кавказская война, длившаяся полвека, началась именно в 1817 году — но на самом деле все началось еще в XVIII столетии и отнюдь не завершилось официальным 1864 годом... Но речь не о Кавказской войне как таковой, а о том, что там — дрались! К тому же в 1816 году главноуправляющим в Грузии и командующим Отдельным кавказским корпусом назначен был Алексей Петрович Ермолов, произведенный в 1818 году в чин генерала от инфантерии. Казалось бы, что именно Денису, с его уникальным

опытом «малой войны», партизанских действий на вражеской территории, там было самое место. Недаром же письма Ермолова его друзьям буквально пестрят именем Давыдова:

«...с Денисом желаю я служить вместе и мог бы из способностей его извлечь большую себе помощь»⁸.

«Говоря о драгоценностях, не должен забыть о *Денисе Давыдове*»⁹.

«Какою отрадою мог быть нам Денис, если его определяют на линию»¹⁰.

В ту пору молодые генералы и гвардейские офицеры еще не просились на Кавказ за орденами и чинами — туда обычно направляли самых худших, и Александр I без труда мог удовлетворить многочисленные просьбы и Давыдова, и Ермолова, в виде милости «сослав» в Грузию беспокойного генерала, ко- ему он совсем не симпатизировал, но...

«Просил я сюда Дениса Давыдова, но мне не раз отказали, думая, что в сорок лет он такой же повеса, каковым был в молодые лета, хотя и тогда он им не бывал для того, кто коротко знал его...»¹¹ — жаловался Алексей Петрович в письме одному из своих друзей.

К сожалению, Александр I был злопамятен и мстителен. Очень плохо, когда, определяясь с назначениями, правитель исходит не из интересов дела и профессиональных качеств человека, но из прежних своих дружеских отношений, симпатий, антипатий и оценок личной преданности.

«...Насчет Давыдова мне казалось, что Ермолов не доволь- но настаивал об определении его сюда в дивизионные. Теперь имею неоспоримые доказательства, что он несколько раз настоятельно этого требовал, но получал одни и те же отказы. Зная и Давыдова и здешние дела, нахожу, что это немаловаж- ный промах. Здесь нужен военный человек, решительный и умный, не только исполнитель чужих предначертаний, сам творец своего поведения, недремлющий наблюдатель всего, что угрожает порядку и спокойствию от Усть-Лабы до Андреевской; загляни на карту и суди о важности этого назначения; Давыдов здесь во многом поправил бы ошибки самого Алексея Петровича, который притом не может быть сам повсюду. Эта краска рыцарства, какую судьба оттенила характер нашего приятеля, привязала бы к нему кабардинцев»¹² — так Александр Сергеевич Грибоедов, служивший при главноуправля- ющем в Грузии «по дипломатической части», писал своему боевому товарищу, другу своему и Дениса, кавалергарду, от- ставному полковнику Степану Никитичу Бегичеву.

Во все времена в России умели губить людей толковых и та- лантливых. А в том, что Давыдов именно таков — талантливый

Денис Васильевич Давыдов. Художник В. П. Лангер. 1819 г.

Генерал-майор Михаил Федорович Орлов. *Неизвестный художник. Первая половина XIX в.*

Генерал от кавалерии Илларион Васильевич Васильчиков. *Гравюра Г. Доу с оригинала из мастерской Дж. Доу. 1823 г.*

Вторжение в Россию в 1812 году.

Литография Г. Генри по рисунку О. Микешина. Конец XIX в.

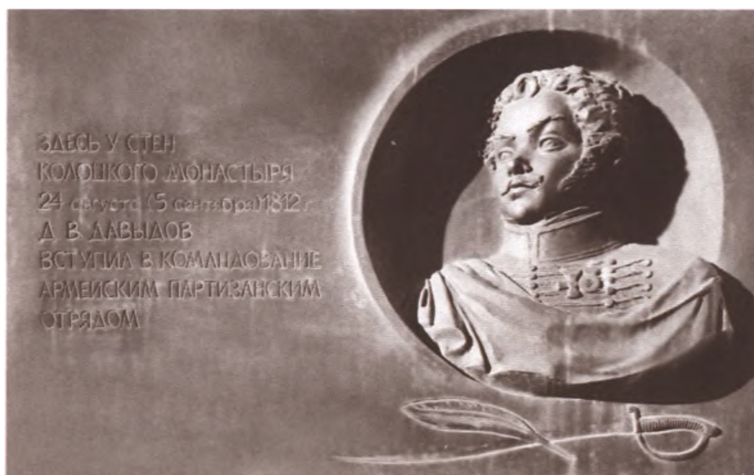
Кавалерийские
пистолеты
и гусарская ташка.
Начало XIX в.

Офицеры
Ахтырского
и Александрийского
гусарских полков
1820 года. Из книги
А. В. Висковатова
«Историческое
описание одежды
и вооружения
российских войск».
1841—1862 гг.

Денис Васильевич Давыдов. Пунктир А. Афанасьева
по рисунку В. П. Лангера. После 1812 г.

Памятная доска, указывающая место образования первого армейского партизанского отряда в 1812 году

Успенский Колоцкий женский монастырь

Полковник Александр Самойлович Фигнер. *Неизвестный художник. 1830-е гг.*

Генерал-майор Александр Никитич Сеславин. *Художник Дж. Доу. 1820-е гг.*

Гусарский разъезд. *Художник А. Сафонов. 1912 г.*

Денис Васильевич
Давыдов.
*Раскрашенная
гравюра М. Дюбурга
по оригиналу
А. Орловского.
1814 г.*

Русские гусары
в 1814 году
в Нюрнберге.
*Гравюра Г. Адама
по собственному
рисунку.
1814 — до 1838 г.*

Денис Васильевич Давыдов. С литографии К. Гампельна. 1830-е гг.

Генерал от артиллерии (1837)
Алексей Петрович Ермолов.
Художник П. З. Захаров (Чеченец).
1843 г.

Александр Сергеевич Грибоедов.
Художник И. Н. Крамской. 1875 г.

Горцы в бою

Император Николай I.
*Художник П. Ж. Поль-Пети.
Середина XIX в.*

Великий князь
Константин Павлович.
Из альбома В. И. Апраксина

Польское восстание 1830 года. *С гравюры неизвестного художника*

Генерал-фельдмаршал, светлейший князь Иван Федорович Варшавский, граф Паскевич-Эриванский.
Литография П. Ф. Бореля. 1865 г.

Генерал-фельдмаршал, граф Иван Иванович Дибич-Забалканский.
Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

Атака гусар под Варшавой. *Художник М. Ю. Лермонтов. 1837 г.*

Александр Сергеевич Пушкин.
Гравюра Н. И. Уткина с оригинала
О. А. Кипренского. 1827 г.

Титульный лист книги
Д. В. Давыдова «Опыт теории
партизанского действия». 1822 г.

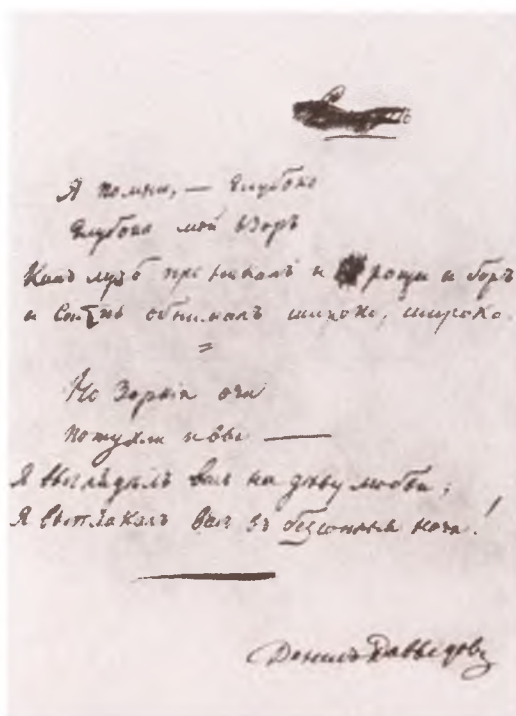

Генерал-лейтенант
Денис Васильевич Давыдов.
Рисунок А. Клюквина

Д. В. Давыдов.
Рисунок А. С. Пушкина

Стихотворный
автограф
Д. В. Давыдова

Боевые награды
Д. В. Давыдова

Багратионъ

Классъ Петра Ивановича,
на берегу Каспия, въ Кавказѣ

1) 1767го году
родился

- Войнѣ юности, покрыша раны,
Ихъ подлѣ друзей жертвы и тѣлѣ
2) Борсалиши Французскими королями,
которымъ въ раны,
и вѣнчанъ въ фронтѣ
3) Завоевалъ въ бою въ селѣ на присяжномъ
Орехово и Краги
4) Олу и десницу Суворова
и Утазовъ.
5) ~~Центръ селѣ Русской дивизіи~~
~~въ 1767 году въ Кавказѣ~~
6) въ Финляндіи короновалъ,
во Вранѣ и въ Ясѣ арміями,
предводителемъ
III ~~Турки, брата престола въ дѣлѣ~~
7) ~~въ 1767 году~~ ~~въ селѣ въ дѣлѣ~~
Любови и карьерѣ Русской арміи
всѣхъ, и всѣхъ
8) Въ роковой день селеніи въ Борзунской ~~сѣлѣ~~
9) Онъ тѣло....
Здесь похороненъ прахъ его
и благоговѣйте!

Давидъ Давыдовъ

Воспоминаніе о П. И. Багратионѣ

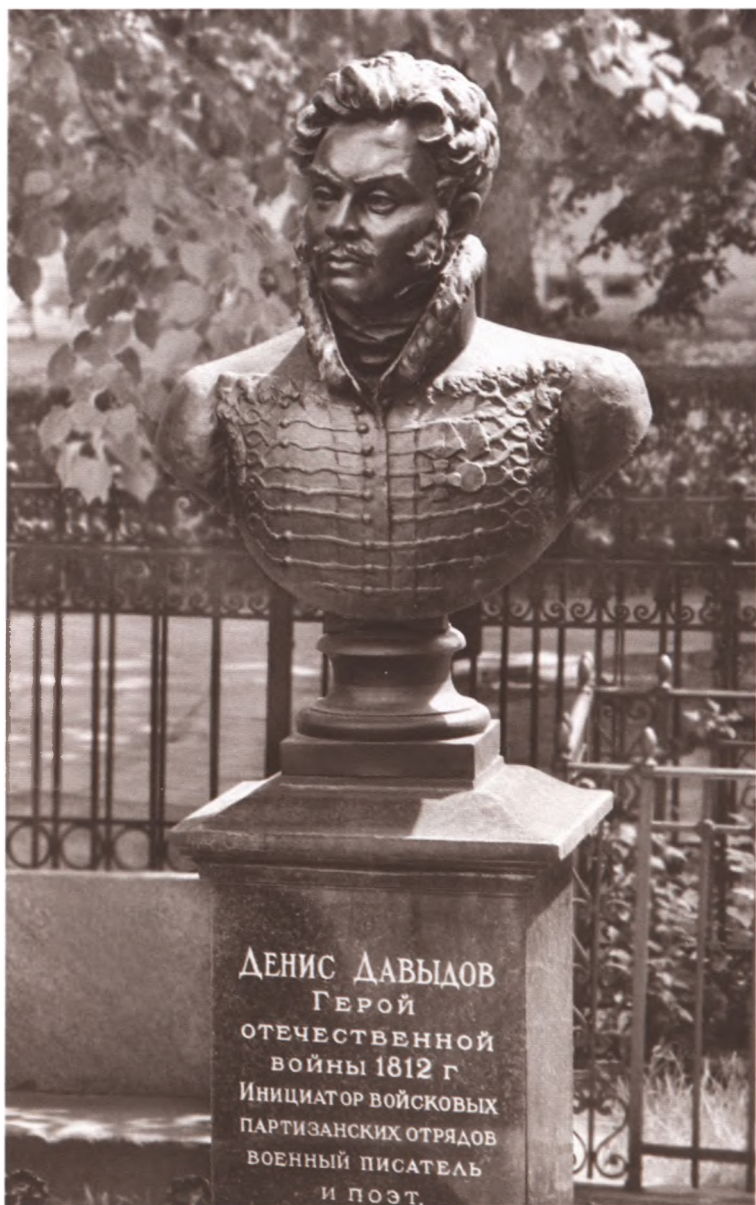
Проект надписи на памятнике П. И. Багратиону.
Автограф Д. В. Давыдова

Денис Давыдов. Изображение на постаменте памятника М. И. Кутузову в Москве. Скульптор Н. Томский, архитектор Л. Голубовский. 1973 г. Фото автора

Дом Д. В. Давыдова в Москве, на Пречистенке. Фото автора

Надгробный бюст Дениса Васильевича Давыдова на Новодевичьем кладбище в Москве. *Фото автора*

и толковый, не было сомнений ни в военных кругах, ни в литературном сообществе.

Еще 7 января 1817 года Денис Васильевич писал князю Петру Андреевичу:

«...Я также назначен членом Военного Общества, при Гвардейском Главном штабе утвержденном. В нем членами — Жомини, Толь, Дибич, Бутурлин и множество отличных офицеров.

На днях я для их журнала посылаю мое новое сочинение: *Опыт о партизанах*. Я им уже читал, и они были очень довольны»¹³.

Это было так называемое «Общество военных людей», издававшее в 1817—1819 годах «Военный журнал». В соответствии с заявленной программой в нем должны были помещаться теоретические статьи о военном деле, материалы о Наполеоновских войнах в Европе и в особенности об Отечественной войне и Заграничном походе, переводы трудов знаменитых римских и греческих историков, «известия о военных добродетелях россиян» и многое иное... Но, к сожалению, «на содержании “Военного журнала” ярко сказалась мертвенная полоса, в которую вступила в то время русская военная жизнь. В теоретических статьях не было оригинальности; преобладали переводы; весьма малозначительны были печатавшиеся в нем исторические документы. Текущие вопросы не затрагивались, библиографии не было. Несмотря на покровительство высшего начальства, “Военный журнал” просуществовал недолго и прекратился в 1819 году на 6-й книжке»¹⁴.

Как известно, давыдовский «Опыт теории партизанских действий» увидел свет несколько позднее... Но нас интересует тот факт, что Денис вошел в состав общества наряду со столь высокопоставленными военными чиновниками, как начальник штаба Гвардейского корпуса генерал-майор Н. М. Сипягин, генерал-квартирмейстер при Главном штабе генерал-лейтенант барон К. Ф. Толь, барон И. И. Дибич, ставший теперь генерал-адъютантом и возглавлявший штаб 1-й армии, известный военный теоретик генерал-лейтенант барон Генрих Вениаминович Жомини, который еще недавно был начальником штаба в корпусе маршала Нея и звался Антуаном Анри.

Если говорить о признании в литературном мире, то вспомним, что весной 1817 года на заседаниях «Арзамаса» Александр Федорович Воейков — Дымная Печурка или Две огромные руки — поэт и издатель, профессор Дерптского университета и член Российской академии, читал свой «Парнасский адрес-календарь», в коем «расставил по полочкам» известных российских литераторов в зависимости от их заслуг перед оте-

чественной словесностью и собственного своего остроумия. Мы назовем лишь несколько из перечисленных в нем персон:

«1. *И. И. Дмитриев*, действительный поэт 1-го класса. По прошению уволен от поэзии в царство дружбы и славы, с ношением лаврового венка...

4. *К. Н. Батюшков*, действительный поэт, стольник Муз, обер-камергер Граций.

5. *Кн. П. А. Вяземский*, министр полиции, главноуправляющий смирительными заведениями для завистников, вралей и бездельников...

8. *Д. В. Давыдов*, действительный поэт, генерал-адъютант Аполлона, при переписке Вакха с Венерою...

11. *Вильгельм Кюхельбекер*, хирург из Немчин, заготавливает из стихотворений своих для Феба промывательное...

37. *Гр. Д. И. Хвостов*, обер-дубина Феба в ранге провинциального секретаря; обучает Ипокренских лягушат квакать и барахтаться в грязи.

38. *А. С. Шишков*, патриарх старообрядцев, главный директор раскольникового книгохранилища; на шее носит шиш на пестрой тесьме, а в петлице раскольничью бороду на голубой ленте; перелагает в стихи Стоглав и Кормчую книгу...

43. *И. А. Крылов*, действительный поэт 1-го класса. Придворный проповедник, имеет лавровый венок и входит к его Парнасскому величеству без доклада...»¹⁵

Как видим, наш Денис получил объективно-блистательную характеристику. И вот такой человек прозябал теперь в провинциальном захолустье!

Хотя «прозябал» — это неверно: он жил. Пусть его и раздражало окружение, которое он во всех смыслах перерос, ему претили мелочные заботы службы мирного времени — заметим, что после войны и люди как-то переменились, и армейская жизнь стала иной... Недаром именно тогда, а совсем не в николаевское время, не где-нибудь через четверть века после Отечественной войны, как считают многие, была написана «Песня старого гусара»:

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутельники седые?
Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами,
И сидящих вкруг огня
С красносызыми носами!

.....
А теперь что вижу? — Страх!

И гусары в модном свете,
В виц-мундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!
Говорят умней они...
Но что слышим от любовов?
Жомини, да Жомини!
А об водке ни полслова!¹⁶

Но всему вопреки Давыдов жил своей особенной жизнью — непонятной и недоступной человеку нетворческому.

Прежде всего, он писал стихи — во всей силе зрелого уже таланта. Не имея у себя в глуши непосредственных контактов с другими стихотворцами, он состоял с ними в переписке, был в курсе литературных новостей и знакомился с новыми стихами еще до их опубликования.

Вот что написано в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина»:

«[1818 г.] Июнь, 2. Каменец-Подольск. Д. Давыдов в письме к Вяземскому в Варшаву разбирает стихотворение Пушкина “Жуковскому” (“Когда, к мечтательному миру”) — раннюю редакцию (тут есть слова, нам неизвестные): “Стихи Пушкина хороши, но не так, как тебе кажутся, и не лучшие из его стихов. Первые четыре для меня непонятны. Но *И быстрый холод вдохновенья влася подъямлет на челе* прекрасно! И меня подрал мороз по коже. От стиха сего до рифмы ясным не узнаю молодого Пушкина. *В дыму столетий* чудесно! Но *великаны сумрака Карамзина...* что скажешь? А мысль одинакая. Замечание твое насчет *злойдейства* и с *сынами* справедливо. Теперь от рифмы окружен до рифмы земной, я слышу Василья Львовича, напев его. Но стих — *И в нем трепещет вдохновенье* — прелестен! Вот мое мненье насчет этих стихов”»¹⁷.

В это время Давыдов и Пушкин еще не были знакомы.

Денис Васильевич пребывал и в курсе новинок зарубежной литературы. «В минуты сердечных тревог Давыдов любил обращаться к современным ему французским поэтам. Больше всего он любил Парни. В произведениях этого поэта нравилась Давыдову простота и горячность чувства. Но наш поэт делал переводы и из других поэтов: из Виге, Арно, Делиля, Понс-де-Верде. Так, например, в 1817 году им был сделан перевод стихотворения из Арно — “Листок”. Сам автор этого стихотворения находил перевод замечательным по своему изяществу и близости к подлиннику. Кроме Давыдова переводили это же стихотворение Жуковский и В. Л. Пушкин (впоследствии — М. Ю. Лермонтов. — А. Б.)»¹⁸.

У Давыдова:

Листок иссохший одинокий,
Пролетный гость степи широкой...¹⁹

У Лермонтова:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый...²⁰

Что один текст, что другой — берет за душу..

Мы помним, как еще в Париже (вместо того чтобы добросовестно пьянствовать и отвечать взаимностью на приветливость парижанок — не будем их осуждать, ибо Наполеоновские войны буквально подчистую вымели французских мужчин, отчего даже средний рост нации уменьшился сантиметров на десять!) Денис принялся писать свои заметки об Отечественной войне, партизанских действиях и Заграничной кампании — вплоть до взятия Дрездена. Творческая работа, вне зависимости от того, нравится это кому-то или нет, частично заменяет все прочие радости жизни, вплоть до женщин и вина. Повторим — частично, и наш герой это прекрасно осознавал.

Свое писание, приятно щекоtavaвшее самолюбие сознанием того, что если государь и может отобрать заслуженную награду, то отнять прошлого не в силах никто, Давыдов продолжал и в дни постылого «варшавского сидения», и теперь, кочуя по западным окраинам России.

«В праздные дни я занимаюсь приведением в порядок Дневника моих поисков, и уже почти половину написал. Там я весь: дурен ли, хорош ли, но чувства и мысли мои — все там. Когда кончу, немедленно пришло к тебе помыть и поутюжить»²¹, — извещал он князя Вяземского.

О том, что тексты его «Записок» представляли интерес не только для досужего читателя, мы можем судить со слов такого выдающегося военачальника, как Ермолов, писавшего своему кузену:

«Присылай прочесть обещанный опыт о партизанах: в сем роде не случилось мне ничего прочесть порядочного... Любопытен я очень видеть Записки твои о войне в Пруссии 1806 и 1807 годов. Нельзя лучшего иметь источника, как сам Беннигсен, из записок коего, как сам ты говоришь, взял ты многие сведения. Мне остается ко всему тому один присоединить вопрос: говорил ли ты с ним подробно о сей войне? ибо есть некоторые обстоятельства, которые он, конечно, не описал и некогда говорил мне о них.

Хорошо, Любезный Брат, что и Музы, столь всегда тебе благосклонные, не престают улыбаться тебе. Заставь и нас, жителей края отдаленного, усмехнуться на твои, острою и замысловатостью оригинальные произведения...»²²

К тому же Денис Васильевич успевал заниматься еще и самообразованием:

«Ко мне прислали на 1000 рублей книг. Я теперь весь зарыт в них и предпринял курс фортификации в Бусмаре, государственное хозяйство в Сее и *politique constitutionnelle* в Benjamin-Constant и Bentham, — коих у меня полное сочинение. Времени много перед руками; давай учиться, тем свободнее, что место начальника штаба совершенно пустое»²³.

(Припомнилось вдруг, кстати, из «Евгения Онегина»: «Хоть, может быть, иная дама / Толкует Сея и Бентама...», но что делать? Это модные авторы из числа «серьезных», которых, наверное, в то время стыдно было не читать.)

Да, были творческие планы, делались многообразные литературные дела — но ведь и воинское честолюбие не угасло в душе Дениса! Он мыслил отнюдь не на том уровне, который приписал ему партикулярный критик («лишь бы помахать саблей»), но в оперативном масштабе, с желанием принести Отечеству ту действительную пользу, на какую был способен. Вот что писал он Киселеву:

«Недавно выписал я новую книгу о Малой Азии. Эта сторона нам почти неизвестна, то есть топографическая ее часть. Я из нее выписываю все, что касается до берегов Черного моря в Анатолии, и даже, что касается глубины этой провинции. Может быть, выписка моя полезна будет тому, кто будет командовать высадным войском в Анатолии, которая есть сердце Турецкой империи и куда, следовательно, мы должны будем устремить истинный удар наш. О если бы я командовал этим войском!»²⁴

Но он лишь возглавлял корпусной штаб...

...В то время, в 1818 году, произошло также нечто неизвестное, из-за чего друзья решили, что Денис Васильевич умер или убит — отголоски этих слухов остались в их личной переписке. Так, в конце декабря 1819 года князь Вяземский писал Александру Тургеневу:

«...вот несколько стихов, которые я написал при известии прошлогоднем о мнимой смерти Давыдова. Я отыскал их в тряпках.

Жизнь — ночь, а смерть есть день; или ночь могилы сень,
А жизнь есть день для нас; но к цели безопасной
Равно вести должна последняя ступень...»²⁵

* * *

В эти годы Давыдов изрядно попутешествовал — как по казенной, так и по личной надобности, жила в обеих столицах и во многих провинциальных городах. Путешествия, как

известно, чреваты новыми встречами и новыми знакомствами.

Для нас, читателей, самым важным, безусловно, является тот факт, что в декабре 1818-го или в начале января 1819 года, когда Денис Васильевич приезжал в Санкт-Петербург из чудного городка Херсона, он познакомился с Александром Пушкиным, недавним выпускником Лицея, служившим теперь в Коллегии иностранных дел. Как и где они повстречались в Петербурге — неизвестно, но это знакомство явно было должанным с обеих сторон...

В подтверждение приведем слова Михаила Юзефовича, уланского штабс-ротмистра, сослуживца Льва Пушкина, который встречался и с самим поэтом: «В бывших у нас литературных беседах я раз сделал Пушкину вопрос, всегда меня занимавший: как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и, даже в самых первых своих опытах, не сделался подражателем ни того, ни другого? Пушкин мне отвечал, что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным»²⁶.

Однако, несмотря на все величие и значение Пушкина, на ту дружбу, которая вскоре связала двух поэтов, сам Давыдов, разумеется, наиболее важным считал иное знакомство. В тот же период в Москве он встретился с Софьей Николаевной Чирковой. Это была в полном смысле «подходящая партия» — не прима-балерина и не юная католичка, а девушка из того круга, в котором вращался Денис. Ей было уже 24 года, что по тем временам считалось зрелым возрастом. Отец ее, генерал-майор и георгиевский кавалер Николай Александрович Чирков, участник Турецкой войны 1787—1791 годов, закончил службу еще в 1797 году, шефом Тифлисского пехотного полка, входившего в Кавказский корпус, и, как сказано в его биографии, «посвятил себя устройству имений», что свидетельствует о его состоятельности. Да и Денис теперь уже вряд ли выбрал бы бесприданницу, хотя «блестящей» эту партию назвать было нельзя: генерал скончался еще в декабре 1806 года.

Казалось бы, матушка Софьи Николаевны должна быть рада поскорее выдать замуж свою уже «немолодую» дочь, но... сработал, так сказать, «Бурцовский синдром» — вспомним, как сокрушался старик-городничий, злосчастный отец «гусара гусаров», узнавший из давыдовских стихов о «подвигах» своего сына. Теперь сомнительная слава «лирического героя» коснулась своим крылом и самого его создателя.

«Бабка моя по матери, рожденная Татищева, по милости разгульных стихов отца, долго не соглашалась на его сватовство, и только откровенность его помогла делу и рассеяла

опасения. Покойный князь Алексей Григорьевич Щербатов*, коротко его знавший, весьма справедливо обрисовал удалые замашки отца моего, сказавши про него: «Давыдов, когда его хорошо узнаешь, только хвастун своих пороков». Поэт в душе, отец мой вдохновлялся всем, что выходило из общего уровня жизни; он пел буйный разгул Бурцева так же искренно, как красу женщин, красу природы, все поражающее его воображение. В то время всякого рода разгул был еще в чести; это придавало молодому офицеру своего рода лоск и значение; частые и шумные попойки были делом обыденной жизни, а тем более между гусарской молодежью. Очень натурально, что отец мой, шедший с общим потоком, в стихах своих увлекался жаждою разгульной славы, так же как и боевой, но удовольствовался ею только в стихах. В душе своей, в домашнем быту, он был весьма скромный и тихий семьянин, весьма строгий относительно самого себя. Всякая слава преувеличивает деяния, осеменяемые ею. Так было и с моим отцом...»²⁷ — рассказывал старший сын Давыдова Василий Денисович.

Наверное для полноты картины Денис именно тогда и «подмахнул стишок злодейский» на тему сватовства: «Решительный вечер», подобного которому никогда не было раньше и равного — позже.

Сегодня вечером увижусь я с тобою,
Сегодня вечером решится жребий мой,
Сегодня получу желаемое мною —
Иль абшид на покой!
А завтра — черт возьми! — как зюзя натянуся,
На тройке ухарской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
И пьяный в Петербург на пьянство прискачу!
Но если счастье назначено судьбою
Тому, кто целый век со счастьем не знаком,
Тогда... о, и тогда напьюсь свинья-свиньёю
И с радости пропью прогоны с кошельком!²⁸

Не знаем, как отнеслась к этому мадригалу (это понятие словарь Брокгауза и Ефрона трактует как «небольшое лирическое стихотворение любовного содержания из трех строф, соединенных общими рифмами», и кто скажет, что в данном случае оно не так?) будущая теща. Но хорошо известно, что литературные критики 1860-х годов буквально подняли вой, упрекая ироничного автора в безнравственности и цинизме и

* *Алексей Григорьевич Щербатов* (1776—1848) — князь, генерал от инфантерии, не раз встречался с Д. В. Давыдовым на театре боевых действий — вплоть до взятия знаменитого Бриенна и последующей Польской кампании 1831 года.

объясняя в пустоту, что именно должен чувствовать и как себя вести благонравный молодой человек в канун своего «решительного вечера».

«Есть стихотворения у Давыдова совершенно невероятные по отвратительной своей животности, которую стихотворцу желалось возвести в перлы сознания. Что может быть гаже, например, следующего признания в любви, именуемого «решительным вечером гусара» (далее следуют известные нам блистательные строки. — А. Б.).

В образцовой компании, к которой принадлежит этот гусар, решивший напиться свинья свиньёю, нравственное достоинство оценивается количеством опорожненных стаканов. Перечитывая стихотворения Давыдова, становишься в тупик и не веришь возможности этих киргиз-кайсацких нравов и взглядов посреди народа, считающего себя европейским. А между тем тон правды, господствующий во всех этих забубенных давыдовских произведениях, убеждает вас, что они искренны и что действительно существовала целая категория «сынов отечества», полагавшая краеугольным камнем жизни пьянство, кутеж и ухарское самохвальство»²⁹.

Правильно говорят, что «гусь свинье не товарищ», ну а мы знаем, что «рябчику» орла не понять при всем желании! Да и чувство юмора, к сожалению, присуще далеко не всякому.. Хорошо, что будущая Денисова теща все-таки оказалась разумнее, так что в августе 1819 года Давыдов извещал пребывавшего в Варшаве князя Вяземского:

«Я к тебе так долго не писал, потому что долго женихался, потом свадьба, потом вояж в Кременчуг, поездка в Киев и в Екатеринослав на смотры. Но едва приехал домой, как бросился писать к друзьям моим, из коих ты в голове колонны.

Что тебе сказать про себя? я счастлив! Люблю жену всякий день более и более, продолжаю служить и буду служить век, несмотря на привязанность к жене милой и доброй; зарыл в бумагах и книгах, пишу; но стихи оставил! Нет поэзии в безмятежной и блаженной жизни! Надо, чтобы что-нибудь ворочало душу и жгло воображение»³⁰.

Он действительно был счастлив в своей семейной жизни. Напомним подготовленным читателям, что у Дениса и Софьи Давыдовых было восемь детей: пять сыновей — Василий, Николай, Денис, Ахилл и Вадим, три дочери — Юлия, Екатерина и Софья.

А в 1819 году Михаил Орлов писал кому-то из друзей: «*Что делает Денис в когтях у Гименей?* Еще не кряхтит, а нежится. Ему кажется странным быть счастливым. Он греется под по-

доллом. Ничего не пишет, живет в Москве и ожидает наследника или наследницу»³¹.

Кажется, Давыдов так «нежился» всю свою жизнь (но уже, разумеется, писал)... И слава богу! Очень за него рады.

* * *

Только вот все прочее оказывалось совсем не слава богу... Давыдову явно «не давали ходу» на высшем уровне, что бы он ни пытался делать. К тому же, как это было с легендарным Барковым, а вскоре произойдет и с Пушкиным, он оказался тем поэтом, которому во множестве приписывали чужие стихи.

«Гибель острых слов и эпиграмм были приписаны ему; масса стихов, более или менее непристойных или либеральных, окрещивались его именем. Слава его росла, но вместе с нею и злоба задетых лиц, и служебная карьера моего отца горько поплатилась за нее...»³²

Дениса не пускали на Кавказ, к Ермолову, где он был действительно нужен и полезен. Он хотел «служить век», но та служба, которая ему предлагалась, его совершенно не удовлетворяла. К тому же начальник штаба пехотного корпуса должен был носить пехотный мундир, которому не соответствовали ни гусарская сабля, ни усы.

(Носить усы офицерам, за исключением гусар и улан, было запрещено до тех пор, пока какая-то дама не сказала императору Николаю Павловичу, что ему бы усы пришлись очень к лицу. Государь этот предпочитал мундиры лейб-гвардии Измайловского полка, Конной гвардии и Гвардейского саперного батальона, к легкой кавалерии отношения не имевших. Тогда Николай I в свойственной ему решительной манере «разрубил гордиев узел», сделав усы «привилегией военного сословия».)

А вот Ермолов в своем далеке изначально мог позволять себе любые вольности. В январе 1820 года он писал Давыдову из Дагестана: «Мне остается прибавить, что я приятное лицо мое омрачил густыми усами; ибо, не пленя именем, бесполезно страшить наружностью. Здесь всякое безобразие у места... Я многих, по необходимости, придержался Азиатских обычаев и вижу, что Проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить милосердием. И я ношу кинжал, без которого ни шагу...»³³

Как же хотелось Денису на Кавказ! Однако, не имея возможности туда отправиться и не желая жертвовать ни саблей, ни усами, ни драгоценным своим временем, он попросился в так называемый «отпуск с состоянием по кавалерии», который

без особого труда получил 17 марта 1820 года. Фактически его «вывели за штат», и теперь можно было полностью отдаться творческой работе.

«Давыдов задумал изложить систематически правила и способы ведения партизанской войны и представить книгу на Высочайшее рассмотрение. Новизна и важность рассматриваемого предмета казались автору вполне заслуживающими внимания Государя и побуждали Давыдова не раз обращаться с просьбой к Закревскому похлопотать о том, чтобы “Опыт о партизанской войне”, переданный автором Д. П. Бутурлину для вручения через князя П. М. Волконского Государю, достиг своего назначения. В одном из таких писем Закревскому Давыдов, между прочим, говорит: “Никто еще не писал об употреблении легких войск, как я писал в известном тебе ‘Опыте’, и все, которые читали его, уверяли меня, что он достоин Монаршего воззрения, особенно в такое время, как мир даст нам время привести все части в порядок”. Однако, вероятно, вследствие резких выходов Давыдова против некоторых участников Отечественной войны, Волконский медлил представлением этого сочинения государю, что выводило из себя нетерпеливого автора...»³⁴

Следует уточнить, что генерал от инфантерии князь Петр Михайлович Волконский возглавлял Главный штаб его императорского величества, флигель-адъютант полковник Дмитрий Петрович Бутурлин состоял при князе в адъютантах и что без указаний государя в России тогда ничего не делалось. Боевой друг генерал-майор Арсений Андреевич Закревский, как мы уже говорили, исполнял обязанности дежурного генерала Главного штаба.

«Такое отношение к Давыдову, как военному человеку с известным служебным положением и как автору, конечно, было крайне неприятно для его самолюбия, которому к тому же был нанесен сильный удар письмом барона К. Ф. Толя: 29 мая 1819 г. он писал, что государь соизволил поручить ему (Толю) “сочинение правил о службе на передовых постах и вообще во всех малых отрядах”, и по этому поводу просил Давыдова, как знающего и опытного “по сей части”, снабдить его одним экземпляром сочинения партизана, которое немало облегчит его труд и поможет с лучшей пользою исполнить возложенное на него Высочайшее поручение...

Денис Васильевич очень деликатно ответил обещанием прислать экземпляр и не без иронии прибавил: “Правда, я написал нечто об отрядах, где отстранив все то, чему учатся опытом, а не на бумаге, первый изложил стратегические правила партиям и согласил действие их с действием главной армии, —

вот мысль, которую не хотелось мне видеть в чужом сочинении” и потому... просил все заимствованные у него места отмечать: *из сочинения партизана Дениса Давыдова...*»³⁵

Генерал-лейтенант барон Карл Федорович Толь, блистательный генштабист и отважный боевой офицер, любимый ученик М. И. Кутузова в кадетском корпусе, отмеченный А. В. Суворовым во время Швейцарского похода, генерал-квартирмейстер при 1-й Западной армии в 1812 году, был бесконечно далек от всякой «партизанщины» и «иррегулярности». Какие там «малые отряды», если он давно уже мыслил в масштабах армий?!

Отношение «верхов» к Денису Васильевичу казалось оскорбительным. А вроде совсем недавно была Отечественная война, и люди жили по-иному, и отношения между ними были совершенно другими... Теперь следовало привыкать к новым реалиям. Вернее, приспособливаться к ним. Легко ли это было человеку, живущему памятью о войне и понимающему, что его уникальный боевой опыт непременно будет востребован в каких-то будущих кампаниях?

Историк, назвавший «Опыт теории партизанских действий» важнейшим из сочинений Дениса, прозорливо констатировал: «Действительно, для нас, русских, партизанская война всегда будет крайне необходима»³⁶.

Давыдову пришлось жертвовать своим самолюбием во имя высшей идеи, перекраивать текст, вносить исправления, подсказанные друзьями, — в особенности в тех местах, где он, по собственному своему признанию, «занесся», а затем передавать второе, как это сейчас официально пишется, — «исправленное и дополненное» издание книги Александру I. В результате того «в его (Давыдова) бумагах сохранилось подлинное извещение начальника Главного штаба Е. И. В. князя Волконского от 9 января 1822 года о том, что Государь император благодарит его за присланный им Его Величеству экземпляр сочинения его о Партизанской войне»³⁷. Тем вроде бы все и ограничилось, хотя то, что написал Денис Васильевич, — это в полном смысле слова серьезнейшая военно-теоретическая работа, а отнюдь не мемуары, автор которых предлагает за образец собственный опыт, пусть даже и уникальный... После издания такой книги имя Давыдова в России (да и не только!) должно было стоять в ряду с именами Клаузевица* и Жomini. Однако все ограничилось благодарностью от государя за присланную книгу.

* *Карл Филипп Готфрид фон Клаузевиц* (1780—1831) — генерал-майор, немецкий военный историк и теоретик; в 1812—1814 годах служил в Российской императорской армии в чине полковника.

Но вот — реакция современника, боевого офицера, то есть одного из тех, кому именно адресовалась книга — гвардии капитана Ивана Бурцова, написавшего Давыдову письмо:

«Русская военная литература, как известно Вам, богата только фронтовыми уставами и прибавлениями к оным; следовательно, приходится питать наставления по ремеслу нашему в сочинениях чужеземных. Я покорялся сему закону, хотя с великим негодованием: читал много, и утвердительно могу сказать, что ничего близкого, похожего даже на ваше произведение, не знаю...

Но я показал Вам точку, с которой смотрю на *Опыт теории партизанского действия*. Это подарок Русской армии; дань Европейскому воинству; творение равно славное и для языка и для народа Русского. Это в другом роде: *Опыт теории о налогах* Тургенева, коим не похвалится ни одна чужеземная литература. Тому воздавать будут хвалы политики, доколе не обрушатся столпы государственных зданий, — этому будут возносить благодарность воины, пока люди не перестанут точить штыки и отпускать сабли для гибели нарушителей покоя!

Вот, Милостивый Государь, мнение о творении Вашем соотечественника, в коем бьется сердце для славы, для блага России!..»³⁸

К известному давыдовскому другу Иван Григорьевич никакого отношения не имел. Он был адъютантом генерала Киселева и состоял в Союзе благоденствия. В январе 1826 года, уже полковником, Бурцов был арестован, три месяца отсидел в крепостях и был направлен на Кавказ, в войне с турками командовал Херсонским гренадерским полком, был награжден орденом Святого Георгия IV класса, получил в апреле 1829 года генеральские эполеты, а через три месяца был смертельно ранен в бою при Байбурте — в возрасте тридцати трех лет.

Такие люди уже шли на смену Давыдову и его поколению — офицерам и генералам Наполеоновских войн. В 1814 году Бурцов был только прапорщиком, хотя и заслужил уважаемый боевой «Владимир с бантом»...

Ну а Денис Васильевич, фактически оставленный не у дел, занялся своими личными делами. Он «поселился в Москве в собственном, им купленном доме на Знаменке. Покупка этого дома обнаруживает вполне военную беззаботность и доверчивый характер моего отца. При осмотре его продавец тщательно старался не допустить его в одну комнату, ее потолок грозил ежеминутным падением. Отец мой поддался на означенную тактику продавца и не полюбопытствовал даже войти в нее. Несмотря на советы моей матери, совершил купчую и весьма довольный, немедленно переехал в дом. Он сделал из

этой комнаты свой кабинет и беспечно жил там, все ожидая, когда потолок упадет»³⁹.

«Он отдался хлопотам по устройству собственных дел: купил дом в Москве, в Знаменском переулке, в котором жил с семьей по зимам, летние же месяцы проводил сначала в своем подмосковном селе Приютове, а потом в с. Мышецком, которое купил в 1822 г., после продажи первого за 118 тысяч. Отсюда он ездил осматривать взятое за женою в Симбирской губернии (Сызранского уезда) имение — Верхнюю Мазу, в котором впоследствии жил в последние годы жизни. Кроме того, у него еще было имение в Бугульминском уезде Оренбургской губернии, в котором было 402 души крестьян и винокуренный завод»⁴⁰.

Далее, в общем-то, в его жизни не оказывается ничего особенно интересного. Давыдов пишет. Общается с друзьями. Куда-то и зачем-то ездит. Пребывая в деревне, много охотится и, по его словам, понемногу «роется в огороде».

Александр Яковлевич Булгаков, чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, записал 15 декабря 1821 года: «Вчера в полдень выехал Закревский... Я не поехал провожать, боясь, чтобы эта экспедиция не продолжалась дня три, а поехали многие, иные до первой станции, а иные и до Клину...»⁴¹ В последующем внушительном списке есть и Денис Давыдов, и старый его друг — граф Федор Толстой-Американец...

Вспоминает генерал Михайловский-Данилевский, это уже 1823 год: «Говоря о московских литераторах, нельзя умолчать о Денисе Давыдове, известном партизане, военном писателе, а более еще прославившемся своими оригинальными стихотворениями. Я с ним несколько раз видался в Москве и всегда с новым удовольствием, потому что он столь же остроумен в речах, как и на бумаге. Однажды наш общий знакомый Зыбин пригласил нас на обед. Лишь только Давыдов увидел графины с водою, то закричал: “Прочь воду, она безобразит дружескую беседу”. Обед сей он украсил чтением вдохновенных своих стихов...»⁴²

Зиму того же года описала в своих воспоминаниях Е. П. Соковнина, племянница Степана Бегичева, которая у него гостила:

«Почти ежедневными посетителями дяди были, между другими, князь В. Ф. Одоевский, очень еще тогда молодой, почти юноша, и товарищ его по изданию сборника “Мнемозина” Кюхельбекер, который давал мне уроки русского и немецкого языков. Часто оживлял общество весельчак А. Н. Верстовский, который тогда написал знаменитый свой романс

“Черная шаль” и певал его с особенным выражением, своим небольшим баритоном, аккомпанируемый Грибоедовым. Остроумный и словоохотливый Денис Васильевич Давыдов сыпал острыми шутками и рассказами о былом. Понятно, что такое приятное общество, и притом с приправой лучших вин и изысканного обеда, приманивало многих посетителей»⁴³.

И опять — Булгаков, только это август 1824 года: «Вчера задал нам Жихарев важный обед; было человек с десяток: Ив. Ив. Дмитриев, Вяземский, Денис Давыдов, А. М. Пушкин*, Вьелеурский и домашние, очень было весело; только видя, что после обеда хозяин всех ведет к себе в кабинет и дал сигнал на шампанское, я ну бежать домой»⁴⁴.

В заключение темы — воспоминания князя Вяземского: Толстой-Американец, «не знаю по каким причинам, наложил на себя эпитимию и месяцев шесть не брал в рот ничего хмельного. В самое то время совершались в Москве проводы приятеля, который отъезжал надолго. Что ни день, то прощальный обед или прощальный ужин... Наконец назначены окончательные проводы в селе Всесвятском. Дружно выпит прощальный кубок, уже дорожная повозка у крыльца. Отъезжающий приятель сел в кибитку и пустился в путь. Гости отправились обратно в город. Толстой сел в сани с Денисом Давыдовым, который (заметим мимоходом) не давал обета в трезвости. Ночь морозная и светлая. Глубокое молчание. Толстой вдруг кричит кучеру: стой! Сани остановились. Он обращается к попутчику и говорит: “Голубчик Денис, дохни на меня!”

Воля ваша, а в этом дохни много поэзии. Это целая элегия! Оно может служить содержанием к картине; был бы только живописец, который бы постиг всю истину и прелесть этой сцены и умел выразить типические личности Дениса Давыдова и Американца Толстого»⁴⁵.

Ну и хватит обо всем этом! Хотя писем, воспоминаний, дневниковых записей и прочих свидетельств современников тут можно привести десятки.

Конечно, в соответствии со своим беспокойным характером, Денис не мог долго сидеть на одном месте. Периодически он наезжал в столицу, бывал в других городах. В одну из таких поездок он встречался с Александром Пушкиным, пребывавшим тогда, что называется, в «южной ссылке». Вот как отмечено в «Летописи жизни» Александра Сергеевича: «Киев. 1821. Январь, 30 (?) — Февраль, 12 (?). Пушкин живет у Н. Н. Раевского-старшего и общается с членами его семейства, с Аглаей Антоновной, Александром Львовичем и Василием Львовичем

* *Алексей Михайлович Пушкин* (1771—1825) — дальний родственник поэта, литератор, генерал-майор, действительный статский советник, камергер.

Давыдовыми, с М. Ф. Орловым, в мае помолвленным с Екатериной Николаевной Раевской, и с Д. В. Давыдовым»⁴⁶.

А вот что писал своей жене из Киева Денис Васильевич:

«Приехали сюда Александр Львович, Василий Львович и Волконский, Орлова с женой ждут с часа на час, Аглаю с детьми ждут также сегодня вечером... Николай Николаевич Раевский переменял дом и живет в прекраснейшем, подлинно барском доме. У него готовятся вечера по-прежнему, здесь множество съехалось артистов и уже начались споры насчет протекции, тот того протезирует, а тот другого. Я намерен провести здесь время как прошлого года (так в оригинале. — А. Б.), т. е. ездить каждый вечер к Николаю Николаевичу на полчаса, а там воротиться домой, писать к тебе, курить трубку и болтать с Васильем Львовичем, который неисчерпаемый источник веселости, ума и прекрасных чувств»⁴⁷.

Спокойная, легкая и беззаботная, веселая жизнь большой семьи, такую жизнь вполне заслужившей... Как тяжело порой бывает историку, знающему про то, что произойдет дальше!

Вскоре Пушкин написал строки, к Давыдову обращенные:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов...

А дальше в тексте — совершенно поразительное:

Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею,
Вспоминаю прежних дней...⁴⁸

И это пишет 22-летний поэт, обращаясь к не столь уж молодому боевому генералу! Казалось бы, следовало наоборот! Но более того, несколько позднее Денис Васильевич войдет в ту категорию, которая до сих пор именуется «поэты Пушкинского круга».

А вот как считает биограф:

«Взаимные отношения Пушкина и Давыдова могли бы дать содержание не одной любопытной странице нашего литературного прошлого. Давыдов преклонялся перед гением русского народного поэта, Пушкин же, в свою очередь, восторгался блестящим талантом поэта-партизана с самых юных лет до конца своих дней. Их взаимному сближению, между прочим, способствовала семья Раевских, которая, как известно, была близка Пушкину и состояла в родстве с Давыдовым...

Пушкина и Давыдова, помимо литературных интересов, связывали также общие воспоминания о пребывании в Каменке (Киевской губернии), имени Александра Львовича Давыдова, к жене которого, Аглае Антоновне, оба они были равнодушны и оба же посвящали ей свои восторженные стихотворения»⁴⁹.

С утверждением относительно пушкинских стихов мы готовы поспорить! Да и сам Александр Сергеевич довольно скоро начинает понимать всю, скажем мягко, некорректность своего поведения. Поэтому, верно, в марте 1823 года, посылая из Кишинева Вяземскому в Москву свои стихотворения «Иной имел мою Аглаю» и «Оставя честь судьбе на произвол», посвященные Аглае Антоновне, поэт делает стыдливую приписку: «Этих двух не показывай никому — ни Денису Давыдову»⁵⁰. Определенно, драться с Денисом Васильевичем на дуэли ему не хочется — и совсем не потому, что Давыдов, в качестве оскорбленной стороны, явно выбрал бы саблю, которой владел виртуозно...

* * *

5 мая 1821 года на маленьком острове Святой Елены, омываемом волнами Атлантического океана и удаленном почти на три тысячи верст от западного побережья дикого Африканского континента, умер недавний властитель Европы Наполеон Бонапарт. Пройдет почти 15 лет, и в письме Михайловскому-Данилевскому Давыдов напишет такую эпитафию французскому императору:

«...Была бы только гроза, зачернелась бы только туча на горизонте, и мы явимся и, как алкионы*, выпечатаемся белым пятном на черной туче. За нами дело не станет, да то плохо, что грозы-то не предвидится. Как не пожалеть о нашей общей потере, о благодетеле нашем Наполеоне! Этот добрый человек не оставлял нас в тоске тунеядства. Ныне век болтунов; всё болтает: и на кафедрах, и в газетах, и в гостиных, что из того проку? Бороды вместо бакенбардов, длинные ногти и золотые очки на носу! Нам не для чего задирать других. Слава Богу! Одной рукой хватаемся за Северный мыс, другою за Арарат, а ступней в середине Европы; хоть бы нас задрать, да кому! Европа в халате, без порток, ест, пьет и сплетничает; ей тесен мундир и каска ей в тягость! Итак, видно, нам с вами долго, а может быть и никогда уже не жить нашей истинной жизнью!»⁵¹

Но еще до этого письма, через несколько лет после получе-

* Алкиона — жена трохидского царя Кейкса, из скорби по утонувшему мужу бросилась в море, после чего оба были превращены в птиц.

ния известия о смерти Бонапарта, Давыдову придется скрестить с ним... перья. Поводом к тому стали опубликованные во Франции и вскоре переизданные в России воспоминания императора Наполеона...

Впрочем, на самом деле, никаких мемуаров низложенный император Франции не писал. Однако уже «во время долгого морского переезда на “Нортумберленде” Наполеон начал диктовать Лас-Казу* свои воспоминания. Он продолжал это делать и на острове. Разговоры с Лас-Казом, с Монтолоном**, с Гурго***, продиктованные и просмотренные им “Письма с Мыса”, которые по его поручению (но без его подписи) напечатал потом Лас-Каз, — все эти источники дают понятие не об исторической истинности фактов, о которых идет там речь, но о том, какое представление об этих фактах желал Наполеон внушить потомству... “Бог” изрекал непогрешимые глаголы, а верующие записывали»⁵².

Однако применительно к данному случаю Давыдов оказался решительным «атеистом», который подверг «воспоминания» придирчивому анализу и в 1825 году опубликовал в Москве «разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона». Он писал:

«Широкие очерки, живые картины, неожиданные мысли и выражения, и вообще какая-то воинственная оригинальность слога, отличают произведение это от всех других подобного рода произведений. Смело можно сказать, что Наполеон явился на этом новом для него поприще, каковым бывал он на поле брани, в государственном совете и в частных беседах: везде исполнил мысли, везде со своим собственным, цельным характером, но увы! всегда и всюду, играя легковерием людей, он представляет им обстоятельства и события в том свете, в каком желает, чтобы их видели, а не в том, в каком они действительно были...

Я могу ошибаться, но при всем том мое мнение правдоподобнее: смотрите, с какою решительностью, с каким нетерпением и даже, если только можно сказать, с какою досадою Наполеон опровергает в записках своих великие деяния, всему свету известные!

* *Эммануэль Огюст Дьедонне Лас-Каз (Ласказ)* (1766—1842) — маркиз, камергер императора Наполеона; в 1816 году был выслан с острова Святой Елены за попытку тайно передать письмо Люсьену Бонапарту.

** *Шарль-Тристан Монтолон-Семонвиль* (1783—1853) — граф, камергер императора, генерал-майор; находился с Наполеоном на острове Святой Елены.

*** *Гаспар Гурго* (1783—1852) — барон, участник Русской кампании, первый ординарец Наполеона в 1813 году, генерал-майор (1815); в 1815—1818 годах находился на острове Святой Елены; адъютант короля Луи Филиппа, генерал-лейтенант (1835), пэр Франции.

Я один из обвиняемых. Честь вооружает меня против нареканий ужасных, сокрушительных, может быть, неотразимых. Но что делать? Новый Леонид, иду на громады Ксеркса! Мнение мое о партизанской моей службе не равняется с тем вниманием, коим почтили ее мои соотчичи, однако оно не упадет и до презрения. Я скажу более: я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 года, но рожденным подобно тому рядовому солдату, который в дыму и сумятице Бородинской битвы, стреляя наудачу, убил с десятков французов. Как мало не употребил он на то и знания, и дарования, при всем том ему выпал жребий уменьшить неприятельскую армию десятью человеками и этим содействовать своим товарищам в общем ее истреблении.

Так думаю я о себе; я ослабил неприятельскую армию по мере способов, предоставленных мне начальством, и способностей, данных мне природою.

В воле Наполеона налагать, в числе прочих, и на меня проклятие за пролитую кровь его воинов; но не отнимай он у меня дел моих, не стирай с сабли моей кровавых брызгов, этих отпечатков чести, купленных трудами и ежеминутною жертвою жизни...»⁵³

Для пушей убедительности Денис нередко обращается не только к своим воспоминаниям и российским документам, но и к знаменитым «Бюллетеням Великой армии». Во время похода в Россию посредством этих «Бюллетеней» Наполеон информировал соотечественников о своих успехах и оправдывал собственные неудачи — теперь же Давыдов посредством их уличал французского императора в случайных или нарочитых неточностях.

Ох, знал бы Наполеон Бонапарт, на ком он случайно оставил взгляд в дни своего Тильзитского триумфа!

Не будем утомлять читателя подробным разбором этого сочинения, а приведем слова князя Петра Андреевича Вяземского — его отзыв на публикацию Давыдова, помещенный на страницах журнала «Московский телеграф»:

«Начав свои партизанские подвиги против Наполеона-завоевателя, Автор рассматриваемой книжки продолжает их против Наполеона-повествователя. Он ловит его в некоторых отступлениях от истины, кои заметны в записках изгнанника на остров Св. Елены, и сии отступления тем более Автору нашему близки, что они относятся до действий партизанских в войне 1812 года.

Чем обвинение важнее, тем оправдание необходимее, но тем и оправдывание затруднительнее. По нашему мнению Русский Автор, побуждаемый любовью к Отечеству и к ис-

тине, если хотят, даже и личным честолюбием, не только извинительным, но и похвальным в таком случае, хорошо сделал, что внял вызову противника, которого нельзя оставить без уважения, и решился по возможности отразить его удары. Способ опровержения, им избранный, кажется самый основательный и удачный...

Предоставляя опытным знатокам военного ремесла судить о сей книжке в отношении военных соображений, в ней заключающихся, скажем, что и не военный может прочесть ее с любопытством удовлетворенным. Автор не упускает случая изобличить Наполеона в заблуждениях, ему подлежащих, но и в самых горячих выходках сохраняет всегда вежливость и прямодушие рыцарские, не забывая должного уважения к врагу знаменитому, который, вопреки разности мнений политических, пребудет неизменно, в особенности же для воинов, предметом удивления»⁵⁴.

Как видим, победа Давыдова-литератора над Наполеоном-мемуаристом была замечена и оценена современниками...

Но Пушкин, еще не осознавший для себя, что «лета к суровой прозе клонят», с ироничной строгостью отнесся к прозаическим трудам поэта-партизана:

Недавно я в часы свободы
«Устав наездника» читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слова;
Но перевертывал листы
И — признаюсь — роптал на Бога.

.....
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный Музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Бурцовой души угрозы!...⁵⁵

Вообще, о Денисе в то время печаталось много хвалебно-го — как литератор, он был признан и любим. Вот что писал альманах «Полярная звезда», издаваемый поэтом К. Ф. Рылеевым и прозаиком А. А. Бестужевым-Марлинским: «Амазонская муза Давыдова говорит откровенным наречием воинов, любит беседы вокруг пламени бивуака и с улыбкой рыщет по полю смерти. Слог партизана-поэта быстр, картинен, внезапен. Пламень любви рыцарской и прямодушная веселость попеременно оживляют оный. Иногда он бывает нерадив в отдел-

ке; но время ли наезднику заниматься убором? — В нежном роде — *Договор с невестою* и несколько элегий; в гусарском — залетные послания и зачашные песни его останутся навсегда образцами»⁵⁶.

Марлинский также посвятил Денису Васильевичу свою «рыцарскую повесть» «Замок Нейгаузен», а рассказ «Вечер на бивуаке» предварил эпиграфом из давыдовской «Песни старого гусара»...

Поэт и литературный критик Петр Александрович Плетнёв писал в изящном письме «графине С. И. С» (Софье Ивановне Соллогуб), помещенном на страницах альманаха «Северные цветы» за 1825 год:

«Напрасно подумали бы вы, графиня, что в русской поэзии нет того блестящего остроумия, которого образцы чаще встречаются во французских стихах... Подобный характер поэзии встречается у нас в стихотворениях *Давыдова* и князя *Вяземского*. Первый составил, так сказать, особенный род военных песен, в которых язык и краски ему одному принадлежат. Неистощимый в благородных шутках, в живом представлении своих предметов, он пленяет какую-то небрежностью и вместе точностью выражений. Это русский Анакреон, но только в лагере. Вяземский сблизил игру простонародного языка с языком лучшего общества...»⁵⁷

Даже официозная газета «Русский инвалид» (предтеча сегодняшней «Красной звезды»), печатая рецензию на очередной выпуск «Полярной звезды», указывала: «Здесь блистают знаменитые имена и изящные произведения Жуковского, Крылова, кн. Вяземского, А. Пушкина, Давыдова, Баратынского, Гнедича»⁵⁸.

«Почти все произведения Дениса Васильевича этого времени имели огромный успех, доставили ему славу поэта, к которой впоследствии должна была присоединиться и слава отличного писателя в прозе», — писал биограф⁵⁹.

А в скольких произведениях воспели поэты имя и подвиги Давыдова, дали восторженные «рецензии» его стихам!

Про Пушкина и Вяземского мы уже и говорить не будем, но вспомним наших старых знакомых и назовем новые имена.

К Давыдову опять обращается Жуковский, «певец во стане русских воинов»:

Мой друг, усастый воин!

.....

Но, друг, суди не строго,

Ведь из немногих ты,

Таков, каких не много!⁶⁰

Про него рассказывает адъютант графа Милорадовича Федор Глинка:

И часто он, с толпой башкир и с козаками*,
И с кучей мужиков, и конных русских баб,
В мужицком армяке, хотя душой не раб,
Как вихорь, как пожар, на пушки, на обозы,
И в ночь, как домовый, тревожит вражий стан.
Но милым он дарит, в своих куплетах, розы.
Давыдов! Это ты, поэт и партизан!..⁶¹

О встрече с ним вспоминает Евгений Баратынский, в ту пору еще унтер-офицер Нейшлотского пехотного полка:

...Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в дым сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бранных песнопений
Сердца бесстрашно волновал!⁶²

Популярный в те времена поэт Степан Нечаев выражает свою радость:

Давыдов! Наконец твой образ украшает
Смиренну хижину мою,
И сколько разных чувств в душе моей рождает!
То в нем любимца Муз и Граций узнаю,
Твой Брачный договор с улыбкой повторяю
И сладко таю от любви...
То вдруг тебя средь битв жестоких воображаю,
Где сеча, гром и дым, и груды тел в крови,
Где ты, как молния, разишь врагов надменных...⁶³

А некий неизвестный, анонимный автор призывает:

Денис! Тебе почет с поклоном,
Первоприсутствующий наш!
Командуй нашим эскадроном
И батареей крупных чаш.
Правь и беседой, и попойкой:
В боях наездник на врагов,
Ты партизан не меньше бойкой
В горячей стычке острых слов⁶⁴.

Зато государь упорно не хотел признавать его военные заслуги, уникальный боевой опыт и самобытный талант вое-

* Так в оригинале.

начальника. Какая-то мелочная, воистину женская мстительность, да еще и самому же себе во вред! Давыдов ведь не лейб-гвардии Гусарским полком просился командовать, чтобы все время мелькать у Александра Павловича перед глазами, а на Кавказ хотел, туда, где нередко и генералы погибали — причем не только в бою, но и от подлого предательского выстрела или удара кинжалом.

После того как сорвалась очередная попытка Ермолова «перетащить» своего двоюродного брата на Кавказ, Денис решил вообще уйти в отставку — и получил ее 14 ноября 1823 года. Нет, не желают у нас на Руси дорожить людьми! За исключением, конечно, закадычных друзей и, как выразился А. С. Грибоедов, того самого «родного человечка», которому «как не порадеть»...

* * *

Казалось бы, отставка и полная свобода!

По этому поводу Давыдов послал следующее письмо капитану Нижегородского драгунского полка Александру Ивановичу Якубовичу:

«Я получил письмо ваше, исполненное лестнейшими выражениями на счет моих военных способностей, почти вместе с приказом о моей отставке. Признаюсь, никогда и никакое письмо столь кстати не приходило! Конечно, решаюсь оставить службу, я ждал приказа с нетерпением и теперь всякий день, всякий час благодарю Провидение за избавление меня от наплечных кандалов генеральства. При всем том, прослужа дурно ли, хорошо ли, но сплошь двадцать два года, из коих сряду в непрерывных войнах, тяжело было снести то равнодушие, с каким оттолкнули меня в толпу хлебопашцев! Сильно зауныло сердце, и в день скорби пришло и утешение. Право, я еще не в отставке, я еще на коне, а не за плугом, с саблею, а не с косою, пока люди, подобные вам, будут мыслить обо мне, как вы мыслите. Неужто вечный приговор уже мой подписан! Неужто не явлюсь еще в полях, войной гремящих, не окрещусь с вами в одной огненной купели, не разделю с вами пук соломы и сухарь с водою! Мне сороковой год, еще десять лет могу ждать, а в десять лет неужто ни с кем не поссоримся?»⁶⁵

В письме этом прекрасно отражены настроения, мысли и чаяния нашего героя, вдруг отрешенного от любимого дела. Но вот откуда взялся Якубович?

Очевидно, они вообще не встречались лично. Якубович юнкером лейб-гвардии Уланского полка участвовал в Заграничном походе — второй его половине, после Плесвицкого

перемирия; в конце 1816 года получил офицерские эполеты, но из-за участия в качестве секунданта в знаменитой «четвертной дуэли», на которой был убит штабс-ротмистр Кавалергардского полка Василий Шереметев, был переведен на Кавказ, прапорщиком в Нижегородский драгунский полк. Так как остальные участники поединка — граф А. П. Завадовский и его секундант А. С. Грибоедов — фактически не были наказаны, Якубович счел себя смертельно обиженным и объявил Александра I, исключившего его из гвардии, личным своим врагом.

«Жизнь Якубовича на Кавказе прошла в постоянных и отчаянных боевых подвигах, о которых в военных кругах вспоминали еще в конце 1830-х годов. В одной из стычек с черкесами Якубович был ранен пулею в лоб и постоянно впоследствии носил черную повязку, так как рана никогда не заживала окончательно. Среди солдат он пользовался любовью и уважением как за свою удачу, так и за заботливое отношение к своей команде, между которой всегда делил всю добычу своих набегов, ничего не оставляя себе»⁶⁶.

Александр Иванович был не чужд и литературного труда... Очевидно, что он, в отличие от своего «антагониста» Александра Павловича, прекрасно понял, насколько боевой опыт поэта-партизана может быть ценен для «кавказцев», а потому вступил с Денисом Васильевичем в переписку, продолжавшуюся до конца рокового 1825 года.

До этого времени сохранялась и иллюзия свободы...

Хотя «звоночек прозвенел» еще в 1822 году, когда Александр I потребовал взять со всех офицеров и гражданских чиновников подписку о непринадлежности к масонским ломам и тайным обществам. Давыдов тогда отписал Закревскому: «На днях получил я из инспекторского департамента форму подписки, что я отказываюсь от *братий масонов*. А так как я не был, не есть и не буду ни в масонских, ни в каких других тайных обществах и в том могу подписаться кровью, то эта форма для меня неприлична. Прошу прислать другую, или не написать ли мне просто рапорт? Я о сем от тебя жду разрешения...»⁶⁷

Да, разумеется, фронтёрство — с той, очевидно, целью, чтобы напомнить о себе государю. О своей принадлежности к «Обществу русских рыцарей» Денис Васильевич, очевидно, уже позабыл — давно это было.

Так он и жил, спокойно и никому не мешая, окруженный родственниками и друзьями, количество которых все увеличивалось. В число ближайших друзей постепенно вошел и поэт Евгений Абрамович Баратынский.

«Баратынский гостил в его подмосковной летом 1825 го-

да, и дружеские отношения их еще более упрочились женьбой Баратынского на Н. Л. Энгельгардт, родственнице Давыдова»⁶⁸.

Вот только год-то уже, напомним, был 1825-й.

«Вращаясь постоянно в кругу литераторов и не разрывая связей с прежними сослуживцами, Давыдов, конечно, не мог не знать о том идейном брожении, которое с особою силою в последние годы царствования Александра I охватило значительную часть молодежи и привело к печальному событию 14 декабря... Как человек умный, Денис Давыдов не мог не знать всех язв тогдашнего режима; как патриот, он, разумеется, должен был горячо желать их исправления, но его прямой, солдатской натуре была противна мысль о заговоре и о насильственных действиях; а консервативно-монархическому складу его ума были совершенно непонятны те фантастические проекты перемены управления, на которые были так торопаты заговорщики»⁶⁹.

Известно, что свое отношение к тайным обществам, устремлениям заговорщиков и к ним самим как таковым Давыдов выразил в письме Киселеву от 15 ноября 1819 года:

«Что мне до контрибуционных прений! признаюсь в эгоизме. Если бы я не владел саблей, — и я может быть искал бы поприща свободы, как и другой; но, обнажив ее раз с тем, чтобы никогда не выпускать из руки, я знаю, что и при свободном правлении я буду рабом, ибо все буду солдатом. 20 лет идя одной дорогой, я могу служить проводником по ней, тогда как по другой я слепец, которому нужно будет схватиться за пояс другого, чтобы идти безопасно. Мне жалок Орлов с его заблуждением, вредным ему и бесполезным обществу; я ему говорил и говорю, что он болтовнею своею воздвигает только преграды в службе своей, которою он мог быть истинно полезным отечеству. Как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в России. Этот домовый долго еще будет давить ее тем свободнее, что, расслабясь ночью грезой, она сама не хочет шевелиться, не только привстать разом. Но мне он не внимает. Опровергая мысли Орлова, я также не совсем и твоего мнения, чтобы ожидать от правительства законы, которые сами собою образуют народ. Вряд ли оно даст нам другие законы, как выгоды оседлости для военного поселения! или рекрутский набор в Донском войске!.. Как военный человек, я все представляю себе в военном виде: я представляю себе свободное правление как крепость у моря, которую нельзя взять блокадою; приступом — много стоит. Смотри Францию; но рано или поздно поведет осаду и возьмет ее осадюю, но без урона рабочих в сапах, особенно у гласиса, где взрывы унесут

не малое их число; за то места взрывов будут служить ложементами, и осада все будет продвигаться, пока, наконец, войдет в крепость и раздробит монумент Аракчеева. Что всего лучше — это то, что правительство, не знаю почему, само заготавливает осаждающим материалы — военным поселением, рекрутским набором на Дону, соединением Польши, свободою крестьян и проч. Но Орлов об осаде и знать не хочет; он идет к крепости по чистому месту, думая, что за ним вся Россия движется, — а выходит, что он, да бешеный Мамонов, как Ахилл и Патрокл (которые вдвоем хотели взять Трои), предприняли приступ... Но довольно об этом»⁷⁰.

Вроде бы комментировали это послание много и многие, но мы можем добавить еще несколько слов. Видно же, что Давыдов вполне разделяет свободолобивые увлечения своего друга, осуждая при этом не позицию Орлова, но его тактические методы и нетерпеливость. Нет смысла и объяснять, что у него самого накопилось немало претензий как к государю Александру Павловичу, так и ко всей созданной им системе. Заговорщиком, конечно, он бы не стал, но, думается, охотно предложил бы свою саблю новой власти... Слова Давыдова о том, что Орлов «болтовнею своею воздвигает только преграды в службе своей», вообще заслуживают аплодисментов: кому-кому, но только бы не нашему герою их говорить!

Недаром же, помимо своей воли, Денис Васильевич и сам оказался в числе идеологов движения. Вот что писал Николаю I подполковник барон Владимир Иванович Штейнгель, участник восстания на Сенатской площади, впоследствии осужденный по 3-му разряду, — подобные письма со стремлением так или иначе обосновать свою позицию адресовали тогда новому императору многие: «Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободою, кто не цитировал басни Дениса Давыдова: “Голова и ноги”! Может быть, в числе тех, кои имеют счастье окружать особу вашу, есть таковые. О, государь! Чтобы истребить корень свободномыслия, нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование»⁷¹.

(Вроде бы барон пишет о невозможности «истребить свободномыслие», но тут возникает странная мысль: зачем «истреблять целое поколение», когда можно просто изолировать несколько вышеперечисленных персон?)

Известно, что многие заговорщики и причастные к заговору не только входили в круг общения Дениса Васильевича, но и приходились ему родственниками. Был осужден по 1-му разряду Василий Львович Давыдов, кузен и кавалергард; заклю-

чены в крепость, но оправданы его племянники — Александр и Николай Раевские, сыновья Николая Николаевича; оправдан был также зять прославленного генерала Михаил Орлов, но второй его зять, Сергей Волконский, лишенный княжеского достоинства и генеральского чина, отправился в Сибирь...

Но как бы ни были длинны и даже утомительны все эти перечисления, самому Денису, в общем-то, ничего не грозило: если князь С. Г. Волконский был известен только в светском обществе, то генерал-майор Д. В. Давыдов, как мы уже говорили, пользовался всенародной популярностью, с чем новый царь не мог не считаться. В итоге получилось так, как получилось.

«Грустные события 14-го декабря 1825 г. не имели ни малейшего влияния на его судьбу, несмотря на его дружбу почти со всеми членами Южного и Северного обществ. Причиной тому был характер моего отца, не соответствовавший каким-либо заговорам, и образ мыслей его вполне монархический, при котором он не допускал даже никакого разделения властей. Он не понимал даже возможности учреждения в России каких-либо палат и всегда говорил: “Он лучше допускает тиранию одного, хотя великого, чем массу маленьких, подкрашенных красноречием”. Что всего более спасло его от заговора, так это был ответ, им данный двоюродному брату своему Василию Львовичу... он предложил отцу вступить в их общество и на вопрос, в чем его цель, он объяснил ему, что это вроде немецкого тугенбунда. “Полно, Василий Львович; я, брат, этого не понимаю; бунт, так бунт русский; тот хоть погуляет, да бросит; а немецкий — гулять не гуляет, только мутит всех. Я тебе прямо говорю, что я пойду его усмирять”.

Дядя мой не отрекся от своей мысли и написал отцу записку пригласительную. На ней он написал тот же ответ, и когда эта записка была представлена государю, то он сказал: “Я был уверен, что Денис Давыдов в этом деле не участвовал, а теперь вижу, что он ни о чем не знал”.

Знаю достоверно, что часть заговорщиков, в том числе М. Ф. Орлов, когда им нужно было переговорить между собою о чем-либо касающемся их дела, и при этом находился мой отец, высылали его вон из комнаты, чтобы не замешать неповинного...»⁷²

Так и хочется вытереть слезы умиления, застилающие глаза от всей написанной здесь чепухи! В каком же архиве и для чего хранили «южане» записку с ответом Давыдова и почему, если таковая действительно была, не уничтожили ее вместе с прочими своими бумагами, кои жгли без разбору после поражения восстания? В слова Николая I верим — по-иному, как

и в ранее описанном случае с внуком Суворова, он и не мог сказать. А чтобы во время своих секретных разговоров боевого генерала Давыдова его товарищи «высылали вон из комнаты» как провинившегося мальчишку — никогда! Помимо всего, это противно понятиям чести. Да и не думали они о своем поражении или раскрытии заговора! При чем тут тогда «замешать неповинного»? В чем?!

К слову, про записку с его «автографом» написал в своих воспоминаниях сам Денис Васильевич:

«...я тут же приписал: “Что ты мне толкуешь о немецком бунте? Укажи мне на русский бунт, и я пойду его усмирять”. Эта записка была представлена нынешнему государю, который сказал: “Это видно, что Денис Давыдов ни о чем не знает”»⁷³.

Так рождаются легенды.

Но вот откуда его сын взял информацию про «высылание из комнаты»?

* * *

Итак, что бы там ни было, но Денис Васильевич Давыдов спокойно перешел в царствование уже четвертого на своем веку монарха. Этот период в жизни нашего героя мы можем назвать наиболее благополучным: он женат и счастлив, уже не беден, известен и популярен как литератор. К тому же он вскоре возвратится на службу и будет участвовать еще в двух войнах, заслужив чин генерал-лейтенанта и две «звезды» — Аннинскую и Владимирскую.

(Звезда являлась не только знаком ордена Святой Анны 1-й степени — как и всех прочих «первостепенных» наград, но и ордена Святого Владимира 2-й степени. К «Анне» полагался еще и крест, носимый на ленте через левое плечо, к «Владимиру» — так называемый «большой» крест, который носили на шее, так же как и имевшийся уже у Дениса «малый» — Святого Владимира 3-й степени.)

Казалось бы, именно этот период должен быть описан подробнее всего, однако получилось совсем наоборот. Биографы и литераторы буквально обходят это время — за исключением дел сугубо литературных, да и то не всех...

Глава десятая
«ОТ КРОВА МИРНОГО — В ШАЛАШ...» 1826—1830

*И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом.
Но воин наш не упоен
Ночною роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека гряда снеговая...
На нем знакомый вихрь, на нем громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.*

Денис Давыдов. Полусолдат. 1826

По мнению историков XX века — впрочем, не их одних, ибо «декабристская тема» стала популярна еще во второй половине позапрошлого столетия, Давыдов «провинился» уже в самом начале нового царствования. Ведь если вступление на престол Александра I — это «дней Александровых прекрасное начало», несколько, правда, омраченное убийством непопулярного царя Павла I, то вступление на престол Николая I — это Сенатская площадь, восстание Черниговского полка, аресты, допросы, заседания Следственной комиссии, ожидание приговора...

Хотя, в общем-то, «потомки» Дениса Васильевича прощают, но, как говорится, «осадочек остался». Вот с какой разумной строгостью написано о нем в предисловии к книге его сочинений, изданной к 150-летию Отечественной войны:

«Тот огорчительный факт, что Денис Давыдов не принадлежал к лагерю дворянских революционеров своего времени и более того — к концу жизни поддался реакционно-националистическим настроениям, не умаляет ни обаяния его личности, ни его значения как выдающегося деятеля русской военной истории, ни роли, которую он сыграл в развитии нашей поэзии»¹.

И на том спасибо! Но всё же, что делает наш герой в начале 1826 года?

«Вступление на престол императора Николая I возбудило в Давыдове прежнее стремление к военной службе. “Царь у нас молодой и молодец, — писал он А. А. Закревскому (который в

конце 1823 года стал финляндским генерал-губернатором). — Авань будет кака-нибудь *войнишка*, и мы поработаем верой и правдой... ” Эта мысль заставила его вновь проситься на службу. Кстати освободилось место начальника штаба гренадерского корпуса, о котором он и просил Закревского и И. В. Васильчикова похлопотать для него, но, по возможности, без перевода в квартирмейстерскую часть (как тогда обыкновенно делалось), чтобы непременно сохранить усы, лишиться которых при служебных переводах он ни за что не соглашался и раньше... Не получая до конца марта 1826 года ответа, Давыдов просил Закревского выхлопотать ему место командующего 2-ю конно-егерскую дивизию или хотя бы причислить его к кавалерии, чтобы оглядеться и найти другое место. Надеюсь, что грянет война, он напоминал, что в таком случае понадобятся люди, закаленные в огне, “а я, слава Богу, закаливался не год, а 8 лет сряду, и кузнецом был Наполеон...”.

23 марта 1826 года состоялся Высочайший приказ об определении его на службу, с назначением состоять по кавалерии»².

И это — Давыдов?! С точки зрения ряда историков — «декабрист без декабря», то есть человек, который мог бы поддержать тайное общество, — и вдруг он хвалит нового царя, просится на службу, да и еще и претендует на более высокие и престижные должности, нежели занимал ранее?! И это в то время, когда его друзья и родственники томятся в казематах Петропавловской крепости!

Да, именно так. Но в чем, простите, виноват, Денис Васильевич? Он не состоял членом общества, официально — ничего не знал, а потому ни в чем и не оправдывался, зато и «благонамеренных» доносов не писал. Он лишь хотел возвратиться на службу, а то, что просил должность повыше — нормальное военное честолюбие! Как человек разумный, он прекрасно понимал, что вряд ли Николай Павлович с радостью пойдет ему навстречу и предложит по-настоящему хорошую должность. Во-первых, у Давыдова была стойкая репутация вольнодумца и «задорного человека», чего Николай I не любил. Во-вторых, обширные связи и родство Дениса Васильевича в «декабристских кругах» делали генерала человеком ненадежным — вне зависимости, знал он чего или не знал. В-третьих, Николай I и Давыдов были людьми, мало понимавшими друг друга. Цесаревич Константин, несмотря на все свои недостатки, был «свой брат», «ломавший» наполеоновские походы в рядах русской армии, а Николай представлял уже иное поколение... Кстати, в последующие годы этот император был весьма популярен и любим в армии, но те, кто прошли Отечественную войну, в большинстве своем относились к нему, мягко говоря, не очень.

Ну а то, что Денис хвалил нового царя в личном письме — так это «правила игры»: в России даже если дурак сидел на престоле, он все равно считался самым умным — до своего ухода. Вот и надо «расписаться в преданности»!

А когда проситься на службу, если не в начале царствования, когда еще есть вакансии и система не налажена?

Но, как и следовало ожидать, государь под давыдовское обаяние не подпал и популярный генерал был всего лишь «зачислен по кавалерии». То есть опять же — нахождение за штатом. Однако любую монаршую милость следовало принимать с благодарностью, что тоже считалось «правилом игры». Тем более что Давыдову действительно очень хотелось возвратиться на службу, и он в прямом смысле считал дни своего бездействия!

«Я был в отставке два года, четыре месяца и десять дней, то есть с 1823 года, ноября 14, по 1826 год, марта 23.

По восшествии на престол Государя Императора Николая Павловича, я, по прошению моему, опять вступил в службу и назначен состоять по кавалерии. Живя с семейством моим, то в Москве, то в подмосковной моей деревне, я ожидал коронации, ни мало не думая о действительной службе, то есть о службе во фронте или на войне»³.

Добавим, что государь «благоволил продолжить на 12 лет прежде пожалованную аренду». То есть «политес» был соблюден, и царю можно было бы забыть о легендарном поэте-партизанине. Но Николай Павлович был человек умный и хитрый (может — коварный), к литераторам относился с известным недоверием. Потому он не стал ждать, когда Давыдов вдруг напомнит о себе какими-нибудь возмутительными стихами, и решил удовлетворить его просьбу. Правда, не ту, с которой Денис Васильевич обратился к нему, а ту, с которой Давыдов обращался к его предшественнику. Насчет коварства мы оговорились недаром, ибо решение императора можно считать одним из ходов в большой «партии», где Денису изначально была предназначена роль «фигуры», приносимой в жертву.

9 августа 1826 года, когда Николай I приехал в Москву на коронацию, генерал-майор Давыдов ему представлялся — так было положено, народу для представления собралось немало. Император выразил свою радость, что Денис вновь надел эполеты, и поинтересовался, имеет ли он желание послужить в действительной службе. Получив утвердительный ответ, Николай Павлович милостиво улыбнулся и проследовал далее мимо выстроившихся генералов.

На следующий день, совершенно неожиданно, Давыдов получил через Дибича, начальника Главного штаба, который

буквально через неделю будет произведен в чин генерала от инфантерии, не то вопрос, не то предложение императора: не согласится ли он поехать на Кавказ? Причем сначала вопрос задавал даже не сам Иван Иванович, но его адъютант — Бурлин.

Да, это было заветное желание Дениса, но сколько воды утекло с тех пор, как оно возникло! Теперь же Давыдов «разменял пятый десяток» — по тем временам это было немало. Уточним для примера, что из известных 2074 обер- и штаб-офицеров, участников Бородинского сражения, лишь 87 (!) были старше сорока лет (из них семеро — «за пятьдесят»)⁴. Генералов в возрасте старше сорока было немало, но ясно, что в условиях Кавказа Давыдову пришлось бы воевать наравне с офицерами, делить с ними все трудности походов по горам, а не просто сидеть в штабе или руководить боем с какой-то командной высоты (как было при Бородине: Кутузов с высоты у деревни Горки, а Наполеон — с Шевардинского кургана). Нельзя забывать и про то, что он был обременен семьей; из той же книги можно узнать, что на Бородинском поле большинство из указанного числа офицеров — 1894 человек — были холостяками. В общем, предложение для Дениса пришло с явным опозданием и, главное, он сам ему уже не слишком соответствовал.

Да и «протектор Кавказа» Алексей Петрович, тамошний «Царь, Бог и воинский начальник» (горцы говорили: «на небе — Аллах, а на земле — Ермолов»), стремительно утрачивал свои позиции. Независимый характер и дерзкое поведение генерала были известны Николаю Павловичу давно, а в ходе допросов выяснилось, что декабристы очень надеялись как на помощь Кавказского корпуса, так и на участие самого Ермолова в будущем правительстве. И с принятием присяги в корпусе в свое время определенно подзадержались, хотя его командир объяснял это объективными обстоятельствами.

«Я, виноват, Ермолову менее всех верю», — писал Николай I Дибичу. Было ясно, что вскорости государь от «протектора» избавится — и понимание этого, к сожалению, сказывалось на растерявшемся, утратившем былую уверенность, а потому и совершающем одну ошибку за другой Ермолове...

Тем временем обстановка на Кавказе существенно переменялась: «...весной 1826 года в Персии взяла верх воинственная партия престолонаследника Аббаса-мирзы. Российский посланник в Тегеране князь Меншиков был арестован (тот самый А. С. Меншиков, давно уже генерал-майор, который был причастен к «Ордену русских рыцарей» и определенно был знаком с Давыдовым. — А. Б.), и 16 июля персидские полчища

перешли Аракс, причем главные силы — 40 000 Аббас-мирзы — вторглись в Карабахское ханство. Русские силы в Грузии и Закавказье доходили до 30 батальонов, но из них могли быть выделены для встречи нашествия едва 30 рот... Ермолов решил первоначально придерживаться оборонительного образа действий, но Государь повелел ему сосредоточить войска в Эриванском направлении и действовать наступательно»⁵.

Известно, что персов подвело слабое понимание российских реалий (впрочем, как и для нас — «восток дело темное»!). В день 14 декабря 1825 года в Санкт-Петербурге пребывал английский полковник Шиль, военный советник Аббас-мирзы, фактически правившего государством. На другой день британец спешно покинул Северную столицу и вскоре уже рассказывал доверчивым персам о начале междоусобной войны в России. Подобные войны были хорошо знакомы как персам, так и самим англичанам. Время раздирающих государство смут — лучший период для внешней агрессии, однако в имперской России ничего подобного пока еще не наблюдалось. Не понимая этого, персияне подготовились — в свойственной им неторопливой и вальяжной манере — и напали.

Конечно, партизанский опыт Давыдова мало соответствовал сложившимся условиям... Но хотя государево предложение было ему и не в радость, Денис понимал, что во второй раз его уже не позовут.

«...Я уже решился. *Решился ехать.* Нельзя было сделать иначе. Я сам просился вступить опять в службу; служить по фронтовой части я неспособен, но как отказываться от боевой службы? — Неужели я надел эполеты для того только, чтоб таскаться с ними по гуляньям и балам, или шевелить ими в деревне перед старостою или исправником? — К тому же, слово *война*, до сих пор, несмотря на то, что я прожил уже около полстолетия, имело какой-то магический звук в душе моей, да и выбор меня *первого* на путь опасностей и чести не мог не льстить моему самолюбию. Вот причины, побудившие меня снова вернуться на боевое поприще. Но я солгал бы, если бы смел уверить, что решился без сильной борьбы с моим сердцем. Нежнейшая привязанность к моей жене, бывшей тогда беременной, с которою в течение осьми лет ни одного дня я не расставался, уверенность, что и она очень и очень огорчена будет отсутствием моим на неопределенное время в столь отдаленный край, сделавшийся театром военных действий, и сверх того, известный по свирепствующим в нем особого рода смертоносным болезням. Разлука с детьми, которые были хотя еще и малы, но уже утешали меня, словом, расставание со всем милым и необходимым как жизнь для моего сердца,

и даже с домашними привычками, которые в одиннадцать лет мирной жизни во мне укоренились — все терзало мою душу. Нужна была вся сила рассудка, и еще более, может быть, вся страсть моя к боевой службе и могущество славолюбия, все это вместе было очень и очень мне нужно, для преодоления желания отказаться от столь неожиданного мною назначения»⁶.

Подобные рассуждения Дениса звучат весьма неожиданно. И вообще, по всему чувствуется, что настроения его очень переменялись. Чего стоит одна только блестящая эпиграмма с длинным названием «Генералам, танцующим на бале при отъезде моем на войну 1826 года»:

Мы несем едино бремя;
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой⁷.

Такого жестокого сарказма по отношению к себе и к окружающим не найти ни в одном из его «прощальных» стихов, на какую бы иную войну он ни отправлялся!

Перед отъездом, 12 августа, Денис Васильевич был удостоен личной аудиенции царя. «Император принимал его в своем кабинете. “Прости меня, Давыдов, — сказал он, — что я посылаю тебя туда, где, может статься, тебе быть не хочется”. “Я пришел поблагодарить ваше величество, — отвечал Давыдов, — за выбор, столь лестный для моего самолюбия. Я так мало избалован, государь, судьбой в течение моей службы, что от милостивого вашего воззрения я вне себя от счастья и восторга. Сделайте милость, государь, коль скоро предстанет прямая, честная, опасная дорога, не спрашивайте, хочу я или нет избирать ее. Бросайте меня прямо на нее; верьте, что я это сочту за особое благодеяние. А теперь, — добавил он, — позвольте мне, ваше величество, изложить мою просьбу”. — Что такое? — “Когда война кончится, позвольте, не спросясь ни у кого, возвратиться в Москву — я здесь оставляю хвост, жену и детей”. “Я тебя не определяю в Кавказский корпус, — сказал государь, — а посылаю тебя туда для войны с оставлением по кавалерии; следовательно, ты к этому корпусу не принадлежишь. Когда война кончится, скажи Алексею Петровичу, что я желаю твоего возвращения, он тебя отпустит и дело кончено”.

Потом, остановившись у бюро и рассказав Давыдову с очевидным неудовольствием о вторжении персиан, о взятии у нас двух орудий и гибели нескольких рот, государь передал словесно некоторые приказания к Ермолову, обнял Давыдова и заключил свидание следующими словами: “Ну, прощай, лю-

безный Давыдов, желаю тебе счастья, и первое известие о тебе иметь вместе с твоими успехами»⁸.

Подобный диалог Давыдова с Николаем I, произошедший ровно через месяц после казни декабристов, историки из XX столетия «простить» Денису Васильевичу не могли. А чего они хотели? Неужто чтобы наш герой «повторил подвиг» Шарлотты Корде? Не смешно! Генерал-майор Давыдов, как и положено верноподданному, с признательностью и благодарностью принял предложение своего монарха. Что он при этом думал, мы не знаем; что государь Николай Павлович откровенно лицемерил — понятно, ибо он заранее определил, что не Ермолову заканчивать войну. Давыдов, повторим, был для императора не более как «жертвенной фигурой» — на Кавказ его посылали затем, чтобы «подсластить пилюлю» Ермолову, дни которого в роли главноуправляющего в Грузии были сочтены. Его должен был сменить командир 1-го армейского корпуса генерал от инфантерии Иван Федорович Паскевич**, который был не просто другом нового царя, но и «отцом-командиром», как называл его сам Николай I. В свое время Паскевич командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией, где 2-й бригадой командовал великий князь Николай, весьма, кстати, нелюбимый подчиненными.

При этом друг государя был давним недругом Ермолова.

«Первые неудовольствия между Ермоловым и Паскевичем начались в... 1815 году; Ермолов, находя дивизию Рота*** лучше обученною, чем дивизия Паскевича****, призвал первую в Париж для содержания караулов, присоединив к ней прусский полк из дивизии Паскевича; так как он самого Паскевича не вызвал, то это глубоко оскорбило сего последнего»⁹.

«Одновременно с назначением Паскевича император Николай писал Ермолову (в рескрипте от 10 августа 1826 года): “Я посылаю вам двух известных генералов: генерал-адъютанта Паскевича и генерал-майора Дениса Давыдова. Первый, мой бывший начальник, пользуется всею моею доверенностью; он лично может вам объяснить все, что, по краткости времени и по безызвестности, не могу я вам письменно показать. Назначив его командующим под вами войсками, дал я вам отлич-

* *Мари Анна Шарлотта Корде д'Армон* (1768—1793) — французская дворянка, убившая одного из вождей якобинцев Жана Поля Марата, ярого сторонника террора, прозванного «Друг народа».

** *Иван Федорович Паскевич* (1782—1856) — светлейший князь Варшавский, граф Эриванский, генерал-фельдмаршал (1829); наместник Царства Польского.

*** *Логгин Осипович Рот* (1780—1851) — командир 3-й гренадерской дивизии; генерал от инфантерии.

**** В это время — 2-я гренадерская дивизия.

нейшего сотрудника, который выполнит всегда все ему делаемые поручения с должным усердием и понятливостью...»¹⁰.

Про Дениса Васильевича в этом послании ничего конкретного сказано не было.

«15 августа, в воскресенье, в 2 часа пополудни, я с стесненным сердцем выехал из шумной и веселящейся столицы в путь. — Жена и самые близкие, сердечные для меня люди провожали меня до заставы, там простился я с ними, сел в коляску и, оставшись один сам с собою, не удерживал уже более слез моих; они несколько облегчили тяжелый камень грусти, тяготивший мое сердце... Как сильно упрекал я себя, что оставил покойную, независимую, мирную жизнь мою в отставке...»¹¹

На войну он так никогда не уезжал — но наступили новые времена, а значит, и жить нужно было по-новому, иначе можно было просто оказаться на обочине жизни... Ведь, к сожалению, большинство истинных героев Отечественной войны 1812 года в царствование Николая I остались невостребованными.

...В то самое время, когда Давыдов ехал на Кавказ, в Москву из села Михайловского прибыл Александр Сергеевич Пушкин, вызванный из ссылки новым императором...

* * *

Красоты и опасности пути через Кавказские горы описывали многие известные и безвестные литераторы и мемуаристы первой половины XIX столетия, а потому предоставим заинтересованному читателю самому знакомиться с давыдовскими «Записками во время поездки в 1826 году из Москвы в Грузию», неоднократно публиковавшимися в различных изданиях. Отметим лишь, что 28 августа, уже на Кавказе, в одном из укреплений, отстроенном для безопасного отдыха путников — редуте Мечетском, Денис Васильевич нагнал нескольких своих знакомых и, «между прочими», как он сам написал, Александра Сергеевича Грибоедова, выехавшего из Москвы гораздо раньше его. Дипломат и драматург, только что произведенный в чин надворного советника, что соответствовало армейскому подполковнику или ротмистру гвардии, возвращался в Тифлис из Петербурга после пятимесячного заключения на гауптвахте Главного штаба...

Давыдов и Грибоедов были знакомы не так уж давно, но относились друг к другу с огромной взаимной симпатией.

«Мало людей более мне по сердцу, как этот урод ума, чувств, познаний и дарования! Завтра я еду в деревню, и если о ком сожалею, так это о нем, истинно могу сказать, что еще недо-

вольно наслаждался его беседою!»¹² — писал Давыдов Ермолову о Грибоедове, с которым каждый день встречался в Москве.

«Дениса Васильевича обнимай и души от моего имени»¹³, — просил Александр Сергеевич Степана Никитича Бегичева в письме, написанном в начале января 1825 года.

К огромному сожалению, «срежиссированный» императором Николаем «спектакль» развел и рассорил этих талантливых людей, вскоре оказавшихся в разных «партиях». Нам не хочется ворошить все «грязное белье», анализировать обвинения, которые высказал в адрес автора «Горя от ума» наш герой. Просто не будем забывать, что Денис Давыдов был кузеном Ермолова, а Паскевич — женат на кузине Грибоедова. Хочешь тут или нет, все то же получается: «Как не порадеть родному человечку!..»¹⁴ — хотя бы тем, что вольно или невольно защищаешь его интересы!

Интересной и достаточно объективной представляется точка зрения В. А. Андреева, офицера, оставившего свои «Воспоминания из Кавказской старины»:

«Что Грибоедов был человек желчный, неуживчивый — это правда, что он худо ладил с тогдашним строем жизни и относился к нему саркастически — в этом свидетельствует “Горе от ума”, но нет поводов сомневаться в благородстве и прямоте Грибоедова потому только, что он разошелся с Ермоловым или был к нему неприязнен при падении, сделавшись близким человеком Паскевичу. Во-первых, он был с последним в родстве, пользовался полным его доверием и ему обязан последующей карьерой; тогда как у Ермолова Грибоедов составлял только роскошную обстановку его штаба, был умным и едким собеседником, что Ермолов любил, но никогда не был к нему близким человеком, как к Паскевичу»¹⁵.

Будем считать, что тут все ясно...

«Давыдов приехал в Тифлис 10 сентября, всего только несколькими днями позже Паскевича. Ермолов назначил его начальником войск, стороживших Грузию со стороны Эриванской границы, и Давыдов тотчас же отправился в Джалал-Оглы, сопровождаемый грузинской дружиной. Поэтические долины древнего Иверийского царства скоро остались позади, и, миновав Акзобиюкские горы, Давыдов вступил в роскошную Лорийскую степь, носившую теперь яркие признаки недавних вражеских набегов...»¹⁶

«Я отправляю к вам, — писал Ермолов Давыдову, — грузинскую конницу. Она исполнена усердия и доброй воли, но знать надлежит, что продолжительный мир ослабил здешних жителей воинственность и уже нет между ними опытности, которую утверждали прежние беспокойства. Ваше превосход-

дительство, не подвергните их трудным испытаниям, но предоставляя им поощрение легкими успехами, приготовьте их к подвигам достойнейшим, чего желаю я для дворянства, предожившего себя на службу с величайшей охотой»¹⁷.

Пояснений вышесказанное не требует, но искреннее сожаление наш герой вызывает.

15 сентября Денис Васильевич был в лагере, где и принял порученный ему отряд.

Между тем характер войны, начавшейся для нас с отступления и обороны, уже изменялся самым решительным образом.

«Уже 3 сентября авангард Действовавшего корпуса под начальством князя Мадатова (3000 бойцов) разбил при Шамхоре 15 000 персов и 5-го занял Елисаветполь.

Ермолов предписал Паскевичу, вступившему с началом военных действий в командование Действовавшим корпусом, спешить с главными силами на соединение с авангардом Мадатова. 9 сентября 11 000 русских сосредоточились под стенами бывлой Ганжи...

Персидская армия подошла к Елисаветполю, и 13 сентября Паскевич атаковал и наголову разбил ее»¹⁸.

Неудачи быстро деморализовали персиян: уж слишком они понадеялись на легкую «военную прогулку». Поэтому когда в ночь на 19 сентября давыдовский отряд в составе девяти рот пехоты при девяти орудиях, ста пятидесяти казаков и шестисот сабель грузинской конницы начал наступление, противник сразу же бежал прочь. Отступая, держась на дистанции вне пушечного выстрела, персы жгли траву, «оставляя за собой черные, покрытые горячим пеплом поля. 20 сентября, под Амамлами, донцы и грузины настигли куртинскую партию — и произошла горячая кавалерийская сшибка. Еще день — и Давыдов, 21 сентября, в виду заоблачного Алагёза, увидел четырехтысячный отряд самого Гассан-хана, стоявший на крутой каменной возвышенности. Крепкая позиция его упиралась правым флангом в Миракский овраг, левым — в отроги Алагёза. Русские повели нападение. Бой начал полковник Муравьёв. Он оттеснил персидскую конницу и, поставив орудия на высотах левого берега Баш-Абарани, принялся громить правый неприятельский фланг; в это время рота карабинеров, с майором Кошутиным во главе, взбиралась по крутизнам Алагёза и уже заходила в тыл персиянам. Неприятель дрогнул и бросился в ложину реки Мирак, ища спасения в бегстве... Сам Гассан-хан с остатком своей конницы укрылся в оврагах Алагёза.

Миракское дело, незначительное в чисто военном отношении, было тем не менее весьма важно по своему мо-

ральному влиянию на персиян, что не замедлило сказаться в последствиях»¹⁹.

Вроде, все ясно. Но вдруг, в начале все тех же 1860-х годов, этот боевой эпизод оказался поставлен под сомнение. В журнале «Русский вестник» было опубликовано письмо давно уже погибшего декабриста Бестужева-Марлинского Ксенофонту Полевому*. Про Давыдова в нем говорилось следующее:

«В 1826 году, хотя он и пронесся в горах около Арарата с шайкой грузин, но там не было сборищ куртинцев и потому они не имели даже ни одной стычки. Я не отнимаю, впрочем, ни славы, ни пользы у Давыдова: он очень хорошо постиг свое ремесло; однако я бы желал видеть и сравнить его с здешними наездниками: я думаю, что он показался бы школьником в сравнении с ними. В мире все относительно. Я очень люблю его, но он принадлежит истории, а история есть нагая истина...»²⁰

Странные какие-то рассуждения... Неужели опытнейший Ермолов не разобрался бы сразу, где правда в боевых донесениях командира отряда, а где выдумка? (Тем более что даже с давыдовским сочинительским талантом, но при полном незнании местных условий что-либо выдумать было невозможно!)

29 сентября Алексей Петрович написал Давыдову:

«Получил рапорт Вашего превосходительства о разбитии Гассан-Хана и сужу об успехе действий Ваших по месту, из которого Вы пишете оный.

Жалею, что Гассан-Хан, укрыв артиллерию свою, лишил Вас трофеев, не менее того, однако ж, делает честь начальствуемым Вами войскам страх, который вселяют они в неприятеля.

Я ожидаю обстоятельного описания действий Ваших; но между тем, по возвращении Вашем в Джелал-Оглу, я предлагаю ограничиться, впредь до повеления моего, наблюдением за неприятелем.

Объявите войскам, что я, уверенный всегда в неустрашимости их, доволен их усердием и трудами»²¹.

Ермолов даже представил Давыдова к награждению, но представление это осталось втуне.

Более чем сомнительно, что в той воистину критической ситуации, которая сложилась вокруг «протектора Кавказа», он стал бы приписывать своему кузену какие-то небывалые заслуги! К тому же рядом находилось «око государево» — Паскевич, который не замедлил бы уличить своего недруга в подлоге.

* Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801—1867) — критик, журналист.

А какой смысл в сравнении Давыдова «с здешними наездниками»? И кто из офицеров регулярных кавалерийских полков, приехавших из России, не показался бы тут на первых порах «школьником»? Лошади другие, система выездки иная, условия совершенно незнакомые, как и тактика действий кавалерии... Много еще чего можно перечислять — причем применительно не к одному лишь Денису Васильевичу! Но люди быстро осваивались в новых для себя условиях и вскоре уже крошили лихих «здесьних наездников» в капусту.

Да, можно утверждать, что «история есть нагая истина», вот только верить в это опасно! Недаром же кто-то умный сказал, что «история принадлежит победителям» — достаточно вспомнить, сколько раз наша отечественная история переписывалась в одном лишь минувшем веке. Особенно — в плане ее «дегероизации» сначала после 1917 года, затем — после 1991-го. Вот и в XIX столетии, когда начались «либеральные реформы» Александра II, в обществе пошел тот же процесс «пересмотра истории», развенчания «кумиров» и т. п. Так что учтем это — и продолжим наш рассказ...

«Давыдов между тем быстро шел вперед. 22 сентября, на другой день после миракского столкновения, русские войска уже вступили в пределы Эриванского ханства. Но многолюдная страна встретила их неприветливой тишиной, как будто бы это была мертвая пустыня. Окрестные деревни были пусты: татарское население*, объятые страхом, бежало, увлекая за собой и несчастных армян. Давыдов подверг опустошению семь вражеских селений, встретившихся ему на пути, — и остановился только в двух небольших переходах от Эривани»²².

«Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого», — писал Денис в анонимной автобиографии²³. Нет, и в нашем рассказе не обойтись без поэтических описаний Кавказских гор!

В городе, который потом будут называть Ереван, уже ждали прихода русских войск, но Алексей Петрович здраво рассудил, что будущая зима может просто-напросто блокировать в Эривани немногочисленный русский отряд. Генералу Паскевичу Ермолов также запретил переходить через реку Аракс.

Давыдову же его кузен сразу направил письмо:

«Рад сердечно успехам твоим и для пользы службы и для тебя. Не досаую, что залетел ты немного далеко. Напротив, доволен тем, что ты умел воспользоваться обстоятельствами,

* Татарами тогда именовали представителей многих народов, исповедующих ислам.

ничего не делая наудачу. Похваляю весьма скромность твою в донесениях, которая не омрачена наглою хвастливостью. Вижу с удовольствием, что ты одобряешь заслуги других; вот истинный способ найти добрых сотрудников и быть ими любимым. Ты моложе меня, но как будто из одной мы школы; теперь ты еще более мне брат.

Имей терпение, не ропщи на бездействие, которое я налагаю на тебя; оно по общей связи дел необходимо...»

В награду за этот подвиг Давыдов получил высочайшее благоволение...»²⁴

Вот и все поощрения, полученные им от нового императора за эту кампанию. А от Ермолова пришла команда возвращаться.

«Получив такое предписание и разорив до восьми расположенных в окрестностях деревень, отряд в час дня 23-го сентября выступил обратно в Гумри и 29-го вечером вступил в Джелал-Оглу...»²⁵

Вот как все было здорово и стремительно! Однако еще накануне принятия на себя команды Давыдов заболел местной лихорадкой и мог держаться на коне только благодаря усиленным приемам хины. Здоровье его вообще значительно пошатнулось, и он, убедившись, что военные действия не возобновятся до конца апреля, взял на это время отпуск и уехал в Москву лечиться»²⁶.

Но не только, а может, и не столько свое здоровье беспокоило генерала. Оценив обстановку, он написал Ермолову:

«...так как снег начинает уже заваливать проходы в горах, и по самому письму вашему я вижу, что действия прекратились до весны, то вместо того, чтобы мне жить вдалеке от семейства осень и зиму, позвольте мне отбыть в Москву, почтеннейший брат, с тем, чтобы в начале февраля, или когда прикажете, приехать обратно сюда. Главная причина, отрывающая меня отсюда, есть та, что вместе с вашим письмом я получил письмо от жены моей, в коем она уведомляет меня о болезни старшего сына.

Слава не так мечтательна и пуста, как уверяют благоразумные люди, чтобы не жертвовать для нее имуществом своим — но чтобы жертвовать детьми, я не римлянин. Нет славы на свете, и самая Наполеоновская слава недостаточна, чтобы заставить меня предпочесть ее моему семейству. Мне необходимо быть дома, я изноу здесь, я ни к чему не буду годен, если во время антракта не обниму мое семейство, если не увижу своими глазами сына моего»²⁷.

Ранее он с театра военных действий домой не рвался, рассуждая в своих стихах о том, что «страшно смерть встречать на

постели господином», и о том, чтобы «вечно жить вокруг огней, под шалашами»... Теперь, вскоре, он напишет обреченно: «Оторванный судьбы веленьем от крова мирного — в шалаш...» У каждого возраста свои представления о счастье, свой соответствующий образ жизни — вот только читателям и почитателям порой очень трудно воспринимать своего кумира, обремененного болезнями и семейными проблемами.

Уточним, что, еще возвратившись из экспедиции в Лорийскую степь, Денис Васильевич «принялся за постройку в Джелал-Оглу небольшого укрепления, которое должно было сторожить снеговой Безобдал. Между тем наступила глубокая осень, выпавшие снега в горах сделали Безобдал неприступным для персидских шаек, — и отряд Давыдова был распущен. Сам он возвратился в Тифлис, в главную квартиру»²⁸.

А здесь уже вовсю развивались свои интриги...

«Паскевич, вскоре после прибытия своего в Грузию и находясь еще под начальством Ермолова, получил от государя письмо, в котором было, между прочим, сказано: “Помнишь, когда мы с тобой играли в военную игру; а теперь я твой государь и ты — мой главнокомандующий”. Это доказывает, что государь, отправляя Паскевича в Грузию, твердо положил в уме своем заменить им Ермолова...»²⁹

Ясно, что наш герой в этих интригах не участвовал — не такой он был человек, чтобы интриговать. Да если бы и была у него такая страсть, то все равно — к чему? Тогда казалось, что все уже ясно... Но это лишь казалось, ибо в феврале в Тифлисе вдруг появился генерал от инфантерии Дибич — с надеждой оттеснить Паскевича и самому завершить победоносную войну..

Давыдов, повторим, от всего этого был бесконечно далек. И по своему служебному положению, и по характеру, и потому, что он, пребывая в Тифлисе, занялся гораздо более важными для него делами: он стал писать стихи, впервые за всю свою биографию — в военное время, хотя, конечно, и не на театре боевых действий. Мысли уходили в иные, теперь уже, казалось, такие далекие, прекрасные и уж точно невозвратные годы:

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосой³⁰.

Невозвратное время — так ведь и он сам теперь совсем другой. Он нашел для себя очень точное соответствующее определение: «полусолдат» и так нарек свое прекрасное стихотворение, в которое — несчастый случай! — ввел себя не просто в качестве «лирического героя», но со своим именем и своей биографией:

Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой.
Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика Куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку Кабардинца.

.....
Я не внимаю стуку чаш
И спорам вокруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш,
Нет взгляда на проказы ваши!
Таков ли был я в век золотой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Секване?
Бывало, слово: друг, явись!
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает...³¹

Но как заканчивается это ироничное стихотворение!

И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда³².

Сколь непривычно для давыдовских стихов звучат заключительные строки! Но почему не заметили этой воистину высокой патриотической поэзии те самые критики-«шестидесятники», что так усердно шерстили «гусарские» стихи Дениса? А ведь кажется, что эти строки нашли прямой отголосок в гениальном лермонтовском «Выхожу один я на дорогу...».

Стихотворение «Полусолдат» Денис Давыдов написал уже по возвращении из Москвы, из отпуска, в Пятигорске, «прислушиваясь к отдаленному грому русских побед» — как выразился генерал-лейтенант Василий Алексеевич Потто. Однако в этих боях Денису уже не суждено было участвовать, ибо «во время его отсутствия последовала отставка Ермолова и назначение на его место Паскевича.

Падение Ермолова имело самые тягостные последствия для всех близких ему лиц, в том числе и для Давыдова. Когда он прибыл в Грузию, за месяц до окончания отпуска, ему было предложено состоять при Главной квартире, а отдельный 6-тысячный отряд поступил под команду генерал-майора Панкратьева, не имевшего за собой боевого прошлого и бывшего к тому же тремя годами моложе Давыдова по службе...

Убедившись, что совместная с Паскевичем служба решительно невозможна, Давыдов, сославшись на свое сильно расстроенное здоровье — ревматизм и одышку, оставил Грузию и прибыл в мае на Кавказские минеральные воды. Здесь он пользовался нарзаном и своими занимательными рассказами и неподдельным остроумием собирал и привлекал к себе все местное общество»³³.

Нет смысла объяснять, что Денис Васильевич нам весьма симпатичен — но будем объективны! Хотя Никите Петровичу Панкратьеву* Паскевич, как говорится, «ворожил», это не умаляет его боевых заслуг: в 18 лет он волонтером дрался в Турции, в Отечественную войну был адъютантом светлейшего князя Голенищева-Кутузова, сражался в партизанах и в 1813 году был уже флигель-адъютантом, полковником гвардии и кавалером нескольких орденов. Как и Денис, он получил генеральский чин в 29 лет...

А нашему герою теперь следовало определяться со своей судьбой, ибо было очевидно, что «с падением Ермолова Давыдов обречен был на полное бездействие». Денис напрямую обратился к новоиспеченному графу Дибичу — начальнику Главного штаба его императорского величества, который лишь год назад предлагал ему от имени государя отправиться в Кавказский корпус:

«Милостивый государь Иван Иванович! Вашему высокопревосходительству известно, что я не просился в Грузию, а назначен милостивым выбором государя императора.

Я прошлую осенью командовал не без успеха значительным отрядом и по окончании военных действий занемог; преодолев недуги свои, я, усердствуя к службе, возвратился в Кавказский корпус до первого выстрела. Невзирая на то, я остаюсь без команды, а между тем блистательнейшие места отданы прибывшим после меня генералам, из коих один командует там, где мне прошлую осенью удалось одержать успех, другой же — моложе меня по службе. Солдат, я не ропщу на назначения начальства, они для меня священны. Я не могу допустить мысли, чтобы сие произошло от намерения началь-

* *Никита Петрович Панкратьев* (1788—1836) — генерал-лейтенант, варшавский военный губернатор (1833).

ства удержать меня при главной квартире, как в ставку выбывающим, или поручить мне лишь ничтожные отряды, какими я командовал в чине подполковника и пятнадцать лет тому назад. Я полагаю, что это произошло единственно от того, что замещенные генералы пользуются доверием начальства, которого я лишен.

Видя себя излишним в корпусе, я предаю чувства мои возвышенной и благородной душе вашего высокопревосходительства и смею уверить вас, милостивый государь, что в настоящем затруднительном положении моем я приму дозволение возвратиться в Россию не только за обиду, но за истинное благодеяние...»³⁴

Более откровенен он был в письме флигель-адъютанту полковнику Эдуарду Федоровичу Адлербергу*, директору канцелярии начальника Главного штаба, которого просил напоминать Дибичу о его просьбе.

Чувствуется, что существовала между ними какая-то взаимная приязнь, а потому Денис Васильевич писал Адлербергу всю правду: «Вы были свидетелем моего затруднительного соотношения с начальством по родству моему с Алексеем Петровичем; я вам сказывал о том неудовольствии, которое уже я понес по сему прежде еще смены Алексея Петровича и во время отсутствия его в горы. Вы также видели, что я готов был все забыть и все переносить, если бы только дали мне хотя бы какую-либо команду. Право, я служил бы лихо, несмотря, что начальник другой, ибо Царь и честь моя все те же; да и к чему бы я в другой раз прискакал сюда, как не для того, чтобы драться, драться и драться?»³⁵

Давыдов не скрывал своих искренних чувств к «поверженному кумиру» — Алексею Петровичу Ермолову, хотя прекрасно понимал, что подобные симпатии к военачальнику, антипатичному государю, могут быть даже опасны. Но вот что он писал в одном из своих личных посланий: «Если меня обвиняют в преданности Алексею Петровичу, который, в течение всей своей службы, успел внушить к себе во всех своих подчиненных неимоверную любовь и уважение, то многие и в особенности те, которые поклоняются лишь выходящему светилу, не поймут то-

* Граф Эдуард Федорович Адлерберг (1791—1870) был личностью весьма интересной, одной из восходящих звезд нового царствования. Однокашник декабриста Павла Пестеля по Пажескому корпусу и его боевой товарищ по лейб-гвардии Литовскому полку, он в 1817 году стал адъютантом великого князя Николая, с которым затем не разлучался до его кончины; в 1829 году переименованный в «патриотичного» Владимира, он дослужился до чина генерала от инфантерии, был возведен в графское достоинство, выполнял обязанности министра императорского двора, министра уделов и канцлера российских императорских и царских орденов.

го; в самом деле, как им понимать постоянство в дружбе, самоотвержение и всякий возвышенный порыв благородной души? Их правила заключаются лишь в том, чтобы приветствовать того, кому улыбается фортуна, и разрывать связь с тем, к кому она обращается тылом, и которые потому для них бесполезны»³⁶.

(Ермолов и с Кавказа ушел «по-ермоловски».)

«На вопрос Дибича передать ему какую-либо просьбу, которую он обещал повергнуть к стопам государя, Ермолов отвечал:

“Я прошу лишь сохранения прав и преимуществ чиновника 14-го класса, что избавляло бы меня, по крайней мере, от телесного наказания”»³⁷.

Думается, что такая просьба — если, разумеется, Дибич с соответствующим возмущением сказал о ней государю, — не добавила теплоты в отношении Николая Павловича к Алексею Петровичу.)

Наконец пришло долгожданное разрешение покинуть армию и возвратиться в Москву. Служба под знаменами императора Николая I явно не задалась, хотя Денис и сам на нее напротился — по этим причинам, наверное, историки фактически опускают этот эпизод из жизни Давыдова... И все-таки «величавая природа Кавказских гор, роскошные долины Иверии, библейский Арарат, в виду которого, как буря, пронесся он со своим “летучим” отрядом, неизгладимо запечатлелись в его чуткой душе и отразились в звучных стихотворениях его. Персидская война, по своей кратковременности, конечно, ничего не прибавила к славе знаменитого поэта-партизана, но она связала имя Давыдова с Кавказом, куда так долго и так напрасно стремились его желания и думы»³⁸.

Это не ново, однако повторим, что все хорошо в свое время... Но все-таки Кавказ оставил в душе Дениса Васильевича такой след, что уже на исходе 1820-х годов он просил назначить его начальником Кавказской линии. Безуспешно!

* * *

«Поселившись в подмосковном селе Мышецком, Давыдов жил там почти безвыездно до 1830 года, лишь изредка посещая Москву для свидания с докторами. Болезни, которых он раньше не знал, и семейные привязанности, мешавшие ему вполне отдаваться, как прежде, войне, отразились и на его творчестве. Поэт живо чувствует, что время золотой молодости и беззаботной гусарской жизни прошло для него безвозвратно»³⁹.

Относительно проживания в Подмосковье — это не совсем точно.

«Я не на шутку затеял перебраться в провинцию. Зимой съезжу в Симбирскую и Оренбургскую губернии и проездом буду в Пензе, а на будущий год совсем передо мной Симбирскую деревню...» — писал Денис Васильевич князю Вяземскому летом 1828 года⁴⁰.

И вот как он сам рассказывал про это время в своей почти что официальной «Автобиографии», написанной от третьего лица: «До 1831 года он заменяет привычные ему боевые упражнения занятиями хозяйственными, живет в своей приволжской деревне, вдали от шума обеих столиц, и пользуется всеми наслаждениями мирной, уединенной и семейной жизни. Там сочиняет он: “Бородинское поле”, “Душеньку”, “Послание Зайцевскому” и проч.»⁴¹.

Какая тоскливая обреченность звучит в строках элегии «Бородинское поле»:

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
.....
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склоняюсь головой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга⁴².

Давыдов живет прошлым, надежды на будущее очень слабы. Вот что писал он Закревскому, который в 1828 году стал министром внутренних дел империи, а вскоре будет произведен в чин генерала от инфантерии и пожалован графским титулом: «Я теперь живу в деревне, чуждый и дел и слухов этого мира. Здоровье мое, потрясенное не на шутку мерзостью г-на П., начинает поправляться. Покой, уединение и семейное счастье совершенно оживляют и дух, и тело мое.

...Я не говорю о Ермолове — сильные враги его все сделали; но скажи, какова моя участь со всею страстию моею к боевой службе (с тобою могу говорить так): с умом, с храбростью, с опытностью, не с тою, что только была, но с тою, что *была, делала и замечала*, с ревностью, которая, ты свидетель, заставила меня бросить и беременную жену, родившую после, во время моего отсутствия, и детей, и радости домашние, и расстроенное имение, чтобы лететь в Грузию, тогда представленную нам, как котел кипящий. Приехав туда, я сделал то, что препоручено мне было сделать...»⁴³

Вольно или невольно, но ему приходится оправдываться — даже перед друзьями. Он пишет Вяземскому:

«Что тебе сказать о себе? Я перестал уже ожидать вызова себя в армию; вижу, что и без седых усов дела идут хорошо, дай Бог в добрый час! Пора и нам смену! Кто прослужил, не сходя с поля чести, от Аустерлица до Парижа и в антрактах подрался с шведами, турками и персианами, тот совершил уже круг своих обязанностей, как солдат, и видел то, что настоящие и будущие рыцари не увидят. Видел Юпитера — Наполеона с его разрушительными перунами, видел сшибки полмиллиона солдат и 3000 пушек на трех и четырех верстовых пространствах, видел минуты, решавшие *быть или не быть* России и независимости вселенной, *быть или не быть* Наполеону, видел и участвовал в этом, так что оставил по себе память. После всего этого взятие Эривани, Тульчи и Мачина не удивят меня, и конечно я не сшибками с турками прибавлю что-либо к моему военному имени!»⁴⁴

Но это — Давыдову-военачальнику, служилому человеку; у Давыдова-литератора, поэта и прозаика, в это время все складывается гораздо удачнее.

«Я теперь пустился *à corps perdu** в записки свои военные, пишу, пишу и пишу. Не позволяют драться, я принялся описывать, как дрался. К тому же все нынешние исполины славы при мне зародились и возмужали, я видел их в латах и в халатах; обширное поприще перу, есть где ему разгуляться; зато никому и не дам того, что не принадлежит ему. Между тем я переделываю мой Партизанский опыт. Разделяю его на три части: 1-я будет стратегическая, или наставление главнокомандующим, как употреблять партии, 2-я тактическая, или наставление начальникам партий, как действовать, а 3-я практическая, или изложение примеров, как начальникам партий приравливать действия свои к местностям. Так как у меня есть прекрасная топографическая карта окрестностей Москвы и так как я пишу для русских, а не для иноземцев, то примеры сии будут приводимы к сей карте. Я думаю, что это сочинение не потонет в Лете и бесполезно не будет, разумеется, тем, кои читают, а не маршируют.

Р. С. Знаешь, что мне в голову вошло? Когда возвратишься в Москву, примись издавать журнал, я тебе буду помощником по какой-нибудь части. Жуковский, Пушкин, Баратынский, Дельвиг и множество лучших наших литераторов поддержат нас, и с таким ополчением, я уверен, мы все журналы затопчем в грязь»⁴⁵.

К слову сказать, Денис Васильевич тогда уже обрел европейскую известность.

Читатель, безусловно, помнит, что в начале 1820-х го-

* Без оглядки, очертя голову (*фр.*).

дов знаменитый шотландский писатель Вальтер Скотт написал исследование «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов», которое впоследствии вышло и в России — на русском языке. Давыдов познакомился с этим весьма подробным и добросовестным трудом еще во французском переводе (разумеется, сэр Вальтер Скотт писал по-английски) — и послал его автору письмо со своей оценкой.

Ответ последовал незамедлительно:

«Я почитаю немаловажною для себя честью получить в своем уединении письмо Ваше, исполненное столь лестными для меня выражениями. Я тем более ценю это, что автор письма — человек знаменитый, которого подвиги, в минуты величайшей опасности его Отечества, вполне достойны удивления; имя его, украшая самую блестящую и вместе печальную страницу истории России, передастся в позднейшие века. Вы себе не можете представить, как сердца англичан, и в особенности мое, сильно сочувствовали Вам; мы все с надеждой и страхом, вследствие событий решительных, мысленно переносились на Ваши биваки, покрытые снегом, и радовались от полноты сердца славному исходу Вашего победоносного поприща.

Надеясь на Вашу великую снисходительность, я обращаюсь к Вам с просьбой, исполнение которой я почту неоцененным знаком Вашего доброго ко мне расположения. Я весьма желал бы обстоятельнее ознакомиться с партизанской войной, столь богатой приключениями, и которая была ведена Вами в течение Московской кампании с такою ревностью и неутомимою деятельностью. Почитаю однако с своей стороны весьма нескромным желать столь обширного описания, которое, потребовав много времени, оторвало бы Вас от Ваших занятий, я ограничиваюсь убедительнейшею просьбой сообщить мне, в знак особенного Вашего ко мне расположения, некоторые очерки и рассказы, написанные рукою самого Черного Капитана...

Я, действительно, успел приобрести портрет Капитана Давыдова, который у меня висит над предметом весьма для меня драгоценным: это — меч, завещанный мне предками, и который в свое время не оставался в праздности...»⁴⁶

Сколь лестные слова от писателя с европейским именем! Какая высокая оценка боевых подвигов нашего героя! И как это здорово, что его портрет оказался не только на постоялом дворе или в крестьянской избе, но и в кабинете знаменитого Вальтера Скотта!

Однако запнемся на слове «капитан» — с чего бы это? Да, в начале 1812 года Денис еще был гвардейским ротмистром, но затем — подполковник, полковник, а нынче уже и генерал-майор. При тогдашней шепетильности в обращениях сэр

Вальтер Скотт (имя которого в России, кстати, писалось через дефис, как «Вальтер-Скотт») вряд ли бы сообщил генералу, что у него есть портрет именно «капитана Давыдова» — уж он-то знал, что таковым его корреспондент, как тогда именовали участников переписки, никогда и не был. Впрочем, он-то Дениса Васильевича капитаном и не титуловал.

Всему виной — игра слов и ошибка переводчика. Если читатель помнит, что, повествуя о Тильзите, мы рассуждали о том, что император Наполеон никак не мог предвидеть в молодом гвардейском гусаре, на которого случайно упал его взгляд, будущего легендарного «Черного Вождя», грозу французов в 1812 году.

Так вот, французское слово «capitaine» (переписка двух писателей велась на французском языке), равно как и английское «captain», переводится не только как воинское звание «капитан», но и как «вождь», «полководец», что в данном случае гораздо более подходит по смыслу. Цитаты исправлять не будем, но примем к сведению.

Вместе со своим ответом шотландец прислал в Россию собственный гравированный портрет с собственноручной подписью: «Walter Scott for Denis Dawidoff»*.

Давыдов отвечал с похвальной скромностью, демонстрируя при этом и широту русской души:

«Я давно желал иметь портрет человека, так много мною уважаемого, и так победительно увлекающего внимание и удивление света. Желание мое удовлетворено особенною вашею ко мне благосклонностью, простирающеюся до сочетания моего бесславного имени с вашим знаменитым именем.

Горжусь весьма, милостивый государь, что гравированный портрет мой давно уже находится в вашем кабинете оружий, столь тщательно вами собираемых. Это спасает меня от неприличия отдарить вас изображением черт моей малозначащей особы и вместе с тем доставляет мне случай просить вас принять курдскую пику и персидский кинжал, отбитые отрядом, бывшим под моею командою в легкой сшибке с персидским корпусом войск близ Эривани...»⁴⁷

Не очень оживленная переписка, затрудняемая большими расстояниями и водными преградами, к тому же — с двумя перерывами на войну, продолжалась между литераторами несколько лет. Вернувшись с Польской войны — это будет уже 1831 год, о чем речь, соответственно, впереди, он напишет подробное письмо, в котором укажет на все неточности, обнаруженные им в сочинении Вальтера Скотта о жизни французского императора-полководца. Письмо уже было готово к

* Вальтер Скотт Денису Давыдову (англ.).

отправке, когда Давыдов узнал, что его корреспондент скончался.

Письмо осталось неотправленным. А вскоре, когда в России вышел перевод известного нам труда, Денис Васильевич перевел на русский и свое письмо, которое впоследствии было напечатано в сборнике его сочинений.

«Так как замечания мои, — говорит Давыдов, — не могут уже быть полезными сочинителю, то охранят они, по крайней мере, моих соотечественников от заблуждения, в которое был невольно введен этот знаменитый писатель ложными документами, доставленными ему пристрастными и недоброжелательными людьми»⁴⁸.

...Ко всему сказанному можно добавить, что при этом была у Давыдова еще и какая-то личная жизнь, которую мы ворошить не будем, ограничившись лишь несколькими строками из письма все тому же князю Петру Андреевичу: «Ты говоришь о вдовушке — она мила, но пока Бог с ней! Меня ждет вдовец, давно тоскующий обо мне, а именно винокуренный завод, который гораздо упоительней всех женщин мира. Я для него должен на днях скакать в Оренбургскую губернию...»⁴⁹

Что ж, завод — заводом, это надежный источник дохода, но, значит, была и какая-то вдовушка, и совсем не обязательно, чтобы Денис даже ближайшему другу подробно обо всем рассказывал.

* * *

Тем временем Персидская война была «со славою кончена». 10 февраля 1828 года в Туркманчае подписали мир, по которому незадачливый агрессор уступал России свои Эриванскую и Нахичеванскую области, да еще и платил 20 миллионов рублей контрибуции. Генерал от инфантерии Паскевич был возведен в графское достоинство с титулом «Эриванский», награжден орденом Святого Владимира 1-й степени и получил миллион из контрибуционных денег. Грибоедов, буквально заставивший противную сторону подписать договор, был награжден чином статского советника, орденом Святой Анны 2-й степени с алмазами, четырьмя тысячами червонцев и назначен в Тегеран полномочным министром.

Возвращаться туда Александр Сергеевич не хотел, прекрасно понимая, что своего унижения персы ему не простят, но Николай I желал назначить послом человека, который бы по-настоящему знал страну, и в том он был абсолютно прав. Однако 30 января 1829 года российское посольство в Тегеране было разгромлено, его сотрудники — зверски убиты. Грибое-

дов действительно знал Персию: все вышло именно так, как он предвидел...

Россия, как известно, в спокойствии жить не может. В феврале 1828 года официально закончилась война с Персией, а в апреле началась война с Турцией — единственная война из происходивших с 1807 по 1831 год, в которой Давыдов не участвовал, — и длилась она до сентября 1829 года. Денис тем временем сидел в Симбирской губернии, откуда в январе 1830 года писал Вяземскому:

«Черт тебя сунул в Петербург! Твой ли это город? Дайте нам матушку Москву или берега Волги, где живет Душенька!

Обними за меня Жуковского и Дашкова, а Пушкина возьми за бакенбард и поцелуй за меня в ланиту. Знаешь ли, что этот черт, может быть не думая, сказал прошедшее лето за столом у Киселёва одно слово, которое необыкновенно польстило мое самолюбие? Он, может быть, о том забыл, а я помню, и весьма помню! Он, хваля стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать свои круче и приноравливаться в оборотах к моим, что потом вошло ему в привычку. Это комплимент и почти насмешка, но самолюбие всякий комплимент, всякую насмешку принимает за истину. Ты знаешь, что я не цеховой стихотворец и не весьма ценю успехи мои, но при всем том слова эти отозвались во мне и по сие время меня радуют...»⁵⁰

Если уж Пушкин отмечал влияние на него стихов Давыдова, то что говорить о поэтах иного уровня? В особенности гусарские стихи Дениса имели множество эпигонов — но никто из подражателей не смог даже и подступить к давыдовскому уровню, их имена давно стерты временем и позабыты. Разве что, за одним исключением — и то благодаря нашему герою. Конечно, это не общеизвестный «Бурцов», воспетый чуть ли не всеми литераторами начала XIX столетия, но автор, оставшийся в памяти литературоведов и читаемый всеми, кто как-то соприкасается с творчеством Давыдова.

Восторженный стих, с которым Ефим Петрович Зайцевский* обратился к Денису, давно позабыт, да и вряд ли был

* *Ефим Петрович Зайцевский* (1801—1860) — капитан 1-го ранга. В 1817 году был произведен в гардемарины Черноморского флота, в 1819 году получил чин мичмана. Во время Турецкой войны 1828 года крейсировал на корабле «Париж» с флотом у Анапы и Варны, причем участвовал под Варной в вырезке турецких судов и во время осады этой крепости находился в траншейных работах. В 1846 году был произведен в капитаны 2-го ранга; с 1851 по 1853 год занимал должность генерального консула в Сицилии, а 28 июля 1853 года назначен был состоять при миссии в Неаполе. В свободное от служебных обязанностей время предавался литературным занятиям; писал преимущественно элегические стихотворения, оригинальные и переводные, помещая их во многих журналах и альманахах.

особенно известен. Зато сам лейтенант флота Зайцевский вскоре обратил на себя внимание общества: в 1828 году он отличился в морском бою с турецким флотом близ Варны, а затем, командуя при сухопутном штурме сотней матросов, первым ворвался в эту крепость. За свои подвиги Ефим Петрович был награжден орденами Святого Георгия IV класса, Святого Владимира 4-й степени с бантом, золотой саблей «За храбрость» и чином капитан-лейтенанта.

Но самой, очевидно, лестной наградой, выделившей его из всех героев Турецкой войны и оставившей о нем память на века, стали стихи Давыдова, так и названные: «Зайцевскому, поэту-моряку». Понятно, что наш герой остро переживал все перипетии первой войны, в которой ему не пришлось участвовать.

Счастливый Зайцевский, Поэт и Герой!
Позволь хлебопашцу-гусару
Пожать тебе руку солдатской рукой
И в честь тебя высушить чару.
О, сколько ты славы готовишь России,
Дитя удалое свободной стихии!⁵¹

Однако то, что произошло — это был «звездный час» Зайцевского, ибо подвигив он более не совершал, после полученных ранений оставил строевую службу и служил на военно-дипломатическом поприще в Италии, где и скончался; он общался со многими поэтами, писал стихи — но эти строки сегодня можно найти лишь в качестве приложений к давыдовским сборникам.

...Вдруг показалось, что в завершающих строках этого самого стиха, говоря о себе, Денис напроорочил и судьбу адресата стихотворения:

...Но забвеньем судьба меня губит,
И лира немеет, и сабля не рубит⁵².

Давыдов скучает по службе, по друзьям и летом 1830 года возвращается в Москву..

В тот год в Россию пришла холера. Рассказывать о ней можно долго и много, но мы лишь уточним, что если Пушкина холера заперла карантинами в Болдине (в результате чего русская литература получила «Болдинскую осень» и обогатилась «Повестями Белкина», «Маленькими трагедиями», «Домиком в Коломне», «Бесами» и еще многими стихами), то Давыдова она вновь возвратила на службу.

«Во время холерной эпидемии 1830 года Давыдов предло-

жил свои услуги в качестве надзирателя одного из тех санитарных участков, на которые была разбита Москва и ее окрестности. Получив в свое заведование 20-й участок, Давыдов, с присущей ему оригинальностью, внес так много нового в дело управления этим учреждением, что Московский генерал-губернатор князь Д. В. Голицын предложил всем взять его за образец. В числе приехавших к Давыдову для ознакомления с участком находился де Санглен*, бывший при Александре I начальником военной полиции и по самому свойству своей должности не пользовавшийся популярностью среди военных»⁵³.

Во время Отечественной войны Высшая воинская полиция выполняла отнюдь не полицейские функции, но решала задачи военной контрразведки — то есть искала наполеоновских шпионов, причем достаточно эффективно. Но это было давно, а теперь Яков Иванович находился не у дел и, так же как Денис Васильевич, к которому он приехал, что называется, «по обмену опытом», «боролся с холерой», заведая своим участком.

Хотя де Санглен воспользовался гостеприимством Давыдова, заночевал в его доме и, очевидно, немало времени провел за столом, общего языка и взаимопонимания эти два участника Отечественной войны не нашли. По отъезде гостя Денис Васильевич отправил возмущенное письмо начальнику Московского жандармского округа генерал-лейтенанту Александру Александровичу Волкову, так описав визит де Санглена:

«В течение вечера и на другой день поутру, он явно рассказывал нам о четырех тысячах рублей жалованья, получаемых им от правительства, о частых требованиях его вами для совещаний и для изложения вам его мыслей и проч.; переменял со мною ежеминутно разговоры, переходя от одного политического предмета к другому; — словом, играл роль подстрекателя и платил был мною одним безмолвным примечанием изгибов его вкрадчивости и гостеприимством...»⁵⁴

Конечно, не исключено, что по старой полицейской привычке де Санглен решил собрать кое-какую информацию — но, думается, из своего интереса. Зато рассказы о том, какое он жалованье получает и что с ним до сих пор советуется жандармское начальство, представляются старческим хвастовством. По тогдашним понятиям и Давыдов, и де Санглен были уже людьми достаточно немолодыми... К тому же действительный статский советник представил совершенно иную версию случившегося, о которой — чуть ниже.

* *Яков Иванович де Санглен* (1776—1864) — действительный статский советник; с 1811 года — директор Особенной канцелярии министра полиции; с апреля 1812 года по 1816 год — директор Высшей воинской полиции.

Жандармский начальник с большим вниманием отнесся к полученному письму — явно, Денис Васильевич пользовался немалым уважением, и вступил в переписку как со своим петербургским руководством, вплоть до управляющего Третьим отделением графа Бенкендорфа, так и с московским генерал-губернатором князем Голицыным. В процессе переписки выяснилось, что никто никаких поручений де Санглену не давал и никакого интереса для политической полиции Денис Васильевич не представляет.

Вопрос бы не стоил выеденного яйца, если бы про этот эпизод не рассказал в своих воспоминаниях сам Яков Иванович, описывая свою встречу с Николаем I. Император у него тогда спросил:

«— А с Давыдовым что у вас было?

— Тоже ничего, Государь! Мы оба были выбраны начальниками над округами, учрежденными для охранения от холеры. Князь Голицын объявил в ведомостях о славном учреждении Давыдова относительно холеры и приказал всем руководствоваться его учреждениями. Я поехал к Давыдову; он оставил меня ночевать; учреждений я никаких не нашел; а на другое утро просил он меня выслушать сочинение: биографию генерала от кавалерии Раевского. Я откровенно заметил ему, что много либеральных, неуместных идей, печатание которых опасно. Он донес князю Голицыну, что я должен быть шпион; а князь Голицын довел это до сведения вашего императорского величества. Это было причиною моего всеподданнейшего письма вам, Государь!

— Как могли вы подумать, чтобы я поверил Давыдову, которого выгнал Паскевич из армии; а этого я уважаю, как только сын может уважать отца; и тому Давыдову верить, который у театра дрался с простым жандармом.

— Я всего этого, Государь, не знал»⁵⁵.

Знать бы, насколько точно записаны слова Николая I! О том, что император уважал Паскевича — общеизвестно. Все прочее можно подвергнуть сомнению... Про «историю с жандармом» вообще нигде нет ни звука, но предполагать и фантазировать, что именно произошло, мы не будем. Известно также, что де Санглен враждовал с князем Голицыным...

Хотя не исключено и то, что Давыдов мог вызывать определенное подозрение политической полиции. Ведь сохранилось «Дело» 1-й экспедиции Третьего отделения № 335 от 1827 года: «О стихах на 14 декабря, находившихся у студента Леопольдова и прикосновенных к сему делу [чиновнике] 14 класса Коноплеве и штабс-капитане Алексееве». В этом деле среди стихов Александра Пушкина — «Кинжал», «К Дельвигу» и

других, а также — какой-то литературной самодеятельности было и давыдовское стихотворение, названное «Бич», но известное как басня «Река и Зеркало», заканчивавшаяся таким пассажем:

Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь, и волю дать...
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта былъ на басню походила⁵⁶.

Стихотворение старое, но пуганая ворона и куста боится... После 14 декабря, когда выяснилось, что многие участники возмущения были причастны к литературному труду, государь Николай Павлович взял под подозрение всех писателей и был с ними весьма строг, о чем свидетельствуют хотя бы судьбы уже упоминавшихся нами Михаила Лермонтова и Александра Полежаева.

Впрочем, гадать, насколько император мог опасаться Дениса Давыдова, мы не будем. А самому нашему герою политика, как и раньше, была совершенно чужда. Ему хотелось творить.

«Ты радуешься, что во мне червяк поэзии опять расшевелился. Выражение твое не точное: для меня поэзия не червяк, то есть не глист и не солитер, от коих тошнит, а пьянство, от коего также тошнит, но с какою-то особою приятностью. Поверить не можешь, как этот поэтический хмель заглушает все стенания моего честолюбия и славолюбия, столь жестоко подавленные вглубь души моей; без него и в уединении покой не был бы моим уделом. Мне необходима поэзия, хотя без рифм и без стоп, она величественна, роскошна на поле сражения — изгнали меня оттуда, так пригнали к красоте женской, к воспоминаниям эпических наших войн, опасностей, славы, к злобе на гонителей или на *сгонителей с поля битв на пашню*. От всего этого сердце бьется сильнее, кровь быстрее течет, воображение воспаляется — и я опять поэт!»⁵⁷ — писал он Вяземскому.

Но даже из этого письма видно, что служить Денису Давыдову также очень хотелось — именно в воинской службе он видел настоящий смысл своей жизни, свое земное предназначение.

* * *

Пройдет почти 20 лет после кратковременной «Кавказской эпопеи» Давыдова, и Вильгельм Кюхельбекер, что некогда, согласно «Парнасскому адрес-календарю», «заготавливал

из стихотворений своих для Феба промывательное», а ныне, в 1846 году, — осужденный по 1-му разряду государственный преступник, ослепший и больной, напишет удивительные, пронзительные строки:

Лицейские, ермоловцы, поэты,
Товарищи! Вас подлинно ли нет?
А были же когда-то вы согреты
Такой живою жизнью!..⁵⁸

Как много неназванных, но столь знакомых нам имен соединены в первой этой строке, переплетаются в трех словах! «Лицейский, поэт» — Пушкин; «ермоловец, поэт» — Давыдов; на этих словах вспоминаются Дельвиг, Грибоедов, князь Александр Одоевский, Рылеев, Баратынский, генерал-майор Владимир Вольховский — и еще многие блистательные имена... Лишь сам Вильгельм Карлович, единственный из всех, подходил сразу под три эти определения: лицеист первого выпуска, чиновник для особых поручений при Ермолове в конце 1821-го — первой половине 1822 года, автор многих (а среди них — нескольких прекрасных) стихотворений, как, например, то, о котором мы сейчас говорим.

В нем назван лишь Александр Якубович, «ермоловец», поведение которого в день 14 декабря 1825 года оказалось далеко не безупречным — да и не только тогда. Поэтому, наверное, «Кюхля» признается:

Я не любил его... Враждебный взор
Вчастую друг на друга мы бросали...

Но... все в прошлом, и Кюхельбекер рыдает при известии о смерти Якубовича.

Ты отстрадался, труженик, герой,
Ты вышел наконец на тихий берег,
Где нет упреков, где тебе покой!⁵⁹

Кюхельбекер — друг и соученик Пушкина, знакомый Давыдова — умрет в конце лета того же 1846 года.

«Лицейские, ермоловцы, поэты» — как это прекрасно сказано! А ведь наш герой был чуть ли не самым последним из «ермоловцев» — не по родству, разумеется, а по времени службы под командованием Алексея Петровича... Сам Ермолов уйдет в 1861 году одним из самых последних генералов Отечественной войны.

Глава одиннадцатая
«ЭТО МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ». 1831

*Сбылось — и в день Бородина
Вновь вторглись наши знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.*

Александр Пушкин.
Бородинская годовщина

«Тяжкий для России 1831 год, близкий родственник 1812-му, снова вызывает Давыдова на поле брани. И какое русское сердце, чистое от заразы общемирного* гражданства, не забилося сильнее при первом известии о восстании Польши? Низкопоклонная, невежественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствующими над ее мыслями и делами, осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствовавший всеми силами Европы, совестился явно требовать, силился исторгнуть — и не мог! Давыдов скачет в Польшу...»¹

Кажется, все понятно, но именно сейчас мы приступаем к рассказу о наиболее «закрытом», малоизвестном периоде жизни нашего героя. Многим исследователям и авторам он представляется настолько неоднозначным, что в своих работах они уделяют этому времени одну-две страницы, написанные буквально скороговоркой. А, к примеру, в книге Виталия Пухова «Денис Давыдов»², выпущенной к 200-летию со дня рождения поэта-партизана, событий 1831 года вообще... не было! Мол, после конфликта с де Сангленом, якобы инспирированного Николаем I, «Давыдов решил срочно уехать из Москвы в Верхнюю Мазу, но задержался и 17 февраля в числе ближайших друзей А. С. Пушкина был на мальчишнике, где тот прощался с холостяцкой жизнью. Назавтра, 18-го, состоялась свадьба Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой. Поэт Языков писал об этой прощальной вечеринке, где впервые увидел

* Имеется в виду — «общемировое».

Д. В. Давыдова: “18 числа сего месяца совершилось бракосочетание Пушкина... Накануне сего высокаторжественного дня у Пушкина был девишник, так сказать, или лучше сказать, пьянство прощальное с холостой жизнью. Тут я познакомился с Денисом Давыдовым — и нашел в нем человека чрезвычайно достойного любопытства во всех отношениях, несмотря на то, что в то же время он во мне мог найти только пьяного стихотворца”»³.

Все это так. На 17-е Пушкин пригласил к себе близких друзей (очевидно, встреча была в доме на Арбате) — порядка двенадцати человек, в числе которых конечно же были Павел Воинович Нашокин, князь Вяземский, брат поэта Лев Сергеевич, Баратынский, Языков, Иван Киреевский. Был среди них и Денис Давыдов. Все отмечали, что Пушкин казался «необыкновенно грустен»...

Но если очередная глава заканчивается рассказом Языкова, то следующая начинается со слов «в начале 30-х годов Давыдов пишет мало стихотворных произведений...», — и рассказ плавно переходит к событиям 1832 года.

Никакой Польши нет и в помине! А ведь в начале 1831 года, как мы знаем, Денис Васильевич в Верхнюю Мазу не собирался — он уезжал на войну. Так как «польские события» известны у нас весьма относительно, не грех будет напомнить о них хотя бы в нескольких словах.

В последнюю треть XVIII века некогда могущественная и весьма агрессивная Речь Посполитая вообще утратила свою независимость, а польские земли трижды были разделены между Пруссией, Австрией и Россией... Но в 1806 году Наполеон, склонный к театральным эффектам и громким фразам, основал как бы самостоятельное Великое герцогство Варшавское. Хотя звучало красиво, но это было отнюдь не великое государство, существовавшее на территориях, отобранных французами у прусского короля, — здесь проживало менее двух с половиной миллионов граждан. Императора совершенно не волновали польские амбиции: несмотря на все обещания Наполеона о возрождении «Великой Польши», вновь образованное герцогство было просто-напросто вовлечено в орбиту имперских интересов, и в 1812 году в состав Великой армии, двинувшейся на восток, был включен десятитысячный польский корпус под командованием князя Иосифа Понятовского — 28 батальонов и 20 эскадронов при полусотне орудий.

Как свидетельствуют французские историки, «государство, основанное Наполеоном, не пережило гибели Великой армии. Поляки были не в силах защищать это государство именно потому, что большая часть национальных сил погибла во время

разгрома наполеоновской армии в России, а небольшое количество, которое уцелело, должно было под предводительством Иосифа Понятовского следовать за французами в их отступлении. 18 февраля 1813 года русским стоило только появиться перед воротами Варшавы, чтобы вступить в нее. Остальные крепости старой Польши — Данциг, Замостье, Модлин — пали в свою очередь...»⁴. Кстати, 16 октября 1813 года Понятовский был возведен в чин маршала Франции, а через три дня после этого знаменательного события утонул в Эльбе — когда французские войска бежали, проиграв сражение под Лейпцигом.

Неразумное поведение поляков, увлекшихся посулами Наполеона, было наказано: на Венском конгрессе упраздненное Варшавское герцогство присоединили к России. Но здесь, объединенное с литовскими областями, оно стало называться Царство Польское, которое получило автономное устройство, свою администрацию и даже денежную систему и конституцию. В итоге поляки существенно выиграли вообще, а перед русскими — в особенности.

Подобный «либерализм» Александра I очень не понравился русскому обществу, в котором после Отечественной войны и Заграничного похода многие ждали коренных перемен. Претензии поляков, весьма провинившихся перед Россией в недавние времена, также вызывали негативную реакцию.

И вот — свидетельство современника, побывавшего в Варшаве в 1817 году в свите императора, который традиционно очаровывал поляков ласковым обхождением и далекоидущими обещаниями:

«Поляки возмечтали о себе более чем благоразумие сего дозволяло, и высокомерие свое постоянно выбалтывали, а русские молчаливо, но глубоко затаили оскорбление национальному своему чувству.

“На одном из смотров, — продолжает свой рассказ И. Ф. Паскевич, — подхожу я к графу Милорадовичу и графу Остерману (они тут же были, даже их держали в Варшаве, как и нас, в черном теле, вероятно, также, чтобы привлечь любовь польских генералов армии Наполеона) и спрашиваю у них:

— Что из этого будет?

Граф Остерман отвечал:

— А вот что будет: что ты через десять лет со своею дивизиею будешь их штурмом брать.

Он ошибся на три года, — замечает при этом в своих записках князь Варшавский, — ибо я брал у них Варшаву, как главнокомандующий”»⁵.

Удивительно, но подобных перспектив не представляли только в самых высших эшелонах власти. Александр I откро-

венно говорил, что он поляков предпочитает русским; цесаревич Константин, являвшийся фактическим правителем края, официально выполнял обязанности главнокомандующего польской армией и со всей старательностью занимался ее формированием, перевооружением и обучением, чем добросовестно подготавливал базу будущего мятежа; за время своего правления он весьма настроил поляков против себя и, соответственно, против России. При этом, как и его старший брат, Константин относился к полякам весьма трепетно.

«Он однажды сказал: “Если поляки плюнут мне в глаза, я лишь им позволю обтереть себя”. Любя поляков по-своему, он, как единогласно все утверждают, восхищаясь во время войны действиями их против нас, не раз восклицал: “Каковы мои! — молодцами дерутся”»⁶.

Оценивать героизм неприятеля можно — помнится, при Бородине князь Багратион высказал свое восхищение атакой французского 57-го линейного полка на Семеновские флеши и тут же контратаковал отважного противника. Но вот так называть врагов «моими», говорить «из прекрасного далека», что, мол, «молодцами дерутся» — просто непорядочно. Впрочем, думаем, что наши читатели имеют о Константине Павловиче достаточное представление...

Но вот малоизвестный факт, также приведенный французскими академиками:

«В 1828 году русская армия выступила в поход против турок, с целью добиться освобождения Греции. Задавали вопрос: неужели польская армия не разделит с ней опасностей и успехов в борьбе против оттоманов — наследственного врага обеих славянских наций? Ничто не могло лучше способствовать рассеянию недоразумений между русскими и поляками, ничто не могло примирить их лучше, чем общая слава. Польская армия страстно желала принять участие в этой войне. По-видимому, этому воспротивился великий князь. Полный казарменной мелочности, но, в сущности, совсем не воин, он не любил войны: “Она портит войска”, — говаривал он. Мог ли царь, почти двадцатью годами моложе брата и обязанный своей императорской короной его отречению от престола, навязывать ему свою волю?.. Как бы то ни было, недовольство, охватившее польскую армию вследствие вынужденного бездействия, сыграло большую роль в дальнейших событиях»⁷.

К сожалению, российское руководство никогда не проявляло мудрости и гибкости в решении пресловутого «национального вопроса» — о каких бы нациях ни шла речь. Столь необходимая политика «кнута и пряника», продуманная и

взвешенная, подменялась необременительным заигрыванием, чаще всего — в ущерб русскому народу..

В итоге, как известно, в Варшаве вспыхнуло предательское восстание.

«17 ноября 1830 года руководимая офицерами и воспитанниками военно-учебных заведений толпа ворвалась в Бельведерский дворец с намерением убить Константина Павловича, которому удалось, однако, спастись. Сейм объявил династию Романовых низложенной и провозгласил главой правительства Чарторыйского, а главнокомандующим с диктаторскими полномочиями генерала Хлопицкого. Однако Хлопицкий отклонил от себя эту честь и настоял на назначении князя Радзивилла, оставшись при нем советником — фактически же главнокомандующим.

Полагая, что “всякая капля крови только испортит дело”, Константин отпустил оставшиеся ему верными польские войска — и эти превосходные полки усилили армию мятежников. Крепости Модлин и Замостье были переданы полякам, и цесаревич с гвардейским отрядом отошел в русские пределы»⁸.

Но ведь была пролита кровь! Мятежники убили шестерых польских генералов, сохранивших верность присяге и, соответственно, России. Однако Константин Павлович, вопреки всему продолжавший симпатизировать полякам, изначально связал руки русскому командованию, что и дало возможность мятежу разгореться.

«Меня уверяли очевидцы, как поляки, так и русские, проживавшие в то время в Варшаве, что после выступления наших войск в Виржбу* 17-го ноября, ночью, можно было потушить народное волнение в самом городе; на другой день утром с шестью батальонами, к вечеру того же дня — десятью батальонами, но на следующий день и 26 000 человек были бы уже недостаточны, тем более, что в город уже вступили несколько мятежных польских полков, шляхетство и разная буйная сволочь, обитавшая в окрестностях, и мятеж принял решительную уже оседлость»⁹, — свидетельствовал впоследствии наш герой.

Однако тушить стремительно разгоравшийся пожар мятежа русская армия, которую возглавлял Иван Иванович Дибич, пожалованный после недавней Турецкой войны чином генерал-фельдмаршала, титулом «граф Забалканский» и орденом Святого Георгия I класса, начала лишь на исходе января 1831 года. Русские войска перешли границу Царства Польского 24—25-го числа, не подготовленными по-настоящему. По мнению историков, если бы Дибич затратил еще месяц на подготовку,

* Очевидно, одно из варшавских предместий.

то война могла бы завершиться на полгода раньше. Мязежная Польша никоим образом не походила на вальяжную Турцию, война здесь была совершенно иная... Несколько позже Денис Васильевич написал:

«Упоенный удачами своими в Турции, Дибич уже ехал в Польшу в полной уверенности на победу при первом своем появлении. Произошло однако то, чего должно было ожидать. Одержанные им успехи в Турции вознесли самонадеянность его за пределы благоразумия, а первый отпор в Польше и многосложность неблагоприятных обстоятельств, вдруг воспрянувших и им вовсе непредвиденных, окончательно поколебали эту самонадеянность и совершенно убили в нем присутствие духа, без которого даже сдачу в вист разыграть затруднительно. Таков был Дибич! Долго успехи сопутствовали ему во всех предприятиях, но чем окончились все усилия его к достижению сферы, не соответствовавшей его дарованиям? Получив начальство над армиею в Польше, что почиталось его совместниками за верх благополучия, он возвысился над толпой, насколько веревка возвышает висельника. Под влиянием этих мыслей и подозрения, невольно запавшего в душу каждого солдата, что главнокомандующий подкуплен врагами, я написал следующую песню, имевшую некоторый современный успех:

Голодный пес
Ох, как храбрится
Немецкий фон,
Как горячится
Наш хер-барон.
Ну вот и драка,
Вот лавров воз!
Хватай, собака,
Голодный пес!

.....
Лях из Варшавы
Нам кажит шиш,
Что ж ты, шаршавый,
Под лавкой спишь?
Задай, лаяка,
Варшаве чос!
Хватай, собака,
Голодный пес!

Вот тот, кому Россия обязана семимесячной отсрочкой в покорении Царства Польского, отсрочкою в глазах ее порицателей столь предосудительной государству, употребившему не более времени, чтобы победить самого Наполеона и его европейскую армию; но повторяю, корень зла скрывается не в русском войске, а в личности самого Дибича»¹⁰.

Мы добавим, что кроме Дибича был еще и цесаревич Константин, о роли которого нами уже кое-что сказано; но не станем разбирать все перипетии той войны, а обратимся непосредственно к нашему герою и к тем событиям, в которых он принимал непосредственное участие...

Лишь только до Москвы дотянуло запах «жженого пороха» — был опубликован манифест «об измене, мятеже и дерзости поляков», Давыдов отправил письмо своему бывшему однополчанину Александру Ивановичу Чернышёву, теперь уже — исполняющему обязанности военного министра, новоспеченному графу и генералу от кавалерии:

«В Польше возникли беспокойства; полагать должно, что загремит скоро там оружие; если этому быть должно, то осмеливаюсь покорнейше просить ваше сиятельство повергнуть к стопам государя императора желание мое служить в действующей армии. Воля его священная употребить меня как, куда и чем его величеству угодно будет, — только за долг поставляю не скрыть от вашего сиятельства, что хорошо зная себя, я уверен, что полезнее буду в командовании “летучим” отрядом, по чину моему составленным, чем в рядах, без собственных вдохновений и с окованным духом предприятий»¹¹.

Помните рассуждения литературного критика о «реакционно-националистических настроениях» Давыдова? В данном письме такие настроения абсолютно не просматриваются, никакого «бей ляхов — спасай Россию!». Денис, как человек военный, готов воевать именно за интересы своего Отечества, и не более того. Ему, как верноподданному, глубоко чужд бунт польской шляхты, ему претят вероломные убийства, да и сами поляки, не столь еще давно воевавшие под знаменами Наполеона (практически все старшие командиры мятежников прошли боевую школу в корпусе Понятовского, побывав в России), не вызывают у него особых симпатий. Да и не только у него...

В войсках же ходил слух, что когда Денис Васильевич попросился в действующую армию и граф Чернышёв передал эту просьбу Николаю I, то «государь император спросил Дибича — желает ли он его иметь, и получил в ответ, что ему приятно будет иметь в своей армии такого генерала»¹².

Перед отъездом Денис написал злую и грубую эпиграмму, вызвавшую в обществе у одних восторг, а у других негодование:

Поляки, с Русскими вы не вступайте в схватку:
Мы вас глотнем в Литве, а в.....м в Камчатку¹³.

Никакого сравнения с эпиграммой «Генералам, танцующим на бале...»!

Сразу после пушкинского «девишника» Давыдов отправился в путь — через Калугу, Смоленск, Минск, Брест-Литовск и Седлец; дорога до местечка Шеницы, где стояла Главная квартира графа Дибича, заняла менее месяца:

«12-го марта граф Тиман и я прибыли в Главную квартиру, но Граббе нас опередил сутками. Все подняли меня на руки, прежде нежели я был допущен до высших вождей; генерал-квартирмейстер Нейдгард принял меня по-дружески. На другой день мы с Тиманом представлялись фельдмаршалу, который, приняв нас в кабинете, очень обласкал меня и, говоря со мной, беспрестанно повторял: “Денис Васильевич!” Он звал меня обедать и, посадив возле себя, говорил много, шутил и подливал мне и себе много вина, расспрашивал об Алексее Петровиче Ермолове, с которым он так благородно поступил в Грузии*. Отведя меня в сторону, он прибавил: “Я для вас готовлю хорошее место и команду, подождите немного, завтра приедет граф Толь, мы с ним об этом потолкуем”. На другой день, по приезде Толя, я поспешил к нему. Он, увидав меня, бросился ко мне и обнял со следующими словами: “Здравствуй, любезный и милый Денис, жду тебя сто лет, послужим вместе, найду тебе дело и славное”. В тот же день за обедом фельдмаршала, возле которого он сидел, Толь, пожав мне руку, сказал ему: “Ваше сиятельство, надо дать ему славное место, это давнишний мой друг и приятель с самого 1812 года”. — “Да, да, непременно, — отвечал фельдмаршал, — я вас только дожидался”»¹⁴.

Можно представить всю эту картину: трое немолодых мужчин, в высоких уже чинах. Давыдову, самому младшему по чину, как мы помним, 46 лет; Дибич, по чину самый старший, — на год его моложе; генералу от инфантерии Карлу Федоровичу Толю, недавно возведенному в графское достоинство и награжденному орденом Святого Георгия II класса, — почти 54... Сейчас ими забыты все взаимные обиды и претензии. В памяти совершенно иное: когда-то, совсем, как кажется, недавно — но уже почти 20 лет тому назад, они были теми «молодыми генералами своих судеб», о которых слагали и будут слагать стихи, которые стали символами самого, как кажется, прекрасного и романтического времени истории государства Российского. Дибич получил генеральские эполеты в 27 лет, имея к тому времени уже два Георгиевских креста, Денис стал генералом в 29; «припозднился» лишь барон Толь, который был штабистом и считался «самым образованным офицером в Главном штабе» — он стал генералом в 35 лет, хотя имел не только «четвертый Георгий», но и, чуть ли не един-

* Понятно, что здесь звучит авторская ирония.

ственным из всех полковников, «генеральский» орден Святой Анны 1-й степени — со звездой и лентой... Их жизни были недолги, и это опять-таки, очень точно, про них: «В одной невероятной скачке вы прожили свой краткий век...»* Для каждого из них Польская война стала последней боевой кампанией...

Скоро Давыдову было дано обещанное «славное место». «Через три дня он получил назначение командовать отдельным отрядом (бывшим полковника Анрепа), составленным из Финляндского драгунского и трех казачьих полков: Катонова № 3, Платова № 9 и Киреева № 4 и входивших в состав корпуса графа Крейца. Задачей этого “летучего” отряда было следить за корпусом Дверницкого, находившегося под Замостьем, оберегать Крейца от внезапного нападения мятежников и препятствовать возбуждению волнения в крае между Вислою и Бугом»¹⁵.

Фрагмент этот требует некоторых объяснений. Кавалергард граф Анреп** сдал отряд после того, как был произведен в генерал-майоры и назначен командиром драгунской бригады, так что должность Денису Васильевичу досталась, в общем-то, не генеральская, но самостоятельная и отряд был дан не маленький. Номера после фамилий относятся не к казачьим полкам, а к их командирам (так же как и сам Давыдов числился под номером вторым). Граф Крейц*** в ту пору был еще бароном и командовал кавалерийским корпусом. Но кто нас особенно интересует — это генерал-майор Дверницкий****, один из активных деятелей мятежа. Еще в 1809 году он сформировал отряд, который привел под знамена Наполеона и с ним принял участие в походе Великой армии в Россию; очень возможно, что он даже встречался с Денисом в бою под Миром... В 1813 году под Лейпцигом Дверницкий командовал 4-м уланским полком, а в 1814-м пытался остановить войска союзников на пути к Парижу. Однако по возвращении в Польшу он был назначен командиром 2-го уланского полка новой «Константиновской» армии, затем — командиром бригады, получил чин генерал-майора, но принял самое деятельное участие в восстании. В начале кампании на счету у Дверницкого были две громкие победы, так что Давыдов, с присущим ему остроумием, писал в одном из писем: «Этот Дверницкий большой молодец: в течение одной кампании он разбил славного нашего Гейсмара и взял у него 8 пушек, потом теперешнего моего

* Марина Цветаева. Генералам Двенадцатого года.

** Иосиф Романович Анреп-Эльмт (1798—1860) — граф, генерал от кавалерии.

*** Киприан Антонович Крейц (1777—1850) — граф, генерал от кавалерии.

**** Иосиф Дверницкий (1779—1857) — дивизионный генерал (1831).

корпусного командира генерала Крейца и взял у него 5 пушек, потом генерала Кавера, у которого взял еще 3 пушки — у меня он ни одной не возьмет, потому что ни одной нет. Мне хотели дать 4, но я от них отказался; если Бог даст у него взять, то я не прочь, а со своими таскаться опасно...»¹⁶

Получив назначение, он не стал засиживаться в Главной квартире — не только потому, что хотелось в бой, но и по той причине, что в этом не было никакого смысла. Да и удовольствия, честно говоря, тоже.

«Я помню главную квартиру Кутузова в великий год войны Отечественной, — писал в воспоминаниях Денис Васильевич, — не говорю уже о главных квартирах Шварценберга и императора Александра в 1813 и 1814 годах. Какое многолюдство, какая роскошь, какие веселости всякого рода! Это были подвижные столицы со всеми их очарованиями! Было где нашему брату, авангардному жителю, пристать и осушить платье, загрязненное на бивуаках, обмыть пахнувшие порохом усы в бокалах шампанского, натешиться разговорами и обменом остроумия в любезнейших обществах, напиться свежими политическими новостями и отдохнуть от всечастного: “кто идет?”, “садись!” и от непрерывных вопросов: “где неприятель? сколько?.. пехота или конница?.. есть ли пушки?..” и проч.

Но в этой войне главная квартира напоминала колонию кверков или обитель траппистов. Конечно, я не мог жаловаться за себя; фельдмаршал удостоил меня отлично благосклонным приемом... но справедливость не позволяет умолчать, что как для меня, так и для других ничего не было утомительнее сей печальной, педантической, аккуратной к распределению времени главной квартиры, где видимо преобладала крайняя нерешительность. В ней все наводило истинную грусть и тоску...

Русской армии необходима блистательная, многолюдная, шумная, веселая, роскошная главная квартира, или скромная, но победная*, подобно Суворовской»¹⁷.

Характер войны менялся решительно и стремительно, блистательный «осьмнадцатый век» окончательно ушел в прошлое, и люди, подобные Денису Давыдову, чувствовали себя чужими в реалиях новой, говоря позднейшими терминами, — «современной» войны.

Я люблю, казак-боец,
Дом без окон, без крылец,
Без дверей и стен кирпичных,
Дом разгулов безграничных

* Слово самого Суворова. — Прим. Д. В. Давыдова.

И налетов удалых,
Где могу гостей моих
Принимать картечью в ухо,
Пулей в лоб иль пикой в брюхо.
Друг, вот истинный мой дом!¹⁸

Такова она, давыдовская война! С «удальными налетами», обменов сабельными ударами, «веселостью» Главной квартиры, «горелкой вечером» и даже той смертью, которой «в когти попадаешь и не думая о ней» — в общем, всем тем, что можно назвать армейской романтикой. Прелесть этого очень трудно понять человеку непричастному, далекому от подобной жизни — ну, примерно так же, как мало кто сегодня в толпе, трясушейся и извивающейся на дискотеке, сможет осознать красоту Рождественского бала в Зимнем дворце.

Итак, на этой войне Давыдов вдруг стал ощущать себя чужим — и спешно направился в свой отряд.

Давно прошли те времена, когда о жизни нашего героя мы могли узнать только из его записей. Теперь буквально каждый шаг легендарного поэта-партизана фиксировался его современниками — не только профессиональными литераторами, но и случайными мемуаристами. Генерал-лейтенант А. Л. Зеланд, бывший в 1831 году артиллерийским офицером, писал:

«При выступлении из Желохова на первом привале нагнал нас славный наш партизан генерал-майор Денис Васильевич Давыдов... Вместо сабли висела у него через плечо шашка, а с правой стороны висела казацкая нагайка, как у всех офицеров в армии, от графа Толя до младшего прапорщика. Какое значение имела эта нагайка, в особенности у пехотинца, не берусь определить; но всякий вновь прибывающий в армию запасался нагайкою, изготовлением которых занимались казаки, по одному серебряному рублю. Давыдов был плотный мужчина, несколько сутуловат, с лицом смуглым и небольшими сверкающими глазами, но усы его висели до груди. Видел я после портрет его в издании “Сто русских литераторов”, который не очень похож, и он тут изображен с подстриженными усами. Давыдов сделал с нами два перехода, занимая окружавших его интересными рассказами. Все время был он в отличном расположении духа, шутил, и искрившиеся его глаза могли каждого в том убедить, что душа его сохранила отголосок удалых порывов юности...»¹⁹

Но, может, не только Давыдов и его ровесники тосковали о той, давней войне, о невозвратных временах 1812 года? Недаром же столь восторженно встретили генерала — героя и легенду Отечественной войны — во вверенном ему отряде, куда Денис Васильевич прибыл 23 марта. Вот как описывает он это прибытие бойким своим пером:

«Скромность налагает на меня печать безмолвия; но польщенное самолюбие мое побуждает меня сказать два слова о приеме, сделанном мне войсками. Грешный человек, я следую охотнее внушению последнего.

Удивительно и непонятно впечатление, произведенное моим появлением на армию. Неужели тому причиною несколько десятков лет боевой службы, несколько весьма незначительных партизанских наездов, или несколько разгульных стихов, написанных у дымных бивуаков и, по словам педантов, исполненных грамматических ошибок? Проезд мой от Шеницы до Красностава был истинно триумфальным шествием! Не было офицера знакомого или незнакомого, старого или молодого, не было солдата, унтер-офицера на походе, на привалах или на бивуаках, которые бы, увидя меня и узнав, что это я, не бежали бы ко мне навстречу, или, догнав меня, толпами не окружали, как какое-либо невиданное чудо. Все кричали мне: «Ваше превосходительство, слава Богу, что вы приехали; есть на кого опереться!» Некоторые подходили ко мне, поздравляя не меня, как говорили они, а армию и самих себя с приездом моим.

Я истинно краснел и лицом, и душою! Я им отвечал: «Не рано ли вы радуетесь? Повремените, я постараюсь заслужить ваше доброе обо мне мнение...»²⁰.

Денис гусарит! Как непосредственно очаровательна его скромность! Но ведь — было! Нет сомнения, что все было именно так, как он расписал. И по причинам, названным выше, и потому, что, когда дела в армии идут не слишком удачно — как было в начале кампании, — армейские фронтеры, не имея обыкновения напрямую критиковать начальство, начинают потихоньку роптать: мол, «были люди... не то, что нынешнее племя...». И вот тут появляется именно один из таких людей — знаменитый, прославленный, он берет командование, он хочет воевать, и под его штандартами нельзя не победить! Таково общее мнение.

«Однако искреннее стремление в бой, судя по письмам Давыдова к жене, у него часто сменялось столь же искренним стремлением вернуться к ней и к семье, которую он горячо любил. Продолжительный поход без уверенности в скорой встрече с неприятелем часто наводил на него тоску и даже вызывал желание конца военным действиям. «Дай Бог скорее конец, — писал он жене 1 апреля из Высокого. — Дай Бог скорее быть в Мышецком или в Мазе возле тебя, моего единственного друга! Повторяю как тебе, так и здесь всем, что это моя последняя кампания — даю тебе в том честное слово. Пора на покой: 15-я кампания не 15-й вальс или котильон! Пора! пора на печку!..»²¹.

Но это — в личных письмах, тогда еще недоступных широкому кругу читателей. Для подчиненных же он остается все тем же легендарным генералом Двенадцатого года — особенно сейчас, вначале, когда он прибыл к войскам, еще полный сил и энергии. И действительно, вскоре, как свидетельствует официальный историк, «генерал Давыдов по приказанию фельдмаршала направился с одним драгунским (Финляндским) и 3-мя казачьими полками в тыл Дверницкому и, следуя за ним по пятам, отрезал ему всякое сообщение с Замостьем и Царством. 18 (6) апреля Давыдов прибыл в Крылов, где захватил многих офицеров Дверницкого, равно как и нескольких студентов из Лемберга. Извещенный о восстании, вспыхнувшем в самом Владимире[-Волынском] и его окрестностях, Давыдов тотчас поспешил туда, дабы укротить его в самом начале. В этот город только что прибыл граф Лудвиг Стецкий; человек молодой, богатый, увлеченный мечтами своего возраста, Стецкий с 30 всадниками и сотнею пехотинцев, вооруженных из его собственного арсенала, направился к Владимиру, на дороге усилился еще новыми толпами и занял беззащитный город. За тем последовали обыкновенные меры и прежде всего учреждение временного правления, во главе которого был поставлен граф Добржинский. Блистательный пир должен был заключить торжество этого дня, которое, однако, было весьма неприятно нарушено. Давыдов с казаками форсированным маршем поспешил из Крылова, имея полк Катасонова впереди, рассеял встреченные на пути шайки и ворвался в город...»²².

Как хочется расцветить этот суховатый рассказ живыми давыдовскими воспоминаниями!

«Перейдя Буг в Крылове по мосту, по которому следовал Дверницкий, я предал его огню и взял 6-го город Владимир приступом. Бой живо кипел! Стар и млад, шляхта и духовенство, военные и мещане, всё стреляло из окон, из-за заборов и оград, и подобно лазам или лезгинам, не просило пощады. Бой продолжался непрерывно в продолжение четырех часов...»²³

«Тщетно инсургенты старались держаться в домах и церквях. Часть казаков и драгун, спешившись, выбили их из этих убежищ, но Стецкий успел ускакать со своими всадниками и, пользуясь близостью леса, избежал преследования. Гораздо мужественнее сопротивлялась его жена, разрезавшая подушки с дивана, дабы доставить стрелкам, защищавшим дом и сад, паклю для выстрелов. За это казаки зажгли дом, и Стецкая с трудом была спасена одним русским офицером. Часть города была объята пламенем и инсургенты были рассеяны или взяты в плен; кроме Стецкого спаслись весьма немногие. Столько

несчастий навлекло на невинный город безрассудное стремление этих легкомысленных людей. В числе пленных находились также новый президент правления граф Добржинский, адъютант Дверницкого и дворянин Чарнолуцкий, третий по своему влиянию, но по усердию же может быть первый. Дабы показать строгий пример, генерал Давыдов приказал расстрелять его, а труп повесить на виселицу. Этим восстание было подавлено в самом зародыше»²⁴.

Весьма верно кто-то тогда сказал, что казнь всего одного мятежника предупреждает десятки его соотечественников от измены и сохраняет сотни жизней русских солдат — равно как и самих повстанцев. Денис прекрасно это понимал еще с 1812 года, когда ему тоже приходилось казнить, наказывая одних в назидание другим. А что было делать — война имеет свои правила и очень жесткие законы. При этом нельзя не отметить истинного военного благородства Давыдова: он не стал подвергать дворянина позорной казни через повешение и только после расстрела распорядился вздернуть на виселицу его труп в назидание прочим — чтобы дольше помнилось. Историк подтвердил: подействовало отрезвляюще, мятеж захлебнулся, не начавшись... Ну и кто тут прав? «Жестокий» Денис или возлюбивший поляков цесаревич, боявшийся «капли крови»?

Между тем уже в то время активно развернулась «информационная война», еще даже не имевшая такого названия, и «серая» пропаганда была ее активным оружием. (Если «белая» пропаганда основана на правде, «черная» — это беспардонная ложь, то «серая», пожалуй, наиболее действенна — это искусная смесь того и другого.) Именно к такому сорту публикаций принадлежала заметка «Жестокость русских», увидевшая свет в «Польском вестнике» от 30 июня 1831 года:

«Генерал Давыдов, Вольтер русских степей, знаменитый русский патриот 1812 г., обнаружив несколько ружей в доме г-на Чернолуцкого* в Воляни, приказал расстрелять без суда этого злосчастного дворянина и затем распорядился, чтобы тело его было повешено на дереве на растерзание хищным птицам; но желая оправдать это варварство, он приказал задним числом составить во Владимире приговор о казни своей жертвы и заставил нескольких человек подписаться под этим посмертно составленным документом. Нет такого преступления, которое этот генерал не разрешал бы своим солдатам. Были свидетели тому, как они грубо издевались над одной очень порядочной женщиной, которая была беременна: они приставляли к ее груди заряженные ружья, сорвали с нее жемчужное ожерелье и напугали ее до того, что она была вынужде-

* Разночтение фамилий в источниках.

на выпрыгнуть в окно; и если бы над ней не сжалился подполковник Дмитриев, ее бы постигла верная смерть»²⁵.

Думается, что в особом комментарии данный пасквиль не нуждается. С Чарнолуским и без того все понятно — хотя если бы его преступление состояло только в том, что в доме у него действительно были найдены не сданные по приказу русских властей винтовки (по-французски «fusils» — это не только охотничьи ружья, но и боевые винтовки; информация дошла до нас на французском языке), то и тогда, по законам военного времени, он заслуживал сурового наказания. Но Чарнолуский, как известно, являлся одним из наиболее активных и деятельных заговорщиков. Пугать же женщин, равно как и мужчин, приставляя к ним заряженные ружья, — совсем не в духе русского солдата. (Тот факт, что солдаты могли забрать ожерелье, оспаривать не будем.) Судя по всему, речь идет о мужественной пани Стецкой, которую ее малодушный супруг оставил для защиты имения, — именно она прыгала из горящего дома в окно и была спасена русским офицером. Причем понятно, что дом русские солдаты подожгли не потому, что там отважная пани раздирала диванные подушки на пыжи для ружей, но затем, чтобы выкурить засевших в здании стрелков.

А вообще, как и всегда, имя нашего героя было окружено слухами и легендами. Причем как со стороны противника, так и в наших войсках — разумеется, совершенно разными.

«Не знаю, как дошел до нас анекдот о нем, достоверность которого сомнительна: будто государь узнал из иностранных газет, что Давыдов, по взятии им Владимира на Воляни, самовольно вешал поляков, — вспоминал генерал Зеланд. — Давыдову приказано было отправлять всех пленных в Россию; немного спустя докладывают ему о поимке какого-то важного мятежника; Давыдов приказывает его повесить, когда же докладчик решает напомнить о последовавшем запрещении вешать, он отвечает: “повесить его задним числом”»²⁶.

«Офицеры наши, возвратившись из плена, рассказывали, что чернь Варшавская и войска объявляли всенародно, что если Давыдова возьмут в плен, то тотчас повесят. При них объявлено было несколько раз, что Ридигер и Давыдов взяты и что везут их в Варшаву, где им потому заготовлялись почетные квартиры, и на другой день они должны были быть повешены. “Слышите ли, — говорили поляки, — что партизан Давыдко (это было его прозвище) идет на нас, жжет и рубит без пощады; смотрите, будьте осторожны, но мы его скоро возьмем и повесим”»²⁷.

Как видно, поляки и знали, и боялись нашего героя.

Хотя мятеж полыхал еще по всей Польше и даже переки-

нулся на литовские губернии, но русские войска методически подавляли очаги сопротивления, громя повстанческие формирования. 14 мая в бою при Остроленке 3-я гренадерская и 1-я пехотная дивизии — всего порядка 15 тысяч человек, фактически за сутки совершив семидесятикилометровый марш, сокрушили 24-тысячную повстанческую армию.

Однако тогда же у правительственных войск появился еще один новый и страшный враг, победить которого возможно было лишь оборонительными действиями.

«После сражения при Остроленке главные силы русских сосредоточились у Пултуска и Голымина, куда Дибич вызвал на соединение Крейца от Седлица и Ридигера с Вольни. Холера косила людей тысячами, поразив самого главнокомандующего, и 30 мая (29 мая. — А. Б.) Забалканского не стало. 17 июня* от холеры же скончался в Витебске цесаревич Константин Павлович. В командование армией временно вступил Толь...

13 июня в армию прибыл фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский»²⁸.

*À propos***, французские академики дают совершенно удивительный вариант смены главнокомандующих — в духе бульварного романа: «Император был очень недоволен Дибичем, обещавшим вступить в Варшаву в конце февраля. 9 июня граф Орлов был послан к Дибичу с предложением подать в отставку. “Я сделаю это завтра”, — ответил фельдмаршал. На другой день он скончался от холеры. Его преемником был назначен Паскевич-Эриванский»²⁹.

Хотя, конечно, совпадение смертей — фельдмаршал Дибич и цесаревич Константин — выглядит как-то подозрительно. К тому же менее чем через полгода скончалась и 36-летняя княгиня Жанетта Лович, морганатическая супруга умершего великого князя...

Все эти трагические события не могли не царапнуть Дениса по сердцу. Вспоминалось: два юных гвардейских офицера в Кавалергардском зале Зимнего дворца... встречи на театрах военных действий... «Варшавское сиденье»... Кавказ... недавняя встреча в Главной квартире... Со смертью старых друзей и знакомых мы теряем не только возможность общения с ними, но и нечто большее.

А война продолжалась, «и в эту трудную кампанию Давыдов действовал с обычной своею неустрашимостью, распорядительностью и быстротою. 29 мая он вместе с генерал-майором графом Толстым загнал корпус Хржановского под пушки

* 15-го. (Антон Антонович Керсновский писал свою «Историю Русской армии» в эмиграции, будучи ограничен в справочном материале.)

** Кстати (*фр.*).

Замосцкой крепости, а 7 июня, командуя авангардом корпуса генерала Ридигера при Будзиско, три часа отражал нападение превосходного в силах неприятеля и своей стойкостью дал корпусному командиру возможность обойти поляков, ударить им во фланг и одержать победу. За этот подвиг Давыдов был награжден чином генерал-лейтенанта. В течение августа он действовал за Вислою между Варшавою и Краковым, командуя то различными отрядами, то всею кавалерию генерала Ридигера. 28 августа завершились его действия в Польскую кампанию: в этот день он отбил нападение всего корпуса Ружицкого на предместное укрепление на Висле, при Казимирже...»³⁰.

Конечно, не все у Дениса Васильевича было так прекрасно, как писалось потом в официальных документах и в истории военных событий. Так как командовал он не штатным войсковым соединением — бригадой или дивизией, но сводным отрядом, то происходило то, что обычно на войне и случается. Отряд стали «раздергивать», переводя его части в какие-то другие формирования, и произошло это настолько быстро, что 18 мая Давыдову пришлось даже обратиться к графу Толю:

«В половине марта я, по особенной благосклонности вашего сиятельства, получил блистательнейший отряд. Я действовал оным, как умел, и слышал, что заслужил одобрение ваше, что для меня выше всех наград в свете!

Вскоре начали отсекал части моего отряда: вначале взяли полк драгун, полк сильный, ибо состоял из 800 чел., прежде загоненных и изнуренных, а у меня после некоторых поисков и приступа гор. Владимира, опять почувствовавших течение в себе русской крови и на все готовых. Потом взяли у меня казачий полк Платова; я все молчал, исполняя долг мой с остатком моего отряда. Наконец взяли у меня казачий полк Катасонова, так что оставя меня с одним казачьим Киреева полком, коего сила числом людей не простирается далее 300 чел.; уничтожили совершенно отряд...»³¹

Разумеется, граф Карл Федорович поспешил помочь старому боевому товарищу, и Давыдов получил новое назначение — в корпус генерал-лейтенанта Ридигера.

А вот что писал генерал-майор Василий Абрамович Докудовский, бывший в 1831 году подполковником егерского полка: «...По возвращении моем из плена заезжал я к знаменитому нашему поэту Денису Давыдову; он был тогда генерал-майором и с отрядом оберегал переправу чрез Вислу при Казимирже и помещался в шалаше на берегу реки. Я застал его поутру, вместо шлафрока в шинели, не умытым, не причесанным, грязным и распивающим прескверный чай из глиняного чайника с отколотым носком и без ручки. — Но переправы и предместного

укрепления не уберег; с половиною отряда вздумал без нужды и без пользы попартизанить, а в его отсутствие нахлынули поляки. Оставшиеся русские с генералом Слатвинским, по бессилию для отражения, отступили, и враги переправились. — Давыдов не был тем, чем был в 1812—1813 годах»³².

Конечно, не был... Хотя то, что на войне порой приходится ходить немытым — мы знаем, и что шинелью заменять шлафрок, просторный домашний халат, — догадываемся. Но стоит заметить, что Давыдов поутру «распивал прескверный чай», а не что-либо другое, без чего на войне, поверьте, не обойтись. На это стоит обратить внимание заклятым критикам нашего героя, утверждающим, что, мол, «не просыхал». А он и на войне мог чаем пробавляться!

О том же, как Денис Васильевич решил «попартизанить», мы информации не нашли... Что ж, все может быть, хотя сам Давыдов вспоминал об этом времени так: «В 20-х числах августа я командовал отрядом в предместном укреплении на Висле, близ Казимиржа. Варшава была еще в руках неприятельских. Вдруг неприятель, в довольно больших силах приблизившись к нам, выслал на приступ две колонны; так как я знал, что это были толпы мужиков, предводимых Ружицким, я открыл по ним сильный огонь, от которого они рассеялись»³³.

Тем временем Польская кампания близилась к своему завершению.

«6 августа армия Паскевича, доведенная до 85 000 человек, обложила Варшаву, которую занимало 35 000 поляков, не считая корпуса Ромарино, действовавшего самостоятельно. Император Николай Павлович повелел Паскевичу предложить восставшим амнистию, но Круковецкий отвергнул эти «унизительные» условия. Переговоры тогда были прерваны, и 26 августа, в годовщину Бородина, Варшава взята кровопролитным штурмом. На приступе участвовала 71 000 человек с 390 орудиями. У поляков, отчаянно защищавшихся, было 39 000 и 224 орудия. Наш урон — 539 офицеров, 10 005 нижних чинов. Сам Паскевич контужен ядром. Поляки потеряли 7800 убитых и раненых, 3000 пленных и 132 орудия. Приступ, начавшись утром 25 августа, длился 36 часов.

По капитуляции польская армия сохранила оружие и должна была отойти в Плоцк и там ожидать высочайших повелений. Однако поляки, как только почувствовали себя в безопасности, поспешили расторгнуть эти условия и возобновить военные действия»³⁴.

Но не все были столь воинственны, и часть войск добровольно сложила оружие, а многие «патриоты» просто-напросто дезертировали.

«Некто генерал Каминский командовал отрядом, который мы полагали в 1500 человек, но он состоял из 4000 человек; он весь положил оружие и, пав на колена, кричал: “Виват, Николай, цесарж наш польский!” Грустно становится смотреть на этот народ, гордый и заносчивый в счастье, но низкопоклонный после неудачи. Вспомнишь невольно слова Наполеона: “Cette nation porte sa ruine dans son caractère”*. Но, слава Богу, Варшава пала и луч русского штыка вновь засверкал старинной славой!»³⁵

Вскоре недобитые остатки повстанческих формирований сдались австрийцам и пруссакам, дабы не отвечать за мятеж перед Россией; 25 сентября сдалась крепость Модлин, переименованная затем в Новогеоргиевск, 9 октября — Замостье. После того все польские учреждения были распущены, а руководить Польшей был назначен генерал-губернатор — генерал-фельдмаршал светлейший князь Паскевич-Варшавский.

За участие в этой кампании Денис Васильевич был награжден, по сравнению с прошлыми временами, необыкновенно щедро: 6 октября он был произведен, как мы уже писали, в чин генерал-лейтенанта и получил ордена Святого Владимира 2-й степени и Святой Анны 1-й степени. Правда, как всегда, без «ложки дегтя» не обошлось: за взятие Владимира-Волынского Давыдов был представлен к ордену Святого Георгия III класса, однако получил вместо того «первую Анну», которая хотя и была по официальному статусу выше «третьего Георгия», но, как истинно боевая награда, «Георгий» среди военных считался более почетным орденом.

Денис переживал. «Ты уже знаешь, — откровенно писал он другу своему Закревскому, — что я получил Анненскую ленту и чин, а, сверх того, представлен к Владимиру 2-й степени; к несчастью, все-таки Георгия 3-го нет как нет! — крест, за который бы я отдал и две звезды, и руку или ногу, и к которому я был представлен, но покойный фельдмаршал переменял и вместо одного представил к ленте. Впрочем, всякое даяние благо и всяк дар совершен...»³⁶

По прекращении мятежа Денис Васильевич возвратился в Москву, и на том его боевая деятельность была окончательно завершена. Но и сама Россия тогда уже медленно погружалась в ту спячку на лаврах, которая, чуть потревоженная далекими отзвуками кавказских боев, хивинских походов и Венгерским восстанием 1849 года, завершится кошмарным пробуждением Восточной войны.

К сожалению, этот «будильник», сработавший более двух десятилетий спустя, был заведен именно в 1831 году...

И вот — четкая тому европейская оценка:

* Эта нация склонна к саморазрушению (*фр.*).

«Польша потерпела поражение; не было уже ни королевства, ни армии. Политическое творение Александра и то, что сделал для польской армии Константин, — все это было одинаково уничтожено. Но сопротивление Польши спасло по крайней мере парижскую и бельгийскую революции, так как в то время, когда Паскевич совершал свой переход через Вислу, французская армия смогла вступить в Бельгию, прогнать голландские войска и обеспечить таким образом независимость нового королевства. Сверх того Европа обнаружила, что, даже ведя войну в своих собственных владениях, Николай не мог ни разу выставить более 114 000 человек одновременно. С этой минуты престиж русского самодержавия — этот кошмар либеральной Европы — рассеялся»³⁷.

Как видим, в России традиционно все беды идут «с головы».

* * *

Подавление польского мятежа вызвало далеко не однозначную реакцию в российском обществе.

Вот что записал в своем дневнике 31 октября 1831 года Александр Иванович Тургенев, человек прогрессивных, «европейских» взглядов: «После обеда и за обедом у князя Вяземского с Жуковским и князем Д. В. Голицыным* и с Денисом Давыдовым, который хвастался своим зверством и, вероятно, шарлатанил им, как подвигами наездника. И Жуковский слушал его со вниманием и каким-то одобрительным чувством! Один Вяземский чувствовал и говорил как европеец. — Я только чувствовал и молчал! Перед кем и для кого я дал бы волю своему негодованию? — Давыдов говорил, жестикулировал** — о виселицах! Рассказывал свои визиты с войском в разоренных селах и видел в поляках одну подлость!»³⁸

Уточним, что в Толковом словаре В. И. Даля слово «шарлатан» поясняется как «обманщик, хвастун и надувала; кто морочит людей, пускает пыль в глаза...».

Естественно, Денис Васильевич, любивший, как известно, поговорить, пускал и «пыль в глаза», и прихвастнуть мог... Но как и о чем он мог рассказывать друзьям, только что вернувшись с театра боевых действий, когда впечатления переполняют и просятся наружу?! Да еще ведь и «не на сухую сидели»... Он что, должен был о красоте полячек рассуждать? Восторгаться пейзажами нещедрой польской природы? Или с уважением говорить о мужестве польского народа — приснопамят-

* Дмитрий Владимирович Голицын (1771—1844) — светлейший князь, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор в 1820—1843 годах.

** Устаревшее правописание.

ного пана Стецкого и иже с ним? Разумеется, нет! Так ведь и не он один говорил — его расспрашивали, его поощряли к рассказам тот же Жуковский, тот же старый рубака князь Голицын, удостоенный «четвертого Георгия» за взятие Варшавской Праги в 1794 году. Уж он-то в данном случае был для Дениса достойным собеседником!

Но не только такие старые, опаленные огнем многих войн, генералы, как князь Голицын, или придворные поэты, каким можно назвать Жуковского, воспитателя наследника престола, горячо одобряли политику русского царя по отношению к Польскому восстанию.

Александр Тургенев, вспоминая все тот же разговор, в марте 1838 года писал князю Вяземскому из Парижа: «Разве ты не был согласен со мной в Москве, в Чернышовом переулке, стоя у своего камина, после богомерзкого, отвратительного хвастовства, чтобы не сказать сильнее, Д[ениса] Д[авыдова], когда ты так сильно, благородно и возвышенно нападал на Пушкина и так сладко примирял меня с твоим салоном, из коего я хотел уйти, наслушавшись Д[ениса] Д[авыдова]»³⁹.

«Нападал на Пушкина», притом — «благородно и возвышенно»! Изрядно сказано! За что ж это так? Да за его блистательные стихи, посвященные польскому мятежу: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Известно, что либералы во все времена знали: может быть лишь две точки зрения — либеральная и ошибочная, за которую нужно строго наказывать. Но Пушкин писал отнюдь не «либерально»:

...Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бесмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...⁴⁰

Прекрасные стихи! Однако они, как и участие Давыдова в Польской кампании, замалчивались в XX веке из принципов «пролетарского интернационализма», «классовой солидарности» и тому подобных химер...

Глава двенадцатая
«НАПИШИТЕ МОЮ НЕКРОЛОГИЮ...» 1831—1839

*...И боец, сын Аполлонов...
Мнил он гроб Багратионов
Проводить в Бородино...
Той награды не дано:
Вмиг Давыдова не стало!
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!..*
Василий Жуковский

Все самое интересное осталось позади. Далее была, в общем-то, самая обыкновенная жизнь, как у подавляющего большинства людей.

По счастью, никакие политические разногласия не могут рассорить истинных друзей, а потому споры о Польской кампании между ними были забыты, и 23 апреля 1832 года Давыдов писал все тому же князю Вяземскому, пребывавшему в Петербурге, и в этом письме отразилась вся его тогдашняя жизнь со всеми своими заботами:

«Что касается до меня, то мне кажется, долго мне не видаться с тобою: я в начале июня еду на год, а может быть и на полтора года в Симбирскую деревню. Да и Бог с ней с Москвою! Она пуста друзьями моими, “иных уж нет, другие странствуют далече”. [...Федор Иванович] Толстой наш был ужасно болен; что он перенес, так это неизъяснимо. Теперь спазмы в груди уменьшились, но здоровье еще далеко. Надо ему лечиться, и хорошо и долго лечиться, чтобы совсем избавиться от этой болезни.

Меня, милый мой Вяземский, соблазнили деньги: я никак не хотел выдавать стихов моих на поругание, но дают хорошую сумму, и я, очертя голову, пускаю их в океан бурь и противобетрий. Вся гусарщина моя хороша, и некоторые стихи, как *Душенька*, *Бородинское поле*, изрядны, но элегии слишком пахнут старинной выделкой, задавлены эпитетами, и краски их суть краски фаянсовые, или живопись школы Миньяри, Буше и пр. живописцев века Людовика XVI-го, много фиолетового

и желто ... цвета*. Но так и быть. Красные, белые и синие бумажки имеют свой цвет и цвет решительный. Итак, мена для меня более выгодна, чем разорительна; да будет!»¹

Всё здесь: мечта жить на покое, тревога о здоровье друзей и, очевидно, о своем — с годами эта проблема становится острее, да и денежный вопрос для обремененного семьей отставного генерала стоит не на последнем месте. Теперь он стал профессиональным литератором и смотрит на свои стихи вполне профессионально, реально оценивая их сильные и слабые стороны.

«Он поселился почти безвыездно в селе Маза Симбирской губернии, изредка посещая Петербург, Москву, Владимир и Пензу, где всюду у него был обширный круг знакомых. Главным его занятием было чтение, литературные труды и переписка по поводу их с друзьями и издателями; отдыхом ему служила псовая охота, любовь к которой он сохранил до смерти. В это время писателем-партизаном была написана большая часть его прозаических сочинений, носящих характер мемуаров»².

Нет смысла говорить, что про Давыдова, даже живущего вне столиц, вспоминали и друзья, и не только они. В Записках Дениса есть эпизод, рассказанный ему, очевидно, Ермоловым, который на балу у московского генерал-губернатора имел беседу с императором Николаем I. Сказав про Давыдова: «Как жаль, что этот человек служит урывками! С его средствами и дарованиями чем бы он не был!» — государь спросил Алексея Петровича, продолжает ли его кузен писать стихи. Ермолов отвечал:

Е. — Редко теперь, — он занимается серьезными сочинениями.

Г. — Я этого не знал; может быть, урывками, так же, как служит?

Е. — Нет, государь, весьма постоянно, можно сказать, как трудолюбивейший комментатор.

Г. — К чему он не способен, когда захочет, с его способностями и дарованием? Он, однако, прежде писал неприличные стихи.

Е. — Правда, государь; быв гусаром, он славил и пил вино и оттого прослыл пьяницею, а он такой же пьяница, как я.

Г. — Я это знаю; жаль, что он урывками служит. Он был бы полезен и для всех и для себя, и пошел бы далеко»³.

Интересно рассуждает его величество! Словно бы все зависело только от одного Дениса Васильевича... Мол, хотел бы служить — достиг бы многого! Будто бы не мотали его по со-

* Так в оригинале.

вершенно не подходящим ему должностям при Александре I, словно бы не отправлял его на Кавказ в момент тамошней «пересменки» сам Николай I и словно бы это не Давыдов просился на Польскую войну... А ведь император вполне мог позвать Дениса на службу, предложив ему такую должность, которую он бы принял не задумываясь, и исправляя ее, принес бы огромную пользу. Не нужно далеко ходить за примером: когда в сражении при Грохове 13 февраля 1831 года был ранен генерал-майор Михайловский-Данилевский*, то «возвратясь в Санкт-Петербург, он посвятил себя, главным образом, военно-историческим занятиям. В 1835 году он был произведен в генерал-лейтенанты и назначен сенатором, а в 1839 году членом Военного совета. Имя Михайловского-Данилевского пользуется широкой известностью, как историографа войн царствования императора Александра I. Составленные им описания войн, в качестве пособия при военно-исторических работах, сохраняют известное значение и до настоящего времени, особенно в отношении фактической стороны событий»⁴.

Почему же ничего подобного государь не мог предложить Давыдову? Из-за его некогда дурной репутации, что ли? Ну, писал он прежде «неприличные стихи» — так ведь это не мешало ему теперь писать замечательные книги, равно как и доказывать свою преданность престолу на полях сражений!

И вновь вспоминается Кюхельбекер — «лицейский, ермолонец, поэт» — его пронзительные строки:

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию...⁵

* * *

Что можно рассказать о жизни Давыдова в провинции? Немного.

«Образ жизни в деревне партизана был самый регулярный. Вставал он в 4 часа утра зимою и летом, садился писать; завтракал в 9 часов утра при утреннем чае, гулял, или лучше сказать, производил усиленную ходьбу, непременно столько-то верст по измеренному им неоднократно саду; обедал в 3 часа и засыпал в кресле на несколько минут, в пылу самого живого разговора, с усиленным храпом, продолжая давать ответы. Потом снова письменные занятия и, наконец, вечерние шутки и разговоры, всегда оживленные и интересные за вечерним чаем, а в 10 часов покой»⁶.

* Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790—1848) — адъютант М. И. Кутузова в 1812 году; генерал-лейтенант, военный историк.

А вот как сам Денис живописал свое бытие в письме Толстому-Американцу. Может, конечно, кое в чем он и гусарил — но весело и здорово, и можно понять, что такую жизнь он заслужил и наслаждался ею сполна:

«Я здесь как сыр в масле, особенно когда сравниваю каждый день противоположный прошлогоднему дню! Посуди: жена и полдюжины детей, соседи весьма отдаленные, занятия литературные, охота псовая и ястребиная — другого завтрака нет, другого жаркого нет, как дупеля, облитые жиром и до того, что я их уже и мариную, и сушу, и черт знает что с ними делаю! Потом свежие осетры и стерляди, потом ужасные величиной и жиром перепелки, которых сам травлю ястребами до двадцати в один час на каждого ястреба. Так как ты не псовый и не ястребиный охотник, то нечего тебе и говорить об охоте за зверем и птицею — и потому у меня есть и другая охота, от которой ты, верно, не отказался бы — гоньба за разбойниками. Здесь их довольно и так нахальны, что не довольствуются разбоями на дорогах, а штурмуют господские дома. Я по старой партизанской привычке и за ними гоняюсь, хотя они, всех грабя, всякую мою собственность и мужиков моих собственность шадят по пословице: *corsairs attaquant corsairs ne font pas leurs affaires**. Недавно я мимо их проехал, как они говорили пастухам, в ста шагах, искавши их, но они спрятались и я не мог их увидеть в лесу и в ужасных оврагах; а то была бы схватка, которая напомнила бы мне старинное партизанское удалство мое!»⁷

И еще одно Денисово письмо — князю Вяземскому, все о том же, только здесь более широко обсуждается тема литературного творчества и особого внимания заслуживает второй абзац, о чем мы поговорим чуть позже:

«Странная вещь, что ни на войне, ни в Москве мне не приходил ни один стих в голову, а здесь я написал три или четыре пьесы!

...Для сердца и головы ручаюсь, что есть работа, была бы юбка — любовь и стихи будут.

...Поверить не можешь, как после шума оружия и серного запаха сельское безмолвие и чистый воздух упоительны! Я нежусь в моем уединении. Где это честолюбие делось, черт знает! Ничего не хочу, кроме спокойствия и продолжения той жизни, которую веду. Жена да дети — пища душевная, а для лакомства — книги, бумага, перо и чернила, охота псовая и ястребиная, и все это приправленное счастьем *дальнего соседства*, куда однако я изредка езжу, и где нахожу таких оригиналов, о которых не имеют понятия в столицах...»⁸

* Созвучно русской пословице «ворон ворону глаз не выклюет».

То, что Денис Васильевич работал очень серьезно, свидетельствует его просьба, высказанная князю Петру Андреевичу в одном из последующих писем: «Не можешь ли ты мне прислать, но прежде отыскать каких-нибудь военных брошюр о последней войне в Польше, изданных поляками во Франции?.. Есть, говорят, книжка Хлаповского и еще кого-то — мне они нужны для справок, ибо я пишу об этой войне»⁹.

Вот так! Сидит Давыдов в своей Верхней Мазе, «нежась в уединении», а уже в курсе того, что в свет вышли французские брошюрки о Польской кампании, и, обращаясь к теме последней своей войны, не довольствуется собственными воспоминаниями, но настоятельно хочет знать, как эти события трактует противник. Это характеризует его отношение к работе...

«Кто-то сказал про Давыдова: “Кажется, Денис начинает выдыхаться”. — “Я этого не замечаю, — возразил NN, — а может быть, у тебя нос залёг”»¹⁰.

Напротив, наш герой тогда переживал серьезный творческий подъем. И тут мы возвращаемся к той фразе в письме Вяземскому, на которую ранее обратили внимание: «была бы юбка — любовь и стихи будут». Можно сказать, что мысль выражена цинично, но в разговоре между двумя поэтами это можно принимать и как «технический вопрос». Стихи ведь на пустом месте, ни с того ни с сего, не рождаются и в строго отведенное рабочее время не пишутся. Нужен какой-то толчок, нужен повод, а лучшим побудительным мотивом для поэзии из всех прочих мотивов является любовь. Любовь же всегда можно придумать, чтобы потом самому же в нее и поверить.

Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетней городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
Я вас люблю, — не от того, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошествуют и взор востоком пышет,
Что вы — поэзия от ног до головы!
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, —
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...
Я вас люблю затем, что это — вы!
На право вас любить не прибегу к пашпорту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и убираться к черту!¹¹

Это безымянное стихотворение, как и многие иные стихи, написанные Денисом Васильевичем в то время, имеет конкретного адресата. И вот что гласит общеизвестная легенда:

«Судьбе угодно было, чтобы в бытность свою в Пензе он познакомился с дочерью тамошнего помещика Е. Д. Золотарёвой.

Молодая девушка, выдающегося ума и образования, красавица, понравилась поэту, и он вспыхнул тем жаром, которым горят только в его лета, забывая, что он женат и что у него шестеро детей. При чтении 57-ми писем к ней невольно вспоминается пушкинский стих:

И может быть на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной»¹².

Как все красиво, как романтично, какие удивительные строки писал тогда Давыдов! Вот — подражание русской песне: «Я люблю тебя, без ума люблю! О тебе одной думы думаю...»; а вот — романс: «Жестокий друг, — за что мученье? Зачем приманка милых слов?...»; и опять романс — с конкретной датой, о смысле которой можно догадываться, вынесенной в название «25 октября» — «Но девственность живого поцелуя... Не им, а мне!»... Все прекрасно!

Но... те строчки из письма Вяземскому. И еще другие письма, в разное время направленные тому же адресату:

«Вдовствующую Розу я не видал. *Стриженную* головку твою также не видал; я слышал, что будто она с мужем едет в Петербург на торги; лови ее в какой-нибудь бочке!»¹³

«Так как Евреиновой не было, то от нечего делать я напевал на ухо твоей *Eugenie*»¹⁴.

«Вдовушка, говорят, очень подурнела, и с тех пор, как побывала на водах в Москве, приступу к ней нет: все большим светом бредит. Мордовка твоя простоволосая любезничает по-своему, а Блохина по-своему, итак, будет мне где разгуляться»¹⁵.

«Простоволосая головка продолжает побеждать заезжих и приезжих. Блохина стала любезнее и еще пламеннее, чем была, но все строгая хранительница клокочущей лавы, тщетно рвущейся в кратер наслаждения»¹⁶.

Пусть каждый понимает эту фривольную переписку в меру собственной испорченности (отметим, что последнее письмо наиболее красочно и образно), но вот на что хотелось бы обратить здесь особое внимание, так это на, как сказано у Давыдова, «твою *Eugenie*» — сиречь Евгению. Между прочим, Золотарёву, «последнюю любовь поэта», звали Евгения Дмитриевна. И вот еще одно послание тому же адресату, от 20 февраля 1834 года:

«...Скажу тебе, что я из степного моего жилия переехал на

зиму в Пензу, где теперь, как сыр в масле, что кстати для масленицы. Здесь ежедневные балы, гастрономические обеды, вечера, катанья, благородные спектакли и концерты, словом, весь хаос столицы с ее надеждами, сплетнями, интригами, волокитствами, а как я, подобно тебе, не могу быть без юбки-вдохновительницы, то избрал для себя бывший твой предмет, Золотарёву и, подобно тебе, веду ее к бессмертию. Вот стихи мои, которые прошу тебя отдать Смирдину для помещения в 3-м номере “Библиотеки”; но прошу отдать их за деньги, ибо я уже поместил без платы во 2-м номере его журнала отрывок из моих записок; теперь я решился продавать все и поэтические, и прозаические мои бредни, как продаю пшеницу, сало и деготь»¹⁷.

Такое вот деловое письмо с полным отчетом по всем вопросам: тут и балы, и стихи, и любовь, и сало, и пшеница, и деготь... Евгения Золотарёва проходит всего лишь как «предмет» — предмет увлечения, предмет поэтической страсти, несколько искусственной: «подобно тебе, веду ее к бессмертию». Можно сказать, еще один «вариант Бурцова»! И значит, поначалу голову девушке пытался кружить князь Петр Андреевич Вяземский, о чем, кстати, Давыдов в том же письме говорит вновь: «По стихам этим ты подумаешь, что я смертельно влюблен, и хорошо сделаешь. Кстати о вдохновительнице оных, она помнит тебя, хотя я употребляю все мои старания, чтобы она тебя совсем забыла»¹⁸.

Впрочем, и про «кратер наслаждения» — тоже из того же послания. В общем, жизнь бьет ключом, по-гусарски...

Хотя в письмах к *Eugenie* — насколько помним, их сохранилось 57, в свое время они перешли к наследникам давидовского «предмета» — все звучит и выглядит совершенно по-иному: «“У вас хватает смелости предлагать мне дружбу, жестокий друг! Любовь подобна жизни, которая раз утраченная, не возвращается более. Будьте откровенны хоть раз в жизни, — вы хотите отделаться от меня, который, я это чувствую, гнёт и беспокоит вас. Убейте меня, вонзите, не поморщась, мне нож в сердце, говоря: я вас не люблю, я никогда вас не любила, все с моей стороны было обман, я забавлялась!”

Вся переписка ведена в тоне вышеприведенного отрывка. Письма Давыдова полны вздохов, слез, стонов и, вспомнив года влюбленного, нельзя иногда не улыбнуться его сентиментальности. Страдая от молчания и не получая долго писем от Золотарёвой, он сознаётся, что плачет целые дни как ребенок»¹⁹.

То ли сознаётся, то ли поэтически играет в любовь — «была бы юбка»... Хотя такая игра очень увлекательна, она и по-

мимо желания затягивает, но есть понятие чести, есть разум, который должен своевременно остановить, а потому вскоре уже Денис пишет своему другу: «Что я за Мазепа другой, чтобы соблазнять другую Марию? Шутки в сторону, а я под старость чуть было не вспомнил молодые лета мои; этому причина бродящий еще хмель юности и поэзии внутри головы и черная краска на ней снаружи; я вообразил, что мне еще по крайней мере 30 лет от роду»²⁰.

Мазепа, конечно, вспомнился под влиянием пушкинской «Полтавы», поэмы, написанной в 1828 году, но не забытой за другими произведениями поэта. И Давыдов, и Пушкин не только были хорошо знакомы с творчеством друг друга, но и постоянно в чем-то пересекались, перекликались.

Как раз в том же 1828-м Денис писал Пушкину:

«Помилуй, что у тебя за дьявольская память; я когда-то на лету рассказывал тебе разговор мой с М. А. Нарышкиной: “vous préférez les suivantes”, сказала она мне; “parce qu’elles sont plus fraîches”^{*} был ответ мой; ты слово в слово поставил это эпиграфом в одном из отделений *Пиковой Дамы*. Вообрази мое удивление и еще более восхищение жить так долго в памяти Пушкина, некогда любезнейшего собутыльника и всегда единственного родного моей душе поэта. У меня сердце облилось радостью, как при получении записки от любимой женщины»²¹.

Вот, к слову, и «любовная философия» нашего героя... Однако вернемся к платоническому роману с Золотарёвой и скажем, что наличие жены и шестерых детей несомненно оказывало на отставного гусара отрезвляющее действие. Вот и корил он своего старого друга Вяземского: «Злодей! что ты со мной делаешь? Зачем же выставлять *Пенза* под моим *Вальсом*? Это уже не в бровь, а в глаз; ты забыл, что я женат, и стихи мои писаны не жене... Если бы, подобно тебе, я сначала приучил жену читать стихи мои ко всем красавицам без разбору, то и дело было бы в шляпе — а внезапность опасна. Правда, жена моя не верит моим восторгам к другим, ну, а как неравно поверит? Ведь такую гонку задаст, что своих не узнаешь, и поделом»²².

Как видно, ее превосходительство Софья Николаевна Давыдова была женщиной строгих правил, и ее лихому супругу действительно могло не поздоровиться. А было за что, ибо о посторонних женщинах так не пишут:

Летит воздушна и стройна
Моя Любовь, моя Харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,

^{*} «Вы предпочитаете служанок» — «Что делать, они свежее» (фр.).

И поэтических волнений,
И поэтических страстей!²³

Ну а потом *Eugenie* Золотарёва вышла замуж, уехала — и весь роман на том завершился... Зато остались прекрасные стихи и, как и обещал Денис Васильевич, имя этой прекрасной девушки не забылось и через два столетия.

Ко всему рассказанному о жизни Давыдова в деревне можно добавить, что на исходе 1833 года он был весьма серьезно болен, так что потом объяснял одному из своих корреспондентов — писателю и историку М. А. Максимовичу: «Причина, почему я так долго не отвечал вам, была болезнь моя, болезнь жестокая, которая едва не утащила меня на свидание с предками...»²⁴

На том закроем тему «сельской идиллии» и обратимся к делам чисто литературным.

* * *

Не так чтобы лета окончательно склонили Давыдова «к суровой прозе», но после стихов, обращенных к Золотарёвой, Денис в основном был занят своими военно-историческими трудами.

«...Не извиняйся мною, что я иногда пишу военные статьи, а не стихи — война та же поэзия...»²⁵ — писал он Вяземскому.

Вообще, война и поэзия, проза и «партизанщина» в жизни Давыдова сплелись в некую неразделимую ткань, чему еще во многом способствовали и труды последующих литературоведов и исследователей. (А мы, занимаясь биографией одного из наиболее известных литераторов своего времени, не можем к ним не обращаться.) Борис Эйхенбаум, к примеру, сформулировал так: «Давыдов продолжает линию малых жанров эпохи — альбомных, эпистолярных, застольных, но так, что они собираются в один биографический цикл, составляют своего рода военно-бытовую поэму, в центре которой — портрет самого автора: гусара-партизана, лихого рубаки, любителя войны. Этот образ развернут вширь: сюда замешаны и любовь, и кутежи, и приятели, и литература, и подвиги, и неудача, и трубка, и даже “чернобурый ус”. В целом получается яркий, действующий на воображение портрет “воина-поэта”»²⁶.

Действительно, именно в это время Денис пишет как свои «биографические», то есть с личным своим присутствием, произведения — «Занятие Дрездена», «Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче», «Тильзит в 1807 году», «Записки о Польской кампании 1831 года» («собачья охота и травля по-

ляков, о которой я пишу...»²⁷ — сообщал он об этой работе князю Вяземскому), так и другие, которые можно назвать чисто военно-историческими или теоретическими трудами. Тогда же он написал и в 1832 году издал отдельным оттиском «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского, изданную при “Инвалиде” 1829 года, с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал»*... Но, думается, всего написанного Давыдовым перечислять не имеет смысла, а вот отзывы, которые появлялись тогда на его труды, как прозаические, так и поэтические, весьма любопытны. К тому же они гораздо менее доступны читателю, чем его произведения.

Вот строки из литературного обзора, опубликованного в 1832 году в тринадцатом «нумере» журнала «Московский телеграф»:

«Имя Д. В. Давыдова знакомо всем любителям Поэзии Русской. Но с известностью поэта он умел сочетать и другую, не менее лестную известность образователя партизанской войны в 1812 году. Оба сих права, на поэтическую и на военную славу, соединились в умах соотечественников и сделали его давнишним любимцем публики. При имени Давыдова каждый воображает себе и картину битвы, и фантазмагорию бивака, и кружок гусаров, где между чоканьем стаканов и веселыми восклицаниями слышны изредка отзывы лиры. Поэзия есть краса война. Самая противоположность боевой жизни, грозного вида и страшного ремесла его с нежными чувствованиями сердца, делает что-то необычайно поэтическое. Воин, поэт по ремеслу, должен быть сильнее других поэтом и по сердцу. Так воображает Давыдова каждый из нас»²⁸.

А вот что писал в «Северной пчеле» — пожалуй, самой популярной газете того времени («желтые» издания в любой исторический период являются наиболее читаемыми) — уже известный нам Фаддей Венедиктович Булгарин, подписавшийся звучно-красноречивым псевдонимом «Пулсолдат № 2»:

«Кто не знает Дениса Васильевича Давыдова? Удалые его стихотворения сопутствовали Русским воинам на биваках, повторялись при громе пушек, при звуках заздравных бокалов, и воодушевляли наше воинственное юношество, как призывы искусных вербовщиков, заставляя забывать приятности безмятежной семейной жизни, и менять перо и книгу на саблю и коня. — Денис Васильевич есть Баян биваков, Бард гусарской походной жизни, и бесспорно занимает первое место в авангарде военных Поэтов. Почти все его стихотворения

* Кузен Николай Николаевич — прославленный генерал Раевский, очень любимый и уважаемый Денисом, ушел из жизни в 1829 году, в 58 лет.

любители легкой, удалой поэзии знали наизусть, прежде, нежели могли надеяться видеть их в печати... Для некоторых из них одежда печати не к лицу, и им также будет неловко в свете, как горскому наезднику на бале. Слова и выражения, имеющие свою прелесть возле бивачных огней, за чашей пуншу, слишком припахивают дымом и крепким спиртом в печати, и могут произвести неприятное впечатление на нежные нервы, непривычные к гусарским ощущениям... Таковы, например, стихотворения: *Герою битв, биваков и ...* (перо не пишет далее!); *Решительный вечер*, в котором пиитический дух автора жестоко вздремнул, и *Гусарская исповедь*, где Поэт описывает предметы, о которых упоминается на бумаге только при описи ремонтных лошадей. Эти три пьесы в сем собрании суть то же, что ржавчина на гусарской сабле, рубец в дуле Кухенрейтерских пистолетов, или, еще более: бельмо на глазу боевого коня. Просим почтенного автора не прогневаться за откровенность! Мы также учились риторике на биваках...»²⁹

Написано бойко и образно. Особенно берет за душу последнее уточнение — тем более когда знаешь, на каких биваках «учился риторике» знаменитый Фаддей Венедиктович. Поляк по национальности, когда в 1811 году «по худой аттестации в кондуитных списках» он был уволен в отставку, то бежал в Варшаву и поступил в французскую армию, в которой дослужился до чина капитана, принимая участие в походах Наполеона против Италии, Испании и России. По его объяснениям, возбужденные Наполеоном в Польше надежды напомнили ему, что он — поляк, и в нем проснулась любовь к забытой раньше родине. Увлечение прошло вместе с падением Наполеона, и Булгарин вновь сделался русским, начал горячо говорить о любви к отечеству, горой стоять за все русское, называл себя русским патриотом и т. д. В это время в нем принял близкое участие граф Бенкендорф...»³⁰.

Что ж, судьбы российских литераторов складывались по-разному. А вот то, что Булгарин не только выступал в качестве «ревнителя нравов», но и гордился своим «боевым прошлым», — примечательно.

Главное, что можно понять из приведенных (равно как и многих «оставшихся за кадром») отзывов, это то, что Давыдов известен, популярен и любим читателем. Но это, к сожалению, вовсе не значит, что все его произведения печатаются, так сказать, влёт, а выстроившиеся в очередь издатели хватают только что вышедшие из-под Денисова пера листы и наперегонки мчатся в типографии, чтобы тут же возвратиться со свежими оттисками — употребим расхожий штамп — «пахнущими типографской краской».

Во все времена в России литератору издаться было не так уж и просто (не говорим о наиболее «обласканных» властью или «большим бизнесом» авторах), хотя, разумеется, в каждое время были свои трудности. В частности, конкретно во времена Давыдова и Пушкина главной препоной была печально известная «николаевская цензура».

Как раз по этому поводу Александр Сергеевич и писал своему другу (это письмо сохранилось лишь в «брульоне», как тогда именовали черновики): «Ты думал... что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала красных чернил... Право, кажется, военные цензоры марают для того, чтоб показать, что они читают...»³¹

Да и в литературной среде тогда уже происходили существенные перемены, чему свидетельством очередное письмо Дениса Вяземскому:

«Ты пишешь, что ждешь, как отзовутся о стихотворениях моих журналисты. Видно, стихи мои им не по вкусу, ибо все молчат о них, кроме Воейкова. Бранить совестятся, а хвалить совестно, потому что нечего. Вы, господа, друзья и собутыльники мои с юности моя, вы ослеплены на их счет оттого, что вы глядите на них не так, как на произведения словесности, а как на воспоминания очарований протекшей вашей молодости. Каждый стих, каждая рифма стихов моих напоминает вам ваши 18, 19, 20 лет. Вот отчего они вам так по сердцу...

Как же думать, чтобы стихи мои нравились какому-нибудь Каченовскому, Полевому и другим литераторам и профессорам так, как они вам нравятся? Эти парики никогда не принадлежали артели нашей, и потому стихи мои, разоблаченные от воспоминаний, представляются им во всей наготе посредственности. Но будь те же стихи написаны на скамье аудиториата, в табачной лавочке уездного городка Курской губернии, в шинке лучшего полпива, тогда и Каченовский*, и Полевой**, и Мерзляков*** (если бы здравствовал) расхвалили бы их, как вы теперь хвалите те, которые написаны были между вас в дни нашей общей весны, в дни наших волокитств, наших сердечных радостей и страданий, честолюбивых надежд и пиров разливных и дружеских»³².

* Михаил Трофимович Каченовский (1775—1842) — профессор Московского университета, критик, переводчик; академик (1841); происходил из небогатой греческой семьи, проживавшей в Харьковской губернии.

** Николай Алексеевич Полевой (1796—1846) — писатель, критик, издатель «Московского телеграфа»; происходил из старинного курского купечества.

*** Алексей Федорович Мерзляков (1778—1830) — профессор Московского университета, критик, переводчик; происходил из небогатой купеческой семьи Пермской губернии.

Приходится констатировать, что из некоего изящного дворянского занятия — или даже развлечения — литература все более становилась «разночинной» работой, отражавшей заботы, интересы и философию стремительно укреплявшегося «третьего сословия». Тематика «гусарских стихов» была просто чужда новым литературным критикам — особенно ярко это проявится в 1860-е годы. Но пока еще «разночинная» критика — в лице ее «вождя» «неистового Виссариона», как называли современники В. Г. Белинского, — относится к Денису Васильевичу не просто положительно, но даже с пиететом. В своих «Литературных мечтаниях», весьма изящном обзоре современной литературы, критик сравнивает Дениса Васильевича с Николаем Михайловичем Языковым, поэтом уже другого, более молодого поколения:

«Языков и Давыдов имеют много общего. Оба они примечательные явления в нашей литературе. Один — поэт-студент, беспечный и кипящий избытком юного чувства, воспеваает потехи юности, пирующей на празднике жизни, пурпуровые уста, черные очи, лилейные перси и дивные брови красавиц, огненные ночи и незабвенные края,

Где пролетела шумно, шумно
Лихая молодость его.

Другой — поэт-воин, со всей откровенностью, со всем жаром неохлажденного годами и трудами чувства, в удалых стихах рассказывает нам о проказах молодости, об ухарских забавах, о лихих наездах, о гусарских пирушках, о своей любви к какой-то гордой красавице. Как тот, так и другой нередко срывают с своих лир звуки сильные, громкие и торжественные; нередко трогают выражением чувства живого и пламенного. Их односторонность в них есть оригинальность, без которой нет истинного таланта»³³.

Однако прошло совсем немного времени, и на Дениса обрушился шквал критики — не только литературной, но и, так сказать, общественной, от тех «злых языков», что, как нам известно, «страшнее пистолета». Дело в том, что Давыдов рискнул затронуть категорию людей, именуемую «либералами», — а что за нападки на либералов нужно строго наказывать, мы уже говорили.

Замечательный мемуарист и высокопоставленный чиновник Филипп Филиппович Вигель, некогда — арзамасский Ивиков Журавль, с тонкой иронией писал в так называемом «Письме к приятелю в Симбирск», точнее — эссе «Москва и Петербург»: «За Красными воротами существовал отель-Лева-

шов, предмет всеобщего уважения, который не в шутку называли отель-Рамбулье. Общество его состояло из русофобов, а еще гораздо более из русофобок. Денис Давыдов, почти с ребячества вступивший на военное поприще в Петербурге, прошедший большую часть жизни на биваках, под шатрами и по обстоятельствам поселившийся в Москве, не мог равнодушно смотреть на это поганое гнездо, где, как говорит он, *России тásка, да какая!* Как забыть стихи его по сему предмету, в которых так забавно и остроумно выставляет он заговорщицу-блоху с мухой-якобинкой и старую девку-стрекозу, и маленького аббатика с маленьким набатиком»³⁴.

Давыдовское стихотворение называлось «Современная песня». Начиналось оно так:

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.
То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.
Всякой маменькин сынок,
Всякой обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала...³⁵

Рекомендуем внимательно прочитать все это стихотворение — очень уж оно современно звучит! Удивительно даже...

Однако, задев «мошек да букашек», Денис Васильевич разворошил «осиное гнездо». Как это обычно бывает, неназванные герои начали себя узнавать и возмущаться: мол, мы совсем не такие, автор на нас клеветает!

Андрей Иванович Дельвиг, инженер-генерал и кузен «лицейского» Дельвига, вспоминал:

«В конце декабря... я получил от... П. Я. Чаадаева альманах на 1839 год, в котором была помещена известная лебединая песнь партизана поэта Давыдова. Он осмеивал тогдашнее Московское общество. В этой песне, между прочим, были следующие стихи:

Маленький аббати́к,
Что в гостиных битъ привык
В маленький набати́к.

В присланном мне экземпляре Чаадаев написал против этих стихов: «это я».

Чаадаев постоянно посещал французские представления, которые бывали два раза в неделю: по средам и субботам. Он никогда не отходил от своего кресла и всегда ожидал, чтобы к нему подходили, но в этот вечер изменил этому строго соблюдаемому правилу. Увидав меня в другом ряду кресел, он немедленно подошел ко мне и заговорил о стихах Давыдова с неудовольствием. Они вообще были дурно приняты Московским обществом, которое находило неприличным смеяться над теми, которые находятся на дурном счету у правительства, и тем как бы стараться ему подслужиться»³⁶.

Денис Васильевич будет «подслуживаться» правительству?! Никогда! Зато ведь еще Карамзин написал: «Смеяться, право, не грешно!» — и нигде не обусловлено, что люди, находящиеся «на дурном счету у правительства», смеха вызывать не могут — даже если они старательно корчат из себя «элиту», избранную часть общества. Не называя конкретных людей, Давыдов высмеивал пороки, олицетворением которых они являлись. Люди потом сами выискались...

А вот что писал князю Вяземскому из прекрасного Парижа его превосходительство Александр Иванович Тургенев:

«Б[улгаков] прислал мне “Современную песню” Д. Давыдова. Какая подлость в слоге! Но вот и порядочная строфа:

А глядишь: наш Лафайет,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Впрочем, тут и *бородавки, мошки да букашки, червяк голодный, почешет* и прочее, и прочее, и прочее»³⁷.

Под «подлостью», очевидно, имеются в виду «подлые» — сиречь простонародные слова... Конечно, многим приятнее было читать, как наш гусар воспевал «душевные радости, делимые со мной», — но что делать, время, как говорится, было такое, да и в каждом возрасте — свои заботы.

Хотя есть свидетельства, что стихотворение Дениса Васильевича вызвало и многочисленные положительные отклики.

«Особое место в творческом наследии Давыдова занимает самое знаменитое его произведение — “Современная песня” (1836). В этом стихотворном памфлете Давыдов с отчетливо консервативных позиций выступил против передовой общественности тридцатых годов, персонально — против Чаадаева. “Современная песня” пользовалась шумной популярностью у современников. “Стоило только произнести первую строчку, как слушатели подхватывали продолжение и дочиты-

вали песню до конца, при единодушном смехе”, — вспоминал А. Д. Галахов*»³⁸.

Даже Михаил Иванович Жихарев, дальний родственник Чаадаева, его преданный ученик, позднее — хранитель его литературного наследия и архива, положительно отзываясь об этом стихотворении, хотя тут же спохватывается: «Здесь же следует упомянуть о “Современной песне” Дениса Давыдова, очень забавной стихотворной карикатурке, весьма, впрочем, мало обратившей на себя внимания...»³⁹

Нам кажется, что все точки над «і» по поводу «Современной песни» были поставлены в предисловии к изданию сочинений Давыдова 1860 года: «Современная песня, направленная на многих хороших людей и на многие хорошие стороны Московского общества, исполнена Грибоедовской меткости, Грибоедовской иронии. Подобно “Горю от ума”, она была направлена на знакомых поэта, на лиц из Московского общества, и подобно этой знаменитой комедии пошла гораздо далее цели, предполагаемой поэтом. Временная сторона испарилась с годами, и в словесности навсегда остались лишь истинно типические стороны произведения, независимые ни от времени, ни от самих личностей, служивших за оригиналов поэту»⁴⁰.

Действительно, кабы не так, то сегодня это стихотворение не вызывало бы никаких ассоциаций... Жаль только, оно мало у нас известно!

* * *

Так он и жил — работал и отдыхал, вращался в обществе в столицах или пребывал в тиши своего поместья... Притом Давыдова никогда не забывали — о нем писали стихотворения и критические статьи, ему и, опять-таки, о нем писали письма друзья и, разумеется, о нем рассказывали многочисленные анекдоты и пересказывали слухи.

«У председателя [Государственного совета Васильчикова] обедал опять партизан-поэт Давыдов, столь же любезный в обществе, сколько острый и умный с пером в руке. Он рассказывал между прочим множество анекдотов о славном Платове, один другого забавнее... Платов обедал с Карамзиными; после обеда, когда первый, по обыкновению, был уже совсем навеселе, последний вздумал спрашивать его об успехах просвещения в Донском войске.

— Я, батюшка, — отвечал Платов, — об этом много не хло-

* Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892) — критик, исследователь литературы.

почу, потому что терпеть не могу ученых: они все или каналы, или пьяницы.

Надобно заметить, что это говорил подгулявший Платов ученому Карамзину»⁴¹.

«На приятельских и военных попойках Денис Давыдов, встречаясь с графом Шуваловым*, предлагал ему всегда тост в память Ломоносова и с бокалом в руке говорил:

Не право о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов»⁴².

«Д. В. Давыдов говорил о генерале, который претерпел в море ужасную бурю:

— Бедняжка, что он должен был выстрадать — он, который боится воды, как огня!»⁴³

Думаете, невинная шуточка? Очевидный намек на события 1828 года, когда корабль, на котором император Николай I следовал из Варны в Одессу, попал в шторм! Так что речь шла о ком-то из ближайшего окружения государя...

Появлялись новые знакомства, но еще больше, пожалуй, укреплялись старые.

Николай Языков, из новых, но близких друзей (не случайно же Белинский сравнивал его в своей статье с Давыдовым!), адресовал ему восторженные стихи:

Грудь твоя горит звездами:
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.
Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг, на Прут...⁴⁴

По поводу этих стихов Пушкин писал Языкову:

«Послание к Давыдову — прелесть! Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после Ваших стихов опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии...»⁴⁵

(Напомним, что Денис Васильевич внешность имел довольно оригинальную. Как вспоминал некий его дальний родственник,

* Очевидно, поручик Ахтырского гусарского полка в войну 1812 года.

«Давыдов был много меньше меня ростом, широкоплеч, брюнет, на середине лба имел природный белый клочок волос, лицо круглое, нос с маленькую пуговку, страшный был говорун».)⁴⁶

А сам Денис вдруг обратился к Языкову с необычайной просьбой:

«Вы может быть по чувству скромности думаете, что ничего не значит быть вами воспетым? Я же убежден в совершенно противном. Мне весьма льстит то, что гордая и независимая лира одного из первых самобытных поэтов наших, никогда и никого не воспевающая наперекор сердца и совести, удостоила прославить меня. Смотрите, чур не забывать меня после моей смерти, ибо не довольно благодетельствовать мне в течение жизни моей. Я уже некогда говорил о том Пушкину, Жуковскому, Баратынскому, Вяземскому, повторяю и вам то же самое. Напишите тогда общими силами мою некрологию, и произведите на свет не пролетный лист для воейковского Инвалида, а что-нибудь такое, которое бы осталось надолго. Не шутя, хотя и непристойно о себе говорить, я принадлежу к числу самых поэтических лиц Русской армии не как поэт, но как воин; многие обстоятельства моей жизни дают мне на это полное право: во-первых, благословение, данное мне великим Суворовым; пятилетнее адъютантство мое при князе Багратионе, герое в полном смысле слова, который, не взирая на малое образование свое, самобытным и проницательным своим гением познал все тайны военного искусства; наконец, тридцатилетняя служба моя и участие мое во всех войнах России этого времени; 1812 год, в который я зарубил свое недостойное имя. Я принадлежу бурному и мятежному веку Наполеона, извергавшему, подобно Везувию, событиями потрясающими, всеокрушительными, в пылу которых я пел, как некогда на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. Наступил штиль и безмятежие, обо мне нет слуху и духу; соха и словесность поглощают всю мою деятельность. Но возникает новая буря, и я подобно алкиону, белеющемуся на черном небе. Война в Персии, и я тут, бьюсь и кочую у подножия Арарата; война в Польше, и я также на берегах Вислы, громлю и милую, хвалю и вешаю; имя мое, как казачья пика, торчит во всех войнах. Но мир заключен, я опять гражданин, отец семейства, пахарь, обожатель красоты во всех ее отраслях, — к юной ли деве, к подвигам ли военным или гражданским, к словесности ли — везде слуга ее, раб, богослужитель и поэт. Но полно предупреждать вас в похвальном о себе слове; к тому же я еще не умер»⁴⁷.

Нескромно? Может быть. Справедливо? Да — именно так все в его жизни и было. Завистники могут завидовать и обвинять его в нескромности...

С Пушкиным, давним своим другом, но человеком гораздо его моложе, представлявшим уже другое поколение, Денис, по собственному своему предложению, тогда же перешел «на ты».

«Твое *ты* сняло с меня 25 лет с костей и развязало мне руки; я молод и весел»⁴⁸, — писал он поэту.

А какие прекрасные стихи послал тогда Давыдову Пушкин! Стихи глубоко личные, в них воедино сплетаются реальная жизнь и творчество, и, когда говорят о взаимоотношениях этих двух поэтов, их обязательно цитируют. Не станем и мы отходить от доброй традиции — хотя бы затем, чтобы не лишать себя удовольствия вновь перечесть знакомые строки, отправленные Денису Васильевичу «При посылке “Истории пугачёвского бунта”»:

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой⁴⁹.

Взаимоотношения Александра Пушкина с современными ему поэтами, его роль и личное место в «цеху задорном» заслуживают особенного разговора, но мы ограничимся отзывом Белинского, в котором, как кажется, все сказано. В ноябре 1840 года он писал в журнале «Отечественные записки», в разделе литературной критики, по поводу выхода второго издания «Сочинений в стихах и прозе Дениса Давыдова», рассуждая насчет «пушкинского периода» русской словесности:

«К этому-то периоду нашей литературы принадлежит и даровитый наш партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Правда, ему было уже пятнадцать лет от роду, когда еще Пушкин только что родился, и он написал одно из своих первых стихотворений, свое знаменитое послание к Бурцову в 1804 году, когда Пушкину было еще только пять лет от роду, но, тем не менее, как поэт и литератор, Давыдов принадлежит к пушкинскому периоду нашей литературы... Дело в том, что Пушкин, имея решительное влияние на поэтов, вместе с ним или после него явившихся, имел также сильное влияние и на некоторых

поэтов предшествовавшего, т. е. карамзинского периода литературы, уже приобретших определенную известность. К таким относим мы князя Вяземского, Ф. Глинку и в особенности Дениса Давыдова; сличите стихотворения этих поэтов, написанные ими до появления Пушкина, — и вы увидите, какая бесконечная разница не только в языке или фактуре стиха, но и в колорите, оборотах фраз и мыслей! Таково влияние гения на современную ему литературу: его деятельность есть водоворот, все увлекающий в своем непреодолимом стремлении!»⁵⁰

Вот только этот «водоворот» оказался слишком стремительным... И как-то пророчески воспринимаются давидовские строки, сказанные совсем по иному поводу: «...есть ли старость для поэта?»⁵¹, вспоминаются слова Кюхельбекера:

Или рука любезников презренных
Шлет пулю их священному челу...⁵²

«Знаете ли нашу общую горесть? Пушкин, наш славный Пушкин, убит на дуэли!»⁵³ — 3 февраля 1837 года из Москвы писал Давыдов Николаю Языкову, лечившемуся на водах за границей.

В тот же день он писал в Петербург:

«Милый Вяземский! Смерть Пушкина меня решительно поразила; я по сю пору не могу образумиться. Здесь Бог знает какие толки. Ты, который должен все знать и который был при последних минутах его, скажи мне, ради Бога, как это случилось, дабы я мог опровергать многое, разглашаемое здесь *бабами обоего пола*. Пожалуйста, не поленись, и уведомя обо всем с начала до конца, и как можно скорее.

Какое ужасное происшествие! Какая потеря для всей России! *Vraiment une calamite publique!** Более писать, право, нет духа. Я много терял друзей подобно смертью на полях сражений, но тогда я сам разделял с ними ту же опасность, тогда я сам ждал такой же смерти, что многое облетчает, а это Бог знает какое несчастье! А Булгарины и Сенковские живы и будут живы, потому что пощечины и палочные удары не убивают до смерти. Денис»⁵⁴.

И еще — по тому же адресу месяц спустя, 6 марта:

«Веришь ли, что я по сю пору не могу опомниться, так эта смерть поразила меня! Пройдя сквозь весь пыл Наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был и виновником, и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою, подобно смерти Пушкина. Грустно, что рано, но если уже умирать, то умирать так должно, а не так, как умрут те из знакомых

* Воистину, всенародное несчастье! (фр.).

нам с тобою литераторов, которые теперь втихомолку служат молебны и благодарят судьбу за счастливейшее для них происшествие. Как Пушкин-то и гением, и чувствами, и жизнью, и смертью парит над ними! И эти г..... жуки думали соперничать с этим громодержавным орлом!»⁵⁵

* * *

А жизнь продолжалась, навязывая свои то крупные, то мелочные заботы. Дети незаметно вырастали, поэтому пришлось перебираться из Симбирской губернии в Москву, где Давыдовым был куплен прекрасный дом — настоящий барский особняк, конечно же «послепожарной» постройки, в самом центре, на Пречистенке, напротив, так уж получилось, пожарного депо.

«В последние годы его жизни заботы о нас, старших сыновьях его, меня и брата Николая, много отнимали у него времени от любимых его литературных трудов. В отношении детей своих он, под оболочкой равнодушия, был самый горячий и внимательный отец. Будучи слезлив как женщина и самого мягкого сердца, он часто принимал на себя маску строгости и суровости, разбивавшуюся от первой слезливой просьбы каждого из нас. В домашнем быту он был вполне образцовый семьянин, весьма аккуратной жизни»⁵⁶.

«Что мне про Москву тебе сказать? — Она всё та же, я не *тот*, как говорил Василий Львович*, благочестивой памяти, — и потому мне скучно здесь: *я в степь хочу*, как говорил Александр Сергеевич, бессмертной памяти. Вообразить не можешь, как меня обольстили мои Симбирские и Саратовские степи. Так бы и полетел туда — что, впрочем, я непременно сделаю, поместя двух моих старших в училища.

А ты, мой Петербургский труженик, долго ли тебе шататься по толкучему рынку честолобцев? Когда придет время и твоего разочарования? Когда мы будем с тобою в Москве на диване, с трубкою в зубах и с шампанским в руках закуривать и запивать неудачи наши и смеяться над собою? Нет, этого времени уже не будет, а если и будет, то как мы ни к чему уже не будем годны, и нам будет не до смеху с подаграми и другими немощами старости»⁵⁷.

Действительно, этого времени уже не было... Но не было и пустого времяпрепровождения, как уверяли последующие критики — вернее, критиканы. Занимаясь судьбами детей — двум старшим пора было определяться в жизни — Денис Ва-

* *Василий Львович Пушкин* (1766—1830) — дядя А. С. Пушкина, поэт, оставший поручик гвардии.

сильевич ездил в столицу, восстанавливал некоторые старые связи, заводил новые. Уж не знаем почему, но Василия Давыдов хотел определить в Институт корпуса инженеров путей сообщений, а Николая отдать в Училище правоведения. Как нельзя кстати, старый знакомец граф Карл Федорович Толь еще в 1833 году был назначен главноуправляющим Ведомством путей сообщений и публичных зданий и охотно оказывал всю необходимую помощь.

Во время приездов в Санкт-Петербург Давыдов не только решал семейные вопросы и встречался с друзьями, но и имел возможность представиться императору Николаю I и наследнику престола цесаревичу Александру Николаевичу; Василий Андреевич Жуковский показывал ему коллекции Эрмитажа... Нет сомнения, что Денис полюбовался и своим портретом в Военной галерее Зимнего дворца, однако он никому про то не писал, да и история знаменитого портрета кисти Джорджа Доу — как и когда он был написан, неизвестна. Зато известно, что в гостях у Жуковского, когда Денис Васильевич слушал, как молодой Николай Гоголь читает своего блистательного «Ревизора», талантливый художник Григорий Чернецов нарисовал его портрет, который использовал для самой своей прекрасной и значительной картины «Парад на Царицыном лугу 6 октября 1831 года».

Сомнительно, что Давыдов успел, возвратившись из Польши, побывать на том параде — однако на картине, на первом ее плане, был изображен весь истинный цвет Петербурга. А дальше, под высоким и прекрасным облачным небом, занимающим две трети картины, выстроились полки победоносной Российской императорской армии. Прямо как у Пушкина:

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю...⁵⁸

Из Петербурга в Москву Давыдов возвратился к февралю 1838 года и писал жене, остававшейся в Верхней Мазе:

«Словом скажу тебе — я счастлив, что побывал в Петербурге. Могу сказать, что не даром съездил и именно в этот-то год и надлежало мне быть там. Зато надо было видеть мою деятельность! Минуты не имел покоя все 9 дней, которые я там пробыл; разумеется, от 8 часов утра до 5 пополудни каждого дня там обедал, ездил в театр, а потом на вечер; но и в театре, и на вечерах не забывал о своем предмете. Так, достал я расписание денного времени на учения и всей недели, а сверх того, прави-

ла, принятые в Топографическом училище, как снимать планы и рисовать местоположение. Это мне доставил старинный мой сослуживец и начальник топографов и генерал-квартирмейстер Главного штаба*. Что меня удивляло, и других удивляло — моя деятельность! Ты, я думаю, заметила хладнокровие мое, когда ты хлопочешь о детях — но только что тебя нет, я хлопотство и деятельность твою за сто верст назад оставляю — это я заметил только теперь, и сам себе удивляюсь»⁵⁹.

В том же году Денис Васильевич отвез старших своих сыновей в Петербург.

Но вот уже действительно — маленькие детки спать не дают, а с большими и сам не уснешь... Кажется, Давыдов сделал все возможное, чтобы помочь сыновьям определиться в жизни, но каждому из них захотелось самостоятельно выбирать дорогу. Василий, явно имевший склонности к точным наукам, не пожелал становиться инженером путей сообщений, решив определяться в артиллерию. А так как давно миновали те времена, когда подавляющее большинство будущих офицеров проходили подготовку непосредственно в полку, в юнкерских чинах, то отец определил сына в Артиллерийское училище, которое позже назовут Михайловским. Там, как видно, Василий попал под влияние новых товарищей — а товарищи, как известно, всегда умнее родителей... Тут еще и генерал-майор князь Илья Андреевич Долгоруков**, начальник штаба по управлению генерал-фельдцейхмейстера, «имевший наблюдение» за Артиллерийским училищем, чего-то «подворожил», и заботливому отцу, находившемуся в Москве, только и оставалось, что горевать по поводу того, что все его старания пропали даром, и пытаться через письма наставить сына на путь истинный (нам они весьма интересны потому, что в них Денис много рассказывает о себе и своем отношении к жизни):

«Одно из главных черт моего характера — откровенность, следовательно с тобой, милый Вася, я по характеру и по долгу отца обязан быть откровеннее, чем с другими, а потому я, лишь скрепя сердце, и вследствие представлений князя И. А. Долгорукого, позволяю тебе вступить в юнкера гвардейской артиллерии, а не в артиллерийское училище. Я мог, и не должен был соглашаться на просьбу твою,

* Федор Федорович Шуберт (1789—1864) — генерал от инфантерии (1845), директор Военно-ученого комитета (1846).

** Илья Андреевич Долгоруков (1797—1848) — князь, генерал-лейтенант. Массон, член Союза спасения (с конца 1817) и Союза благоденствия. Дежурный штаб-офицер по управлению генерал-фельдцейхмейстера, участник Русско-турецкой войны 1828—1829 годов, начальник штаба артиллерии 2-й армии, участвовал в подавлении Польского восстания 1830—1831 годов, генерал-майор (1833), генерал-лейтенант (1844), генерал-адъютант (1848).

потому что я остаюсь при своем мнении, что поступление в артиллерийское училище принесло бы тебе несравненно более пользы, и что в течение жизни и службы твоей ты был бы гораздо благодарнее мне за отказ, чем за согласие мое на твою просьбу. Теперь меня беспокоит уже недостаток познаний, с которым ты поступишь на военное поприще; тому, кто одарен лишь жалким честолюбием быть скорее офицером, хотя бы и полным невеждой, и носить мундир с отворотами и двуглавый орел на кивере, хотя бы он прикрывал голову необразованную, тому не вселишь ни жажды к приобретению познаний, ни высокого, благородного честолюбия вступить на служебное поприще, как надлежит человеку настоящего века, для которого одно знание служебных уставов слишком и слишком недостаточно. Напротив, надо стараться приобрести обширный запас сведений, необходимый для выполнения впоследствии важных поручений и обязанностей, кои, может быть, тебе придется исполнять. Я с самой нежной молодости твоей не переставал твердить и толковать тебе, что ни самый красивый мундир, ни самый высокий чин не дают познаний, необходимых для человека, желающего быть полезным своему отечеству; но приобретшему обширные сведения легко с честью и со славою носить всякий мундир и быть облеченным в самый высокий сан. Ты, казалось, понимал мои наставления, и я, по крайней мере, был уверен в успехе их, но едва попал ты в круг своих товарищей-молокососов, мундир и офицерство свели тебя с ума...»⁶⁰

«Мои товарищи и сослуживцы были генерал-аншефами, а я, оставаясь генерал-майором, служил под их начальством, нисколько от того не унывая, ибо у каждого свой жребий. Другие же сослуживцы мои остались штаб-офицерами в то время, как я был уже генерал-лейтенантом. Возьми себе за правило: ни в жизни, ни в службе никогда не глядеть на других и не сравнивать их счастье или несчастье со своей судьбой; в противном случае, дав волю недостойному, вполне порочному чувству зависти, ты измучаешься по-пустому. Наблюдай лишь за собой, исполняй долг честного офицера и следуй прямою стезей...»⁶¹

Впрочем, оставим давыдовских детей жить своей жизнью... Рассказ о них закончим уточнением, что Василий Денисович (1822—1882) дослужился до чина генерал-майора, а вот Николай Денисович (1825—1885), также не пожелавший идти по выбранному отцом пути, закончил службу штабс-капитаном гвардии; генеральского чина достиг еще Вадим Денисович (1832—1881). У прочих сыновей успехи были скромнее.

С возрастом мы все больше и больше начинаем жить прошлым — старыми воспоминаниями, старыми привязанностями. Первое пятилетие боевой жизни Дениса, с Прусской кампании 1807 года до начала Отечественной войны, было связано с именем генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона, который был для Давыдова не просто начальником, но и очень близким человеком, благодетелем, как тогда говорили. Багратион оставил огромный след и в душе, и в судьбе нашего героя. А чувство благодарности было Денису Васильевичу отнюдь не чуждо.

О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь Гомерический, Багратион великий!⁶²

Последняя их встреча произошла вечером 22 августа 1812 года, когда главнокомандующий 2-й Западной армией «благословил» своего бывшего адъютанта на партизанские действия — в памяти Давыдова она была, как вчера... 26 августа князь был ранен на Семеновских флешах и 12 сентября скончался в селе Сима Владимирской губернии, в имении своего друга генерал-лейтенанта князя Голицына, где был похоронен в тамошней церкви.

Другие вожди русской армии в Отечественную войну также давно уже ушли из жизни. Светлейший князь Кутузов был упокоен в Казанском соборе Санкт-Петербурга; военный министр и главнокомандующий 1-й Западной армией — фельдмаршал светлейший князь Михаил Богданович Барклай де Толли, умерший в 1818 году, обрел вечный покой в великолепном мавзолее близ родового имения Бекгоф; генерал от кавалерии граф Александр Петрович Тормасов, главнокомандующий 3-й Резервной, Обсервационной армией, сменивший после Бородина Багратиона, был в 1814 году назначен главнокомандующим в Москве, где скончался в 1819 году и был погребен в Донском монастыре. Из главнокомандующих остался в живых лишь неудачливый вождь Дунайской армии адмирал Павел Васильевич Чичагов, уехавший за рубеж.

Все усопшие вожди получили достойное упокоение — за исключением павшего на поле чести князя Багратиона. Ни приличного надгробия, ни возможности навестить могилу, находившуюся в «пустынном», как писал Денис, отдаленном селе Симы. Но как-то об этом никто не вспоминал, не задумывался.

В 1837 году, спустя 25 лет со дня Бородинского сражения, Николай I задумал увековечить память павших в нем героев: возвести на Курганной высоте памятник, который нарекут Главным монументом. Давыдов подхватил эту идею и «через графа (впоследствии князя) А. Ф. Орлова подал записку государю императору, в которой просил перенести тело “этого Ахилла Наполеоновских войн” — как называл он князя Багратиона — либо на Бородинское поле, либо в Александро-Невскую лавру, в которой положить рядом с могилою Суворова. В первом случае, по выражению Дениса Васильевича, “великая жертва сочеталась бы с великим событием”; во втором, “знаменитый питомец лег бы возле великого своего наставника”, и просил предоставить ему честь самого перенесения праха»⁶³.

Как пишет далее историк, «разумеется, просьба нашла доступ к великой душе Николая: государь назначил перенести прах князя Багратиона на Бородинское поле»⁶⁴. Было решено, что он упокоится у Главного монумента.

В то время, как-то пристроив своих старших сыновей (мы помним эти проблемы), Давыдов вновь жил в своем имении, которое, можно сказать, теперь превратилось в штаб, координирующий работы по перезахоронению, ибо император разрешил Денису Васильевичу сопровождать останки своего бывшего командира. А наш герой, в силу своего деятельного характера, ролью почетного гостя или, паче того, стороннего наблюдателя удовольствоваться не мог.

Волнуясь, он писал Алексею Петровичу Ермолову, генералу от артиллерии (в этот чин он был всемилостивейше переименован в 1833 году), весной 1839 года отправлявшемуся в Санкт-Петербург:

«Открытие памятника, кажется, будет летом. Перемещение праха князя Багратиона требует заблаговременного распоряжения и предписаний... Сверх того, если честь сего перемещения возложена будет на меня — честь, которую я приму за истинное благодеяние (и на которую, впрочем, я имею всё право и потому, что я был более времени, чем другие, адъютантом князя и потому, что я подал мысль о перемещении праха и хлопочу о том), то мне нужно будет получить на сие предписание военного министра заблаговременно, дабы иметь время распорядиться по сему случаю.

Я писал дежурному генералу Клейнмихелю и просил его доложить о том графу Чернышёву. Но так как вы теперь в Петербурге, почтеннейший брат, то не можете ли вы сделать мне милость поговорить о том с графом...»⁶⁵

Ермолов успокаивал брата, отвечая, что все идет своим че-

редом — распоряжения Николая Павловича выполнялись четко. К тому же Давыдов был официально включен в «процесс» как должностное лицо — и начал получать соответствующие доклады. Так, 6 апреля 1839 года начальник штаба 6-го пехотного корпуса свиты его величества генерал-майор Анненков 3-й официальной рапортом доносил ему, что для конвоирования тела князя Багратиона назначен Киевский гусарский полк; к рапорту прилагался маршрут следования полка — от Юрьева-Польского (Владимирской губернии) до Можайска (Московской губернии). В Можайск киевцы должны были прибыть 23 июля, пройдя 311 верст в 23 дня.

Тут стоит заметить, что в 1839 году Давыдов вообще оказался у государя в фаворе: в начале года вышел первый том сборника «Сто русских литераторов», где впервые был опубликован его очерк «Тильзит в 1807 году» (с огромными цензурными купюрами, разумеется). Тексты, помещенные в сборнике, сопровождалась гравированными портретами авторов. Ознакомившись с книгой, Николай Павлович был возмущен: почти все авторы были по-модному (байроновский стиль!) облачены в шикарные халаты! Император отметил, что только один Давыдов был в мундире — и такую «благонамеренность» он оценил.

«Однако не суждено было Денису Васильевичу дожидаться исполнения заветной мечты перевезти прах благодетеля своего на поля Бородинские. Смерть уже подкрадывалась к нему, так часто с презрением смотревшему в лицо ей: едва прошел месяц после официального извещения о предстоявшем ему почетном поручении, как не стало преданного адъютанта пламенного Багратиона и славного партизана Отечественной войны»⁶⁶.

Он умер поутру 22 апреля 1839 года в селе Верхняя Маза.

«В конце августа 1839-го года на Бородинском поле открыли памятник и были маневры, повторившие Бородинскую битву 1812 года. Перед тем же временем погребли, возле самого памятника, тело князя Багратиона, перевезенное туда из Владимирской губернии.

Эту последнюю мысль подал Д. В. Давыдов. Военный министр уведомил поэта-партизана, что государь, согласившись с его представлением, ему же поручает перевезти тело князя Багратиона. Денис Васильевич тогда был уже на смертном одре. Прочитав бумагу министра, он заплакал от удовольствия сердца и умер с прижатым к груди повелением. Прекрасная смерть!»⁶⁷

И вновь — легенда...

Победоносное российское воинство облачилося в траур — пусть и не внешне, но кончина Давыдова болью отозвалась во многих офицерских сердцах; заплакали поэты земли Русской, выражая свою скорбь в стихотворных строках.

Где ты, наш воин-стихотворец?..
 Вдвойне Отчизны милый сын,
 Ее певец и ратоборец,
 Куда ты скрылся?.. Ты один
 Не пробужден еще призывом,
 Собравшим тысячи полков,
 Одним всеобщим войск приливом,
 Единодушным их порывом
 Не привлечен на пир штыков...
 Проснись!.. Все русские дружины
 Шлют представителей своих
 На Бородинские равнины
 Свершить поминки битв святых...⁶⁸ —

писала поэтесса графиня Евдокия Ростопчина, невестка знаменитого московского главнокомандующего.

Стихами почтили ушедшего друга Жуковский, Вяземский и многие, многие другие...

Как эпитафию, приведем слова анонимного автора журнала «Библиотека для чтения» — из очередного критического обзора, написанного по поводу выхода в 1860 году в свет четвертого издания произведений Давыдова:

«Денис Давыдов — друг Бурцова, гусар и суровый партизанский генерал Давыдов, и семьянин Давыдов, и мирный московский житель Давыдов, — был лицом истинно благородным, истинно симпатичным, истинно даровитым, истинно оригинальным, в лучшем смысле этого слова. Он умер, не оставив ни одного врага ни в обществе, ни между близкими ему, ни в литературе. В зените и надире* русской словесности имя его произносилось с почтением. Белинский почтил его труды выражением светлого сочувствия, Булгарин не ухитрился сказать о нем ничего скверного. При всем нашем современном миролюбии, при нашей холодности к красотам войны и военной славы, Давыдов блещет для нас не только “священной памятью двенадцатого года”, но и честной памятью долгой, трудовой, безукоризненной деятельности, верной своему времени и украшенной присутствием самобытного, несомненного таланта»⁶⁹.

* На дир — нижняя точка пересечения отвесной линии с небесной сферой (то есть противоположность зениту).

Денис Васильевич был погребен в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря. Через три года неподалеку от его могилы будет похоронен его друг и родственник генерал-майор Михаил Федорович Орлов.

На этом можно было бы и поставить точку в нашем повествовании. Ах, если бы всё в жизни было столь просто и однозначно!

* * *

Известно, что после смерти императора Николая I и проигрыша Восточной войны страна и общество переменялись коренным образом. Это выразилось не только в реформах Александра II, но и в том, что официальную государственную идеологию, четко выраженную догматом «Православие, Самодержавие, Народность», стали вытеснять, так скажем, либеральная философия и разночинное миропонимание. Не знаем, хорошо это было или плохо, но все завершилось Февралем 1917 года, следствием которого стал Октябрь.

Так далеко мы пока заглядывать не будем, а остановимся в начале 1860-х годов, когда народу во всех отношениях «дали волю». Ну, не то что совсем дали — а скорее там, где не надо... Но обратимся к посмертной судьбе нашего героя.

«Шестидесятники, свергавшие с пьедестала Пушкина, не могли не обратить своего внимания на Дениса Давыдова. Счеты среднего дворянина Давыдова с чиновниками, представляющими военно-бюрократическую машину государства, к тому времени были забыты. Для шестидесятников Давыдов был прежде всего крепостником, ведь по этой линии и среднее дворянство и чиновничество были едины. Для шестидесятников он был выразителем духа и настроений ненавистной им палаческой военной системы. И рецензент “Русского слова” показывает всю пустоту и ничтожность воспетого Давыдовым военного быта»⁷⁰, — пишет автор 1930-х годов.

Мы уже вспоминали этот пресловутый обзор, написанный действительным статским советником А. В. Лохвицким, — оценку четвертого издания давыдовских произведений. Но чтобы всё окончательно расставить по местам, приведем еще один «пассаж» из этого текста:

«Говоря высоким слогом, русская поэзия украсила пышным венком славы чело партизана-поэта. Новый издатель его сочинений собрал все эти пиитические цветы и приложил их в конце издания в виде Диплома Давыдову на почетное место посреди действительных членов российского Парнаса. Диплом подписан и скреплен именами с более или менее значи-

тельным авторитетом для составителей “руководства к истории русской литературы”. И Пушкин тут расписался, и Жуковский, и Языков, и Баратынский, и князь П. Вяземский, и графиня Растопчина, и г-н Федор Глинка. К этому отборному септету, стóящему любого состава итальянской оперы, присоединили свои скромные голоса и мелкие хористы, например гг. Зайцевский, Стромиллов, какой-то граф Федор Толстой*. Последний выразился, впрочем, с большим достоинством и с истинно-величавым лаконизмом: “Ужасен, — говорит, — меч его отечества врагам; ужаснее перо надменным дуракам”. Хорошо, что это перо покоится теперь, вероятно, в семейном музее; а то страшно было бы и братья за разбор сочинений рьяного воина. Не соглашаться с мнением всех вышепоименованных авторитетов — не значит ли это быть “надменным дураком” и вызвать на свою голову грозу “ужасного пера”?»⁷¹

На последний вопрос г-на Лохвицкого ответим столь же лаконично, как граф Федор Толстой: «Значит!» Так что свою характеристику рецензент «Русского слова» сам определил предельно точно. Впрочем, пусть его превосходительство не обижается — не он один «следовал духу времени».

Подобный «записной остроумец», пожелавший остаться неизвестным, в том же 1860 году звонко облаял переиздание сочинений Давыдова в журнале «Отечественные записки» (именно — «облаял», иное слово не подобрать):

«Здравствуйте Денис Васильевич! Давно, давно не читал я ваших стихотворений. А как мне памятливы они! Бывало, еще мальчиком, как прочтешь ваши стихи, так и бежишь где-нибудь тайком затянуться до тошноты жуковским; бывало, как проникнешься “песней Старого Гусара”, так и пожалеешь, что сидишь еще на школьной скамейке, не бьешь окон у мирных соседей и не имеешь права пить пунш. Истинный пафос электризует, и как мы, школьники, боготворили вас, старого гусара! как завидовали вам и готовы были лететь... если не на войну, то по крайней мере на драку!

Под этим юношеским впечатлением мы опять перечли свои любимые стихотворения — и ужаснулись, чему только не знаем: своим ли юношеским идеалам или вашим стихам...

Прощайте, Денис Васильевич! не скоро опять возьмем мы в руки III том ваших сочинений»⁷².

Что характерно, одни и те же призывы по-разному влияют на разных людей. Пакостник отправится бить окна, патриот будет готовиться надеть мундир.

«У Давыдова был ревностный круг почитателей, но круг

* Не слышать про Толстого-Американца для образованного русского человека — стыдно!

этот был невелик, и не многие до конца жизни повторяли стихи любимого поэта, восхищавшего их в молодости. А между тем, кто в молодые годы не повторял стихов Давыдова, мечтая о том времени, когда будет таким же лихим гусаром...

Стихи Давыдова пленяли почти все наше военное поколение...

И кто из молодых людей двадцатых годов не воображал себя Бурцовым?»⁷³

Молодые люди 1820-х годов — это те, кто брал Эривань и Тавриз в Персидскую войну, Варну и Эрзерум в Турецкую, кто дрался с горцами, штурмовал Варшаву и, в конце концов, выходил на Сенатскую площадь. Ни в мужестве, ни в патриотизме этим людям, воспитанным на гусарских стихах Давыдова, отказать нельзя.

Но даже в 1892 году в «Русской старине», в материале, озаглавленном «Русские достопамятные люди. Заметки и воспоминания по поводу труда Д. Н. Бантыш-Каменского: “Словарь достопамятных людей русской земли”, изд. 1847 г., и некоторых других изданий того времени. [Рукопись из собрания С. Д. Полторацкого]», писалось:

«Бантыш-Каменский, в примечаниях о партизане Давыдове, Денисе Васильевиче, говорит: “К сожалению, смерть преждевременно похитила его в 1839 году”. О ком, умирающем прежде ста лет, нельзя сказать того же? Пошлая фраза, *phrase banale, oiseuse**. Кто назначил предел, когда мы должны умирать не преждевременно? Для литературной славы и известности многие умирают вовремя. Давыдов не имел этого счастья, ибо его “Современная песня” отрыта после его смерти и тиснута в альманахе “Утренняя заря”. Несмотря на благонамеренность ее, песня это страх пошлая и обнаруживает крайнюю в авторе необразованность, зачерствелость и близорукость. Неужели, по мнению его, лучше дворяне старого и нашего (1847 г.) времени, пьянствующие, буйствующие, гонящиеся за зайцами и бабами, нежели дворяне, хотя и ошибочно воспитанные и ложно направленные, но все-таки пооттертые и поотесанные? Такое сочувствие ко степному помещичеству понятно, впрочем, в Давыдове, заржавевшем в своей Хвалынской деревне. Он кончил как начал — попивая. Юноша-гусар, чувственный писака, сделался хозяином-питухом. Перерождение куколки в бабочку — очень натурально. Жалеть о смерти подобных людей — много горя будет»⁷⁴.

Что тут сказать? Не по-христиански и вообще не по-человечески! Зато налицо самые либерально-передовые взгляды: мол, лучше, ежели люди будут «ошибочно воспитаны и ложно

* Праздная фраза (*фр.*).

направлены», нежели, мягко скажем, «патриархальных нравов». Только кто бы знал, куда эти «ложно направленные» потом заведут и чем это все закончится?!

Кто был автором таких мудрых строк, понять невозможно: «рукопись из собрания», а Сергей Дмитриевич Полторацкий, известный библиограф, библиофил и литературный критик, был человеком приличным. Может, сохранил чью-то бумажку в своем архиве, а наследники и передали ее для публикации. Всяко ведь бывает!

Но почему так смущал Денис Васильевич своих либеральных оппонентов? Чем объяснить весь этот хор нападок? Тому можно найти две причины. О первой из них писалось в том же самом 1860 году в журнале «Библиотека для чтения»:

«В нашей молодой литературе, может быть вследствие ее юности и самоуверенности, выработался какой-то особенный взгляд на наших прежних литературных деятелей, — взгляд, который мы попробуем назвать либерально-рутинным... Давно ли о Пушкине безнаказанно позволялось писать, как о враге прогресса и довольно бездушном поклоннике аристократов, давно ли частная жизнь Гоголя подвергалась ребяческим осуждениям; осуждениям тем более ребяческим, что они произносились с насупленной гримасой мальчишки, нахватавшегося каких-то новых для него мыслей?..

Все эти беглые соображения пришли нам на мысль по поводу только что прочитанного нами четвертого издания сочинений покойного Дениса Васильевича Давыдова. Вот писатель истинно самобытный, драгоценный для уразумения породившей его эпохи, приковывающей к себе все внимание и симпатии читателя, — а между тем нет ничего легче, как унижить и осудить его с либерально-рутинерской точки зрения...»⁷⁵

Вторая причина гораздо проще: лишь только власть в России ослабевает, оппозиционные силы начинают бить по армии. Достаточно вспомнить более поздние и наиболее яркие события 1917 и 1991 годов и их последствия...

Денис Давыдов был романтиком военной службы — а романтика, как известно, всегда привлекала молодых людей.

«Военная служба, в старое время представлявшая единственное поле для деятельности русского дворянина, по необходимости втягивала в себя всю умную и даровитую русскую молодежь, а что Давыдов принадлежал к числу представителей даровитой молодежи, в том нет сомнения»⁷⁶.

Да, в чем-то эта романтика была ложной — но где, скажите, и когда мечта на 100 процентов отвечала действительности? Начитавшись гусарских стихов Давыдова и «воображая себя Бурцовым», юноши шли в кадетские корпуса, юнкерские и

военные училища, где сталкивались с иной реальностью — и становились не Бурцовыми, но Скобелевыми, Драгомировыми, Кондратенко, Брусиловыми... Хотя кто бы сказал, у кого из прославленных русских военачальников и простых офицеров не было тетрадки с переписанными в нее стихами Давыдова, Лермонтова и своих, кадетских или юнкерских, «Денисов»?

При жизни Давыдов издал четыре книжки сочинений: «Опыт теории партизанского действия», «Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона», «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского...» и вышедшие в 1832 году «Стихотворения»; было опубликовано 38 его стихотворений.

Всего же поэтических произведений было «очень немного — *пятьдесят девять*... такое количество любой из современных поэтов поставит в месяц, много в два. К тому же из этих пятидесяти девяти стихотворений — более половины плохих, из остальной половины также более половины хороших, но не отличающихся ничем особенным и которые также легко мог написать всякий другой поэт, кроме Давыдова. Стало быть, истинно давыдовских стихотворений остается десятка два с небольшим и эти-то два десятка доставили Давыдову при жизни славу и известность, после смерти воспоминание потомства и замечательное место в истории русской литературы. Отчего же мог он с таким незначительным числом произведений составить себе имя? Оттого, что он умел составить свой особый род поэзии, оттого, что он был представителем любопытного элемента в русской поэзии и русской жизни, оттого, что он осуществил собою разряд людей, чувств и мыслей, которых вы уже не встретите теперь, но которые, тем не менее, существовали на Руси»⁷⁷.

«При жизни своей Денис Васильевич был преимущественно знаменит как поэт, — теперь нам кажется, что лучшее его право на знаменитость заключается в его прозаических произведениях, — писалось в другом литературном обзоре. — Как прозаик, как хроникер-художник, наш автор принадлежит к разряду образцовых русских писателей. Надо быть глупейшим из глупых людей, чтоб не увлечься манерой и языком Давыдова, картинностью его характеристик, энергичной сжатостью его рассказов, мастерским, совершенно своеобразным изображением его начальников и друзей, врагов и помощников...

В трудах сейчас названных сказывается истинный художник, острый наблюдатель, представитель даровитейшей части даровитой военной молодежи старого времени.

Все люди, ценящие правду, должны чтить Дениса Давыдова, как разрушителя и оппонента нашей старой военной лите-

ратуры с ее хвастливой и официальной бесцветностью. Вред, нанесенный ею, был чрезвычайно велик и до сих пор еще не оценен достаточно. Благодаря панегирикам, унижению врага, скрытию своих неудач и ошибок, придиричivosti лиц и корпораций, славнейшие периоды нашей военной истории улетучились без следа, и величайший из них, кампания 1812 года, не передан потомству во всей его характерности. Военные историки и военные анекдотисты рисовали нам ряд китайских картин без теней, и теперь, когда настало иное время, когда всякий сознал, что картина без теней не есть картина, слишком поздно ее перерисовывать — документы исчезли и последние очевидцы славного времени сходят со сцены. Между панегиристами и бесцветными военными писателями Денис Давыдов стоит один, во всей силе живого человека. Он не закопал своего таланта, не подчинил его причудам придиричivosti лиц, и всякая его статья была упреком бесцветной военной литературе старого времени»⁷⁸.

(Как современно звучит этот абзац, если применить его к воистину многострадальной нашей истории Великой Отечественной войны, которую до сих пор рисуют все теми же «китайскими картинами»!)

Но вот таков был краткий обзор творчества Дениса Васильевича Давыдова.

Несмотря на все потуги «либеральных критиков», его произведения продолжали издаваться; давыдовские стихи, воспоминания и теоретические работы не только изучались, но и охотно читались кадетами и юнкерами, слушателями военных академий.

В 1912 году имя Давыдова получило «официальное признание» в связи со столетием Бородинского сражения: полк, в котором он служил, стал именоваться «12-м гусарским Ахтырским генерала Дениса Давыдова, ныне великой княгини Ольги Александровны полком». Государь Николай Александрович, как всегда, недодумал, что лучше было бы «передвинуть» свою сестру на какой-нибудь иной полк, оставив Денису его ахтырцев — без этого «ныне»...

Очевидно, именно благодаря своему мужицкому армяку, бороде и «партизанскому прошлому» Давыдов «уцелел» даже в 1930-е годы, когда Отечественная война была «осуждена», а большинство русских военачальников были подвергнуты забвению почти что до самого 1962 года — пока Россия не стала готовиться к празднованию 150-летия Бородинской битвы и Отечественной войны. Кстати, в приснопамятные 1930-е годы могила князя Багратиона на Бородинском поле была разорена, а Главный монумент на Курганной высоте — взорван.

Все равно книги стихов и прозы Дениса Давыдова выходили в Советском Союзе и в 1930-е, и в 1940-е, и во все последующие годы. Именем «народного героя» Давыдова называли улицы в различных городах, было открыто несколько мемориальных досок. Такая доска появилась в 1962 году и в Москве, на доме 17 по Пречистенке, принадлежавшем Давыдову, — на том, что напротив пожарного депо; доска была оригинальна и красива, с портретом Дениса. Но, к сожалению (или к счастью, потому как если смотреть из-за забора, особняк сейчас находится в идеальном состоянии), в 1990-е годы здание почему-то ушло в какие-то частные руки. Вскоре мемориальная доска исчезла: то ли новые хозяева особняка не знают, что это за «поэт-партизан», то ли чтобы вообще не было лишних вопросов о принадлежности здания... Так память о Денисе Давыдове оказалась стерта из центра Москвы — ведь люди, проходя по Пречистенке, теперь не вспоминают это славное имя. Кто же знает, что это был давыдовский дом?

* * *

Но всё же, как бы ни старались в различные времена разного рода недоброжелатели, память о Денисе Васильевиче Давыдове живет в самом сердце нашего народа. Он навсегда останется одним из любимейших наших героев — лихой и отважный, умница и замечательно талантливый человек, патриот до мозга костей.

...С бороною бородинской
Завербованный в певцы,
Ты, наездник, ты, гуляка,
А подчас и Жомини,
Сочетавший песнь бивака
С песнью нежною Парни! —

так написал в 1864 году, в том самом году, когда Денису Давыдову могло бы исполниться 80 лет, старый князь Петр Андреевич Вяземский, один из последних «обломков» давно уже ушедшей эпохи. Тех самых «наивных времен масонских лож, мартинистов, тугенбунда», времен «Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных...»⁷⁹ — как писал граф Лев Николаевич Толстой.

Кажется, что лучше и точнее про те времена сказать нельзя. И наш герой назван в числе людей самых лучших, удивительных, блистательных — воистину замечательных людей своего прекрасного времени — «времени славы и восторга», как один из его бессмертных символов!

ПРИМЕЧАНИЯ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА КНИГИ

- ¹ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова // *Давыдов Д. В.* Военные записки. М., 1982.
- ² *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 11—12.
- ³ Там же. С. 5.
- ⁴ *Рожкова М.* Денис Давыдов, партизан 1812 г. М., 1942. С. 5—6.
- ⁵ Там же. С. 23.
- ⁶ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 36.
- ⁷ *Давыдов Д. В.* Сочинения Д. В. Давыдова. М., 1860. Ч. III. С. 153.

Глава первая

«КРЕСТОМ СУВОРОВСКИЯ ДЛИАНИ...» 1784—1801

- ¹ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 29.
- ² *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Л., 1959. С. 98.
- ³ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3 (1801—1826 гг.). СПб., 1906. С. 28.
- ⁴ *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. II. С. 134.
- ⁵ *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 217.
- ⁶ Сборник биографий кавалергардов. С. 28.
- ⁷ *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе». 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009 (Серия «ЖЗЛ»). С. 36.
- ⁸ Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XIV. С. 550.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Давыдов Д. В.* Встреча с великим Суворовым // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 41.
- ¹¹ Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. 20. С. 49.
- ¹² *Давыдов Д. В.* Встреча с великим Суворовым. С. 53.
- ¹³ Там же. С. 55.
- ¹⁴ Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича // Собраны графом М-чем. СПб., 1886. С. 22.
- ¹⁵ Русский биографический словарь. Т. 20. С. 9.
- ¹⁶ *Языков Н. М.* Д. В. Давыдову // *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Проза. М., 1987. С. 430.
- ¹⁷ *Стромилов С. Н.* Д. В. Давыдову // *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Проза. М., 1987. С. 435.
- ¹⁸ *Алексеев А.* Денис Давыдов (Биографическая поэма). Рукопись.
- ¹⁹ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 29.
- ²⁰ Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. 2-е изд. СПб., 1840. С. 1—2.
- ²¹ Русский зритель. 1828. № 1—2. С. 42—43.
- ²² Старина и новизна. 1917. Кн. 22. С. 53.
- ²³ Денис Васильевич Давыдов (1784—1839). Биографический очерк поэта-партизана, с приложением его стихотворений. М., 1901. С. 6.

- ²⁴ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3 (1801—1826 гг.). С. 29.
- ²⁵ Ульянинский Д., Шейман В. Бородинское Его Императорского Величества имение. М., 1914. С. 1.
- ²⁶ Давыдов Д. В. Некоторые черты... С. 29.
- ²⁷ Там же. С. 30.
- ²⁸ Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. С. 151.
- ²⁹ Орлов В. Предисловие // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 5—6.
- ³⁰ Орлов В. Предисловие // Давыдов Д. В. Сочинения. М., 1962. С. 7.
- ³¹ Жерве В. В. Поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности 1784—1839 гг. СПб., 1913. С. 3—4.
- ³² Ульянинский Д., Шейман В. Указ. соч. С. 2.
- ³³ Мамышев В. Н. Генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов (Партизан). СПб., 1904. С. 116.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Павлов Н. Ф. Ятаган // Русские повести XIX века 20-х — 30-х годов. Л., 1950. Т. 1. С. 456.

Глава вторая

«ФАЛАНГА ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА». 1801—1804

- ¹ Давыдов Д. В. Некоторые черты... С. 29.
- ² Кавалергарды. М.: Воениздат, 1997. С. 51.
- ³ Булгарин Ф. В. Воспоминания. М., 2001. С. 175.
- ⁴ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 129.
- ⁵ Давыдов Д. В. Некоторые черты... С. 30.
- ⁶ Горе от ума // Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1988. С. 88.
- ⁷ Давыдов Д. В. Некоторые черты... С. 30.
- ⁸ Сборник биографий кавалергардов. С. 30.
- ⁹ Давыдов В. Д. Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт // Русская старина. СПб., 1872. Т. V. № 4. С. 624.
- ¹⁰ Давыдов Д. В. Сочинения. М., 1962. С. 590.
- ¹¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 89.
- ¹² Давыдов Д. В. Некоторые черты... С. 30.
- ¹³ Волконский С. Г. Записки. С. 129.
- ¹⁴ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. СПб., 1893. Т. III. С. 245—246.
- ¹⁵ Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1841. Ч. 4.
- ¹⁶ Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. X. С. 341.
- ¹⁷ Марин С. Н., Милонов М. В. Стихотворения. Драматические произведения. Письма. Воронеж, 1983. С. 25.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ Пушкин А. С. Послание цензору // Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 196.
- ²⁰ Кавалергарды. С. 105.
- ²¹ Керсновский А. А. История Русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 171, 180.
- ²² Архив князя Воронцова. СПб., 1889. Кн. 35. С. 414.
- ²³ Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. С. 69—70.
- ²⁴ Там же. С. 70.
- ²⁵ Мамышев В. Н. Указ. соч. С. 118—119.

- ²⁶ *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 4—5.
²⁷ *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. С. 73.
²⁸ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 158.
²⁹ Архив князя Воронцова. С. 420.
³⁰ *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. С. 146—148.

Глава третья

«ДОКАЖИ, ЧТО ТЫ ГУСАР». 1804—1807

- ¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1. С. 409.
² *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 293.
³ *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 457.
⁴ *Бегунова А. И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М.: Молодая гвардия, 2000 (Серия «Живая история: Повседневная жизнь человечества».)
⁵ *Мамышев В. Н.* Указ. соч. С. 119.
⁶ *Пушкин А. С.* Капитанская дочка // Собрание сочинений: В 10 т. М., 1975. Т. 5. С. 244.
⁷ *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. С. 142.
⁸ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 30—31.
⁹ *С. Б.* Торжество табаку. Физиология табаку, трубки, сигар, папирос, пахитос и табакерки. СПб., 1863. С. 70.
¹⁰ *Эйхенбаум Б. М.* Предисловие // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. С. 42.
¹¹ *Давыдов Д. В.* Сочинения Давыдова (Дениса Васильевича) // Литературная газета. 1848. 18 марта. № 11. С. 168.
¹² *Давыдов В. Д.* Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт... С. 625.
¹³ Русский архив. 1866. С. 900.
¹⁴ *Осипов А. А.* Денис Васильевич Давыдов. 1784—1839 (Опыт литературной характеристики) // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 74.
¹⁵ *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 201.
¹⁶ *Вяземский П. А.* К партизану-поэту // *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Проза. С. 414.
¹⁷ *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Л., 1959. С. 225—226.
¹⁸ *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 329.
¹⁹ *Бегунова А. И.* Повседневная жизнь русского гусара... С. 91.
²⁰ *Жихарев С. П.* Записки современника. Т. 1. Дневник студента. Л., 1989. С. 99.
²¹ *Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное. М., 1988.
²² Сборник биографий кавалергардов. С. 30.
²³ *Давыдов Д. В.* Встреча с фельдмаршалом графом Каменским (1806) // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 62.
²⁴ *Толстой Л. Н.* Война и мир // Собрание сочинений: В 12 т. М., 1987. Т. 3. С. 505—506.
²⁵ *Панчулидзев С. А.* История кавалергардов. СПб., 1903. Т. 3. С. 66.
²⁶ Сборник биографий кавалергардов. С. 51.
²⁷ Там же. С. 115.
²⁸ *Лейб-гусары.* М.: Воениздат, 2003. С. 41.

²⁹ Булгарин Ф. В. Воспоминания. С. 175.

³⁰ Давыдов Д. В. Встреча с фельдмаршалом графом Каменским (1806) // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 62.

Глава четвертая

«САБЛЮ ВОН — И В СЕЧУ!» 1807—1809

¹ Давыдов Д. В. Встреча с фельдмаршалом графом Каменским (1806) // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 62.

² Там же. С. 62—63.

³ Давыдов Д. В. Урок сорванцу (1807) // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 76.

⁴ Сборник биографий кавалергардов. С. 31.

⁵ Давыдов Д. В. Встреча с фельдмаршалом графом Каменским (1806) // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 71 — 72.

⁶ Давыдов Д. В. Урок сорванцу (1807) // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 77.

⁷ Давыдов Д. В. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау. 1807 года января 26-го и 27-го // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 107.

⁸ Давыдов Д. В. Урок сорванцу (1807) // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 80.

⁹ Жерве В. В. Указ. соч. С. 14.

¹⁰ Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 75.

¹¹ Давыдов Д. В. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау... // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 83.

¹² Там же. С. 108.

¹³ Там же. С. 109.

¹⁴ Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 109—110.

¹⁵ Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Франциею, в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. СПб., 1822. Ч. 4. С. 122.

¹⁶ Батюшков К. Н. Воспоминания о Петине // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 400—401.

¹⁷ Пушкин А. С. Наполеон // Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 163.

¹⁸ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. VIII. С. 255.

¹⁹ Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 124.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 126.

²² Там же. С. 133.

²³ Там же.

²⁴ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 71.

²⁵ Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 89.

²⁶ Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 128.

²⁷ Там же. С. 136.

²⁸ Давыдов Д. В. Воспоминания о Кульневе в Финляндии (1808) // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 141.

- ²⁹ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 240—241.
- ³⁰ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. М., 1938. Т. 2. С. 241—242.
- ³¹ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 241.
- ³² Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 139—140.
- ³³ Давыдов Д. В. Воспоминания о Кульневеве... // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 143.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Финляндская война // Михайловский-Данилевский А. И. Полное собрание сочинений. СПб., 1849. Т. 2. С. 108.
- ³⁶ Партизаны 12-го года. Давыдов. Фигнер. Сеславин. 2-е изд. СПб., 1911. С. 24.
- ³⁷ Булгарин Ф. В. Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1847. Т. 3. С. 187—188.
- ³⁸ Давыдов Д. В. Воспоминания о Кульневеве... // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 143—144.
- ³⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1845. Т. 1. С. 12.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 84—85.
- ⁴² Мамышев В. Н. Указ. соч. С. 173.
- ⁴³ Деяния российских полководцев и генералов... С. 159.
- ⁴⁴ Русский биографический словарь. Т. 9. С. 548—549.
- ⁴⁵ Булгарин Ф. В. Переход русских через Кваркен в 1809 году // Булгарин Ф. В. Полное собрание сочинений. СПб., 1843. Т. 5. С. 50.
- ⁴⁶ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 242.
- ⁴⁷ Троицкий Н. А. Аракчеев // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 29.
- ⁴⁸ Русский биографический словарь. Т. 2. С. 265.
- ⁴⁹ Булгарин Ф. В. Переход русских через Кваркен... С. 53.
- ⁵⁰ Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники... С. 8.
- ⁵¹ Военная галерея 1812 года. СПб., 1912.
- ⁵² Пушкин А. С. Полтава // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 3. С. 205.
- ⁵³ Лермонтов М. Ю. Бородино // Собрание сочинений: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 71.
- ⁵⁴ Булгарин Ф. В. Воспоминания Фаддея Булгарина... С. 184—186.
- ⁵⁵ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 2. С. 241—242.
- ⁵⁶ Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений. Пг., 1915. Т. 2. С. 15.
- ⁵⁷ Там же. С. 37.

Глава пятая

«ВОЖДЬ ГОМЕРИЧЕСКИЙ, БАГРАТИОН ВЕЛИКИЙ!» 1809—1812

¹ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 230.

² Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. IV. С. 330.

³ Сборник биографий кавалергардов. С. 33.

- ⁴ *Давыдов В. Д.* Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт... С. 631.
- ⁵ *Михайловский-Данилевский А. И.* Турецкая война // *Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 129.
- ⁶ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. IV. С. 330.
- ⁷ Военная галерея 1812 года.
- ⁸ *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 77.
- ⁹ *Михайловский-Данилевский А. И.* Турецкая война // *Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 132.
- ¹⁰ *Дубровин Н. Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829). М., 2006. С. 21.
- ¹¹ История Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 310.
- ¹² Сборник биографий кавалергардов. Т. 2 (1762—1801 гг.). СПб., 1904. С. 460.
- ¹³ *Давыдов В. Д.* Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт... С. 632.
- ¹⁴ *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 85.
- ¹⁵ Там же. С. 86.
- ¹⁶ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 33.
- ¹⁷ *Пушкин А. С.* На А. А. Давыдову // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 205.
- ¹⁸ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 32.
- ¹⁹ *Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники... С. 8.
- ²⁰ *Петров М. М.* Рассказы служившего в I-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 159.
- ²¹ *Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники... С. 9.
- ²² *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 32.
- ²³ *Вяземский П. А.* Допотопная, или Допожарная Москва // *Вяземский П. А.* Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 229.
- ²⁴ *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 86.
- ²⁵ Денис Васильевич Давыдов (1784—1839)... С. 12.
- ²⁶ *Давыдов Д. В.* Моя песня // Сын Отечества. 1820. Ч. 65. № 44. С. 178—179.
- ²⁷ *Толстой Л. Н.* Война и мир // *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: В 12 т. М., 1987. Т. 4. С. 385.
- ²⁸ Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пг., 1917. С. 1.

Глава шестая

«Я НЕ ПОЭТ, Я — ПАРТИЗАН». 1812

¹ *Пушкин А. С.* Исторические статьи и материалы // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 245.

² *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 194.

³ *Давыдов Д. В.* Товарищу 1812 года, на пути в армию // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 110.

- ⁴ *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. С. 162—163.
- ⁵ Из рапорта шефа Ахтырского гусарского полка И. В. Васильчикова. В кн.: *Бегунова А. И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. С. 336.
- ⁶ Военный энциклопедический словарь. М., 2007.
- ⁷ *Потто В. А.* История 44-го драгунского Нижегородского ЕИВ государя наследника цесаревича полка. СПб., 1894. Т. 3. С. 21.
- ⁸ Военная галерея 1812 года.
- ⁹ *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов. СПб., 1832. Ч. 9. С. 351.
- ¹⁰ *Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники... СПб., 1845. Т. 1. С. 11, 13.
- ¹¹ Там же. С. 11.
- ¹² *П. Ч.* Покушение Наполеона на Индию 1812 года, или Разговор двух офицеров российского и французского на аванпостах армий, с замечаниями и некоторыми приказами, отданными в французской армии. СПб., 1813. С. 5—7.
- ¹³ *Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. СПб., 1850. Т. 5. С. 65.
- ¹⁴ *Левшин А.* Партизаны в Отечественную войну. М., 1912. С. 13.
- ¹⁵ *Голицын Н.* Первый партизан в Отечественную войну // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1847. Т. LXIV. № 253. С. 87—88.
- ¹⁶ Там же. С. 89.
- ¹⁷ Там же. С. 85.
- ¹⁸ *Давыдов Д.* Стихотворения. М., 1959. С. 6.
- ¹⁹ *Давыдов Д.* Стихотворения и статьи. М., 1942. С. 4.
- ²⁰ Там же. С. 4—5.
- ²¹ *Михневич Н. П.* Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах. СПб., 1888. С. 14.
- ²² *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 196.
- ²³ *Мамышев В. Н.* Указ. соч. С. 182—183.
- ²⁴ *Давыдов Д. В.* Встреча с великим Суворовым // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 51.
- ²⁵ *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 201—202.
- ²⁶ *Михневич Н. П.* Указ. соч. С. 4.
- ²⁷ *Гулевич С. А.* История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806—1906 гг. СПб., 1909. Т. 1. С. 255.
- ²⁸ *Дурова Н. А.* Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. М., 1988. С. 64.
- ²⁹ *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте... Ч. 7. С. 153—157.
- ³⁰ *Левшин А.* Указ. соч. С. 10.
- ³¹ *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 228.
- ³² *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 207—208.
- ³³ Русское слово. 1860. № 6. С. 79—80.
- ³⁴ Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской (1812—1818 гг.) // Вестник Европы. 1874. Август. С. 592.

- ³⁵ Русское слово. 1860. № 6. С. 80.
- ³⁶ *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 231.
- ³⁷ *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте... Ч. 9. С. 402.
- ³⁸ *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. С. 227.
- ³⁹ *Тарле Е. В.* Наполеон. М.; Л., 1940. С. 284.
- ⁴⁰ К чести России. Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 122.
- ⁴¹ *Тарле Е. В.* Наполеон. С. 278.
- ⁴² Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. Кн. 3. С. 379.
- ⁴³ *Михайловский-Данилевский А. И.* Отечественная война 1812 года. М., 2004. С. 157.
- ⁴⁴ *П. Ч.* Покушение Наполеона на Индию... С. 34.
- ⁴⁵ *Коленкур А.* Мемуары. М., 1943. С. 88.
- ⁴⁶ Там же. С. 126.
- ⁴⁷ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1911. Т. XVI. С. 84.
- ⁴⁸ *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте... Ч. 9. С. 441.
- ⁴⁹ *Радожницкий И. Т.* Походные записки артиллериста // Отечественные записки. 1824. № 51. С. 25.
- ⁵⁰ *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 208—209.
- ⁵¹ *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 217.
- ⁵² Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 34.
- ⁵³ *М. И. Кутузов.* Сборник документов. М., 1954. Т. IV. Ч. I. С. 257.
- ⁵⁴ Там же. С. 277.
- ⁵⁵ Там же. С. 419.
- ⁵⁶ *Богданович М. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 377—378.
- ⁵⁷ *Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. СПб., 1850. Т. 5. С. 64—65.
- ⁵⁸ *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте... Ч. 9. С. 447.
- ⁵⁹ *П. Ч.* Покушение Наполеона на Индию... С. 46.
- ⁶⁰ *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. Т. 2. С. 269.
- ⁶¹ *Бенкендорф А. Х.* Записки // *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1903. Вып. 2. С. 104.
- ⁶² *М. И. Кутузов.* Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 327.
- ⁶³ *Семевский М. И.* Партизан Сеславин // Отечественные записки. 1860. № 4. С. 35—36.
- ⁶⁴ *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 216.
- ⁶⁵ *Давыдов Д. В.* Встреча с фельдмаршалом графом Каменским (1806) // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 71.
- ⁶⁶ *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 214, 216.
- ⁶⁷ *Семевский М. И.* Партизан Сеславин. С. 39.
- ⁶⁸ *Стогов Э. И.* Записки // Русская старина. 1903. № 2. С. 273.
- ⁶⁹ *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 258.
- ⁷⁰ *Семевский М. И.* Партизан Сеславин. С. 35.
- ⁷¹ *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 258.

- ⁷² Литературная летопись // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Май. С. 3.
- ⁷³ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 35.
- ⁷⁴ Эйхенбаум Б. М. Предисловие // Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 43.
- ⁷⁵ Бенкендорф А. Х. Записки... С. 109—112.
- ⁷⁶ Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте... Ч. 9. С. 451.
- ⁷⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 67.
- ⁷⁸ Марин С. Н., Милонов М. В. Стихотворения. С. 145—146.
- ⁷⁹ Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте... Ч. 9. С. 453—454.
- ⁸⁰ Там же. С. 6—7.
- ⁸¹ Левшин А. Указ. соч. С. 10.
- ⁸² Давыдов Д. В. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 312.
- ⁸³ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 34—35.
- ⁸⁴ Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 258.
- ⁸⁵ Бенкендорф А. Х. Записки... С. 114, 126—127.
- ⁸⁶ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 35.
- ⁸⁷ Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 301 — 302.
- ⁸⁸ Денис Васильевич Давыдов (1784—1839)... С. 15.
- ⁸⁹ Там же. С. 35.
- ⁹⁰ Русская старина. 1902. № 8. С. 366.
- ⁹¹ Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 308.
- ⁹² Там же. С. 272.

Глава седьмая

«ПОСЛЕДНИЙ НАЕЗД» 1813—1814

- ¹ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 332.
- ² Подмазо А. А. Большая Европейская война. Хроника событий. М., 2003. С. 77.
- ³ Там же. С. 84.
- ⁴ Там же. С. 87.
- ⁵ Там же. С. 88.
- ⁶ Русская старина. 1870. Т. II. С. 306—307.
- ⁷ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 35.
- ⁸ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 328.
- ⁹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. М., 1964. С. 4.
- ¹⁰ Там же. 84.
- ¹¹ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 332.
- ¹² Волконский С. Г. Записки. С. 239.
- ¹³ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 335—336.
- ¹⁴ Жерве В. В. Указ. соч. С. 81.

- ¹⁵ Волконский С. Г. Записки. С. 239—240.
- ¹⁶ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 340.
- ¹⁷ Там же. С. 341.
- ¹⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году... С. 112.
- ¹⁹ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 343.
- ²⁰ Давыдов Д. В. Переписка с Вальтер-Скоттом // Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. СПб., 1893. Т. III. С. 99—100.
- ²¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году... С. 116.
- ²² Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 340.
- ²³ Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. С. 21.
- ²⁴ Русский биографический словарь. Т. 1. С. 248.
- ²⁵ Там же. С. 259.
- ²⁶ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 350—351.
- ²⁷ Мамышев В. Н. Указ. соч. С. 337.
- ²⁸ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 352.
- ²⁹ Жерве В. В. Указ. соч. С. 87.
- ³⁰ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 352.
- ³¹ Марин С. Н., Милонов М. В. Стихотворения. С. 106.
- ³² Мамышев В. Н. Указ. соч. С. 338—339.
- ³³ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 270.
- ³⁴ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 2. С. 286.
- ³⁵ Давыдов Д. В. Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 352.
- ³⁶ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 272.
- ³⁷ Мамышев В. Н. Указ. соч. С. 341.
- ³⁸ Жерве В. В. Указ. соч. С. 88.
- ³⁹ Мамышев В. Н. Указ. соч. С. 341.
- ⁴⁰ Там же. С. 416.
- ⁴¹ Из бумаг Д. В. Давыдова // Русский архив. Год четвертый. 1866. № 1—12. С. 904—905.
- ⁴² Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. 1814—1815. СПб., 2001. С. 31—32.
- ⁴³ Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I по достоверным источникам. СПб., 1865. Т. 1. С. 109—111.
- ⁴⁴ Полное собрание сочинений Александра Ивановича Михайловского-Данилевского. СПб., 1850. Т. 7. Описание похода во Францию. С. 43.
- ⁴⁵ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. V. С. 99.
- ⁴⁶ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 36.

Глава восьмая

«БЫЛА ПРЕКРАСНАЯ ПОРА...» 1814—1826

- ¹ Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1975. Т. 5. С. 60—61.
- ² Вяземский П. А. К партизану-поэту // Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 158.

- ³ *Жерве В. В.* Указ. соч. С. 90—91.
- ⁴ *Батюшков К. Н.* Нечто о поэте и поэзии. М., 1985. С. 290.
- ⁵ *Жерве В. В.* Указ. соч. С. 91.
- ⁶ Из бумаг Д. В. Давыдова // Русский архив. Год четвертый. 1866. № 1—12. С. 900.
- ⁷ *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 151.
- ⁸ Русский биографический словарь. Т. 8. С. 5.
- ⁹ *Глушковский А. П.* Воспоминания балетмейстера. Л.; М., 1940. С. 34.
- ¹⁰ Русский биографический словарь. Т. 5. С. 338.
- ¹¹ Денис Васильевич Давыдов (1784—1839)... С. 30.
- ¹² Из бумаг Д. В. Давыдова // Русский архив. Год четвертый. 1866. № 1—12. С. 896—897.
- ¹³ *Жерве В. В.* Указ. соч. С. 92.
- ¹⁴ *Давыдов Д. В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 230.
- ¹⁵ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 509.
- ¹⁶ Из бумаг Д. В. Давыдова // Русский архив. Год четвертый. 1866. № 1—12. С. 896.
- ¹⁷ Там же. С. 895.
- ¹⁸ *Жерве В. В.* Указ. соч. С. 93.
- ¹⁹ Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. С. 460.
- ²⁰ Там же. Т. 3. С. 35.
- ²¹ Из бумаг Д. В. Давыдова // Русский архив. Год четвертый. 1866. № 1—12. С. 898.
- ²² Военная галерея 1812 года.
- ²³ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 37.
- ²⁴ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003. Кн. II. С. 771.
- ²⁵ Там же. С. 819.
- ²⁶ «Арзамас». М., 1994. Кн. I. С. 266.
- ²⁷ *Жуковский В. А.* Баллады, поэмы и сказки. М., 1982. С. 61.
- ²⁸ *Жерве В. В.* Указ. соч. С. 99.
- ²⁹ Русское слово. 1860. № 6. С. 81.
- ³⁰ Там же. С. 82.
- ³¹ *Керсновский А. А.* Указ. соч. С. 150.
- ³² *Глинка Ф. Н.* Стихи о бывшем Семеновском полку // Поэты-декабристы. Стихотворения. М., 1949. С. 332.
- ³³ *Павлова Л. Я.* Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964. С. 20.
- ³⁴ *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 79.
- ³⁵ *Нечкина М. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 132—133.
- ³⁶ *Павлова Л. Я.* Указ. соч. С. 30.
- ³⁷ *Нечкина М. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 133.
- ³⁸ Там же. С. 134.
- ³⁹ Там же. С. 133.

Глава девятая

«ВОЗЬМИТЕ МЕЧ — Я НЕДОСТОИН БРАНИ!» 1817—1826

- ¹ Письма поэта-партизана... С. 7—8.
- ² Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 37.
- ³ *Давыдов Д. В.* Неверной // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 103.

- ⁴ Куличкин С. П. Первые из первых. Полководцы земли Русской. М., 2011. С. 378—379.
- ⁵ Жерве В. В. Указ. соч. С. 102.
- ⁶ Письма поэта-партизана... С. 10.
- ⁷ Русская старина. 1887. № 7. С. 228.
- ⁸ Сборник Императорского русского исторического общества. С. 372.
- ⁹ Там же. С. 383.
- ¹⁰ Там же. С. 387.
- ¹¹ Русская старина. 1872. Т. 6. № 11. С. 523.
- ¹² Давыдов Д. В. Сочинения Д. В. Давыдова. М., 1860. Ч. III. С. 174—175.
- ¹³ Письма поэта-партизана... С. 5.
- ¹⁴ Военная энциклопедия. М., 1911. Т. VI. С. 585.
- ¹⁵ Из бумаг Д. В. Давыдова // Русский архив. Год четвертый. 1866. № 1—12. С. 761—765.
- ¹⁶ Давыдов Д. В. Неверной... С. 105—106.
- ¹⁷ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Л., 1991. С. 161.
- ¹⁸ Денис Васильевич Давыдов (1784—1839)... С. 19.
- ¹⁹ Давыдов Д. В. Листок // Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 141.
- ²⁰ Лермонтов М. Ю. Листок // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. М., 1975. Т. 1. С. 121.
- ²¹ Письма поэта-партизана... С. 10.
- ²² Письма А. П. Ермолова к Д. В. Давыдову // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Октябрь—декабрь. С. 225.
- ²³ Русская старина. 1887. № 7. С. 231.
- ²⁴ Там же. С. 229.
- ²⁵ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 382.
- ²⁶ Юзефович М. В. Памяти Пушкина. М., 1880. С. 16.
- ²⁷ Давыдов В. Д. Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт... С. 628—629.
- ²⁸ Давыдов Д. В. Решительный вечер // Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 106.
- ²⁹ Русское слово. 1860. № 6. С. 83—84.
- ³⁰ Письма поэта-партизана... С. 13.
- ³¹ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа... С. 218.
- ³² Давыдов В. Д. Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт... С. 629.
- ³³ Письма А. П. Ермолова к Д. В. Давыдову... С. 228.
- ³⁴ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 37—38.
- ³⁵ Жерве В. В. Указ. соч. С. 104—105.
- ³⁶ Мамышев В. Н. Указ. соч. С. 354.
- ³⁷ Жерве В. В. Указ. соч. С. 107.
- ³⁸ Там же. С. 107—108.
- ³⁹ Давыдов В. Д. Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт... С. 628.
- ⁴⁰ Жерве В. В. Указ. соч. С. 107.
- ⁴¹ Русская старина. 1901. № 2. С. 308.
- ⁴² Записки А. И. Михайловского-Данилевского // Исторический вестник. 1892. Август. С. 300.
- ⁴³ Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 95.

- ⁴⁴ Русская старина. 1901. № 4. С. 76.
- ⁴⁵ *Вяземский П. А.* Фрагменты // Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 425—426.
- ⁴⁶ *Цявловский М. А.* Указ. соч. С. 257.
- ⁴⁷ Литературное наследство. М., 1935. Т. 19—21. С. 330.
- ⁴⁸ *Пушкин А. С.* Денису Давыдову // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 555.
- ⁴⁹ *Жерве В. В.* Указ. соч. С. 107.
- ⁵⁰ *Пушкин А. С.* Письма // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1977. Т. 9. С. 61.
- ⁵¹ *Жерве В. В.* Указ. соч. С. 213.
- ⁵² *Тарле Е. В.* Наполеон. С. 376.
- ⁵³ *Давыдов Д. В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 38—41.
- ⁵⁴ *Вяземский П. А.* Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона, Денисом Давыдовым // Московский телеграф. М., 1825. № 10. С. 250—252.
- ⁵⁵ *Пушкин А. С.* Недавно я в часы свободы // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 201.
- ⁵⁶ Взгляд на старую и новую словесность России // Полярная звезда. 1823. С. 27—28.
- ⁵⁷ *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 1. С. 182.
- ⁵⁸ Русский инвалид. 1823. № 7. 10 января. С. 28.
- ⁵⁹ *Мамышев В. Н.* Указ. соч. С. 344.
- ⁶⁰ *Жуковский В. А.* Д. В. Давыдову. При посылке издания «Для немногих» // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 157.
- ⁶¹ *Глинка Ф. Н.* Партизан Давыдов // России верные сыны... Т. 1. Л., 1988. С. 32.
- ⁶² *Баратынский Е. А.* Д. В. Давыдову // И славили Отчизну меч и словом. М., 1987. С. 134.
- ⁶³ *Нечаев С. Д.* К портрету Д. В. Давыдова // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 179.
- ⁶⁴ Застольная песнь // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 170.
- ⁶⁵ Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. СПб., 1893. С. 157.
- ⁶⁶ Русский биографический словарь. Т. 25. С. 103.
- ⁶⁷ Сборник Императорского русского исторического общества. С. 535.
- ⁶⁸ *Баратынский Е. А.* Полное собрание сочинений. Пг., 1915. Т. I. С. 261.
- ⁶⁹ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3 (1801—1826 гг.). СПб., 1906. С. 40.
- ⁷⁰ Русская старина. 1887. № 7. С. 228—229.
- ⁷¹ Восстание декабристов. Документы. Т. XIV. М., 1976. С. 190.
- ⁷² Русская старина. 1872. Т. 6. № 11. С. 636—637.
- ⁷³ *Давыдов Д. В.* Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 389.

¹ Орлов Вл. Жизнь и поэзия Дениса Давыдова // *Давыдов Д. В.* Сочинения. М., 1962. С. 12.

² Жерве В. В. Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности. 1784—1839. СПб., 1913. С. 114.

³ Записки покойного Дениса Васильевича Давыдова во время поездки его в 1826 году из Москвы в Тифлис // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений.* СПб., 1842. Т. XXXVII. № 146. С. 3 (Отдельный оттиск).

⁴ По материалам кн.: *Целорунго Д. Г.* Офицеры Русской армии — участники Бородинского сражения. М., 2002.

⁵ *Керсновский А. А.* История Русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 99.

⁶ Записки покойного Дениса Васильевича Давыдова во время поездки его в 1826 году из Москвы в Тифлис // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений.* СПб., 1842. Т. XXXVII. № 146. С. 5—6 (Отдельный оттиск).

⁷ *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 110.

⁸ *Потто В. А.* Кавказская война. Ставрополь, 1993. Т. 3. С. 168.

⁹ *Давыдов Д. В.* Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове // *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 378.

¹⁰ *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6. С. 654.

¹¹ Записки покойного Дениса Васильевича Давыдова во время поездки его в 1826 году из Москвы в Тифлис // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений.* СПб., 1842. Т. XXXVII. № 146. С. 11 (Отдельный оттиск).

¹² Шукинский сборник. М., 1910. Вып. 9. С. 325.

¹³ *Грибоедов А. С.* Письма // *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1988. С. 507.

¹⁴ *Грибоедов А. С.* Горе от ума // Сочинения. М., 1988. С. 61.

¹⁵ *Андреев В. А.* Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1. С. 15.

¹⁶ *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 3. С. 168.

¹⁷ *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 6. С. 686.

¹⁸ *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 99.

¹⁹ *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 3. С. 154.

²⁰ Письма Александра Александровича Бестужева // *Русский вестник.* 1861. Т. 32. С. 323.

²¹ *Мамышев В. Н.* Указ. соч. С. 373.

²² *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 3. С. 154—155.

²³ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 62.

²⁴ *Давыдов Д. В.* Сочинения Д. В. Давыдова. Ч. III. С. 105.

²⁵ *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 6. С. 687.

²⁶ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 41.

²⁷ Шукинский сборник. С. 326—327.

²⁸ *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 3. С. 155.

²⁹ *Давыдов Д. В.* Анекдоты о разных лицах... С. 378.

³⁰ *Давыдов Д. В.* Партизан (Отрывок) // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 113.

³¹ *Давыдов Д. В.* Полусолдат // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 114—115.

³² Там же. С. 116.

³³ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 41.

³⁴ *Давыдов Д. В.* Сочинения Д. В. Давыдова. Ч. III. С. 160—161.

³⁵ Из бумаг Д. В. Давыдова // Русский архив. Год четвертый. 1866. № 1—12. С. 906—907.

³⁶ *Мамышев В. Н.* Указ. соч. С. 380.

³⁷ *Давыдов Д. В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 249.

³⁸ *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 3. С. 169.

³⁹ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 41.

⁴⁰ Письма поэта-партизана... С. 19.

⁴¹ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 34.

⁴² *Давыдов Д. В.* Бородинское поле // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 118.

⁴³ Из бумаг Д. В. Давыдова // Русский архив. Год четвертый. 1866. № 1—12. С. 909—910.

⁴⁴ Письма поэта-партизана... С. 16—17.

⁴⁵ Там же. С. 18.

⁴⁶ *Мамышев В. Н.* Указ. соч. С. 382—383.

⁴⁷ *Давыдов Д. В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 78—79.

⁴⁸ *Мамышев В. Н.* Указ. соч. С. 384.

⁴⁹ Письма поэта-партизана... С. 20.

⁵⁰ Там же. С. 26.

⁵¹ *Давыдов Д. В.* Зайцевскому, поэту-моряку // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 117.

⁵² Там же. С. 118.

⁵³ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 41—42.

⁵⁴ Русская старина. СПб., 1896. Т. 86. С. 561.

⁵⁵ Записки Якова Ивановича де-Санглена. 1776—1831 гг. // Русская старина. СПб., 1883. № 3. С. 571—572.

⁵⁶ *Давыдов Д. В.* Река и зеркало // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 70.

⁵⁷ Письма поэта-партизана... С. 23.

⁵⁸ *Кюхельбекер В. К.* Памяти Якубовича // Поэты-декабристы. Стихотворения. Л., 1949. С. 191.

⁵⁹ Там же. С. 192.

Глава одиннадцатая

«ЭТО МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ». 1831

¹ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 34.

² *Пухов В. В.* Денис Давыдов. М., 1984.

³ Там же. С. 146. Цитата из воспоминаний Н. М. Языкова приводится по: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 г. Л., 1978. С. 176.

⁴ *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. Т. 3. С. 281.

⁵ *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 4. С. 95.

- ⁶ Давыдов Д. В. Некоторые черты... С. 357—358.
- ⁷ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 3. С. 281.
- ⁸ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 67.
- ⁹ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 228—229.
- ¹⁰ Там же. Т. II. С. 250—251.
- ¹¹ Русская старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 403.
- ¹² Воспоминания А. Л. Зеланда о Польском восстании и войне 1830—1831 гг. // Русская старина. 1892. № 10. Т. 76. С. 92.
- ¹³ Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 121.
- ¹⁴ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 282—283.
- ¹⁵ Жерве В. В. Указ. соч. С. 122.
- ¹⁶ Там же. С. 124.
- ¹⁷ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 290—291.
- ¹⁸ Давыдов Д. В. Челобитная // Давыдов Д. В. Сочинения. М., 1962. С. 156.
- ¹⁹ Воспоминания А. Л. Зеланда... С. 92—93.
- ²⁰ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 303—304.
- ²¹ Жерве В. В. Указ. соч. С. 124.
- ²² Смит Ф. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. СПб., 1863. Т. 2. С. 184.
- ²³ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 314.
- ²⁴ Смит Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 184—185.
- ²⁵ Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992. С. 158—159.
- ²⁶ Воспоминания А. Л. Зеланда... С. 93—94.
- ²⁷ Мамышев В. Н. Указ. соч. С. 400.
- ²⁸ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 73.
- ²⁹ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 3. С. 307.
- ³⁰ Генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1849. Т. LXXIX. № 315. С. 262—263.
- ³¹ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 179—180.
- ³² Воспоминания генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского. Рязань, 1898. С. 55.
- ³³ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 326.
- ³⁴ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 74.
- ³⁵ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 328.
- ³⁶ Жерве В. В. Указ. соч. С. 129.
- ³⁷ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 3. С. 311.
- ³⁸ Тургенев А. И. Политическая проза. М., 1989. С. 275—276.
- ³⁹ Там же. С. 224.
- ⁴⁰ Пушкин А. С. Клеветникам России // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 269.

- ¹ Письма поэта-партизана... С. 27.
- ² Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 43.
- ³ *Давыдов Д. В.* Некоторые черты... С. 408—409.
- ⁴ Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XVI. С. 357.
- ⁵ *Кюхельбекер В. К.* Участь русских поэтов. С. 190.
- ⁶ Денис Васильевич Давыдов. Последние годы жизни партизана и поэта // *Русская старина*. 1891. № 8. С. 372.
- ⁷ *Давыдов Д. В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 199.
- ⁸ Письма поэта-партизана... С. 31.
- ⁹ Там же. С. 33—34.
- ¹⁰ *Вяземский П. А.* Фрагменты. С. 413.
- ¹¹ *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 125—126.
- ¹² *Осипов А. А.* Указ. соч. С. 86.
- ¹³ Письма поэта-партизана... С. 24.
- ¹⁴ Там же. С. 30.
- ¹⁵ Там же. С. 34.
- ¹⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁷ Там же. С. 38.
- ¹⁸ Там же. С. 39.
- ¹⁹ *Осипов А. А.* Указ. соч. С. 87.
- ²⁰ Письма поэта-партизана... С. 42—43.
- ²¹ *Давыдов Д. В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 145—146.
- ²² Письма поэта-партизана... С. 42.
- ²³ *Давыдов Д. В.* Вальс // Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 124.
- ²⁴ *Давыдов Д. В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 189.
- ²⁵ Письма поэта-партизана... С. 43.
- ²⁶ *Эйхенбаум Б. М.* Предисловие // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 42.
- ²⁷ Письма поэта-партизана... С. 42.
- ²⁸ Современная библиография. Русская литература // *Московский телеграф*. М., 1832. № 13. С. 77.
- ²⁹ Северная пчела. СПб., 1833. № 1. С. 1—2.
- ³⁰ Русский биографический словарь. Т. 3. С. 476.
- ³¹ *Битов А. Г.* Предложение жить. 1836. М., 1999. С. 82.
- ³² Письма поэта-партизана... С. 36.
- ³³ *Белинский В. Г.* Литературные мечтания (Элегия в прозе) // *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. I. С. 98.
- ³⁴ *Вигель Ф. Ф.* Москва и Петербург (Письмо к приятелю в Симбирск) // *Русский архив*. СПб., 1893. № 8. С. 578.
- ³⁵ *Давыдов Д. В.* Современная песня // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 133—134.
- ³⁶ *Дельвиг А. И.* Мои воспоминания. М., 1912. С. 253.
- ³⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 71.

- ³⁸ *Давыдов Д. В.* Предисловие // *Давыдов Д. В.* Стихотворения. М., 1959. С. 45.
- ³⁹ *Жихарев М. И.* Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 107.
- ⁴⁰ *Давыдов Д. В.* Сочинения Д. В. Давыдова. 4-е изд., испр. и доп. по рукописям автора. С приложением чертежей. В 3 т. М., 1860. С. 8.
- ⁴¹ *Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 599.
- ⁴² *Вяземский П. А.* Фрагменты. С. 408—409.
- ⁴³ Собрание анекдотов из жизни русских замечательных людей. СПб., 1900. С. 164.
- ⁴⁴ *Языков Н. М.* Из послания Д. В. Давыдову // Три века русской поэзии. М., 1979. С. 170.
- ⁴⁵ *Давыдов Д. В.* Сочинения Д. В. Давыдова. Ч. III. С. 184.
- ⁴⁶ *Стогов Э. И.* Записки Э. И. Стогова // Русская старина. 1903. № 2. С. 273.
- ⁴⁷ *Давыдов Д. В.* Сочинения Д. В. Давыдова. Ч. III. С. 153—154.
- ⁴⁸ Там же. С. 144.
- ⁴⁹ *Пушкин А. С.* Д. В. Давыдову // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 378.
- ⁵⁰ Отечественные записки. 1840. Ноябрь. Т. 13. С. 5.
- ⁵¹ Письма поэта-партизана... С. 41.
- ⁵² *Кюхельбекер В. К.* Участь русских поэтов. С. 190.
- ⁵³ *Давыдов Д. В.* Сочинения Д. В. Давыдова. Ч. III. С. 226.
- ⁵⁴ Письма поэта-партизана... С. 50.
- ⁵⁵ Там же. С. 51.
- ⁵⁶ *Давыдов В. Д.* Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт... С. 638.
- ⁵⁷ Письма поэта-партизана... С. 52—53.
- ⁵⁸ *Пушкин А. С.* Медный всадник // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1975. Т. 3. С. 256.
- ⁵⁹ *Жерве В. В.* Указ. соч. С. 149—150.
- ⁶⁰ *Давыдов Д. В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 161—162.
- ⁶¹ Там же. С. 169.
- ⁶² *Давыдов Д. В.* Бородинское поле // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 118.
- ⁶³ *Мамышев В. Н.* Указ. соч. С. 412.
- ⁶⁴ Там же. С. 413.
- ⁶⁵ *Давыдов Д. В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 278.
- ⁶⁶ *Жерве В. В.* Указ. соч. С. 158—159.
- ⁶⁷ *Попов М. М.* Д. В. Давыдов и князь Багратион // Русская старина. 1895. № 4. С. 70.
- ⁶⁸ *Ростопчина Е. П.* Одним меньше // *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Л., 1959. С. 239.
- ⁶⁹ Литературная летопись. Библиотека для чтения. СПб., 1860. Май. С. 3—4.
- ⁷⁰ *Саянов В.* Денис Давыдов // *Давыдов Д. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 27.
- ⁷¹ Русское слово. 1860. № 6. С. 72.

⁷² Библиографический листок // Отечественные записки. 1860. Апрель. С. 105—106.

⁷³ *Давыдов Д. В.* Сочинения Давыдова (Дениса Васильевича)... С. 168.

⁷⁴ Русская старина. 1892. № 5. С. 233.

⁷⁵ Литературная летопись... С. 1—2.

⁷⁶ Там же. С. 7.

⁷⁷ *Давыдов Д. В.* Сочинения Давыдова (Дениса Васильевича)... С. 168.

⁷⁸ Литературная летопись... С. 8—10.

⁷⁹ *Толстой Л. Н.* Два гусара // *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: В 12 т. М., 1987. Т. 2. С. 123—124.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ДЕНИСА ДАВЫДОВА

- 1784, 16 июля — Денис Васильевич Давыдов родился в Москве в семье бригадира В. Д. Давыдова, командира Полтавского легкоконного полка.
- 1793, лето — встреча с А. В. Суворовым.
- 1799 — бригадир В. Д. Давыдов купил село Бородино.
- 1801, 28 сентября — Денис зачислен эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк.
- 1802, 9 сентября — произведен в корнеты.
- 1803, 2 ноября — произведен в поручики.
- 1804, 13 сентября — за сочинение «возмутительных стихов» Давыдов был исключен из гвардии и переведен ротмистром в Белорусский гусарский полк.
Осень — написано стихотворение «Бурцову. Призывание на пунш», ставшее первым из «гусарских стихов» Давыдова, сразу же его прославившее.
- 1806, 4 июля — возвращение в гвардию; переведен поручиком в лейб-гвардии Гусарский полк.
- 1807, 3 января — назначен адъютантом к генерал-лейтенанту князю Багратиону.
15 января — произведен в штабс-ротмистры.
24 января — боевое крещение в деле при Вольфсдорфе.
27 января — участие в сражении при Прейсиш-Эйлау.
Апрель — получил рескрипт о награждении орденом Святого Владимира 4-й степени.
24 мая — участие в сражении под Гутштадтом.
29 мая — участие в сражении под Гейльсбергом (награжден орденом Святой Анны 2-й степени).
2 июня — участие в сражении под Фридландом (награжден золотой саблей с надписью «За храбрость»).
- 1808, весна—лето — в ходе русско-шведской войны на территории Финляндии Давыдов командовал авангардом в отряде генерала Я. П. Кульнева; в это время на страницах «Вестника Европы» было впервые опубликовано его стихотворение — элегия «Договоры».
- 1809, 26 февраля — корпус князя Багратиона двинулся на остров Кумлинг, откуда начинался «Ледовый поход» или «Зимняя экспедиция» — переход через Ботнический залив, занятие Аландских островов и выход на шведский берег.
25 июля — князь Багратион с адъютантом Д. В. Давыдовым прибыл в Молдавскую армию; Давыдов участвовал «в боях при взятии Мачина и Гирсова; в сражении под Рассеватом; при обложении крепости Силистрия; в сражении под Татарицей».
- 1810, 4 февраля — князь Багратион оставил должность главнокомандующего Дунайской армией; Давыдов уезжает в отпуск, который проводит в Каменке.
4 марта — произведен в ротмистры гвардии; возвратившись к армии, поступает под командование генерала Я. П. Кульнева.
30 мая — участвует в бою при взятии Силистрии.
10—11 июня — участвует в бою под Шумлою (награжден алмазными знаками к ордену Святой Анны 2-й степени).

- 22 июля — участвует в неудачном приступе к Рушуку; после этого Давыдов вновь официально состоит при Багратионе, находившемся в отпуску.
- 1812, 16 марта — князь П. И. Багратион наименован главнокомандующим 2-й Западной армией.
- 17 апреля — Давыдов по собственной просьбе переведен в строй — подполковником в Ахтырский гусарский полк.
- Лето — участвует в арьергардных делах 2-й Западной армии — от местечка Мир (27—28 июля) до Шевардинского редута (24 августа).
- 22 августа — последняя встреча с Багратионом; Давыдов назначен командовать «летучим» кавалерийским отрядом, во главе которого 25 августа убыл в тыл неприятеля.
- 28 октября — отряд Давыдова, вместе с отрядами А. Н. Сеславина, В. В. Орлова-Денисова и А. С. Фигнера, взял в плен бригаду генерала Ожеро.
- 31 октября — за отличие произведен в полковники.
- 9 декабря — отряд Давыдова занимает город Гродно.
- 12 декабря — государь присылает Давыдову ордена Святого Владимира 3-й степени и Святого Георгия IV класса.
- 1813, 10 (22) марта — отряд Давыдова занимает предместье города Дрездена — Нейштадт.
- 13 (25) марта — Давыдов отрешен от отряда.
- Лето—осень — командовал отрядом в корпусе графа Милорадовича.
- 1814 — был в делах: 17 января — при Бриенне, 20 января — при Ла-Ротьере, 30 января — под Монмиралем, 31 января — под Шато-Тьерри, 11 февраля — под Мери, 23 февраля — под Краоном, 25 и 26 февраля — под Лаоном, 13 марта — под Фер-Шампенуазом.
- 20 января — произведен в чин генерал-майора.
- 23 мая — Давыдов получает шестимесячный отпуск и отправляется в Москву.
- Конец года — объявление о том, что чин генерал-майора присвоен ему по ошибке; Давыдов едет в полк, но вынужден остановиться в Варшаве.
- 1815 — начало работы над «Военными записками».
- 21 декабря — Давыдов вновь произведен в генерал-майоры с назначением состоять при начальнике 1-й драгунской дивизии.
- 1816 — заочно принят в литературное общество «Арзамас».
- 14 марта — назначен состоять при начальнике 2-й конно-егерской дивизии.
- 26 марта — избран действительным членом Общества любителей российской словесности.
- 22 мая — назначен состоять при начальнике 2-й гусарской дивизии.
- 7 ноября — назначен бригадным командиром 1-й бригады той же дивизии.
- 1818, 19 февраля — назначен начальником штаба 7-го пехотного корпуса.
- 1818, декабрь — 1819, январь — знакомство в Санкт-Петербурге с А. С. Пушкиным.
- 1819, 22 февраля — назначен начальником штаба 3-го пехотного корпуса.
- Апрель — женитьба на дочери генерал-майора Софье Николаевне

Чирковой; в семье Давыдовых было пятеро сыновей — Василий, Николай, Денис, Ахилл и Вадим и три дочери — Юлия, Екатерина и Софья.

1820, 17 марта — уволен в отпуск с назначением состоять по кавалерии.

1823, 14 ноября — уволен от службы по болезни, с мундиром.

1826, 23 марта — определен в службу с назначением состоять по кавалерии.

10 августа — назначен в Кавказский корпус «временным начальником войск на границе Эриванской».

12 августа — аудиенция у императора.

15 августа — отъезд на Кавказ.

21 сентября — «Миракское дело», разгром четырехтысячного отряда Гассан-хана при урочище Мирак.

25 ноября — уехал в Москву в шестинедельный отпуск, после которого находился в Тифлисе и Пятигорске.

1827, начало осени — возвращение в Москву.

1827—1830 — жизнь в Москве и в Симбирской губернии.

1831, 12 марта — прибыл в действующую армию. «В кампанию 1831 года с польскими мятежниками» взял приступом город Владимир-Волынский (6 апреля), преследовал корпус Хржановского до крепости Замостье (29 апреля), участвовал в сражении при селе Будзиско (7 июня), отбил нападение корпуса Ружицкого на предместное укрепление на Висле (28 августа).

Сентябрь — Давыдов возвратился в Россию.

1831—1839 — жизнь в Москве и Симбирской губернии, поездки в Петербург и другие города.

14 сентября — награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

6 октября — произведен в генерал-лейтенанты.

1832 — публикация первого сборника стихотворений.

21 мая — награжден орденом Святого Владимира 2-й степени.

1837 — Давыдов обратился к императору Николаю I с предложением о перезахоронении праха князя П. И. Багратиона.

1839, 22 апреля — Д. В. Давыдов скончался в селе Верхняя Маза Симбирской губернии. Похоронен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Сочинения и письма Д. В. Давыдова (по годам публикации)

Стихотворения. М., 1832.

Записки покойного Дениса Васильевича Давыдова во время поездки его в 1826 году из Москвы в Тифлис // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1842. Т. XXXVII. № 146.

Сочинения Д. В. Давыдова. Ч. I—III. М., 1860.

Письмо Д. В. Давыдова П. П. Коновницыну // Русская старина. 1870. Т. II.

Письмо Д. В. Давыдова П. Д. Киселеву // Русская старина. 1887. № 7.

Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. I—III. СПб., 1893.

Письма Д. В. Давыдова // Русская старина. СПб., 1896. Т. 86.

Письмо Д. В. Давыдова И. В. Васильчикову // Русская старина. 1902. № 8.

Письма Д. В. Давыдова // Шукинский сборник. М., 1910. Вып. 9.

Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пг., 1917.

Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к кн. П. А. Вяземскому // Старина и новизна. Пг., 1917. Кн. 22.

Полное собрание стихотворений. Л., 1933.

Военные записки. М., 1940.

Стихотворения и статьи. М., 1942.

Стихотворения. Л., 1959.

Стихотворения. Проза. М., 1987.

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. Ч. 1—3. СПб., 1840.

Из бумаг Д. В. Давыдова // Русский архив. 1866. № 1—12.

Мемуары

Бенкендорф А. Х. Записки // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1903. Вып. 2.

Булгарин Ф. В. Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Т. 1—6. СПб., 1846—1849.

Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991.

Воспоминания генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского. Рязань, 1898.

Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992.

Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. VIII.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. Л., 1930.

Дельвиг А. И. Мои воспоминания. М., 1912. Ч. 1.

Колленкур А. Мемуары. М., 1943.

Корф М. А. Записки. М., 2003.

Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. 1814—1815. СПб., 2001.

Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.

Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника

Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.

Переписка

Архив князя Воронцова. СПб., 1889. Кн. 35.

Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской // Вестник Европы. 1874. Т. 4—6; 1875. Т. 1—3.

Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829). М., 2006.

К чести России. Из частной переписки 1812 года. М., 1988.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1—4. СПб., 1899.

Письма А. П. Ермолова к Д. В. Давыдову // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Октябрь—декабрь.

Письма Александра Александровича Бестужева // Русский вестник. 1861. Т. 32.

Справочная литература

Военная галерея 1812 года. СПб., 1912.

Военная энциклопедия. Т. 1—18. СПб., 1911—1915.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 1—4. СПб., 1880—1882.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.

Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. II.

Подмазо А. А. Большая Европейская война. Хроника событий. М., 2003.

Русский биографический словарь. Т. 1—25. СПб. — Пг., 1896—1918.

Целоруно Д. Г. Офицеры Русской армии — участники Бородинского сражения. М., 2002.

Литература

Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии. М., 1985.

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977.

Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М.: Молодая гвардия, 2000 (Серия «Живая история: Повседневная жизнь человечества»).

Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I по достоверным источникам. СПб., 1865. Т. 1.

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1859.

Восстание декабристов. Документы. М., 1976. Т. XIV.

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839). Биографический очерк поэта-партизана, с приложением его стихотворений. М., 1901.

Денис Васильевич Давыдов. М., 1884.

Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией, в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. СПб., 1822. Ч. 4.

Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М., 1988.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6.

Жерве В. В. Поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности. 1874—1839. СПб., 1913.

Кавалергарды. М., 1997.

Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 1—4. М., 1992—1994.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. М., 1938. Т. 1—2.

Левшин А. Партизаны в Отечественную войну. М., 1912.

Литературное наследие декабристов. Л., 1975.

М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. IV. Ч. 1.

Мамышев В. Н. Генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов (Партизан). СПб., 1904.

Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. Т. 1—6. СПб., 1845—1849.

Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. М., 2004.

Михайловский-Данилевский А. И. Полное собрание сочинений. Т. 1—6. СПб., 1849—1850.

Михневич Н. П. Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах. СПб., 1888.

Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1.

Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1911. Т. XVI.

П. Ч. Покушение Наполеона на Индию 1812 года, или Разговор двух офицеров русского и французского на аванпостах армий, с замечаниями и некоторыми приказами, отданными в французской армии. СПб., 1813.

Панчулидзе С. А. История кавалергардов. СПб., 1903. Т. 3.

Партизаны 12-го года. Давыдов. Фигнер. Сеславин. 2-е изд. СПб., 1911.

Плетнев П. А. Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 1.

Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь, 1993. Т. 3.

Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. М., 1964.

Пухов В. В. Денис Давыдов. М., 1984.

Рожкова М. Денис Давыдов, партизан 1812 г. М., 1942.

С. Б. Торжество табаку. Физиология табаку, трубки, сигар, папирос, пахитос и табакерки. СПб., 1863.

Сборник биографий кавалергардов. Т. 2 (1762—1801 гг.). СПб., 1904.

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3 (1801—1826 гг.). СПб., 1906.

Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73.

Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов. Ч. 1—14. СПб., 1831—1832.

Смит Ф. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. СПб., 1863. Т. 2.

- Тарле Е. В.* Наполеон. М.; Л., 1940.
Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.
Тургенев А. И. Политическая проза. М., 1989.
Ульянинский Д., Шейман В. Бородинское Его Императорского Величества имение. М., 1914.
Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Л., 1991.
Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 4.
Юзефович М. В. Памяти Пушкина. М., 1880.

Поэзия и проза

- Боратынский Е. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1—2. Пг., 1915.
Грибоедов А. С. Горе от ума // *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1988.
Жуковский В. А. Баллады, поэмы и сказки. М., 1982.
«И славили Отчизну меч и слово». М., 1987.
Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. Т. 1—4. М., 1974—1976.
Марин С. Н., Милонов М. В. Стихотворения. Воронеж, 1983.
Поэты-декабристы. Стихотворения. М., 1949.
Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974—1978.
«России верные сыны»... Т. 1—2. Л., 1988.
Три века русской поэзии. М., 1979.

Публикации в периодических изданиях

- Андреев В. А.* Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1.
Библиографический листок // Отечественные записки. 1860.
Взгляд на старую и новую словесность России // Полярная звезда. 1823.
Вигель Ф. Ф. Москва и Петербург (Письмо к приятелю в Симбирск) // Русский архив. СПб., 1893. № 8.
Воспоминания А. Л. Зеланда о Польском восстании и войне 1830—1831 гг. // Русская старина. 1892. № 10. Т. 76.
Вяземский П. А. Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона, Денисом Давыдовым // Московский телеграф. 1825. № 10.
Генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1849. Т. LXXIX. № 315.
Голицын Н. Первый партизан в Отечественную войну // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1847. Т. LXIV. № 253.
Давыдов В. Д. Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт // Русская старина. СПб., 1872. Т. V. № 4.
Давыдов Д. В. Сочинения Давыдова (Дениса Васильевича) // Литературная газета. 1848. № 11. 18 марта.
Давыдов Д. В. Стихотворения Дениса Давыдова // Московский телеграф. М., 1832. № 13.

Литературная летопись // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Май.

Лохвицкий А. В. // Русское слово. 1860. № 6.

Михайловский-Данилевский А. И. Записки А. И. Михайловского-Данилевского // Исторический вестник. 1892. Август.

Муравьев Н. Н. Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. Кн. 3.

Осипов А. А. Денис Васильевич Давыдов. 1784—1839. (Опыт литературной характеристики) // Исторический вестник. 1890. № 7.

Попов М. М. Д. В. Давыдов и князь Багратион // Русская старина. 1895. № 4.

Раджицкий И. Т. Походные записки артиллериста // Отечественные записки. 1824. № 51.

Санглен Я. И. де. Записки Якова Ивановича де-Санглена. 1776—1831 гг. // Русская старина. СПб., 1883. № 3.

Семевский М. И. Партизан Сеславин // Отечественные записки. 1860. № 4.

Стогов Э. И. Записки Э. И. Стогова // Русская старина. 1903. № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов от автора книги	5
<i>Глава первая.</i> «Крестом Суворовския длани...» 1784—1801	10
<i>Глава вторая.</i> «Фаланга высшего общества». 1801—1804.	30
<i>Глава третья.</i> «Докажи, что ты гусар». 1804—1807	52
<i>Глава четвертая.</i> «Саблю вон — и в сечу!» 1807—1809	74
<i>Глава пятая.</i> «Вождь гомерический, Багратион великий!» 1809—1812	107
<i>Глава шестая.</i> «Я не поэт, я — партизан». 1812	126
<i>Глава седьмая.</i> «Последний наезд». 1813—1814	173
<i>Глава восьмая.</i> «Была прекрасная пора...» 1814—1816	198
<i>Глава девятая.</i> «Возьмите меч — я недостоин брани!» 1817—1826	219
<i>Глава десятая.</i> «От крова мирного — в шалаш...» 1826—1830	252
<i>Глава одиннадцатая.</i> «Это моя последняя кампания». 1831	281
<i>Глава двенадцатая.</i> «Напишите мою некрологию...» 1831—1839 ..	302
Примечания.	337
Хронология жизни Дениса Давыдова	356
Краткая библиография	359

Бондаренко А. Ю.
Б 81 Денис Давыдов / Александр Бондаренко. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 364[4] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1389).

ISBN 978-5-235-03539-3

Эта книга не является ни очередным пересказом биографии Дениса Давыдова, ни какой-то «новой версией» его судьбы. Автор оценивает, а порой и переосмысливает известные факты, уточняет правдивость бытующих легенд о поэте-партизани и размышляет по поводу объективности взглядов историков и литературоведов различных времен. Написанная легко и интересно, основанная на документах, письмах и мемуарных источниках книга вводит читателя в неповторимую атмосферу эпохи правления Александра I и начала царствования Николая I.

УДК (47)“1812”
ББК 63.3(2)521.1-686

Бондаренко Александр Юльевич
ДЕНИС ДАВЫДОВ

Редактор **И. В. Черников**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **М. П. Качуркина**
Корректоры **Т. И. Малюренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 05.04.2012. Подписано в печать 27.06.2012. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newtop». Усл. печ. л.
19,32+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1208710.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03539-3

ВРЕМЯ. ВСЕ О ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Время — уникальный историко-биографический канал о жизни замечательных людей — великих современников и легендарных личностей прошлого — актеров, спортсменов, музыкантов, политиков, ученых.

Каждый день в эфире канала **Время** — авторские и биографические программы, передачи о легендарных людях и эпохальных событиях, российские и зарубежные документальные циклы, материалы из бесценных архивов Гостелерадиофонда и Первого канала.

ВРЕМЯ — круглосуточный канал, вещающий по всему миру. Входит в состав Цифрового Телесемейства Первого канала. Доступен в сетях операторов цифрового, кабельного и спутникового телевидения.

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

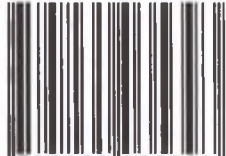
8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03539-3

9 785235 035393 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я